

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

ВЫПУСК 19

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Под общей редакцией
кандидата экономических наук С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК
2011

УДК 001(06)

ББК 72я46

А 43

Рецензенты:

Проф. кафедры «Государственное управление и финансы» Орловского государственного технического университета, докт. экон. наук, проф. *Г.М. Самостроевко*

Начальник отдела развития образования, проф. кафедры Дошкольной педагогики Педагогического института Южного федерального университета, докт. пед. наук, доц. *И.Э. Куликовская*

Доц. кафедры Уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. *А.А. Рожнов*

А 43 Актуальные вопросы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск 19 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. – 393 с.

ISBN 978-5-7782-1714-0

В сборнике «Актуальные вопросы современной науки» публикуются результаты исследований магистрантов, аспирантов, молодых и уже состоявшихся ученых по широкому спектру научных направлений. В представленный сборник включены материалы по, истории и политологии, культурологии, менеджменту и маркетингу, психологии и педагогике, техническим наукам, филологии и лингвистике, философии, экономике, юриспруденции.

Все материалы изложены в авторской редакции.

УДК 001(06)

ББК 72я46

ISBN 978-5-7782-1714-0

© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ	6
<i>Карамова О.В., Семенкова Т.Г.</i> Институциональные и экономические факторы укрепления государственности России на протяжении двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг.	7
<i>Касумов Х.А.</i> Взятие Анапы: Черкесия в русско-турецкой войне 1828-1829 гг.	29
<i>Семенкова Т.Г.</i> Экономические, военные и гендерные факторы укрепления государственности России на поздней стадии двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг. От сыновей Ивана Калиты до сына Дмитрия Донского (период с 1341 по 1412 гг.)	34
<i>Темирбулатов А.М.</i> Геополитические аспекты и направления институционализации систем глобальной безопасности.....	57
<i>Темирбулатов А.М.</i> О геополитической проблеме формирования пространства безопасности: концептуальные аспекты	65
РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ	73
<i>Гун Г.Е.</i> Художественная культура: опыт региональных исследований....	74
РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА	81
<i>Докукина А.А.</i> Возможности и актуальность применения сбалансированной системы показателей в стратегическом управлении предприятием	82
<i>Завьялова Н.Б.</i> Методы и инструменты в решении задач стратегического менеджмента	88
<i>Мельников М.С.</i> Ключевые элементы стратегии управления местным развитием.....	97
<i>Петрова Е.М.</i> Стратегический маркетинг и человеческая субъективность	104
<i>Сагинов Ю.Л., Краснов А.Е., Кузнецова Ю.Г.</i> Бенчмаркинг на основе агрегирования ключевых показателей эффективности деятельности	112

<i>Штычно Д.А.</i> К вопросу об исследовании проблем управления социально-культурным разнообразием в менеджменте.....	121
РАЗДЕЛ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	126
<i>Мартынова О.В.</i> Методы оптимизации урока фортепианного ансамбля	127
<i>Мельник А.А.</i> Некоторые методические приёмы при изучении элективных курсов по основам химического анализа	143
<i>Ожегова Е.В., Осколкова В.Р.</i> Структура лингвоинформационной самостоятельности будущего переводчика в логике синергетического и компетентностного подходов	152
<i>Степанов В.В.</i> Психологическое сопровождение педагогов к инновационной деятельности: сущность, понятие и структура	164
<i>Шабля И.Н.</i> Освещение проблемы внедрения результатов педагогической науки в практику в исследованиях отечественной педагогики (70-80-е гг. XX в.).....	178
<i>Яковлев И.В., Качурина Т.В.</i> Обучение решению олимпиадных задач в педагогическом ВУЗе	189
РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК ...	194
<i>Балашов А.А., Цуканова А.П.</i> Математическое обеспечение метода неразрушающего контроля теплофизических свойств теплоизоляционных материалов	195
<i>Балашов А.А.</i> Современные методы борьбы с гидравлическим ударом в тепловых сетях	206
<i>Чепкунова Е.Г.</i> Визуализация задач курса «Компьютерное моделирование» средствами пакета символьной математики Maple	215
РАЗДЕЛ 6. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ	223
<i>Тагиева Э.С.</i> Картина мира и этнолингвистическое исследование концепта «спорт»	224
<i>Шигуров В.В.</i> Об индексации как методе исследования фактов переходности и синкретизма в системе частей речи	231
РАЗДЕЛ 7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	258
<i>Матвеева А.И.</i> Правовые аспекты духовной социализации личности... ..	259

РАЗДЕЛ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	279
<i>Бирюков В.В.</i> Современная модель человека и трансформация значения «человеческий капитал»	280
<i>Завьялов Д.В.</i> Предпринимательство в странах с переходной экономикой	289
<i>Склярова М.Е.</i> Функции фирмы по спецификации прав собственности на микроуровне	294
<i>Строганов И.А.</i> Сравнительный анализ экономических систем Европы начала XX века	314
<i>Третьякова В.Д.</i> Взаимодействие философского и экономического оснований моделей экономического роста	325
<i>Третьякова В.Д.</i> Программно-целевой метод в формировании региональной государственной политики России	342
<i>Фишук И.Н.</i> Типы украинских компаний, которые осуществляют IPO на международных фондовых рынках	351
РАЗДЕЛ 9. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	356
<i>Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д.</i> Добровольная сертификация как инструмент ограничения экономических интересов хозяйствующих субъектов	357
<i>Ругина О.А.</i> Конституционный Суд РФ и значение его решений в применении уголовного закона	373
<i>Циций-Букланова А.А.</i> К вопросу о принципах налогового контроля	381

A decorative border resembling a scroll, with a horizontal bar at the top and a vertical bar on the left. The top-left corner features a scroll-like fold, and the bottom-left corner has a small circular element.

Раздел первый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ДВУХСОТЛЕТНЕГО ЦИКЛА 1212-1412 ГГ.

© Карамова О.В.^{*}, Семенкова Т.Г.[♦]

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

«История Киевской Руси, – это не история Украины,
Белоруссии и России, а период их общей истории»

Б.Д. Греков

Укрепление государственности России на протяжении двухсот летнего цикла 1212-1412 гг. во многом определялось институциональными, экономическими, военными, а также гендерными факторами. Однако важнейшие события этого периода свидетельствуют о различном влиянии централизации государственного присутствия в таких направлениях, как развитие экономики и укрепление обороноспособности страны. Если развитию экономики и расширению торговли благоприятствовала сильная власть на местах, в уделах, то укрепление обороноспособности и управление военными силами не могло быть успешным без централизованной государственной власти.

Установлению династии Рюриковичей предшествовала многовековая история славян как особого народа. Ещё до нашей эры началось формирование праславянских племен. На рубеже **III-II тыс. до н.э.** начался процесс самобытного развития славян. Археологические раскопки помогают нам понять занятия населения. Возделывались зерно, просо, рожь, пшеница, ячмень, выращивали лён. Разводили домашних животных: лошадей, коров, свиней, коз, собак. Было много изделий из металла. Занимались также охотой и рыболовством.

В I тыс. до н.э. славяне вели оживленную торговлю. Их торгово-обменные контакты были внутренними и внешними. **Внутренние** контакты развивали скотоводческо-земледельческие племена. **Внешние** контакты возникли, как в результате столкновений с кочевниками, так и в ходе развития торгово-культурных связей с народами Средиземноморья, особенно с с Древней Грецией. **Торговыми путями** между Европой, Югом и Востоком, служили речные системы.

Римские историки (*Плиний Старший, Тацит, Антон Птолемей*) писали, что **в I-II веках** нашей эры славяне заселяли огромные пространства от

^{*} Доцент кафедры Микроэкономики, кандидат экономических наук, докторант.

[♦] Профессор-консультант, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ, академик, действительный член Международной АН Евразия, лауреат Международного фонда им. Кондратьева.

Дуная до далёкого Севера. В **VI веке н.э.**, как писал византийский историк Прокопий (умер в 562 г н.э.), великий народ венедов (другие названия – анты, Славины, славяне) говорили на одном языке и занимали пространство от Понта Евксинского (Чёрное море) далеко на север. О восточных славянах (антах), как **великом** народе, писали все византийские историки (Маврикий Стратег, Феофилакт, Агафий, Иоанн Эфесский).

Институциональная особенность славян состояла в том, что с давних времён жили в демократии и не имели общей власти. Они не управлялись одним Владыкой, но в каждом племени били свои вожди, князья. Во II-IV веках н.э. начался процесс перехода славян **от родовой общины к территориальной**. Испокон веков восточные славяне имели свою экономическую организацию. На севере вокруг озера Ильмень, и на юге в районе Киева складывались центры, к которым тяготели торговые и культурные связи.

Для экономического развития славянских народов с IX века, большое значение имел «путь из варяг в греки». Из Балтийского моря в Неву, из Невы в Ладожское озеро. Далее в озеро Ильмень, и волоком в верховье Западной Двины. А потом, по Днепру в Чёрное море. Важнейшими городами на этом пути были Новгород и Киев – два центра экономического и культурного развития всех славянских народов.

В династии Рюриковичей, гендерный фактор приобрёл большое значение уже в первом столетии их княжения. Четвертым правителем (после великих князей Рюрика, Олега и Игоря), была первая женщина правительница, Великая княгиня Ольга. Ещё при жизни своего мужа Вел. князя Игоря, Ольга принимала участие в управлении государством. При ней был изменён порядок взимания и исчисления дани. Впервые на Руси был установлен фиксированный размер налогов – первый налоговый кодекс.

Во втором тысячелетии нашей эры история России разделена на пять двухсотлетних циклов, характеризующихся институциональными и экономическими событиями общегосударственной важности. Символическим является хронологическое деление на циклы – 1012, 1212, 1412, 1612, 1812 и 2012 годы. Начало каждого из двухсотлетних циклов знаменовалось институциональными и военными факторами, определявшими инновационные изменения в государственном устройстве страны.

В период, предшествовавший началу двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг., которому посвящена данная статья, **инновации удельных князей, а также их соревновательная борьба за власть, способствовали** становлению и развитию экономики в Российском государстве. Цикл 1012-1212 гг. завершился княжением сына Юрия Долгорукого – Всеволода III Юрьевича Большое гнездо (годы жизни 1154-1212). У него было двенадцать детей, из которых четыре сына – Константин, Юрий (Георгий), Ярослав и Святослав – Всеволодовичи – стали великими князьями. По завещанию и мудрому решению Всеволода III, наследником вел. престола был назначен энергич-

ный Юрий. Но старший сын, Константин Всеволодович, оспорил это решение, и силой взшел на престол, но удержался на нём только два года. Затем вернулся Юрий и княжил 20 лет.

Во время княжения Юрия Всеволодовича, волна движения Чингисхана докатилась до южных районов России. Отсутствие единой государственной власти, несогласованность действий удельных князей способствовало быстрому продвижению татаро-монгольского войска (под началом хана Батия) с юго-востока на северо-запад страны. Татаро-монгольское иго, из-за отсутствия единого государственного руководства, объединяющего и направляющего силы великого русского народа, установилось на 240 лет, до сороковых годов 17 века, до смены династии Рюриковичей и начала династии Романовых.

Начальный период цикла завершился в 1263 г. княжением светлого великого князя Александра Невского. Борьба за великий престол между его братьями и сыновьями, соперничество между Тверским и Московским княжествами мешали использованию в полной мере институциональных и экономических факторов для укрепления государственности России. Поворот к улучшению экономики и усилению центральной власти начался благодаря экономическим инновациям сына Александра Невского Даниила Александровича, который великим князем НЕ был. Его сыновья Юрий и Иван I Даниловичи, используя экономические и духовные силы, роль церкви способствовали возвышению Московского княжества без каких-либо военных действий. При них Москва стала столицей государства Российского.

1. Укрепление государственности в России XIII века. Традиции и инновации восхождения на престол великого княжения в период с 1212 по 1262 год.

В начале двухсотлетнего цикла 1212-1412, укрепление государственности на Руси во многом зависело от традиций и порядка восхождения на престол великого и удельного княжения сыновей и внуков Великого князя Всеволода Большое гнездо. В XIII и XIV вв., устанавливался новый порядок наследования. В новой исторической обстановке, утрачивал силу прежний очередной порядок. Нарушение старого порядка наследования по старшинству сопровождалось сведением фамильных счётов и спорами об очередности княжения. К руководству новым русским обществом пришли младшие потомки русского княжеского рода, утратившие беспрекословное уважение к преданиям и родовым традициям. Это были Ярославичи рязанские, Всеволодовичи ростово-суздальские и удельные князья ярославские и тверские.

У прежнего порядка не было почвы ни генеалогической, ни географической. Политические последствия, вышедшие из старых русских традиций, постепенно утрачивали своё значение, после смерти Всеволода Большое гнездо. Появились новые факты, может быть, более важные, чем все предыдущие, которые явились результатом совокупного действия изменив-

шихся политических условий. При новом порядке наследования уделов, носителем власти становится лицо, а не княжеский род. Княжеское владение становится раздельным, хотя и не теряет верховных прав рода. Но на первый план выходят с права частной, личной собственности. Приобретает силу новый взгляд на удел, как на личную собственность удельного князя.

Основным событием в начале цикла явилось назначение Всеволодом Большое Гнездо на Великое Княжение энергичного и талантливого 24-х летнего Юрия II Всеволодовича (год рождения 1188), а не старшего 27 летнего сына Константина (год рождения 1185). Это нарушение традиции было предопределено тем, что Константин, от рождения, был слабый здоровьем и кроткий по натуре. Отцовское сердце и государственная мудрость Всеволода Большое гнездо подсказали ему, кто из сыновей более годится в правители, и он не ошибся: хотя первое княжения Юрия было коротким, только 2 года, зато повторное, второе княжение Юрия II продолжалось 20 лет – с 1218 по 1238 год.

Князь Константин Всеволодович не согласился с волей отца, и, пользуясь правом старшинства, начал борьбу за власть и сохранение традиций восхождения на великий престол. Константин сверг младшего брата Юрия, но великим князем оставался не долго. Конец двухлетнего княжения и жизни Константина наступил 2 февраля 1218 года. Возможно его завещание, а также забота о церквях и духовенстве, послужили к тому, что в летописи его называли то Добрым, то Мудрым. Летописцев, сторонников сохранения традиций, не смутил тот факт, что Константин военной силой сверг брата.

С давних времен великие князья восходили на престол по старшинству. Власть переходила к старшему в роду, т.е. – от старшего сына к младшему, от младшего брата к старшему племяннику, а к сыну, только в том случае, если он был старшим среди всех своих родных и двоюродных братьев. Остальные князья, участники этой собирательной власти, имели малые вотчины, и являлись временными владетелями своих удельных княжеств. Эта традиция сохраняла силу родового предания в начале двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг. при князьях – Всеволодовичах и их внуках – Ярославовичах.

Победа Константина не принесла пользы ни стране, ни ему. Здоровье его резко ухудшилось, и сил хватило лишь на молитвы и составление завещания детям, в котором он учил их быть «в любви между собою», слушать старших.

К власти **вернулся Юрий Всеволодович** на долгое 20-ти летнее княжение (1218-1238). Инновации Юрия II Всеволодовича, его большие дела по укреплению экономики и границ страны, в конечном счёте не привели к объединению разрозненных земель. При вел. Князе Юрии началось наступление монголо-татар на Русь, которое показало, что смелость, патриотизм и героизм удельных князей и всего русского народа, без государственной сильной власти, не могло спасти Россию от внешнего врага. Сам князь погиб в битве, которая произошла в марте 1238 г.

Традиции восхождения на великий престол по старшинству, стали нарушаться еще в начале периода княжения Всеволодовичей. После Константина, восстановившего этот порядок, они стали нарушаться все чаще. Это было предопределено, как усилением экономических факторов, по сравнению с институциональными (традициями старины), но особенно, нашествием в 1237-1240 годах, Орды и установлением ею своих бюрократических порядков.

В начале XIII века монгольские племена возглавлял Темучин, которого в 1206 году на все монгольском съезде (курултай), провозгласили императором под именем Чингисхан. Все земли империи Чингисхана были разделены на тумены (10 тыс.), тысячи и сотни, начальникам и которых были, соответственно, сотники, тысячники и темники (тумены). Все они считались царевичами Чингисхана, которыми он управлял единолично. Но иногда собирал всех на курултай. В период похода Батия на Русь, значительные инновационные изменения претерпел порядок *удельного* княжения.

Главные признаки удельного порядка, а также особенности его происхождения, стали предметом пристального изучения российскими учеными XIX века. Было установлено, что до XII века земля Русская была общей отчиной собственностью княжеского рода. Но по мере воссоединения русских земель, в малых вотчинах стало формироваться раздельное наследственное владение. В XIII веке традиции и основные черты удельного порядка, претерпели значительные изменения. В борьбе с татарами погибли молодые князья – сыновья Константина и Юрия, поэтому далее княжили Ярославичи, внуки Всеволода.

После второго княжения Юрия, великий владимирский престол с 1238 года занимали, младшие Всеволодовичи – Ярослав (8 лет), потом Святослав (2 года).

Ярослав II Всеволодович (годы жизни 1191-1246) был Вел. Князем Владимирским с 1238 по 1246 год, а до этого княжил в различных городах и уделах: в Переяславле Русском, Рязани, Новгороде, Торжке. Когда Ярославу было 24 года, он был изгнан из Новгорода. Тогда, в 1215 г. Ярослав сел княжить в Торжке, и стал препятствовать подвозу хлеба в пострадавшую от неурожая Новгородскую землю.

Возвращаясь к проблеме борьбы за власть старших братьев Юрия и Константина, надо отметить, что Ярослав был на стороне Юрия. Новгородцы (в отместку Ярославу), во главе со своим новым князем – Мстиславом Удалым – вмешались в распрю Всеволодовичей и, стали на сторону Константина. В 1216 г. Ярослав и Юрий в битве на Липице потерпели поражение. Но спустя годы, судьба всё расставила по своим местам: наступил нужный час, и Юрий, и Ярослав стали Великими князьями

До того, как стать Вел. Князем, Ярослав вновь княжил в Новгороде, возглавлял походы новгородцев на чужь, на Литву, на южные районы Фин-

ляндии. В 1236 г. Ярослав оказался киевским князем. Но после, Ярослав вернулся в Залескую землю и в 1238 г., после гибели Вел. Князя Юрия, стал великим князем Владимирским.

Ярослав был женат на внучке половецкого хана Кончака, а вторично на дочери Мстислава Мстиславовича Удалого – Феодосье. Вел князь Ярослав II, как и его отец, имел много детей, из которых *пять сыновей* – Михаил, Андрей, Александр Невский, Ярослав III и Василий – станут Великими Князьями Владимирскими. В 1246 г. Ярослав Всеволодович побывал в столице монгольских ханов – возможно его там отравили. Он умер по пути домой на седьмой день после отъезда, при этом тело его посинело. Похоронен Ярослав был во Владимире.

После Ярослава, по порядку старшинства, на Вел. княжеский престол взойшёл **Станислав Всеволодович**, младший из сыновей Всеволода Большое Гнездо. Его двухлетнее княжение с 1246 по 1248 год, было грубо нарушено его племянником Михаилом, который вскочил на великокняжеский престол в обход своих старших братьев. Таким образом, в начале княжения молодого поколения Ярославовичей, традиции восхождения на престол великого и удельного княжения по старшинству, при свержении Святослава, были еще раз подвергнуты не уважению. На том и завершился период княжения Всеволодовичей, и начался период Ярославовичей, период с 1238 до 1263 года. Внуки, как и сыновья, Всеволода Большое Гнездо, до того как стать великими князьями, были удельными и княжили в различных городах: в Суздале, Переяславле Русском, Костроме, Рязани, Москве, Новгороде и Киеве. Вступление на Великое княжение Ярославовичей по старшинству было изначально нарушено. Ещё при жизни, их отец Ярослав назначил на Великий Владимирский престол, не старшего сына **Александра**, а младшего по возрасту **Андрея Ярославовича**. В этом был глубокий государственный расчет. Александру, который был более решительный и опытный, чем Андрей, он завещал Киев и Новгород. Только сильной властью в этих княжествах, можно оградить Русь от внешних врагов.

Александр и Андрей Ярославовичи, что бы решить спор, кому первым стать великим князем, отправились в Орду, за получением ярлыка на княжение. А тем временем их младший брат Михаил, по-своему, решил в 1228 г. эту проблему: напал и насильно сверг с престола своего дядю князя Святослава Всеволодовича. Однако в том же году Михаил Хоробрит погиб в сражении с литовцами, на подступах к Москве у реки Протва.

Ордынский хан подтвердил завещание Ярослава, и отдал Владимирский Вел. Княжеский престол Андрею, а Киев и Новгород Александру. Но дело было не в завещании, а в выгоде для Орды. На русские земли всегда хотели распространить своё влияние римская католическая церковь, Немецкий орден и Швеция, что было не желательно для Орды. Отразить возможные наступления с Запада, мог только опытный князь Александр. С другой сторо-

ны, авторитет и влияние Александра, если он станет Великим князем, тоже было опасно для ордынских ханов.

Великого княжения **Александр Невский** всё же добился умным расчётом (Вел. князь 1252-1263). Он вступил в переговоры с **сыном** хана Батыя, пожаловался на младшего брата и получил от татар помощь. В суздальские земли ордынское войско вошло под водительством Александра Невского.

Когда Андрей узнал о вступлении ордынцев, под началом Александра в Суздальские земли, он сошёл добровольно с Великого престола. Потом Александр отдал ему Суздаль, где Андрей (годы жизни 1212-1264) спокойно жил лет до конца своей жизни. Хотя в некоторых исторических источниках сказано, что после Александра Невского, Андрей вновь пытался стать Великим князем, но этого не случилось.

После Александра, ярлык на великое княжение, получил в 1263 г. его брат Ярослав III Ярославович, при котором двухсотлетний цикл 1212-1412 гг., из начального периода вступил в середину цикла – в период с 1263 по 1362 год, длившийся 99 лет. На раннем этапе двухсотлетнего цикла 1212 – 1412 было 7 князей и 8 княжений (Юрий княжил дважды).

Таблица 1

Хронологическая таблица Вел. Княжений в начале двухсотлетнего цикла 1212-1412. Период 1212-1263 гг.

	Имя Вел. Князя	Годы жизни	Вел. князь Владимирский	Время княжения
1.	Юрий II Всеволодович	1188-1238	1212-1216	4 года
2.	Константин Всеволодович Добрый	1185-1218	1216-1218	2
3.	Юрий II Всеволодович	Повторно	1218-1238	20 лет
4.	Ярослав II Всеволодович	1191-1246	1238-1246	8 лет
5.	Станислав III Всеволодович	1196-1252	1246-1248	2 года
6.	Михаил I Ярославич Хоробрит	Убит в 1248	1248	Менее 1 года
7.	Андрей Ярославич	1221-1264	1248-1252	4 года
8.	Александр Ярославич Невский	1220- 1263	1252- 1263	11 лет

2. Роль Новгородской республики в развитии денежного обращения на Руси до 15 века.

В период феодальной раздробленности среди русских княжеств наиболее сильным было Новгородское, которое устояло перед нашествием татаро-монголов. Новгородская феодальная республика занимала территорию от Белого моря до Урала, граничила с княжеством Литовским, с Тверью и, главное, с Владимиро-Суздальским княжеством. Особая роль, среди институциональных и экономических факторов укрепления государственности России, принадлежит становлению и развитию денежной системы Новгородской республики. Регулярная чеканка русских металлических денег началась в X в. при князе Владимире Красное Солнышко (время княжения 980-1015). В конце его блистательного княжения наступил двухсотлетний цикл

1012-1212 гг. Но расцвет Новгородской феодальной республики, которая существовала с 1136 по 1478 год, приходится на время двухсотлетнего цикла 1212-1412 годы. В эти годы получило дальнейшее развитие экономических инноваций, становление и укрепление русских денег.

История металлических денег на Руси начинается с регулярной чеканки денег в X в. при князе Владимире Красное Солнышко (время княжения 980-1015 гг.). В конце его блистательного княжения наступил двухсотлетний цикл 1012-1212 гг. Русские металлические деньги, хотя моложе греческих и римских, но русичи кузнецы и металлурги знали свойства металлов еще задолго до образования древнерусского государства. Другим важным институциональным фактором становления государственности на Руси, и первым историко-правовым документом государства была «Русская Правда» (XI-XII вв.).

В «Русской Правде» предусматривалась ответственность и высокие штрафы за поджоги, перепашку меж, хищение хлеба, скота и другого имущества князей и бояр. Величина штрафа была: за нарушение межи – 12 гривен; повышенные штрафы были установлены за убийство землевладельца-феодала – 80 гривен; за убийство холопа также платили штраф, но только 5 гривен; за убийство свободного человека – 40 гривен.

«Русская Правда» регламентировала и торгово-денежные отношения. Она охраняла городских жителей от произвола ростовщиков. Уровень процента устанавливался законодательным путем.

В начале второго тысячелетия н.э., в XI веке возросло **требование независимости в Новгороде**. Наместником киевского князя в Новгороде был князь Ярослав Мудрый (годы княжения 1015-1017), сын Владимира Красное Солнышко. При нем в 1014 г. новгородское боярство прекратило платежи Киеву. Борьбу новгородских бояр за независимость поддержало городское население, которое не хотело платить дань и поставлять войска для походов киевского князя.

После смерти Владимира в 1015 г. Ярослав Мудрый – князь Новгородский – овладел Киевом. Княжение Ярослава Мудрого в Киеве началось в 1015 году, было прервано в 1017 Святополком Окаянным. Повторное княжение Ярослава Мудрого продолжалось с 1019 до 1054 г., проходило в условиях начавшегося распада «Империи Рюриковичей» на отдельные княжества, что очень ослабило государство, которое не смогло противостоять монголо-татарскому игу.

В отличие от других удельных княжеств, Новгород в XII веке устоял перед нашествием татаро-монголов. Новгородская земля занимала территорию: на севере – до Белого моря, на востоке – до Урала, на юге граничила с Тверью, на западе – с Великим княжеством литовским. Большое значение имели северные владения, богатые пушниной, морским зверем, рыбой, солью.

Торгово-ремесленное население Великого Новгорода имело свои объединения кончан (жителей «концов» города), уличан (жителей улиц), у

старост которых были свои печати, и скрепляли ими важнейшие грамоты. В XII в. Новгород был разделен на пять слобод: Бежецкую, Водскую, Деревскую, Обонежскую, Шелонскую.

На левом берегу Волхва находилась Софийская сторона с Детинцем (кремлем), а на правом берегу – торговая сторона с торгом и Ярославовым дворищем, где собиралось вече. Торгово-ремесленные палаты были в старинных новгородских городах – Старой Руссе, Ладоге, Торжке, Орешке. В XII в. в состав Новгородской феодальной республики входил Псков (в середине XIII века Псков стал обособляться от Новгорода).

Новгород расположен на пути «из варяг в греки» и на волжских путях. Поэтому новгородцы истари вели торговлю с Фландрией и Ганзейскими городами (Союз Ганза), с Югорской землей, со Скандинавией, с Астраханью, с Константинополем. Новгород вывозил в русские города и за границу: пушнину, воск, лен, рыбу, ворвань, кожевенное сырье, сало, хмель.

В XIII веке денежная система Новгорода продолжала развиваться, сохраняя основные принципы денежного обращения сложившегося в стране. В Новгороде впервые появился термин «рубль». Существует много объяснений этого названия. В собраниях древних русских законов записано, что название денежной единицы рубль «от того положено», что при пересчете денег, кто «10 гривен счел, то на дереве зарубил, и от того руб. или рубль произошел, а полтина тож полруба». Распространено мнение, что рубль – это разрубленная надвое гривна. Но это совсем не так. Разрубленная гривна являлась *полтиной*, а рубль был самостоятельной и самой крупной древнерусской денежной единицей. Хороший конь стоил рубль.

В XIII в. в Новгороде денежная система предполагала следующее равенство: одна весовая гривна = 15 гривнам кун = 196,2 г серебра. В конце XIII в. древнерусская гривна, из-за ее неудобства в торговом обороте с южными районами, заменялась более мелкой монетой – рублем. Переход от гривны к рублю выразился в том, что содержание серебра в рубле уменьшилось. От гривны серебра, равной 15 гривнам кун (196,2 г), как бы «отрубили» 2 гривны, и рубль стал равняться 13 гривнам кун (170,1г.). На рубеже XIII-XIV вв. это было засвидетельствовано в торговых книгах Тевтонского ордена.

Денежная система Новгорода в связи с тем, что исторически деньгами на Руси служили меха, включала старые названия зверьков: куны, куньи мордки, бели – шкурки горностая. Новгородская гривна-рубль равнялась 13 гривнам кун. Одна гривна кун равнялась 28 куньим мордкам, или 7 белям. или 14 деньгам.

В начале XV в. в 1410 г. была проведена Новгородская денежная реформа. Объективные предпосылки проведения денежной реформы состояли в том, что в результате развертывания рыночных отношений не хватало мелкой монеты. Поэтому разрешалась чеканка монет по частным заказам из

серебра заказчика. Чтобы получить разменную монету резали на части новгородские деньги. А поскольку деньги из серебра стирались, в обращении их стали принимать не по счету, а по весу.

После реформы новгородский рубль по-прежнему содержал 170,1 г серебра, но стал равен не 13 гривнам кун, а вновь 15 гривнам, как это было в XIII в.

Таблица 2

До реформы	15 гривен содержали 196,2 г серебра	одна гривна содержала 13,08 г серебра
После реформы	15 гривен содержали 170,1 г серебра	одна гривна содержала 11,34 или 11,018 г серебра

Новгородская денежная система выглядела так: 1 серебряный рубль = 34 золотникам серебра = двум денежным единицам татар (по 108 знаков каждая) = 216 деньгам. В результате реформы с 1420 г. и в течении 100 лет в Новгороде действовала 216 денежная система. Ученые объяснили тайну 216 денежного рубля. Одна гривна кун равнялась 14 деньгам, а рубль равнялся 216 деньгам, значит один рубль равен (14 денег в одной гривне кун ($14 \times 5 = 210$ денег) пяти гривнам плюс 6 денег. В этот же период татарская денежная единица включала 108 знаков (1 единица = 108 знаков), а это означает, что рубль-гривна равный 216 деньгам, был равен двум денежным единицам татар. Это несомненным является доказательством, по мнению ученых, исследователей русской истории, что это результат влияния экономических связей Новгорода с татарским ханством.

Новгородский рубль с в первой половине XV в. представлял собой «горбатый» слиток двойного литья, содержащий 170,1 г серебра. А новгородскую деньгу продолжали чеканить на протяжении всего периода независимости Новгородской феодальной республики.

Итак, переход от гривны к рублю сопровождался сокращением серебра в денежной единице. Если гривна содержала 196,2 г, то гривна-рубль 170,1 г серебра, что было засвидетельствовано и в международной торговле. А серебряное содержание рубля отличалось завидным постоянством – оно оставалось неизменным и после денежной реформы XV в.

Процесс «ухода» рубля в княжества центральной России наметился ещё в XIV веке. В следующем двухсотлетнем цикле 1413-1612г., после включения Иваном III Новгорода (1478 г.) в состав русского централизованного государства, усилилось создание единой российской денежной системы. При Василии III Ивановиче и его жене-правительнице Елене Глинской (матери Ивана Грозного) этот процесс завершился в 1535-1537 гг. созданием денежной реформы Елены Глинской и переходом России к единой десятичной денежной системе.

3. *Значение военного фактора в укреплении государственности России в начале цикла 1212-1412 годов.*

Защитить границы на севере, западе и на юге страны, сохранить свою власть, князья российские стремились и с помощью мирных договоров, но чаще с помощью военной силы. В начале цикла, в 1212 году, орден немецких рыцарей под началом Генриха Ливийского, объявил захват Ливонии, а осенью 1214 и весной 1215 гг. дважды нападал на удел Владимира Полоцкого, отбирал коней и скот. Литовцы и эсты просили Владимира помочь оттеснить Ливонский орден. Князь Владимир Полоцкий с готовностью откликнулся на эту просьбу, собрал большое войско, но... умер.

Решение внутригосударственных проблем также не обходилось без использования военного фактора. В начале двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг. первым применил военную силу для захвата Великого престола Константин Всеволодович. Как старший сын, он выступил на защиту старых традиций восхождения на престол по старшинству, и применил военную силу. Надо отметить, что инновация его отца – Всеволода Большое гнездо, была разумной, ибо он объявил наследником сына более энергичного и сильного духом, хотя младшего по возрасту.

Князь Константин – старший сын Всеволода – трижды с войском выступал против младшего брата, и в двух первых столкновениях потерпел поражение. На третий раз, посредством военного сражения на реке Липице весной 1216 г., добился своего: Юрий уступил старшему брату, ибо не хотел тратить силы на междоусобную войну, он лучше других понимал, что мирное развитие укрепляет государство в целом.

В этом споре братьев, военный фактор не дал окончательного решения вопроса. Как уже было сказано выше, слабый здоровьем Константин, после двух лет княжения заболел и ушел не только с престола, но и из жизни. А повторное великое княжение Юрия продолжалось 20 лет.

В 1220-ые гг. началось вторжение войск татаро-монгольской Орды. В 1220 г. в империю Чингисхана входили Монголия, Северный Китай, Южная Сибирь, Средняя Азия, Закавказье, а в 1222 г. и Северный Кавказ. Перезимовав в черноморских степях, в 1223 г. они продолжили наступление, и в начале лета на реке Калке, впадавшей в Азовское море, произошло решительное сражение. Но у отважных и сильных князей российских не было между собой согласия в военных действиях. Не было единоначалия, что недопустимо для крупных государств. В бою на реке Калке – 1223 г., и позже, через 15 лет, в сражении за столичный город Владимир – март 1238 г., отважные, умные, самоотверженные российские удельные князья, потерпели полное поражение.

Эту особенность (несогласованность действий), отмечали даже сами ханы монголо-татар: «Руссы сильный народ и могли бы раздавить нас, как верблюд давит одной ногой спящую на дороге саранчу. Но у них нет порядка. Их князья всегда между собою грызутся» [5, с. 92].

Дорогие россияне, в связи с наступлением в 2012 г. нового двухсотлетнего цикла, помните об этой давней беде России, не забывайте уроков

истории. Не смотря на крупное поражение в битве на Калке, россияне показали свою силу, мощь и отвагу. Монголы продолжили наступление, но не на россиян, а на болгар и ушли в Восточную Европу.

Более эффективное использование военного фактора было во внешней политике. Так в 1240-е гг. военный фактор, для укрепления государственности, был востребован во внешних отношениях в войне со шведами. В 1240 году 15 июля (во времена Вел. княжения Ярослава II Всеволодовича) победу над шведами, на реке Нева, одержал его сын, князь Александр Ярославович, за что получил на вечные времена почетное имя – Невский.

Александр Невский, был новгородским князем, но победитель шведов вызвал опасения у феодальной олигархии в Новгороде. Они боялись усиления его власти. Тогда Александр отъехал в другой удел, в полученный от отца, Переславль. Его отъездом воспользовались немецкие рыцари, которые, не встретив решительного сопротивления, взяли Изборск, подошли к Пскову и готовились к наступлению на Новгород. Не смотря на мужественное сопротивление псковичей, в городе расположился немецкий гарнизон. Они нападали на новгородских купцов, у крестьян отбирали скот и лошадей.

Новгородские правители поняли, что защитить город от немецких захватчиков может только Александр Невский и пошли к нему на поклон с просьбами вернуться на княжение. Весной 1242 г. Александр Невский начал готовить наступление, на подмогу к нему пришел с дружиною его брат Андрей. На льду Чудского озера произошла великая битва. Войско Александра Невского состояло из новгородских, псковских и суздальских ополченцев. Они победили немецких рыцарей. Лёд на Чудском озере был красного цвета от пролитой крови. В Ледовом побоище 5 апреля 1242 г. немецкий Орден был полностью разбит и изгнан с русской земли. Победы Александра на Неве и Чудском озере принесли ему славу не только на Руси, но и «по всем странам, от моря Варяжского и до моря Поньтского ... даже и до Рим Великого» – так говорит новгородский летописец. Прошло ещё три года, и в 1245 г. он вновь одержал знаменательную победу, на это раз над литовцами.

В следующем 1246 г., в конце периода княжения Всеволодовичей, военный фактор был использован при решении внутренних проблем государства Российского, при смене великих князей на Владимирском престоле. На этот раз военную силу применили внуки Всеволода большое гнездо – Ярославовичи, точнее младший князь Михаил Ярославович Хоробит в 1248 г., чтобы обогнать старших братьев – Андрея и Александра Невского, силой сверг с престола своего дядю Станислава III Всеволодовича (годы княжения 1246-1248).

Старшие братья Михаила, Андрей и Александр Невский, также, разрешили спор о порядке восхождения на престол посредством военного фактора. В 1252 г. Александр взойшёл на Вел. престол, используя военную силу. Под его предводительством, ордынские войска вступили на земли Суздаль-

ского княжества. Исторически это использование военной силы имело положительное значение, ибо предотвратило более обширный захват Ордой российских земель и княжеств.

4. Роль институциональных и экономических факторов в преодолении противостояния удельных князей и борьбы Тверских и Московских князей за великий престол – период до 1318 г.

В XIII и начале XIV века на Руси сохранялось разделение на многие уделы и вотчины, соперничавшие за власть. Политическая раздробленность страны сопровождалась ослаблением государственного единства и сокращением торгово-экономических контактов. Экономический урон Российской государственности был нанесён и захватчиками: с юго-востока татарами-монголами, с северо-запада Тевтонским орденом и шведами.

После княжения Всеволода III Большое гнездо, продолжавшегося 36 лет (1176-1212 гг), великие князья на Руси быстро сменяли друг друга, оставаясь на престоле от 2-х до 8 лет. Только во второй половине XIII века положение несколько изменилось: Великое княжение Александра Невского (1252-1263) было более длительным. Но ещё раньше, до того как он стал Великим князем, его победы в 1240 г. на Неве над шведами, 1243 г. на Чудском озере над немецкими рыцарями, в 1245 г. над литовцами укрепили государственность на Руси, заложенную Ярославом Мудрым и Владимиром Мономахом, а самого князя Александра прославили на весь свет.

После княжения Александра Невского **противостояния удельных князей** продолжались. Родные братья великокняжеского рода, племянники, сыновья и внуки быстро сменяли друг друга на престоле; князья вели непрестанную борьбу не только за территории и власть, но и за порядок владения уделами (родовой порядок наследования). Примерно равными по силе и самостоятельности стали Ростово-Суздальское княжество, Муромо-Рязанское, Смоленское, Черниговское, Переяславское, Полоцкое, Галицкое и другие княжества. Князья стремились возвыситься и увеличить свою власть не по порядку родового старшинства, а на основе **материальной** силы, и на основе **военных** захватов и политических интриг с ордынскими ханами.

Усиление Твери, Москвы, Суздаля, Нижнего Новгорода и Рязани имело последствия двоякого рода. С одной стороны, оно повлекло за собой подчинение старшими князьями этих городов, мелких удельных княжеств и мелких городов. С другой стороны, это привело к образованию внутреннего рынка, создало условия для развития товарно-денежных отношений между княжествами.

История достижений экономического развития Древней Руси, как и в Риме, Вавилоне и Египте, уходит в глубокую древность. Большое значение имел такой институциональный фактор, как церковные приходы. Но священники могли отслеживать достижения развития экономики только своих прихожан. Переход контроля с микро на макро уровень, т.е. на уровень це-

лого княжества, а тем более государства, привел к совершенствованию форм ведения учёта и отчётности.

Для России XIII и начала XIV вв., не малую роль, в формировании порядка и форм учёта, сыграло влияние государственного бюрократического татаро-монгольского управления экономикой. Регулярный сбор дани способствовал экономическому росту. Парадокс в том, что определенный размер дани, стимулировал экономические инновации в земледелии, ремесле и в торговле.

В учебниках по истории России в XX веке много написано о феодальной раздробленности. Однако, надо отметить, что Древнерусское государство, разделённое на многие удельные владения и княжества, превосходило по размерам любое европейское государство, было одним из крупнейших государств Европы. Чувство единства Русской земли, всегда сохранялось, вопреки противоречиям и спорам удельных князей. В середине двухсотлетнего цикла «феодальная раздробленность» стимулировала соревновательное развитие институциональных и инновационных факторов каждого удельного княжества. Конкуренция была стимулом повышения качества и разнообразия производимых товаров.

На Руси сохранялось этническое и культурное единство всех уделов. Каждый удел использовал природные богатства своего края, где леса, где плодородные черноземы, степи, где табуны коней были большим богатством страны. При этом развитие экономики носило инновационный характер, ибо, сохраняя древние традиции старых мастеров, ремесленники легко воспринимали новшества иностранных товаров, которые привозили иноземные торговцы с запада.

Середина двухсотлетнего цикла, 1212-1412 гг., знаменовалась на Руси широкими внешнеторговыми связями со многими европейскими народами. В российские города со своими товарами приезжали немцы, венгры, поляки, а также шведы и чехи, итальянцы и греки. Не только в торговле, но и в ремёслах преуспевали россияне. Умелые плотники строили терема, и возводили соборы, кузнецы искусно ковали острые мечи. Большими рукодельницами были российские женщины – из коровьего молока умели приготовить и масло, и творог, и сметану; из овечьей шерсти пряли нити и вязали на спицах тёплые вещи на зиму, а ещё ткали льняное полотно и умели плести тончайшее кружево. Несомненно, финансово-экономические факторы сыграли свою роль в преодолении феодальной раздробленности России. Но преодолеть её на этом этапе развития оказалось невозможным.

Экономическое возвышение удельного Московского княжества значительно усилило и обострило ***противостояние удельных князей Тверских и Московских в борьбе за великий престол – период с 1263 до 1318 г.***

За полвека потомки Ярослава и Александра 10 раз, сменяя друг друга, восходили на великий престол. В 1304 г. престол Владимирский захватил

Тверской князь Михаил Ярославич. Но, в конечном счёте, победил в противостоянии тверских и московских князей, в 1328 г. Московский князь Иван I Данилович, и Москва стала столицей.

Таблица 3

**Хронологическая таблица княжение
от Александра Невского до Ивана I Калиты**

Имя Вел. князя	Годы жизни	Годы княжения	Ск. лет княжил
Братья и сыновья Александра Невского			
Ярослав III Ярославич	Умер в 1272	Вел. князь Владимирский 1263-1272	9
Василий Ярославич	1241-1276	1271-1276	5
Дмитрий Александрович	1246-1294	1276-1281	5
Андрей Александрович	Умер в 1304	1281-1283	2
Повторно Дмитрий Александрович	1246-1294	1283-1294	11
Андрей Александрович повторно	Умер в 1304	1294-1304	10
Михаил Ярославич Сын Ярослава III	1272-1318	1304-1318	14
Племянники и внуки Александра Невского			
Юрий III Данилович – внук Александра Невского		1319-1322	3
Дмитрий Михайлович Грозные очи	1299-1325	1322-1325	3
Александр II Михайлович	1301-1329	Вел. князь Тверской и Владимирский 1325-1328	3
Иван I Данилович Калита – внук Александра Невского	Умер в 1341 году	Вел. князь Владимирский и Московский 1328-1341	14

Тверь в летописях впервые упоминается в 1209 году. При разделе земель между наследниками вел. князя Владимирского Всеволода III Юрьевича в 1212 году Тверь досталась его сыну Ярославу. Тогда она входила в состав Переяславской земли. Самостоятельным княжеством Тверские земли стали в 40-ые годы XIII века, когда **Ярослав II Всеволодович** (отец Александра Невского) стал Вел. Князем Владимирским (1238-1246). В начале 14 века на тверской земле появились свои удельные, «обособленные» княжества – Дорогобужское, Каширское, Микулинское, со своими удельными князьками. И поэтому князь сидевший в Твери стал называться «старшим князем». Не только Тверское княжество приобрело характер целой политической системой. Рязанское, Тверское и подобные им, стали называть «старшими княжествами». Стремление взойти на Великий престол у этих князей превращалось в междоусобные столкновения, и не было на пользу укрепления государственности.

После кончины Светлого князя Александра Невского (1220-1263) Великим князем России стали по очереди его родные братья – сначала **Ярослав III Ярославич**, который княжил 9 лет, а за ним **Василий Ярославич** княжил 4 года. Потом пришла очередь княжения сыновей Александра Невского – **Дмитрий Александрович** и **Андрей Александрович** княжили с

1246 по 1304 год сталкивая друг друга с престола. Хотя княжили более 30 лет, но не дружно и поэтому, не плодотворно.

Далее великое княжение перешло к **Михаилу II Ярославовичу**, который был племянником Александра Невского и тверским старшим князем. С этой поры борьба за великое княжение между тверскими и московскими князьями усилилась. Родные по крови сын Даниил Александрович, и внуки Александра Невского были князьями Московскими.

В отличие от властолюбивых Андрея и Дмитрия Александровичей, их родной брат **Даниил Александрович** довольствовался Московским княжеством, но в 1302 г. он получил в наследство от своего дяди Переяславские земли, а несколько ранее взял в плен Рязанского князя. В 1300 г. к Московскому княжеству были присоединены Коломна и Лопасня, а затем Можайский удел. Так речные торговые пути – река Москва, ее притоки, и главное ее впадение в Оку, были под властью Московского князя. Даниил Александрович возвеличил достоинство московских князей, оставив по себе память князя доброго, справедливого, а в борьбе с татарами смелого. Именно он подготовил «Москву заступить место Владимира».

Его сын князь **Юрий Данилович** (1303-1324) – внук Александра Невского значительно расширил Московское княжество. Получив в Орде ярлык на великое княжение Владимирское, он добился права княжить в Новгороде и построил у истоков Невы крепость Орешек, заключил договор со Швецией. Но лишь при новом Московском князе – брате Юрия – Иоанне Даниловиче «Калите» (1325-1340) «была заложена основа могущества Москвы».

5. Укрепление государства Российского в XIV веке при Великом князе Иване I Калите.

Церковные, экономические и гендерные факторы.

Иван I Данилович Калита – внук Александра Невского, став во главе Московского княжества, – приложил все усилия, чтобы дать Руси передышку от войн и междоусобиц. Ради этого он пошел на союз с Ордой, завоевал расположение хана Узбека, а, воспользовавшись тверским восстанием 1327 года (которое он подавлял вместе с ордынской ратью), окончательно избавился от влияния давнего соперника Москвы – Тверского княжества.

Иван Данилович был умным, хитрым и дальновидным политиком. При нём территория Московского княжества расширилась, увеличилась численность населения, укрепились старые города, строились новые. Влияние Москвы распространилось на Новгородские и Тверские Земли, Ростов, Углич, Белоозеро и другие.

С княжения Ивана Даниловича, началось возвышение Москвы, объединение княжеств, восстановление государственной целостности Руси. Об итогах его княжения летописец с гордостью писал: «В лето 1328 сел Иван Данилович на великом княжении всея Руси, и наступила с тех пор тишина

великая на 40 лет, и перестали поганые воевать Русскую землю и убивать христиан, и отдохнули и успокоились христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского, и была с тех пор тишина великая на всей Русской земле». Действительно, в течение четырех десятилетий в Северо-Восточной Руси не было ни одной ордынской рати; два поколения русских людей не знало ужасов вражеских вторжений. Вот почему летописец с благодарностью вспоминает это время.

Иван Данилович, ещё будучи удельным московским князем, для расширения своих владений, мудро избрал путь не войны, а денежных отношений и институциональных факторов. Гендерный аспект позволяет лучше понять, какие земли присоединил Иван к Москве. Иван Калита был дважды женат. Его первая жена, родом неизвестная, в мире, по некоторым сказаниям, Соломонида, а в иночестве Елена (Олена), родила князю четырёх сыновей. Звали их Андрей, Даниил (умер рано), Иван, Семен, и четырёх дочерей Евдокию, Марию, Феодосию и Фотинию. Два сына – Иван II Милостивый и Семён Гордый, а также её внук – Дмитрий Иванович Донской – продолжили династию великих князей Даниловичей, стали Великими князьями. Умерла Елена в 1331 году, раньше мужа на 10 лет.

У второй жены князя Ивана – Ульяны (брак в 1332 г.) сыновей не было, а только дочери. Вторая жена долгожительница – Ульяна надолго пережила мужа. Князь Иван Калита скончался 31 марта 1340 года, а княгиня Ульяна умерла в середине 1360 годов. Став вдовой, она сумела удержать в своих руках все пожалованные ей мужем земли.

О могуществе и владениях Ивана Калиты узнаём из документа – Духовной грамоты. Отправляясь на переговоры в Орду, в ту пору русские князья никогда не знали, вернутся ли живыми, и поэтому заранее составляли завешание.

Иван Данилович Калита, в своей Духовной грамоте, завешал Московское княжество разделить между тремя сыновьями (Андреем, Иваном, Семёном) и 2-й женой Ульяной. В своей Грамоте он писал: « Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, ... в случае смерти, ... отдаю Симеону Москву, Можайск, Коломну с волостями, Ивану Звенигород и Рузу, Андрею Лопасню, Серпухов, Перемышль; княгине моей с младшими детьми села, бывшие в её владение» [2].

При Иване I Калите к Московскому княжеству присоединились многие уделы. Ордынские ханы перестали нападать на Русь. И что важно, Великому князю Ивану поручили собирать дань с народа, что обогащало его казну.

Какие пути и формы развитие финансов выбрал Иване Калите для возвышения Московского княжества?

В период княжения Ивана Калиты, для того чтобы вернуть страну к согласию и восстановить единовластие, он нашёл свои пути к воссоедине-

нию знатной Твери и торговой, многонациональной Москвы. К усилению Московии он шел путём *приобретений* всё новых и новых уделов. Он, как никто другой, понимал силу и власть денег. Не только деньги, но ум, мудрость и хитрость помогли князю Ивану Калите сохранить единство страны с Московским княжеством во главе. И что очень важно для усиления финансово-экономической самостоятельности страны, Великий князь Иван Первый применил новый способ взимания дани.

В историко-экономической науке известны два способа взимания дани: «полюдьем» и «повозом». Первый способ, когда сборщики дани сами объезжают подвластные территории, что чревато применением насилия и возникновение актов не повиновения. Второй способ, когда даньщики сами привозили дань. Великий князь Иван I Данилович сумел получить у Орды право сам собирать дань для Золотой Орды. Привоз дани сопровождался богатыми дарами хану и его приближённым. Тем самым, Орда косвенно зависела от успехов финансовой деятельности Ивана Калиты. Его ждали в Орде и заискивали, хотя вполне возможно, что это сопровождалось и затаённой завистью.

Об этом замечательно, просто и доходчиво написала историк и поэт Наталья Кончаловская в книге «Наша древняя столица».

Князь Иван был умён и к тому же хитёр.
И однажды с лукавством он руки потёр
И решил: «Хватит ханских послов баловать.
Надо съездить в Орду, надо им втолковать,
Что скорее и больше получит Орда,
Если дань **на Москву** повезут города.

* * *

Хан Узбек на бесценные глядя дары,
Уступил Калите. И вот с этой поры
Хан баскаков за данью не слал на места.
Посылал своих дьяков Иван Калита.

* * *

И Москва собрала вокруг себя города.
Лишь с Москвою считалась отныне Орда!

Очень знаменательно, хотя и мало известно, что Иван Данилович покровительствовал книжному делу, поощрял создание литературных произведений. При нём началось московское летописание, создание библиотек. Как заметил историк Н.С. Борисов, Иван Калита *«своим глубоким практическим умом сумел осознать необходимость духовного начала, которое, словно извесь, скрепило бы стены и своды здания русской государственности»*.

Первым, очень важным шагом Ивана Калиты было то, что он склонил митрополита Петра избрать местом своего пребывания «град честен кротостью, зовомый Москва». Эта способствовало упрочению нового политического, культурного и духовного центра Руси.

В столице княжества оказались митрополичья библиотека и архив, с ним приехали книжные мастера и летописцы. В Москве летописец митрополита Петра начал летопись записью 1310 года. Роль митрополита Петра в усилении Московского княжества отмечена всеми российскими историками.

Петр был не только высокообразованным священнослужителем, но и художником иконописцем. Являясь автором нескольких посланий, он призывал духовных лиц быть кроткими и смиренными, заботиться о духовной пастве и «регулярно читать подобающие книги». С его благословения и по его инициативе был заложен первый в Москве белокаменный собор Успения Божьей матери. В летописи сохранились слова святителя, обращённые к Великому князю: «Если ты слушаешь меня, сын мой, и создашь храм Пресвятой Богородице, то и сам прославишься более иных князей, и город твой будет прославлен; святители поживут в нем, и будут побеждены враги его, и Бог в нем прославится, и кости мои здесь положены будут». Слова митрополита были воплощены князем Иваном Даниловичем в богоугодные дела. Возведение величественного храма стало историческим событием и подняло град Москву на уровень древних российских столиц Киева и Владимира. А Успенский собор стал на века главным храмом Русской земли.

Митрополит Петр был канонизирован и стал первым «московским и всея Руси чудотворцем». Вел. Князь Иван Данилович озаботился о написании Жития этого святого. Есть предположения что автором Жития этого святого был сам Иван Калита.

В Житии утверждается особое положение Москвы среди других русских городов. Заслугой вел. Князя Ивана Даниловича является возведение святых храмов в Кремле, Успенского собора и Спасского монастыря. Главный храм монастыря был украшен иконами, а так же по указанию Вел. Князя Ивана монастырь снабжался книгами «из княжеской казны», и из Свято-Данилова монастыря.

Во Спасском монастыре, под началом архимандрита Иоанна, велось с 1317 года великокняжеское летописание. Образованный и «хорошо осведомленный в книгах», Иван Калита способствовал появлению библиотек в Успенском соборе и в Спасском монастыре. Для великокняжеской библиотеки книги заказывали в старых российских городах – в Новгороде Великом и в Суздале, в Твери и во Владимире. Вскоре научились изготавливать книги и в Москве. Богоугодные дела Ивана Даниловича были записаны в старинном Сийском Евангелие: «Великий князь установил в «Русской земле» законы и правый суд «паче меры», построил много святых церквей, поучал людей, простой народ «от божественных словес», повелел написать многие книг». Историки рассказывают, что отец Протопоп взяв в руки,

только что завершённое берет Евангелие, и любуясь работой художников и летописцем, промолвил: – Надобно написать тута о князе нашем!

В феврале 1340 года, предчувствуя приближение смерти, Иван Данилович принял постриг под именем Анания, а затем был посхимлен. Перед постригом он ещё раз написал завещание, согласно которому Московское княжество разделилось между его тремя сыновьями и 2-й женой. Иван подробно перечислил города и все свои владения, а также и ценности. Он завещал княгине с «меньшими детьми» города и селения, а также золото первой жены: «А что золото княгини моеё Оленине, а то есмь дал дочери своей Феотины, 14 обручи и ожерелье матери ее».

Умер Иван Данилович в 1341 году. Княгиня Ульяна прожила ещё 20 лет, оставалась рядом с Великими князьями – пасынками Иваном и Семёном. После кончины княгини Ульяны, её уделы были разделены между внуками Ивана Калиты – великим московским князем Дмитрием Ивановичем Донским и его двоюродным братом и большим другом Владимиром Андреевичем Серпуховским.

Начатое Иваном Калитой, успешное развитие процесса объединения земель во главе с Москвой продолжалось во второй половине XIV – начале XV вв. и привело к созданию единого, многонационального государства Россия.

О завершении двухсот летнего цикла 1212-1412 гг, о княжении сыновей Ивана Калиты и его внука – Дмитрия Донского, мы расскажем в следующей статье.

Список литературы:

1. История русской экономической мысли. – М., 1955. – Т. 1.
2. Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». – М., 1988. – Т. VI, VII.
3. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. – М., 1988.
4. Ключевский В.О. Сочинения: в 8-ми т. Т. 2. – М., 1957.
5. Козлов Ю. От князя Рюрика до императора Николая-II. – Саранск, 1992.
6. Карамова О.В. Семенкова Т.Г. История русской экономической мысли: учебное пособие. Ч. 1-5. – М., ФА, 1997.
7. Соловьев С.М. Сочинения. – М., 1989. – Т. 5-6.
8. Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII-XV вв. – М., 1969. – Ч. 1. – С. 381.
9. Шорин П. Русские денежные слитки // Культура и жизнь. – 1968. – № 12.
10. Черепнин Л.Б. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. – М.; Л., 1948.
11. Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 66.
12. Святославский В.В. Происхождение денег и денежных знаков. – М.; Л., 1923.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П.1

Хронологическая таблица Великих княжений Двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг. (13-14 и начало 15 вв.)

Кто	Годы жизни	Княжение	Жена и дети и внукибующие вел.князья
Род Юрия Долгорукого сына Владимира Мономаха			
Сын Юрия Долгорукого – ВСЕВОЛОД III Юрьевич Большое гнездо	1154-1212	Вел. князь Владимирский 1176-1212 = 2 года	Мария, Василька Константин, Святослав, Юрий, Ярослав
Начало цикла 1212-1263 = 51			
Юрий II Всеволодович	1188-1238	Вел. князь Владимирский 1212-1216 = 4 года	
Константин Всеволодович Добрый	1185-1218	Вел. князь Владимирский 1216-1218 = 2 года	
Повторно Юрий II Всеволодович		Вел. князь Владимирский 1218-1238 = 20 лет	
Ярослав II Всеволодович	1191-1246	Вел. князь Владимирский 1238-1246 = 8 лет	Половчанка и Феодосия Александр, Андрей, Василий, Михаил, Ярослав
Станислав III Всеволодович	1196-1252	Вел. князь Владимирский 1246-1248 = 2 г.	
Михаил I Ярославич Хоробрит	Убит в 1248	Вел. князь Владимирский 1248	
Андрей Ярославич	1221-1264	Вел. князь Владимирский 1248-1252	внук Дмитрий
Александр Ярославич Невский	1220-1263	Вел. князь Владимирский 1252-1263 = 11 лет	Андрей, Даниил, Дмитрий. Внуки: Иван Калита, Юрий
СЕРЕДИНА ЦИКЛА 1263-1341 = 78			
Ярослав III Ярославич	Умер в 1272	1263-1272	
Василий	1241-1276	1271-1276	
Дмитрий Александрович		1276-1281	
Андрей		1281-1283	
Повторно Дмитрий Александрович		1283-1294 = 11 лет	
Андрей		1294-1304	
Михаил Ярославич		1304-1318	
Юрий III Данилович		1319-1322	
Дмитрий Мих Грозные очи	1299-1325	1322-1325 = 3 года	
Александр II Михайлович	1301-1229	Вел. князь Тверской и Владимирский 1325-1326	
Отец Ивана I – Даниил Александрович Сын Ал-дра Невского		НЕ БЫЛ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, А ТОЛЬКО УДЕЛЬНЫМ МОСКОВСКИМ	
Иван I Данилович Калита	Умер в 1341 году	Вел. князь Владимирский и Московский 1328-1341 = 14 лет	Елена и Ульяна Семен Гордый Иван II

Продолжение табл. П.1

Кто	Годы жизни	Княжение	Жена и дети и внукибующие вел.князя
Завершение цикла 1341-1412 = 71			
Семен Иванович Гордый Правнук Андрея Ярославича	1316-1353	Вел. князь Московский и Владимирский 1341-1353=12	Анастасия, Евпраксия, Мария
Иван Иванович МИЛОСЛИВЫЙ Отец Дм. Донского	1326-1359	Вел. князь Московский и Владимирский 1353-1359= 6 лет	Феодосия, Александра Дмитрий Донской
Дмитрий Константинович Правнук Ал-дра	1322-1383	Князь Нижегородский и Владимирский 1359-1362= 3 года	
Внук Ив. I Калиты Дмитрий Иванович Донской	1350-1389	Вел. князь Московский и Владимирский 1362-1389	Евдокия Василий и Юрий
Сын Дм. Донского Василий I Дмитриевич	1371-1425	князь Московский 1389-1425	Софья Витовтовна Дочь Литовского князя
КОНЕЦ ЦИКЛА 1212-1412			

ВЗЯТИЕ АНАПЫ: ЧЕРКЕСИЯ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828-1829 ГГ.

© Касумов Х.А.*

Фатих Университет, Турция, г. Стамбул

В статье рассматривается вопрос об участии адыгов Западного Кавказа в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., о степени их вовлеченности в военные действия; исследуется значение анапской экспедиции русских войск и падения Анапы в контексте российской политики на Кавказе в первой половине XIX в.

Подписание Туркманчайского мира с Ираном в феврале 1828 г., резко изменившего обстановку на Кавказе в пользу России, развязало русскому правительству руки для начала военных действий против Турции. После отказа Порты удовлетворить очередной русский ультиматум, 14 апреля 1828 г. был подписан царский манифест о войне с Турцией. Одновременно была разослана всем русским представителям за границей особая декларация, где говорилось «о причинах этой войны и обстоятельствах, ей предшествовавших» [2, ф. 477, д. 4, л. 1-2].

В декларации, в частности, затрагивался и черкесский вопрос. По ранее заключенным договорам, говорилось в ней, Порта «обязывалась препятствовать набегам закубанских горцев и, напротив, явным образом побуждала их к нападениям на Россию» [там же].

Кампания 1828 г. открылась на Кавказском театре военных действий анапской десантной экспедицией.

По плану операции против Анапы было решено нанести по крепости комбинированный удар: с моря силами флота и десантных войск и с суши Таманским отрядом [5, с. 127].

Для выполнения поставленной задачи привлекались эскадра Черноморского флота и десант численностью 3148 солдат и офицеров [2, ф. ВУА, д. 4584, л. 148-149]. Со стороны Тамани на Анапу должен был наступать отряд Перовского, насчитывавший около 1000 человек и 20 орудий [5, с. 128].

Пытаясь воспрепятствовать участию той части адыгов, которая была настроена протурецки, на стороне Турции в военных действиях, русское командование на Кавказе предприняло уже в преддверии войны ряд мер. В их числе была и прокламация генерала Емануеля, в которой горское население призывалось к невмешательству в военные действия: «... до вас война не касается» [3, т. III, с. 877]. Для уверенности в мирных намерениях горцев, через поселения которых должны были проходить русские войска, им предлагалось: «Чтобы при проходе их мимо аулов было высылае-

* Доцент, кандидат исторических наук, доцент.

мо от каждого по три почтеннейших старшины, причем должны выдаваться, в верности, аманаты» [там же].

Надо отметить, что все меры русского командования возымели свое действие. Так, отряд Перовского практически не встретил никакого сопротивления в ходе своего движения к Анапе, хотя поход проходил через земли натухайцев.

Анапская десантная экспедиция началась 21 апреля 1828 г., когда эскадра Черноморского флота вышла из Севастополя и взяла курс к восточным берегам Черного моря и 2 мая русские корабли встали на рейде Анапы [2, ф. ВУА, д. 4584, л. 289]. В ответ на предложенную капитуляцию комендант крепости ответил отказом [там же, л. 289 об].

Таманский отряд Перовского, подошел к крепости 3 мая. В это время «толпа черкесс завела с казаками сильную перестрелку» и стала нападать на русский отряд с тыла, тогда как гарнизон Анапы атаковал его с фронта. Атаки продолжались 4 и 5 мая [2, ф. ВУА, д. 4490, л. 34].

Утром 6 мая началась высадка первой партии десанта [цит. по: 8, с. 219].

Противник пытался помешать высадке десанта. После появления на берегу первых групп войск они были атакованы турками и конным ополчением адыгов, однако, при поддержке корабельной артиллерии были отброшены.

Седьмого мая русская эскадра предприняла бомбардировку Анапы, но попытка овладения крепостью с моря оказалась неудачной [2, ф. ВУА, д. 4584, л. 275-276]. Мелководье не позволило кораблям подойти к крепости на близкую дистанцию и вести прицельный огонь. Другая причина неудачи штурма 7 мая была в недооценке русским командованием опасности со стороны суши, исходившей от действий отрядов адыгской знати. По словам Хан-Гирея: «малочисленный наш отряд должен был вести правильную осаду противу крепости. В то же время осаждающий отряд, можно сказать, был сам осаждаем..., черкесская конница неоднократно угрожала ворваться в самый стан наших войск, ... мы принуждены были от быстрых и неожиданных нападений черкесс оградить тыл разными земляными укреплениями» [10, с. 56].

По свидетельству многочисленных документов, командование русскими войсками на Кавказе, изучая перед войной настроения адыгских народов, недооценила возможность выступления адыгской знати со своими отрядами на стороне Турции. Донесения статского советника де-Скасси [2, ф. ВУА, д. 4584, л. 6], генерала Емануеля [2, ф. ВУА, д. 4480, л. 34, 34об.] и полковника Перовского [2, ф. ВУА, д. 4480, л. 179-180], были полны заверений о приверженности адыгских князей царскому правительству. В действительности же, протурецки настроенная адыгская знать выступила с вооруженной помощью гарнизону турок в Анапе, оказав крепости существенную поддержку. Правда, численность адыгских отрядов не превышала 8 тысяч человек [7, с. 33]. Ими

командовали такие князья как Пшекуй Даше Накук, Сайтуг Ханаш-Ибин-Цахо и Темрюк. А «душою всего и первым советником» анапского паши был натухайский князь Сефер-бей [4, с. 182-183].

В боевых действиях против русских войск участвовали в основном отряды натухайских и шапсугских князей и дворян, живших в окрестностях Анапы и более всего подверженных турецкому влиянию.

Неудача первого штурма заставила русское командование изменить тактику действий. В основе нового плана действий лежал принцип блокады крепости с моря и суши. 18 мая турки совершили сильную вылазку из крепости, «подкрепленную несколькими тысячами горцев», напавших с тыла. Однако русские войска отразили атаки и отбросили противника с большими для него потерями [2, ф. ВУА, д. 4587, л. 24 об.].

После боя 18 мая блокада Анапы с моря и с суши усилилась. Между тем, русские войска испытывали лишения в самом необходимом. Только постоянная помощь флота облегчала положение осаждающих. Турецкий гарнизон непрерывно устраивал вылазки и нападения на русские укрепления, одновременно с турками совершали нападения и адыгские отряды [2, ф. ВУА, д. 4584, л. 287 об.].

28 мая турецкий гарнизон предпринял совместно с адыгами последнюю вылазку с целью прорвать блокаду. В сражении, длившемся около пяти часов, турки и их союзники потеряли около 300 человек убитыми и ранеными [2, ф. ВУА, д. 4587, л. 25 об.].

После боя 28 мая Анапа была окончательно окружена и отрезана от сообщений с внешними своими союзниками и 12 июня 1828 г. гарнизон крепости капитулировал [4, с. 182].

Взятие Анапы было первым крупным успехом России в войне 1828-1829 гг. Османская Порта лишилась важнейшего плацдарма, опираясь на который она пыталась проводить активную политику не только по отношению к горцам Северо-Западного Кавказа, но и всего северокавказского региона. Россия же, напротив, значительно укрепила свои военно-политические, позиции на Кавказе в целом, что позволило ей успешно вести боевые действия в Закавказье.

После падения Анапы, «несмотря на происки и усилия, употребляемые турками к возмущению закубанских народов», многие адыгские князья и дворяне, боясь потерять своих зависимых крестьян, давали присягу на верность России. «Мы, – писал генерал Емануель, – успели, наконец, внушить некоторым из них доверие к правительству и они сделались верноподданными государя императора» [2, ф. 38, оп. 5, д. 45, л. 7].

Когда натухайские дворяне протурецкой ориентации отказались принять присягу, Емануель направил в их земли отряд под командованием атамана Бескровного, разоривший 6 аулов. Такой же участи подверглись и шапсугские аулы. Еще более опустошительными были действия самого Ема-

нуеля, разорившего все левобережье Кубани. Считалось, что подобными мерами он «в скором времени принудит черкес ко всеобщему почти покорению» [3, т. VII, с. 880].

Турция и после потери Анапы надеялась на подъем выступлений адыгских народов Северо-Западного Кавказа против России. Именно на поднятие восстания была направлена высадка турецкого десанта в районе Джубги. Однако на призыв турок подняться на войну с русскими, собрания старейшин от шапсугов, абадзехов, натухайцев ответили отказом.

К концу 1828 г., несмотря на крупные успехи русских войск в Закавказье, значительная часть закубанских народов занимала выжидательную позицию. Это заставило русское правительство более трезво оценить обстановку на Северо-Западном Кавказе и несколько изменить тактику в отношении западных адыгов. Если ранее русские военные власти на Кавказе полагали, что с падением Анапы – главного оплота Турции в регионе – закубанские адыги немедленно выскажутся за включение в состав России, то теперь было принято решение об иной линии. Было признано, что самым надежным средством привлечения на сторону России закубанских адыгов должна служить «изстари принятая система министерства иностранных дел», а именно: «ласковое отношение с горцами, а наипаче с их начальниками; благосклонное внимание к их нуждам и прошениям; во многих случаях снисхождение к грубости и дикости; и, наконец, беспристрастное, строгое, правосудие» [1, ф. Глав. арх. II-3, д. 6, ч. II, л. 368].

Еще задолго до начала войны с Турцией, Нессельроде в секретной инструкции послу в Лондоне в конце 1827 г., писал: «В Европе Россия не желает никаких территориальных приобретений насчет Оттоманской империи. Но в Азии она нуждается в приобретении двух укреплений: Анапы и Поти с окрестною территориєю, которые были уступлены Россией Турции в силу Бухарестского трактата 1812 г. ... и императорское правительство убеждено, что таким приобретением нисколько не нарушится европейское равновесие [6, с. 371-372]. Таким образом, Россия начинала в 1828 г. войну с Турцией «с готовым трактатом».

14 сентября 1829 г. Порта в итоге длительной и острой дискуссии приняла окончательное решение – подписать мирный договор на условиях, предложенных Россией. Она дала согласие на переход в состав России Черноморского побережья Кавказа от устья Кубани до пристани св. Николая и отказалась окончательно от претензий на северокавказские области.

Согласно четвертой статьи Адрианопольского трактата, определялась новая «пограничная черта» на Кавказе: «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно, пребудут в вечном владении Российской империи...» [11, с. 74].

Адрианопольский договор 1829 г. типологически можно сравнить с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г., т.к. Адрианопольский договор

по своим результатам привел к началу завоевания Россией западных адыгов (Черкесии). Оказавшись после Адрианопольского мирного договора в сфере влияния России, Черкесия фактически оставалась еще вне административно-политического контроля российских властей. Овладение западно-адыгскими землями становилось для России важной политической задачей. Поэтому с 30-х гг. XIX века Россия начинает прямое завоевание Черкесии в соответствии с предписанием Николая I – «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [9, с. 5-6].

Представители же турецкого правительства в Черкесии далеко не сразу прекратили здесь свою открытую враждебную по отношению к России деятельность. После подписания Адрианопольского мира, адыгам всеячески внушалось, что Анапа уступлена временно России и что вскоре турки опять возобновят свое присутствие в Черкесии. Этот мотив и был положен в основу всей дальнейшей политической пропаганды Турции среди закубанских и причерноморских адыгов.

Список литературы:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. II-3. Д. 6. Ч. II.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 5. Д. 45; Ф. 477. Д. 4; Ф. ВУА. Д. 4480, 4490, 4584, 4587.
3. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского (АКАК). – Тифлис, 1866-1904. – Т. 1-12; Т. III. – С. 877; Т. VII. – С. 880.
4. Лукьянович Н.И. Описание турецкой войны 1828-1829 гг. – СПб., 1844. – Ч. I.
5. Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828-1829 гг. – Ярославль, 1972.
6. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – СПб., 1895. – Т. XI.
7. Мелихов В.И. Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828-1829 гг. – СПб., 1850.
8. Пентюхов Л.Н. Из истории русско-турецкой войны 1828-1829 гг. // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2. – Л., 1957.
9. Торнау Н. Воспоминания кавказского офицера. – СПб., 1884.
10. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1982.
11. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., 1869.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВОЕННЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ФАКТОРЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ НА ПОЗДНЕЙ СТАДИИ ДВУХСОТЛЕТНЕГО ЦИКЛА 1212-1412 ГГ. ОТ СЫНОВЕЙ ИВАНА КАЛИТЫ ДО СЫНА ДМИТРИЯ ДОНСКОГО (ПЕРИОД С 1341 ПО 1412 ГГ.)

© Семенкова Т.Г.*

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

История развития экономики и укрепления государственности России во 2-ом тысячелетии нашей эры состоит, из пяти двухсотлетних циклов. Данная статья посвящена циклу 1212-1412 гг. Экономическое обоснование этому находим в современной литературе, рассматривающей зарождение феодального землевладения.

Особенностью цикла 1012-1212 является как становление феодально-го землевладения, так и появление первых категорий феодально-зависимого населения. И главное – формирование крупнейшего государства эпохи средневековья – Киевская Русь. Циклу 1212-1412 – XIII-XIV вв., присуще преодоление феодальной раздробленности. Возвышение и максимальное раскрытие всех социально-экономических возможностей княжеско-боярской вотчины. Во время цикла 1412-1612 – XV-XVI вв. – происходит смена форм феодального землевладения – безусловного на условное (вотчина постепенно заменяется поместьем). Главные особенности: образование единого централизованного Московского государства, окончательное закрепощение крестьянства, начало формирования единого всероссийского рынка. Цикл 1612-1812 – XVII-XVIII вв. – социально-экономические реформы Царей и междуцарствий Алексея Михайловича, Петра I и Екатерины Великой. Значительный рост территории России и превращение ее в империю. Появление мануфактурной промышленности. Установление социального равновесия между, экономически одряхлевшей, но политически еще сильной, феодальной знатью и, экономически уже мощной, но политически еще бесправной, буржуазией. В начале следующего цикла 1812-2012, до эпохи социализма – XIX в. – основные признаки феодализма перестают соответствовать российской действительности, активно идет первоначальное накопление капитала. Кризисные явления в экономике являются предпосылкой оциалистической революции.

* Профессор-консультант, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ, академик, действительный член Международной АН Евразия, лауреат Международного фонда им. Кондратьева.

В ряде статей, опубликованных нами в Сборнике научных трудов «Актуальные вопросы современной науки», проведены исследования второго, третьего и четвертого циклов. Данная статья завершает публикацию исследования истории укрепления государственности в России с 1212 по 1412 годы.

В 200летнем цикле 1212-1412 года на раннем этапе, в укреплении государственности России участвовали пять Великих Князей (см. ниже таблицу). Наиболее выдающимся было, (впервые столь длительное – 27 лет) Великое княжение Дмитрия Ивановича, прозванного летописцами «Донским». Завершающим княжением этого 200летнего цикла, и первым Великим князем следующего цикла **1412-1612, был** сын Дмитрия Донского – Василий I Дмитриевич. При нём были созданы летописи прославившие укрепление государственности России и обретение экономической и военной независимости от Ордынских ханов.

Таблица 1

**Годы жизни и княжения российских вел князей
на завершающем этапе цикла с 1341 по 1412 год**

Завершение цикла 1341-1412 гг.			
Семен Иванович Гордый Правнук Андрея Ярославича	1316-1353	Вел. князь Московский и Владимирский 1341-1353 = 12	Жёны: Анастасия, Евпраксия, Мария. Дети: 6 (шесть) сыновей
Иван Иванович МИЛОСЛИВЫЙ Отец Дм. Донского	1326-1359	Вел. князь Московский и Владимирский 1353-1359 = 6 лет	Жёны: Феодосия, Александра. Дети: Иван, Дмитрий, Владимир, Анна, Любовь
Дмитрий Константинович Правнук Ал-дра Невского	1322-1383	Князь Нижегородский и Владимирский 1359-1362 = 3 года	Жена Анна. Дети: Евдокия, Мария Василий, Иван, Семён
Дмитрий Иванович Донской Внук Ив. I Калиты	1350-1389	Вел. князь Московский и Владимирский 1362-1389 = 27 лет	Жена Евдокия. Сыновья Вел князя – Василий и Юрий
Василий I Дмитриевич Сын Дмитрия Донского	1371-1425	князь Московский 1389-1425	Софья Витовтовна
КОНЕЦ 200-летнего ЦИКЛА 1212-1412			

1. Борьба князей за Великий престол.

Экономические и гендерные факторы укрепления государственности при Великих князьях Семёне Гордом, Иване II Ивановиче и Дмитрие Константиновиче.

Последний этап цикла начался в 1341 году войной князей за Великий престол. Экономическое и политическое укрепление государственности России в 1341 году приостановилось из-за внутренней междоусобной борьбы князей.

В феврале 1340 года, резко ухудшилось здоровье Ивана Даниловича, поэтому он, предчувствуя приближение смерти, написал завещание, в ко-

тором подробно перечислил, кому передает все свои владения и ценности. Московское княжество он разделил между тремя сыновьями (Андреем, Иваном, Семёном) и женой княгиней Ульяной. В Грамоте написал: «... в случае смерти, ... отдаю Симеону Москву, Можайск, Коломну с волостями, Ивану Звенигород и Рузу, Андрею Лопасню, Серпухов, Перемышль; княгине моей с младшими детьми сёла, бывшие в её владении».

Но после кончины Ивана Даниловича в 1341 году, началась борьба за власть, не только между сыновьями. В Орду за ярлыком на великое княжение устремились князья всех старших уделов – тверской, суздальский, ярославский, ростовский. Победил в борьбе за Великий престол старший сын Ивана Даниловича Калиты – Семён Иванович, княжение которого продолжалось 12 лет до 1353 года. На завершающем этапе этого 200 летнего цикла, из всех сыновей Ивана Даниловича, только два сына – Иван Милостивый и Семён Гордый – продолжили династию великих князей Даниловичей.

Семен Иоаннович «Гордый» (время княжения 1341-1353), получив от Орды ярлык на великое княжение Владимирское, сохранил единство и могущество Московского княжества. Симеон смог установить деловые отношения с Ордой. Согласно ордынских правил «все князи Русский под руце его даны». В грамотах Симеон Гордый величался Великим князем всея Руси. С родными братьями он заключил договор «бысть им за один до живота и безобидно владеть каждому своим». Остальных удельных князей держал в строгости, обращался с ними очень сурово, за что и был прозван «Гордый». Семен стал единовластным правителем, все князья признали его власть, сложности были только с новгородцами, которых он старался держать в своих руках. Пришлось ходить на новгородцев войною, московское войско благословил митрополит Феогност. Но битвы не было, новгородцы приняли условия Великого князя, в результате князь Семён заставил их за дорого купить мир.

Дипломатические, даже хорошие отношения он поддерживал с Ордой. Когда на него напал великий литовский князь Ольгерд, который боясь возвышения Москвы, надеялся на помощь Орды. Но Симеон Гордый опередил его, объяснив хану опасность, которая грозит ему от усиления Литвы. Хан выдал Симеону брата Ольгерда, прибывшего в Орду за помощью. Тогда Ольгерду пришлось просить мира у московского князя, и даже отдать в жёны племяннику Симеона – Владимиру Андреевичу, свою дочь. Это подтверждает важность влияния гендерного фактора в решении главного вопроса – укрепления государственности России.

Семен выступил с инновациями в вопросе передачи власти. Он ратовал за переход власти от отца к сыну, а не к старшему по возрасту брату, ибо нарушение старого порядка порождало вражду между уделами и братоубийственные войны. Но в судьбе Симеона этот закон не пригодился, поскольку успешный в государственных делах, Симеон не имел наследника.

Великий князь Симеон был женат трижды, и было у него шесть сыновей, а наследника не было.

Первая жена литовская княжна Наталья Айгуста (Анастасия) родила князю Симеону двух сыновей Василия и Константина. Первый младенец прожил один день и умер, через год родился второй сын, и тоже не выжил, и сама Наталья вскоре умерла. Успешный в государственных делах, Симеон не имел наследника. Во второй раз Симеон женился опять не удачно. Брак был вынужденным, ради политических интересов. Женильба на смоленской княжне Евпраксии ради того, чтобы приглушить вражду со Смоленским княжеством, не принесла радости, наследников опять не было. Симеон Гордый, отослав князю смоленскому Федору Святославовичу свою жену – а его дочь – Евпраксию. Смоленский князь вынужден был молча снести оскорбление. Евпраксию выдали замуж за князя Фёдора Фоминского. Справедливости ради, надо отметить, что от него она имела детей.

Третья жена Мария – дочь тверского князя Александра Михайловича, убитого в Орде. Митрополит был против третьего брака. Но князь Симеона настоял на своём, и его с Марией обвенчал священник Стефан, брат Сергия Радонежского, тогда и митрополит благословил их. Великая Княгиня Мария родила четырёх сыновей. Но не суждено им было стать наследниками. Сыновья Марии Александровны и Симеона все умерли в раннем детстве. В ту пору случилась эпидемия чумы, от которой погибли его младшие сыновья Иван и Семён.

Глубоко несчастный в семейной жизни, Великий князь Симеон Гордый в 1353 году принял имя инока Созонта, и сделал духовное завещание, в котором передавал бразды правления митрополиту Алексею, ибо была слабая надежда, что беременная жена Симеона Мария еще родит наследника. Но этому не суждено было случиться. Симеон Гордый умер в 1353 году от «моровой язвы», от чумы. Симеон Гордый вошел в историю, как честный и упорный борец за укрепление государственности России.

В этом духовном завещании была сделана приписка: если не будет сына, то великое княжение переходит к брату Ивану II Ивановичу. При этом Симеон, зная мягкий характер брата, оговорил важную роль в управлении митрополита Алексия.

Иван II Иванович (годы княжения 1353-1359 г.), брат Симеона, отец Дмитрия Ивановича Донского, человек очень скромный и кроткий, за что, он получил прозвища «Кроткий», «Красивый» и «Милостивый». Кроме Ивана Ивановича, били и другие претенденты, князья суздальские, рязанские, тверские, но ярлык на великое княжение в Орле был выдан сыну Ивана Калиты. Иван Иванович не сорился с соседями, никого не трогал, ни Тверь, ни Суздаль, ни Новгород. А в мирную Москву стали переселяться земледельцы, ремесленники и торговцы их других городов.

Великий князь Иван был глубоко верующим человеком и с митрополитом Алексеем установил уважительные отношения. В пору княжения Ивана

Ивановича началась деятельность Сергия Радонежского. В 2012 году будет юбилей 620-летия памяти Преподобного Сергия, который, как писал историк Ключевский: «Примером своей жизни, высокого своего духа...поднял упавший дух родного народа, вдохнул веру в своё будущее». Сергей учил не назиданиями, не силой, а собственным примером своей жизни, смирением и кротостью. Сергей Радонежский призывал: *«Единомыслие хранить друг с другом, иметь чистоту духовную и телесную и любовь нелицемерную, от скверных прихотей остерегаться, смирением украшать себя, от противоречия уклоняться»*. Деятельность Сергия была особенно действенной в княжение сына князя Ивана – Дмитрия Ивановича Донского.

Во время мирного и спокойного княжение Ивана II Ивановича, продолжалось объединение русских земель вокруг Москвы. В историю этот благородный князь вошёл как носитель позитивного, созидательного начала и как отец Великого Дмитрия Донского. Юному князю Дмитрию было всего шесть лет, когда году ушёл из жизни в 1359 году его отец Великий князь Иван Иванович Кроткий.

Суздальский князь Дмитрий Константинович стал великим князем (1359-1362) не по отчине, не по дедине. Он был правнуком Андрея Ярославовича, брата Александра Невского. Потомки Андрея, ни сын Василий Андреевич, ни внук Константин Васильевич – вел князьями не были, но как и все удельные, мечтали о вел княжении. После смерти Ивана II Ивановича, все они ринулись в Орду за ярлыком. Малолетний Дмитрий Иванович, наследник престола по отчине в Орду не поехал, а 40 летний Дмитрий Константинович (наследник по дедине), князь нижегородско – суздальский, на свою беду, получил вождеденный ярлык. Князем он был три года, хотя жил долго – до 1383 года. Его восхождение на престол не понравилось князьям московским, тверским и ростовским. Бояре отвезли малолетнего Дмитрия Ивановича в Орду и выхлопотали на него ярлык.

Но суздальский князь Дмитрий Константинович не хотел уступить Дмитрию Ивановичу великий престол, что послужило причиной военного выступления против него юных князей, двоюродных братьев: Дмитрия Ивановича, ему было 12 лет, и 9-ти летнего Владимира Андреевича Суздальского. Служивое московское боярство с благословения митрополита Алексия, посадили на боевого коня Великого князя Дмитрия, и он с братом Владимиром, совершил свой 1-й военный поход на Переславль, где в это время находился Дмитрий Константинович Суздальский. Поход прошел успешно. Суздальский князь Дмитрий Константинович, не вступая в бой, отступил во Владимир, а затем в родной Суздаль. Такой исход предвидел старший брат князя Дмитрия – Андрей Константинович, который сознательно отказался от всех претензий на великий престол, и признал законным и достойным наследником Дмитрия Ивановича московского. Забегая вперёд, уместно сказать, что через несколько лет два Дмитрия – Константинович и Иванович – породнятся: Дмитрия Иванович женится на дочери Дмитрия Константиновича.

В судьбе Дмитрия Ивановича большое значение имела дружба с двоюродным братом Владимиром Андреевичем Суздальским. Как сказано выше, они в отроческом возрасте совершили успешный военный поход на Переяславль. Дружба Дмитрия и Владимира продолжалась всю жизнь.

В начале 1372 года, в год своей женитьбы, серпуховский князь Владимир заключил договор с великим московским князем Дмитрием. В этом договоре большое внимание уделялось территориальным вопросам. Оба князя к этому времени, помимо своих вотчин, имели другие земельные приобретения. Например, Дмитрий Иванович передал Владимиру Андреевичу принадлежавшие в прошлом его предкам по материнской линии города Галич и Дмитров. Но зимой 1388 года Владимир Андреевич поссорился с Дмитрием Ивановичем, так как великий князь отнял у него города Галич и Дмитров. Но в марте следующего года братья помирились и заключили договор.

Однако, после кончины Дмитрия Донского, в конце 1389 года произошло столкновение Владимира Андреевича с новым великим князем Василием I Дмитриевичем, который приходился ему родственником – трёхюродным племянником. Дружбу князей московских с серпуховскими сменила вражда. Последним крупным деянием Владимира Андреевича была защита Москвы осенью 1408 года от хана Едигея. Умер Владимир Андреевич в мае 1410 года, прожив почти 57 лет. Свои владения он разделил между пятью сыновьями и женой.

2. Роль институциональных и гендерных факторов укрепления государственности при Великом князе Дмитрии Ивановиче.

2.1. Трудности и победы восхождения на Великий престол князя Дмитрия Ивановича Донского.

Ярлык на великое княжение Дмитрий Иванович получил в 1362 году. Это был юбилейный, знаменательный, в истории государственности России, год потому, что ровно 500 лет назад в 862 году началась династия Рюриковичей. Правителем Древней Руси в 862 году со столицей в Новгороде стал Рюрик, который был первым Великим князем. В наши дни, в 2012 году, будет торжественно отмечен 1150 юбилей начала становления государства Российского.

Княжение Рюрика продолжалось 17 лет до 879 года. А Великое княжение Дмитрия Донского продолжалось 27 лет и завершилось тоже в знаменательную дату – в 1389 год совпал с 510 годовщиной памяти Рюрика.

В начале княжения 12ти летнего Дмитрия Ивановича, Московское боярство с митрополитом Алексеем продолжало поддерживать политику усиления Московского княжества, но удельные князья Суздальский, Рязанский и, особенно, Тверской не сразу признали его верховную власть. Князь Дмитрий Константинович и его братья Андрей и Борис владели Суздалем, Нижним Новгородом и претендовали на Владимира. Тогда бояре московские посадили на коней своего князя Дмитрия Ивановича (ему было 11 лет), и его

братьев – родного Ивана Ивановича (он младше Дмитрия) и двоюродного брата Владимира Андреевича – князя Серпуховского. Этот первый поход молодых князей был успешным.

Во второй половине XIV в., при Дмитрии Иоанновиче, Московское княжество становится национальным и экономическим центром всей страны. Бояре и монастыри всеми силами поддерживали укрепление великокняжеской власти, ибо эта власть, защищала феодалов от внешнего врага и друг от друга. При Дмитрии Донском впервые стены Кремля были построены из камня, Москва стала называться белокаменной.

Верным советчиком Дмитрия с юных лет был митрополит Алексей, убеждённый сторонник укрепления великого княжения на Руси за московскими князьями. И установления на Руси твёрдого порядка и крепкой государственной власти. Вел князь Дмитрий Иванович обсуждал с митрополитом отношения с Ордой. Был выбор: или открыто выступать против татар, или с покорностью добиваться милости ханов. Дмитрий предпочитал энергичные, решительные действия, но по советам митрополита и бояр, порой использовал мирную политику, завоевывая покорностью и дарами расположение хана.

1365 году Дмитрий Иванович спас Московское княжество от западного врага Ольгерда, который дошел до Москвы, но Кремль взять не смог. В Москве вспыхнул пожар, при этом москвичи сами поджигали свои посады, чтобы не отдать столицу врагам. Дмитрий Иванович смог и военной силой и подписанием договора с Литвой навсегда закрепить за Великим Московским княжеством и Владимир, и Углич, и Тулу. А удельные князья Рязанский, Тверской, Суздальский Нижегородский, после ряда военных поражений, решили повиноваться Великому князю Дмитрию.

2.2. Роль гендерных факторов – выбор жен и рождение наследников, для укрепления государственности в период Великого княжения Дмитрия Ивановича.

Выдающимся событием в жизни Дмитрия Ивановича и всего государства Российского стала его женитьба в 1351 г. на княжне Евдокии, ибо роль гендерных факторов в укреплении государственности всегда была велика. Княжна Евдокия, невеста Дмитрия Ивановича, была дочерью князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича.

Отношения Дмитрия Ивановича с будущим затем были не простые. Суздальский Дмитрий Константинович взшел на Великий, сразу после Ивана II отца Дмитрия престол, за три года до Великого княжения Дмитрия Ивановича. Удержаться на Великом престоле он смог только три года.

В 1351 году вступил в силу *гендерный факто*. Дмитрий Константинович Суздальский отдал свою дочь княжну Евдокию – умницу и красавицу – в жены московскому князю Дмитрию, о котором летопись гласит, что был князь «крепок и мужествен и взором дивен зело». Женитьба эта была вы-

годна отцу Евдокии, ибо благодаря гендерному фактору он вновь вплотную приблизился к великокняжескому российскому престолу. А для Москвы женитьба Дмитрия Донского на Евдокии не имела политического расчёта. В выборе невесты Дмитрий оценил душевные, нравственные качества будущей жены. В военном плане Суздаль, в те годы, не был опасен Москве, и женитьба была важна только как институциональный гендерный фактор. Более того, Дмитрий Иванович помог отцу Евдокии миром решить вопрос наследования Нижнего Новгорода.

Свадьбу нижегородской княжны Евдокии и великого князя Дмитрия сыграли не в Москве (Дмитрию Константиновичу, свергнутому с вел. престола, было бы обидно), и не в Нижнем Новгороде (Дмитрию было бы недостойно). А в красивом русском городе Коломне. Другой причиной, почему свадьбу сыграли в Коломне, были жара, засуха и пожары.

На протяжении долгой совместной жизни Евдокия была верной помощницей и другом горячо любимого мужа. Родила ему 12 детей, двое из которых – Василий и Юрий – стали Великими князьями России.

В 1389 году смерти Дмитрия Донского, Великая княгиня Евдокия была вновь в положении. Она родила своего последнего ребёнка, княжича Константина и на другой день, когда вошла в спальню мужа, была поражена горем – Дмитрий, окружённый сыновьями и боярами, лежал в предсмертном недуге. Увидев Евдокию, которую он очень любил и уважал, начал говорить своё «последнее слово». Евдокию назвал дорогой женой и наследницей богатств. В своём духовном завещании Дмитрий Иванович отвел жене своей – Евдокии важную роль: предоставил великой княгине Евдокии неограниченную власть в перераспределении волостей между сыновьями.

Наследником и Великим князем, Дмитрий Иванович представил боярам и всем присутствовавшим Василия – своего 17-летнего сына. Так он первый из князей не спросил на то согласия орды. Назначил будущего государя.

По сказанию летописцев, нельзя представить более глубокой душевной скорби: плачь и долгие стенания не умолкали во дворце, на улицах и площадях. Великий князь Дмитрий Иванович был любим не только женой, но и народом за заботу о славе Отечества, за справедливость и добросердечие. Плач Евдокии записан летописцами и стал древнерусским литературным памятником.

Знаменательно, что гендерный фактор, и в Литовском княжестве и в Польше, имел не меньшее значение, чем на Руси. После кончины Ольгерда, литовским великим князем в 1377 г. стал его сын Ягайло, в православии Яков. Его судьба, во многом зависела от женщины: он женился на Ядвие – дочери польского короля Людовика. Отец Ядвиги Людовик умер в 1382 г. В Польше в Кракове Ядвигу любили, народ связывал с ней надежды на прекращение внутренних войн и кровопролитий. Ядвиги была влюблена в Вильгельма австрийского. Но польские вельможи, понимая историческое

значение брака Ядвиги с Ягайло для Восточной Европы, и поэтому прогнали Вильгельма. Ядвига потребовала чтобы литовский князь Ягайло – Яков отказался от православия. Он крестился в католическую веру и исполнил данное обещание о распространении католичества в Литве. После свадьбы в 1386 г. латинские проповедники начали насильственно внедрять в Литве католичество, и упорно бороться с православием. Есть даже известие, что православная церковь в Литве при Ягайле имела мучеников.

Роль гендерного фактора в укреплении государственности и решении вопросов внешней политики, проявилась ещё в одной женитьбе. В ознаменование заключения союза с Литвой, князь Владимир Андреевич (двоюродный брат и верный друг с детских лет великого князя Дмитрия Ивановича) был торжественно обручен с дочерью Ольгердовой Еленой. Свадьба совершилась, и литовская княжна стала русской княгиней.

Таким образом, роль гендерных факторов для укрепления государственности, имела большое значение, как на Руси, так и в других странах.

3. Роль экономических и военных факторов во время Великого княжения Дмитрия Ивановича с 1262 по 1389 год.

3.1. Монетная система и усиление роли рубля Центральной России в XIII-XIV вв.

Великий князь Дмитрий Донской предпринял собственную чеканку монет в 1384 г. К совершенствованию системы денежного обращения его побудила, проведённая им же общерусская мобилизация военных сил и изменение организации войска. Дмитрий Донской ввел разрядные книги, в которых были даны «подробные росписи полков и воевод» четко определены участники похода, районы их мобилизации, установлено единое командование. В результате денежных реформ князей Дмитрия и его сына Василия I Дмитриевича, московская денежная система сохранила прежний счет: 1 рубль = 10 гривнам = 200 деньгам. Но вес денег постоянно падал, и в начале 14 века вес рубля был снижен до 153 г (по сравнению с 200 г чистого серебра в рубле новгородском).

Проведению реформы Дмитрия Донского предшествовала длительная история становления монетарной системы России. Древние славянские племена имели свою территорию и экономическую организацию, каждое племя имело и свое название: – мурома и весь – междуречье Оки и Волги; – ильмени – бассейн оз. Ильмень; – поляне – среднее течение Днепра; – кривичи – верховья Днепра и Волги, левый берег р. Москвы; – северяне – левый берег Днепра, р. Двина; – вятичи – по р. Оке; – жмудь – восточнее р. Неман; – чудь и ливь – западнее Чудского озера; – водь – южнее р. Невы.

Между этими славянскими племенами быстрыми темпами развивались товарно-денежные отношения. В литературе о древних русских деньгах сложились две теории – «*меховая*» и «*металлическая*». Мы полагаем, что эти теории не взаимоисключающие.

Первоначально деньгами служили меха ценных пушных зверьков. Со временем меховые деньги были вытеснены серебром, но серебряные деньги надолго сохранили название меховой денежной системы, которая больше соответствовала натуральному хозяйству. По мере развития торговых отношений, особенно в южных районах, где были сильнее контакты с Востоком, утвердилась металлическая система денежного обращения.

Меховые деньги ценились по породе пушного зверька, и по качеству меха. Денежная единица «ногата» представляла собой шкурку соболя с четырьмя ногами; «куна» – (необязательно мех куницы), это зимний мех зверька любой ценной породы. Одна куна равна двум «резанам». «Резана» – это мех брюшка с задними лапками. Самой большой единицей меховых денег была «гривна» – связка ценного меха (25 шкурок), достаточного на меховое оплечье. Во времена Людовика XIV принцесса Палантина ввела в моду меховые оплечья для женщин, названные ее именем – *palatine* (по-русски палантин).

Гривна равнялась 25 ногатам или 50 резанам. Одна резана равнялась двум дюжинам белей. Счет велся на дюжины, поэтому масштаб цен меховых денег выглядел так:

1 гривна = 25 кунам = 50 резанам = 1200 белей.

1 ногата = $1 \frac{1}{4}$ куны = $2 \frac{1}{2}$ резанам = 60 белям.

1 куна = 2 резанам = 48 белям.

1 резана = 24 белям.

В Древней Руси было еще одно название денег – скот. Но скот не означал денежной единицы, тем более не означал стада домашних животных. Это – собирательное понятие, отдаленно приближающееся к современному понятию финансы. Скот – это сумма денег, казна.

Собственные **металлические** деньги появились в X в. До появления русских металлических денег в V-IX вв. большое хождение в стране имели греческие драхмы, византийские деньги, восточные дирхемы и (редко) золотые динары. В конце VII в. на Руси находилось достаточное количество серебра, и был накоплен опыт денежного обращения (представление о весе монеты, качестве металла), что создало предпосылки для возникновения металлических денег.

Древнерусские монеты тождественны старогреческим и римским монетам. На них изображались фантастические крылатые четвероногие, головы быка, птицы, животные, похожие на куницу или белку. Медные монеты с клеймом, изображавшим голову (морду, мордку) или всю фигуру животного, назывались «скотец», или «говядо».

Создать собственную монету стало возможным в конце X в. за счет накопленного запаса привозного металла. Появление русских древних металлических денег знаменовало суверенность восточнославянской державы. На монетах были славянские надписи, портрет князя и родовой знак Рюриковичей, известный по другим памятникам культуры. В XI веке на

монетах, с надписью «Ярославле серебро», было изображение Христа, на другой ее стороне – святого Георгия, покровителя Ярослава. Эта *первая чеканка* русских монет, со смертью Ярослава Мудрого прекратилась.

Во времена татаро-монгольского ига татарские монеты обращались в России в огромном количестве и оказали решающее влияние на последующее развитие русской денежной системы. На русские деньги приходилось накладывать арабские знаки, чего неуклонно требовали ханы, выдавая «ярлык» до второй четверти XV века.

В первом историко-правовом документе государства, в «Русской Правде» (XI–XII вв.) дано яркое представление о масштабе цен в русской денежной системе. В ней предусматривались штрафы за поджоги, перепашку меж, хищение хлеба, скота и другого имущества князей и бояр. Величина штрафа была: за нарушение межи – 12 гривен; повышенные штрафы были установлены за убийство землевладельца-феодала – 80 гривен; за убийство холопа также платили штраф, но только 5 гривен; за убийство свободного человека – 40 гривен.

«Русская Правда» охраняла городских жителей от произвола ростовщиков. Уровень процента устанавливался законодательным путем. После восстания 1113 г. киевский князь Владимир Мономах в особом Уставе, вошедшем составной частью в «Русскую Правду», стремился определить максимальный уровень процентов, взимаемых за долги: 20 % или 40 %.

Яркой страницей, в становлении Монетная система и усиление роли рубля Центральной России, является новгородская денежная система, Новгородская феодальная республика существовала с 1136 по 1478 год. Ремесло в Новгороде было высокопрофессиональным, стоявшем на уровне ремесленного производства передовых европейских и азиатских стран. Все новгородские товары (вывозились в русские города и за границу. Новгород строил корабли, производил станки, мебель, посуду. Также производили детские игрушки, музыкальные инструменты, коньки, лыжи, оружие и драгоценные украшения. Продукты их промыслов – пушнина, воск, лен, рыба, кожевенное сырье, сало, лен, хмель – пользовались спросом и в России, и за границей. Всё это обусловило необходимость собственной, развитой денежной системы. В Новгороде впервые появился термин «рубль». Распространено мнение, что рубль – это разрубленная надвое гривна. Но это совсем не так. Разрубленная гривна являлась полтиной, а рубль был самостоятельной денежной единицей.

Переход от гривны к рублю выразился в том, что содержание серебра в гривне-рубле уменьшилось. Гривна серебра, равная 15 гривнам кун (196,2 г), уменьшили на 2 гривны. Гривна-рубль равнялась 170,1 г = 13 гривнам кун.

В начале XV века, в 1410 г. была проведена новая денежная реформа. Объективные предпосылки проведения её состояли в том, что в результате разветвления рыночных отношений, не хватало мелкой монеты. Поэтому

разreshалась чеканка монет по частным заказам из серебра заказчика. Чтобы получить разменную монету резали на части новгородские деньги. Удельные деньги имели разное содержание серебра, многие монеты стерлись в обращении, деньги часто стали принимать не по счету, а по весу.

В результате реформы новгородский рубль по-прежнему содержал 170,1 г серебра, но стал равен не 13 гривнам кун, а вновь, как раньше, 15 гривнам. Но тогда 15 гривен содержали 196,2 г серебра, а после реформы 15 гривен составили 170,1 г серебра, т.е. одна гривна ранее содержала 13,08 г серебра, а после реформы около 11 г серебра.

Следующая денежная реформы произошла в следующем 200летнем цикле, в 1420 году.

3.2. Инновации во внешней политике и значение военных факторов для экономического укрепления государственности во время Великого княжения Дмитрия Ивановича.

В царствование Дмитрия Донского укреплению государственности очень способствовало преодоление междоусобиц, военных конфликтов удельных князей Северной Руси. Княжества Нижегородское, Суздальское, Ярославское сплотились вокруг Владимира и Москвы. Но с четырёх сторон на Русь наседали Литва, Тверской князь, Орда и князь Рязанский. Укрепление государственности во время Великого княжения Дмитрия Ивановича неизбежно сопровождалось постоянными военными столкновениями. Не только победы, были и страшные поражения, но, главное – это результат: отражение врагов на западе и на юго-востоке, и объединение удельных княжеств в сильное Российское государство.

Литва соперничала с Москвой за влияния на дела Пскова, Новгорода и Смоленска. Во время отделения Пскова от Новгорода, псковитян поддерживала Литва, а Новгород – московские князья. Но между Москвой и Литвой находилась целая полоса княжеств, которые служили предметом споров между этими двумя державами.

В начале XIV века при Гедимине (великий Литовский князь с 1316 по 1341 г.) и его сыновьях – Ольгерде, Кейстуте и а младшем Явнуте, велась постоянная и непрерывная борьба Москвы с Литвой. Страшному опустошению подверг Русь Ольгерд литовский.

Ольгерд был великим литовским князем в 1345-1377гг. Он отличался глубокими политическими дарованиями, верно намечал свои политические цели, умело пользовался обстоятельствами, выгодно вступал в союзы и удачно выбирал время для осуществления своих замыслов. Крайне предусмотрительный, Ольгерд отличался умением в непроницаемой тайне сохранять свои политические и военные планы. Литовский князь Ольгерд три раза ходил на Москву в 1368, 1370 и 1372 гг.

В 1368 Ольгерд и Тверской князь Михаил пришли в Москву. За год до того, Дмитрий Иванович построил в Москве белокаменный кремль и, как

пишет летописец и историк С.М. Соловьёв, «всех князей русских приводит л под свою волю посягнул и на князя Михаила Александровича тверского».

Тверской князь Михаил Александрович, смелый и деятельный не хотел идти под волю московского князя, но не мог справиться с Москвой собственными силами. В 1370 году он вновь искал помощи, то у своего зятя Ольгерда литовского. Военный поход Литвы на Москву, по сути, был борьбой московского князя с литовским, за экономические выгоды от влияния на князя тверского. Михаил Тверской, не добившись положительного результата и на этот раз, стал искать поддержки в Орде.

Ему удалось получить в Орде ярлык на Великое княжение, но князь Дмитрий Иванович его во Владимир не пустил. А сопровождавшего Михаила, мосла ордынского Сарыхожа, пригласил к себе в Москву. После не долгих колебаний, посол согласился, и с удовольствием пировал в Москве у Дмитрия. Получив щедрые дарения, Сарыхожа, по прибытии домой в Орду, много рассказывал о смирении и добром нраве князя московского. А Дмитрия он заверял, что в Орде ему будет оказан добрый прием.

Митрополит Алексей и великий князь Дмитрий решили, чтобы навсегда покончить с происками Михаила Тверского, Дмитрию Ивановичу надо самому побывать в Орде. Но народ взволновался и ужаснулся, когда узнал, что молодой государь, Дмитрий должен подвергнуться опасности в Орде. Карамзин писал о предстоящем посещении Орды князем: «Никто не мог без умиления видеть сколь Дмитрий предпочитает безопасность народную своей собственной, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных».

Благословение на путь Дмитрию дал митрополит Алексей. Народ провожали Дмитрия до берегов Оки и там долго молились Всевышнему Господу Богу. Митрополит дал наказ боярам, сопровождавшим князя в Орду, оберегать его драгоценную жизнь, разделить с ним любую опасность.

В Орде и Хан, и темник Мамай, и вельможи ордынские встретили князя Дмитрия Ивановича ласково. Московский князь понравился им и их жёнам, задобренных богатыми подарками. Его опять пожаловали великим княжением Владимирским и отпущен с большой честью, согласившись брать дань гораздо меньше прежней. В то же время, в Орде Дмитрий сделал доброе дело для своего врага князя Михаила Тверского, который отправил в в Орду своего сына Ивана. Молодой тверской князь пока жил в Орде задолжал 10 тысяч рублей, но его не выпускали из Орды, до выплаты долга.

Дмитрий не только сделал доброе дело, но и показал экономическое превосходство Москву над Тверью. Он легко выкупил Ивана Тверского, заплатив за него 10 тысяч руб., и увёз с собой в Москву. Там Иван тверской жил при дворе митрополита, ожидая пока его выкупит униженный отец.

В Москве, в конце осени 1371 года княгиня Евдокия с великой радостью встречала, вместе со всем народом, своего мужа Дмитрия, из Орды. В этот год у них родился сын Василий, который наследует великий пре-

стол российский. После возвращения Дмитрия из Орды, наступило, на несколько лет спокойное время. Разбои ордынцев прекратились и как во время княжения Ивана Калиты – деда Дмитрия Донского, люди начали отвыкать от леденящего страха от ордынских набегов. Началось нравственное и политическое возрождение русского народа, созревало осознание необходимости полного освобождения от татарского ига.

Однако распри между российскими удельными князьями не прекратились, и часто, к разрешению споров то тверской, то рязанский, то мордовский князь, прибегали к помощи внешних врагов – литовцев и ордынцев.

В 1372 г. стало известно, что тверской князь, вступив в союз с Ольгердом литовским, в третий раз собрался в поход на Москву. Завершился этот поход для них поражением. Ольгерд до Москвы не дошел, т.к. был вынужден поспешить на запад, для отражения наступления Тевтонского ордена. После окончания войны с Литвой, между Тверью и Москвой в 1375 г., был заключен мир.

У Московского государства, был еще один неприятель, желавший свергнуть Дмитрия с великокняжеского престола – гордый и своенравный Олег Рязанский. В начале 70-ых годов, он то помогал Москве в войнах с Ольгердом Литовским, то шёл на Москву, противясь политике единоначалия, проводимой Дмитрием. В декабре 1371 г. москвитяне разбили рязанцев. Но Олег, самый упорный из русских князей, вновь стремился на вел. престол.

Помог в установлении мира Сергей Радонежский. Он умел тихо и кротко настраивать душу человека, извлекать из неё лучшие чувства. Преподобный отговорил упрямого Олега от войны с Москвой. Впоследствии Олег рязанский согласился на брак сына своего Федора Олеговича с дочерью Дмитрия Ивановича – Софьей Дмитриевной. На этот раз, военный фактор был отодвинут, более гуманными, церковным и гендерными факторами.

Завершив войной дела рязанские и тверские, Дмитрий Иванович решил укрепить государственность российскую, подчинив экономику новгородцев интересам всей страны. Новгородцы не платили княжеских пошлин, и кроме того, грабили жителей по Волге. Дмитрий Донской пошел на Новгород с войной, и добился заключения мира, но тоже с позиции силы. Великий князь Дмитрий наложил на Новгород «откуп» в 8000 руб.

В последующие годы Дмитрий Иванович продолжал укреплять Российское государство, обратив свои взоры и силы на юго-восток, что привело к освобождению станы от ордынского ига.

3.3. Большая битва Великого князя Дмитрия Ивановича на реке Воже в 1378 году.

К концу 70-ых гг. Великий князь Дмитрий Иванович, (напомним его год рождения – 1350) возмужал и значительно укрепил военные силы московского княжества. В борьбе за единство народов России, стал победителем в борьбе с Литвою, Рязанью и Тверью. Кроме войн на северо-западе страны с литовцами и поляками, он вёл упорную борьбу, на юго-востоке с Ордой.

В 1378 году войско ордынцев напало на княжество рязанское, которое уже вступило в союз с Москвой. Вел князь Дмитрий Иванович, выступил на защиту русских земель, и пришёл на помощь рязанцам.

В ту пору феодальная раздробленность Орды ослабила силы татаромонгол. В Орде делили власть два хана – Мюрид (Амурат) и Абдул (Abdullah). А темник Мамай был, лишь управителем при хане Абдуле. Третий хан Булат – Темир сидел в древней стране Болгарской, а в Мордовии правил князь Тогай. Все они, как и везде в странах раздробленных по экономическому и национальному факторам, враждовали друг с другом, а в нападках на российский княжество, терпели поражение. Так князь страны Мордовской – Тогай, после нападения и разграбления Переславля Рязанского, был достигнут и полностью разбит князьями Олегом рязанским, Владимиром пронским и Титом козельским. Печальная участь постигла Булат – Темира, напавшего на нижегородские владения. Он бежал от войска Дмитрия Константиновича нижегородского в Золотую Орду, но ... там был убит ханом Азизом. По всей стране россияне оказывали решительное сопротивление ордынца, а также вели наступательные бои, отвоёвывая свои земли. Победенные князья казанские Асан и Магомет – Солтан уплатили тысячные контрибуции князьям московскому и нижегородскому, а так же ратным людям.

Но были и поражения. Молодой царевич татарский Арапша, в союзе с мордовскими князьями, желавшим отомстить за своё недавнее поражение, тайно подошли к россиянам. Был конец июля 1377 г. и стояла сильная жара. Князья бояре и воевода расслабились и забыли осторожность. После этого поражения, русские князья все же собрались силами, и уже зимой, нанесли новый сокрушительный удар войску князей мордовских, которые летом поддерживали ордынского царевича. В орде, утратившей свою прежнюю силу, получавшей значительно меньшую дань, назревало огромное желание возратить своё экономическое и военное влияние над окрепшей Россией.

Хитрый и мудрый Мамай, объявивший себя ханом, соединил две орды: Золотую, где царствовал Азис, и свою Волжскую. Но русские противостояли ордынцам, и с разных сторон на них наступали. Дмитрий Нижегородский (свёкор Дмитрия Донского) со своим братом Борисом разбили отряды мурзы Булат Темира, которые разоряли села на Волге.

Но главной была победа Великого князя Дмитрия Ивановича в битве на реке Воже. Большое сражение с ордынцами возле реки Вожи, притока Оки, произошло в 1378 году. Войско Дмитрия Донского правильно расположилось на поле сражения и полностью разбило отряды монголов. Битва на реке Воже вошла в историю как значимая победа русских войск над ордынцами.

4. Победа Великого князя Дмитрия Донского в битве на Куликовом поле в и отражение нашествия Тохтамыша.

4.1. Победа войска Дмитрия Донского в битве на Куликовом поле.

После поражения на реке Вожи, Мамай более двух лет готовился к новому походу. Он поднял большую часть орды, и усилил своё войско от-

рядами наёмников из народов северного Кавказа, а также Крыма из племени «феряги» (крымские итальянцы). Кроме того, Мамай договорился о помощи с Литвой и князем рязанским Олегом. Ордынские отряды Мамаё остановились в устье реки Воронежа.

Огромная опасность нависла над всеми землями российскими, и сплотила все уделы вокруг вел князя Московского и Владимирского Дмитрия Ивановича. Не пришли только новгородцы, рязанцы и еижегородцы, которые возможно были оставлены для охраны границ в низовьях Оки. В конце лета 1380 года русские отряды подошли к Коломне. В летописи читаем: «от начала миру такова не бывала сила русских князей и воевод». Русское войско перешло реку Оку и направилось к верховью Дона.

В стане Мамаё, когда узнали о размерах войска русского, произошло некоторое замешательство. Литовцы остановились и пошли обратно во свояси. Отступил от Мамаё и князь рязанский.

Русские отряды Дмитрия собирались в Коломне, затем перешли Оку и двинулись к верховью Дона. С полчищами Мамаё они встретились на берегу речки Непрядвы, правого притока Дона. Битва развернулась на огромном Куликовом поле и продолжалась несколько дней подряд.

План похода Дмитрия состоял в том, чтобы, не дать хану Мамаё соединиться с союзниками, и неожиданно выйдя навстречу противнику. В начале сражения ордынцы потеснили войско Дмитрия Донского, но из засады началось победное наступление войска серпуховского князя Владимира Андреевича – двоюродного брата Дмитрия Ивановича Донского, – и опытного воеводы Дмитрия Боброка Вольнского. Ордынца не5 выдержали неожиданного удара и под натиском русских сил, бежали. Победе была полной.

Перед Куликовской битвой Дмитрий получил благословение на исполнение замысла у игумена Сергия из Радонежского монастыря. Сергий предрёк князю победу и, согласно легенде, послал с ним «на брань» двух иноков своей обители – Пересвета и Ослабю.

В историю России Куликовская битва имела очень большое историческое и политическое значение и является в течении более 600 лет гордостью и знаменем всего российского народа и государства.

В бесчисленных летописях и сказаниях хранится память о Куликовской битве, продемонстрировавшей мощь общего выступления всей страны и всего народа. Это событие является вечным примером побед и дальнейшего пути, который ведет к полному объединению страны и укреплению государственности в России.

Сражение началось в начале сентября 1380 года. На четвертый день, в день Рождества Богородицы – 8 сентября День Рождества Пресвятой Богородицы – была одержана победа над врагом. Великий князь Дмитрий Иванович прислал гонца к митрополиту Куприяну с вестью о том, что одержана Победа и враг разбит! После Куликовской битвы Великого князя Дмитрия стали во веки веков звать *Донским*.

В ознаменование победы на Куликовом поле Великая княгиня Евдокия дала обет, и выполнила этот обет в конце жизни, обратиться в малую церковь СВ. Лазаря в храм Рождества Богородицы, ибо день этот принес торжество всероссийское. Весь народ праздновал победу над ханом Мамаем, которая знаменовала начало освобождения от ига Орды.

25 сентября 1380 г. Дмитрий Донской с победой вернулся в Москву. В храме Успения Богоматери митрополит совершил литургию и благодарственный молебен о дарованной победе. На следующий день Дмитрий Донской отправился в Троицкий монастырь к Сергию Радонежскому – провозвестнику победы. Заслуга Преподобного Сергия в том, что он в страшные годы порабощения России иноплемennыми врагами смог вдохнуть силу в свой народ. Народ праздновал разгром Мамая, но это ещё не была окончательная победа. Низвергнутый Мамай скончался, но ему на смену явился хан Тохтамыш.

4.2. Современные историки XX-XXI в. и летописи разных веков о победе Дмитрия Ивановича Донского на Куликовом поле.

Научные изыскания в истории, как и во всех науках (биологии, физике и т.д.) являются сутью, содержанием и целью творческой деятельности учёных. Предметом изучения историков, исследующих события времён Дмитрия Ивановича Донского, стали *летописи* не только XIV, но и более поздних веков. А так же, *материальные факторы*: наскальные пиктограммы, домены, и человеческие кости на полях битв и в массовых захоронениях.

Однако результаты исследований, проводимых в разные исторические периоды, с разрывом во времени в 100, 300 или 600 лет, не всегда приводят к одинаковым выводам, как это было при описании битвы на Куликовом поле. Ярким примером существования разных толкований одного и того же события историками разных поколений, может послужить разноречивое описание одной из ситуаций, сложившейся в период Куликовской битвы. Серпуховский удельный князь Владимир Андреевич – двоюродный братом и друг Дмитрия Донского с отроческих лет – на Куликовом поле руководил засадным полком, вместе с князем Дмитрием Михайловичем волынским. В ранних летописях большое внимание уделено их дружбе и взаимодействию в битве на Куликовом поле. Известно, что этот полк сыграл решающую роль в разгроме Мамая. С тех пор за Владимиром Андреевичем закрепилось прозвище – Владимир Храбрый.

Но в рассказах о Куликовской битве, написанных в более позднее время, после 60-х годов XV века, опускается, замалчивается имя Владимира Андреевича. Это обусловлено тем, что в 1456 г. его единственный внук – князь Василий Ярославич, после ссоры с великим князем Василием II, попал в немилость, и более того, был схвачен и посажен в темницу. Так неугодность, вина перед великим князем, внука Владимира Андреевича, стала причиной изменения оценки его роли в истории битвы.

Несовпадение описания событий 1380 г. в летописях, созданных в XIV веке, с описаниями в летописях XV века, (во время жизни третьего поколения участников Куликовской битвы), стало обычным явлением. Это было обусловлено социально-политическими изменениями в отношениях, между княжеских родов; изменениями роли и места потомков прежних родов при новой власти и новых экономических условия. Летописцы, исходя из современной им ситуации, прославляли предков бояр, приближённых к действующему великому князю, и принижали заслуги тех, чьи потомки стали неудобными. По мере этих изменений, менялось описание истории в старых летописях. Отношения действующего великого князя и его окружения, к тому или иному их современнику из бояр или княжеского рода, летописцы отражали в летописях. В результате, летописцы старались в угоду правящей княжеско-боярской верхушке, принизить заслуги прежних героев, предков тех, кто сегодня был не угоден власти. Это одна из причин, которую не принимают во внимание некоторые современные исследователи, основывая свои «уточнения» событий, более чем 600-летней давности, на основании летописаний подхалимов верховной власти, созданных спустя 100 и более лет, после описываемых ими событий.

Антипатриотичными, направленными на умаление великой истории нашей страны, являются утверждения, что Куликовской битвы не было. Эти псевдо-исторические утверждения, ни в коей мере, не способствуют, в начале двадцать первого века, возвышению международного престижа и роли современной России в международной политике. И самим историкам конца XX – начала XXI века не приносят ни славы, ни признания среди россиян и населения европейских славянских стран.

В литературе о Куликовской битве, которая была в XIV веке, в наше время, в начале III-го тысячелетия н.э. появилась тенденция к развенчанию роли этого события и даже полного его отрицания. При этом теряется главный результат исторических событий того времени, который состоит в укреплении государственности России в конце двухсотлетнего цикла 1212-1412 годов.

Великое княжение Дмитрия Донского началось в 1362 г. и закончилось в 1369 г., т.е. продолжалось 27 лет, и явилось выдающимся периодом истории России. О его государственных инновациях, военной и экономической политике рассказано во множестве книг, летописях и статьях. Остается добавить, что все сказания о победе на Куликовом поле, направлены на возвышение роли государственности, централизованной власти и хорошо организованной экономики в России во все века. История 200 летних циклов демонстрирует вечную стойкость России перед внешними врагами, будь то нашествие ордынцев, наступления Польско-Литовского княжества, нашествие Наполеона или фашистской Германии.

История освобождения России Дмитрием Донским от ордынского ига, нашла своё отражение в описании победоносной Куликовской битвы, и более 600 лет является гордостью всех россиян и славян всего мира.

4.3. Нашествие Тохтамыша в 1382 год. Кончина Мамаю.

Народ праздновал разгром войска Мамаю, но это ещё не была окончательная победа... Через два года после Куликовской битвы, ордынцы в 1382 г. вновь напали на Русь.

Грозное Тохтамышево нашествие предвестила Комета **1382**. Великим ужасом наполнились сердца всего народа, когда в 1382 г. пронеслась над землёй комета подобная той, что являлась в 1368 г. перед нашествием на Русь Ольгерда литовского. Хотя комета и предвестила беду, но Тохтамышево нашествие, но всё же началось неожиданно. Тохтамыш сжёг Москву, учинив страшный погром в городе и разграбив окрестности.

Следующий 1383 год тоже был очень тяжелым. Случилось личное горе в великокняжеской семье – умер 60-ти летний Дмитрий Константинович князь суздальский и нижегородский, свёкр Дмитрия Донского. В российские наследственные княжеские дела вмешался Тохтамыш. Утвердившись в захваченных землях, стал распоряжаться в удельных княжествах: он передал ярлык на Нижний Новгород брату Дмитрия Константиновича. Борису, нарушив новый порядок наследования. Сыновья Дмитрия Константиновича, не согласны с тем, вооружились и, с помощью своей сестры великой княгини Евдокии и зятя своего – Дмитрия Донского, вернули себе Нижегород. На борьбу поднялся весь народ. Тохтамыш был побеждён и навсегда ушел из русских земель. Один из его отрядов разбил верный сотоварищ и брат Дмитрия Донского Владимир Александрович. Когда Тохтамыш узнал, что войско Владимира Александровича стоит у Волока, а сам великий князь Дмитрий стоит в Костроме, быстро начал отступать. В этом проявилась решительная перемена в отношениях Руси к татарам, что было следствием Куликовской битвы.

Тяжелые испытания одно за другим нёс 1383 г. Старый недруг князь Тверской, рассчитывая на злобу Тохтамыша к Москве, поехал в Орду, чтоб отнять у Дмитрия Донского титул Великого, главного на Руси, князя. Поехал тверской князь не прямого дорогой, а околицами, чтобы князь Дмитрий не узнал об этом. Тохтамыш направил посла Мурзу Карачу к Дмитрию, звать его в Орду к хану. Обстоятельства были таковы, что сопротивляться татарам на этот раз было невозможно, но и ехать в орду очень опасно. Очень часто там умерщвляли князей. Тем более нельзя было ехать Князю Дмитрию Ивановичу ибо «один звук его имени возмущал злобную для него душу Тохтамыша». Великий Совет принял решение послать в Орду старшего сына Дмитрия – Василия, который, после отца, станет Великим князем.

5. Экономические, военные и гендерные факторы укрепления государственности при Великом князе Василии 1 Дмитриевиче до 1412 года, в период завершения цикла.

5.1. Первый подвиг юного князя Василия – побег из ордынского плена. Женитьба вел князя на литовской княжне.

Служение отечеству князь Василий Дмитриевич, начал в 13 лет. Ему пришлось в 1383 году, вместо отца, ехать в орду к хану Тохтамышу, что бы-

ло тяжелым испытанием. Молодого князя Василия Дмитриевича – старшего сына Дмитрия Донского задержали в Орде на долгие месяцы и годы. Три тяжких года в разлуке с родным домом провел Василий в плену. Много выстрадал Василий Дмитриевич, пока не бежал в 1386 году из ордынского плена через южные края и западные страны, через Молдавию и Пруссию.

Осуществить побег, юного князя Василия Дмитриевича из ордынского плена, помог Литовский князь Витовт – двоюродный брат князя литовского Ягайло. Витовт был тогда в изгнании и решил помочь московскому княжичу. У него были свои планы и надежды на дружбу с Великой Русью. Результатом чего стала женитьба князя Василия Дмитриевича на дочери Витовта княжне Софье. Был заключён договор, по которому Василий Дмитриевич обязался вступить в брак с дочерью Витовта Софьей, за что Витовт обещал доставить Василия в Москву. Знатные бояре московские были посланы встречать князя Василия. Польские и литовские бояре сопровождали Василия Дмитриевича как жениха литовской княжны. Въезд получился торжественным.

Перед своей кончиной, Дмитрий Донской первый из князей назначил наследника, не спросив на то согласия Орды. Он представил боярам и всем присутствовавшим своего сына Василия как будущего государя. Обняв верную супругу Евдокию, сказал: «Бог мира да будет с вами!». Сложил руки на груди и скончался. По сказанию летописцев, скончался нельзя представить более глубокой душевной скорби: плачь, долгие стенания и вопль не умолкали во дворце, на улицах и площадях. Великий князь Дмитрий был любим не народом за великодушнее, за заботу о славе Отечества, за справедливость и добросердечие.

Плач Евдокии записан летописцами и стал древнерусским литературным памятником. Она причитала: «Почто не промолвишь ко мне, цвете мой прекрасный? Что рано увядаеши? ... Солнце моё, рано заходиши; месяц мой прекрасный, рано погибаетеши; звезда восточная, почто к закату грядеши?» Говоря о плаче княгини, летописец восклицает: «От горести души язык связывается, уста заграждаются, гортань примолкает».

Летом 1390 года, через год после кончины Дмитрия Ивановича, состоялась свадьба Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны. Вдовствующая княгиня – мать Василия – способствовала выполнению договора о женитьбе сына на литовской княжне Софье, отец которой – Витовт, в ту пору теснимый Ягайлой, не прочно сидел в Литве. Так что брак этот не был выгодным для Московии. Но выполнение данного слова было делом чести. У Вел князя Василия с Софьей Витовтовной было девять детей – 5 сыновей и 4 дочери. Два сына – Василий II и Юрий станут великими князьями России.

5.2 Отношения с Литвой и экономическое укрепление государственности России в конце цикла 1212-1412 гг.

Великий князь Василий I Дмитриевич продолжал дело, начатое его отцом, по укреплению государственности. В конце XIV – начале XV веков, в

период завершения цикла 1212-1412 гг., политика князя Василия была направлена на образование единого централизованного государства, которое на Руси имело ту особенность, что оно сразу складывалось как многонациональное, включавшее соседние народности.

За время своего княжения, Василий I Дмитриевич присоединил Нижегородское Великое княжество, Муромское княжество, Мещерскую землю с городом асимовым на Оке, удельные княжества Елецкое, Козельское, Пронское (ранее принадлежавшие Рязани), земли коми-пермяков на реке Вычеге.

Дальнейшее укрепление государственности России в конце 14 – начале 15 века, на завершающей стадии цикла, во многом зависело от преодоления стремлений Немецкого Ордена и Польско-Литовского княжества распространить свое влияние на земли северо-восточных соседей. Особенно важны были отношения с Литовским Князем Витовтом, который приходился ему свёкром. Способы и орудия действия для установления добрососедских отношений были достаточно выяснены и установлены.

В княжение Василия I, усилилась централизация государственной власти, необходимая для укрепления обороны от западных соседей, и для освобождения от гнёта Орды. Влияние ордынцев, в основном, было преодолено, оно сходили на нет, но оставалась опасность со стороны западных стран, вторжениям которых Россия должна была противостоять. В XIV и начале XV вв. между Москвой и Литвой находилась целая полоса княжеств, которые служили предметом споров между этими двумя державами. Западная агрессия польско-литовских и шведских феодалов находила поддержку Рима, для которого было неосуществимой мечтой распространение католичества на Россию. Объединение славянских племён в единое государство Российское продолжалось сотни лет, и в конце 14 – начале 15 вв, Русь объединилась вокруг Москвы. Не малую роль в этом процессе играло объединение сил Росси, Польши и Литвы для победы над внешними врагами, Ордой и Немецким орденом.

Консолидация славянских народов, с Русским государством, в противостоянии западным и юго-восточным захватчикам, принесла победоносные результаты. Ещё в 1372 г. с Литвой был заключен мир, который нужен был и литовскому князю Ольгерду для отражения наступления Тевтонского ордена.

В ознаменование заключения союза с Литвой, князь Владимир Андреевич (двоюродный брат и верный друг с детских лет великого князя Дмитрия Донского) был обручен с дочерью Ольгерда, Еленой. Она стала русской княгиней, ещё до появления при московском дворе другой, второй литовской княжны – Софьи Витовтовны жены Василия I Дмитриевича.

На завершающей стадии 200летнего цикла, после кончины в 1377 г. Ольгерда, великим князем Литовского княжества стал его сын Ягайло (в православии Яков), который в первый же год своего Княжения выступил против Дмитрия Московского, правда, потом об этом горько пожалел, ибо был отброшен уже силами войска Василия I.

В 1395 г. надвигалась опасность со стороны Средней Азии. На Москву двинулся Тимур (Тамерлан), который совершил ряд завоевательных походов в Иран, Хорезм, Казахстан, Малую Азию, в Китай. Легенда гласит, что москвичи, для спасения от разбоя, попросили во Владимире икону Владимирской богородицы «Умиление» и выставили ее на стенах Кремля. Не отказавшись вступить в бой, Тимур отступил, но решил использовать в действиях против Москвы Золотую Орду. Однако, ставленник Тимура – Едигей, простояв месяц под Москвой, отступил, довольствуясь выкупом.

5.3. Победа литовско-русского и польского войска над Тевтонским орденом при Грюнвальде (15 июля 1410 года).

В 1406 году, за 4 года до сражения 1410 года при Грюнвальде, орден ливонских немцев напал на Псков. Младший сын Дмитрия Донского – Константин – был послан, для защиты Пскова, и, исполняя поручение старшего брата – вел князя Василия I – своего крестного отца, оставался на войне Московского княжества с 1406 по 1408 г. Но уже через два года, 15 июля 1410 состоялось сражение Тевтонским орденом при Грюнвальде года. Предыстория этого сражения относится к началу XIV века, когда при литовском князе Гедимине (1316-1341 гг.) окрепло Литовское княжество, возвышению которого помогла победа Александра Невского на Ладожском озере над немецко-ливонским Орденом.

В Литовском княжестве русские составляли большую часть населения. Этому способствовал и гендерный фактор. Витебская земля вошла в орбиту литовской политики, вследствие женитьбы князя Гедимины на дочери Витебского князя, Марии Ярославне. Сын Гедимины – Любарт Гедиминович – женился на дочери Владимирского князя Андрея Юрьевича. Так же поступали многие литовские состоятельные люди, которые вели торговлю с Новгородом – все женились на русских боярынях и купеческих дочках.

В конце XIV века, при Витовте, отношения Литовского княжества с немецким Орденом ухудшились. Витовта беспокоило усиление Ордена, и в Литве началась подготовка к войне.

В литовско-русское войско вошли русские полки, в основном, северо-западных уделов. В летописях были перечислены эти полки: **Виленский, Троцкий, Гродненский, Ковенский, Лидский, Медницкий, Смоленский** (командовал князь Мстиславский *Лугвений Мстиславский*), **Оршанский, Мстиславский, Полоцкий, Витебский, Киевский, Пинский, Дрогичинский, Мельницкий, Новогородский, Брестский, Волковыский, Кобринский, Кременецкий, Стародубский.**

Большой вклад России в победу над Тевтонским орденом, отмечали не только российские летописцы, но также историки других стран. Так, польский историк и дипломат XV века Ян Дугоша, утверждал, что большая заслуга, в остановке тевтонского натиска, принадлежит россиянам, а именно Смоленскому, Оршинскому и Мстиславскому полкам. Он писал о том, как в Гренвальдском сражении, русские рыцари Смоленской земли упорно сра-

жались, и не обратились в бегство. Завершил своё повествование польский историк восклицанием: русские заслужили великую, вечную славу! Однако на западе, были и такие историки, которые считали, что нет оснований, говорить о судьбоносном влиянии на Грюнвальдское сражение со стороны смоленских воинов. К ним относятся писатели, идеологически настроенные на принижение роли России во всемирной истории.

Победа была одержана литовско-русского и польского войска над Тевтонским орденом при Грюнвальде 15 июля 1410 года.

Завершение двухсотлетнего цикла 1212-1412 гг.

Велика роль великого 36летнего княжения Василия 1 Дмитриевича на завершающем этапе цикла, до окончания которого он княжил 23 года, и лишь одна треть срока его княжения приходится на следующее 200летие. События и дела его ярко характеризуют средства укрепления государственности на ЗАВЕРШАЮЩЕЙ стадии цикла и его результаты в начале следующего **1412-1612** цикла.

Положительной особенностью было прекращение кровопролития и крупных сражений, хотя ослабленная Орда и вероломные интриги Польско-Литовского княжества вынуждали силой останавливать их стремления обогатиться за счёт России.

Было завершена многолетняя борьба с западными соседями, искавшими поддержку в Орде, за, якобы независимость Новгородской республики. Подстрекаемые врагами России, новгородцы на всегда отказались от мысли враждовать с Москвой и обрели многие экономические выгоды. Также полностью воссоединилась с Московским княжеством земля Нижегородская, наместником которой в 1412 году стал князь Константин Дмитриевич – родной брат вел князя Василия Дмитриевича.

Завершение цикла знаменовалось экономическим укреплением, страна стала богаче, сильнее и самостоятельнее. После Куликовской битвы, что видели и принимали во внимание соседи и на западе и на востоке.

Основное направление в политике характеризовалось не военным фактором, а выдержкой и спокойствием, что позволили больше не делиться доходами с Ордой и проявлять во внешней политике самостоятельность и независимость.

Достижения и особенности последних 23 лет этого цикла, продолжали действовать и последующие 13 лет княжения Василия I в цикле 1212-1412 гг.

Укрепление великокняжеской власти всеми силами поддерживали бояре и монастыри, – ибо, эта власть, защищала российские уделы и от внешнего врага, и друг от друга, что способствовало преодолению феодальной раздробленности и укрепления государственности России. Знаменательно, что особенности завершающего периода цикла, периодически повторяются в более, чем тысячелетней истории России, стоящей на пороге завершения пятого 200летнего цикла.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СИСТЕМ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© Темирбулатов А.М.*

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

В данной статье рассматриваются проблемы институционализации наднациональной безопасности в контексте современной геополитической ситуации. Рассматриваются основные направления формирования систем безопасности на Европейского Союза и СНГ. Акцентируется внимание на современных геополитических концептах глобальной безопасности и глобального развития.

Рост активности действующих в СНГ объединений отражает общую тенденцию к укреплению принципов многосторонности и выработке коллективных решений. На этом фоне попытки создания группировок стран эксклзивного состава с участием нерегинальных сил для решения узких задач не могут не вызывать обеспокоенности.

Учреждение Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стало стратегическим выбором, сделанным Россией совместно с другими государствами СНГ и Китаем перед лицом вызовов и угроз XXI века в целях формирования системы безопасности и устойчивого развития в регионе.

Так, по Б. Бьюзену, термин «комплекс безопасности» – группа государств, объединенных географической близостью, отношения безопасности которых связаны настолько тесно, что их национальная безопасность не может реально рассматриваться отдельно друг от друга и что можно провести линию разграничения между данным регионом и другими региональными образованиями [6]. Это, безусловно, важный теоретический инструмент изучения региональной безопасности. Но, в этом случае, например, Таджикистан и Беларусь не составят «комплекс безопасности» не смотря на их членство в ОДКБ. Таким образом, пропадает институциональный компонент. В этом смысле «пространство безопасности» более адекватно реальностям.

Так, в Лиссабонской декларации по модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века поставлена цель создания единого пространства безопасности, свободного от разделительных линий, в котором все государства являются равными партнерами. Основополагающие элементы такого пространства:

* Докторант кафедры Политологии.

- всеобъемлющий и неделимый характер безопасности;
- приверженность разделяемым целям, обязательствам и нормам [4].

Термин «пространство свободы, безопасности и правосудия» был введен в учредительные документы Европейского Союза по предложению Комиссии в 1977 г. (поправки Амстердамского договора). Он означает, с одной стороны, цель, к которой должен стремиться Европейский Союз, с другой – особую сферу его компетенции.

Пространство свободы, безопасности и правосудия как цель предполагает достижение высокого уровня охраны законности и правопорядка в масштабах ЕС в целом.

К реализации этой цели призван вести комплекс мероприятий со стороны институтов Союза, которые осуществляются по нескольким направлениям:

- меры по вопросам пересечения внутренних и внешних границ, включая визовую политику;
- меры в области предоставления убежища и в сфере иммиграционной политики, в том числе регулирование статуса иностранцев, проживающих в ЕС;
- меры в области судебного сотрудничества по гражданским делам;
- меры, призванные обеспечить сотрудничество между компетентными административными службами государств-членов в вышеуказанных областях (в частности, между службами пограничной охраны);
- меры по предупреждению преступлений и по борьбе с преступностью.

В соглашениях по взаимодействию Россия – Европейский Совет («Дорожные карты») идет речь, том числе, и об «общем пространстве свободы, безопасности и правосудия, в котором одним из ключевых элементов сотрудничества является противодействие терроризму, организованной преступности, отмыванию денег, незаконному обороту наркотиков и другим видам незаконной деятельности. В этом случае Россия и ЕС изучают возможности для развития сотрудничества в рамках соответствующих международных форумов, в том числе ССАС, НАТО, ОБСЕ, ЗЕС. В этом же ряду, находится, и СНГ о чем свидетельствует целый ряд международных документов – Кемп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях [3], Российско-Китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка [5] и другие документы.

Серьезным вызовом безопасности и стабильности в зоне СНГ остается неурегулированность локальных и региональных конфликтов, блокирование коммуникаций в Закавказье, наркотрафик, терроризм и экстремизм. Прогресс в ходе двусторонних и многосторонних переговоров в рамках СНГ, а также позитивный диалог Россия – США по разрешению существующих проблем региона с учетом интересов всех заинтересованных сто-

рон мог бы открыть путь к созданию постоянно действующего диалогового механизма по вопросам безопасности и сотрудничества на пространстве бывшего СССР.

Военно-политическая интеграция на пространстве бывшего Советского Союза является качественно новым геополитическим и политологическим явлением, вытекающим из расширяющихся функций постсоветских государств, которые, как недавно возникшие субъекты мирового сообщества, предпринимают усилия по созданию и развитию военно-политического потенциала, объединению как в интересах собственной безопасности, так и стабильности в обширном Евразийском регионе.

Думается, что в целях обеспечения безопасности Содружества Независимых Государств необходимо создание общего пространства безопасности, под которым следует понимать:

Общее пространство безопасности – пространство, состоящее из территорий сторон, характеризующее общностью принципов государственной политики в сфере безопасности, признании неделимости безопасности, основанное на уважении суверенитета государств их территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела.

Общее пространство безопасности это – создание условий, при которых обеспечивается нейтрализация вызовов и угроз либо имеется возможность их уменьшения до приемлемого уровня, построения государственности и стабильного развития всех государств Содружества.

Проблема обеспечения безопасности имеет длительную историю. Исследователи используют множество понятий, доктрин, концепций безопасности. Долгое время теоретическое понятие силы выступало синонимом понятию безопасности государства против внешней опасности, которая достигается с помощью все возрастающих военных возможностей. Считалось, что из-за недостатка международного авторитета, способствующего обузданию агрессивных амбиций других, государства могут полагаться только на свои собственные возможности достижения безопасности. Это привело к «дилемме безопасности»: то, что с позиции государства рассматривалось как усиление безопасности, с точки зрения другого выглядело устрашающими военными приготовлениями. Категория безопасности оказалась связанной с категориями национальных интересов и национальной безопасности. Представления о возможности согласования национальных интересов государств – один из важнейших вопросов концепций региональной и международной безопасности.

Совпадение национальных интересов групп государств порождает региональные и международные союзы, руководствующиеся определенными представлениями (концепциями) о путях согласования и отстаивания своих групповых интересов [7] как в отношении между собой, так и в отношении третьих стран, в первую очередь в сфере безопасности. Таким образом, во-

просы международной и региональной безопасности тесно связаны с проблемами, в первую очередь, международных организаций, как одной из форм институционализации модели безопасности. В 80-х годах прошлого века появляются новые альтернативные подходы к разрешению проблем обеспечения безопасности, основанные на понимании важности вопросов экономики, экологии, социальных и гуманитарных проблем, «неделимости» безопасности.

Идея безопасности менялись с течением времени, но при всех изменениях политического понимания смысла безопасности заключалась в представлении или цели, конструирующих отношения между индивидами и государствами или обществами. Концепция национальной безопасности была воспринята новыми государствами как необходимый элемент построения государственности. Конкретизация концепции национальной безопасности происходит в конкуренции различных парадигм безопасности, способствующих разработке моделей безопасности.

Трансформационные процессы, вызванные окончанием холодной войны, привели к необходимости формирования общих (единых) пространств безопасности, лишенных разделительных линий и то же время сочетающих в себе и «мягкие» и «жесткие» формы безопасности и т.д. Такая задача ставится в Хартии ОБСЕ и Соглашениях о сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом, рядом других международных договоренностей.

Важным условием международной и европейской безопасности является формирование общего пространства безопасности СНГ.

Не вызывает сомнений региональный характер Содружества Независимых Государств и с чисто географической точки зрения: из двенадцати государств Содружества семь относятся к европейской части континента, а пять – к азиатской, при этом большая часть территории крупнейшего государства СНГ – Российской Федерации расположена в Азии. Тем не менее с учетом исторических традиций, с учетом того обстоятельства, что в недавнем прошлом все страны СНГ входили в состав единого геополитического пространства с центром в Москве, которая должна бесспорно рассматриваться в качестве одной из европейских столиц, с учетом решений, принятых по данному вопросу Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, с учетом сложившейся практики распределения государств по регионам в международных организациях универсального характера СНГ может рассматриваться в качестве европейской региональной межправительственной организации. Это обстоятельство не должно, однако, препятствовать различным формам сотрудничества с азиатскими межправительственными организациями. Более того, СНГ может в определенном контексте рассматриваться и в качестве одной из азиатских региональных организаций.

Именно региональный характер Содружества Независимых Государств придает ему некоторые особые качества. В соответствии со ст. 52 Устава

ООН Совет Безопасности призван, в соответствующих случаях поощрять мирное разрешение международных споров с помощью региональных соглашений и региональных органов. Он может действовать подобным образом по инициативе заинтересованных государств либо по собственной инициативе. Практика современных региональных межправительственных организаций свидетельствует о возможности достаточно широкого их использования в качестве инструмента поддержания мира и безопасности в регионах. Вполне допустимо активное участие таких организаций в миротворческой деятельности применительно к конфликтам, в которые вовлечены страны, входящие в соответствующие регионы. Все это и демонстрирует Содружество.

Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности была принята 10 февраля 1995 г. в г. Алматы. Решение Совета коллективной безопасности об утверждении Концепции не подписала Республика Азербайджан, а Республика Беларусь подписала с оговоркой.

Концепция коллективной безопасности представляет собой совокупность взглядов государств-участников Договора о коллективной безопасности на предотвращение и устранение угрозы миру, совместную защиту от агрессии, обеспечения их суверенитета и территориальной целостности [2].

Концепция включает в себя: основы военной политики государств-участников, основы обеспечения коллективной безопасности, основные направления и этапы создания системы коллективной безопасности. Важным политическим заявлением является положение Концепции о том, что «государства-участники в политическом и военном отношениях не считают своим противником ни одно государство или коалицию государств, видят в лице всех государств мирового сообщества равноправных партнеров». Вместе с тем констатируется, что существуют источники военной опасности, к которым отнесены:

- территориальные притязания других стран к государствам-участникам;
- существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов прежде всего в непосредственной близости от границ государств-участников;
- возможность применения (в том числе несанкционированного) ядерного и других видов оружия массового поражения, находящегося на вооружении ряда государств;
- распространение ядерного и других видов оружия массового поражения, средств его доставки и новейших технологий военного производства в сочетании с попытками отдельных стран, организаций и террористических групп реализовать свои политические и военные устремления;

- возможность подрыва устойчивости стратегической обстановки в результате нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооруженных сил и вооружений, необоснованного наращивания военной мощи другими государствами и военно-политическими союзами;
- попытки вмешательства извне во внутренние дела государств-участников, дестабилизации их внутриполитической обстановки;
- международный терроризм, политика шантажа.

Общее пространство безопасности – пространство, состоящее из территорий сторон, характеризующее общностью принципов государственной политики в сфере безопасности, признании неделимости безопасности, основанное на уважении суверенитета государств их территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, права на коллективную оборону, неукоснительного соблюдения национальных законодательств, норм и принципов международного права, соблюдения прав человека.

Новым в современном мире становится выход на первый план невоенных угроз безопасности: активизация международного терроризма, стирающего чисто национальную специфику и требующего адекватного международного ответа; угроза загрязнения окружающей среды, обостряющей проблемы потепления климата на Земле; перспектива истощения продовольственных и сырьевых ресурсов.

Опыт 15-ти лет существования СНГ свидетельствует, что эта организация сыграла положительную роль в укреплении региональной безопасности Центральной Азии. Именно в рамках СНГ обсуждались многие проблемы безопасности региона в целом и безопасности отдельных центральноазиатских государств. Решения о противодействии тем или иным комплексным угрозам принимались как всеми членами СНГ, так и инициативной группой стран, входящих в Содружество. Группы стран-инициаторов создали такие значимые для центральноазиатских государств субрегиональные и международные организации, как ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС.

Российские инициативы по укреплению безопасности в Центральной Азии свидетельствуют о смене стратегических ориентиров в отношении этого региона. Однако более вероятно, что влияние России в регионе в среднесрочной перспективе будет опираться скорее на потенциал в энергетической, а не военной области.

Усиливается стратегический аспект российской политики на Каспийском море и в непосредственной близости от него. С конца 90-х годов прошлого века Москва изменила позицию, перейдя от поддержки принципа демилитаризации моря (за который также выступает Иран) к обеспечению российского военного присутствия в регионе [1].

Более перспективным представляется сотрудничество России и Китая в сфере безопасности в Центральной Азии в формате ШОС, созданной изначально именно с целью укрепления безопасности стран-участников. В этом

плане исходный механизм ШОС может быть использован в качестве основы некоего подобия Организации по безопасности и сотрудничеству и как «программа-максимум», формирования широкого трансконтинентального оборонно-политического блока и нового типа геоэкономической интеграции.

Одной из важнейших составляющих сложной геополитической ситуации, в которой находится Россия, стала утрата её геополитической идентичности, которая сказалась и на позиции страны как субъекта международных отношений. Нерешенным до сих пор остается вопрос о содержании и векторах официальной геополитической стратегии России. Не ясен её статус и роль в глобальном мировом сообществе.

Важнейшее влияние на положение России на современном геополитическом пространстве оказывают процессы глобализации. Характерными чертами современной геополитической ситуации России являются следующие: во-первых, макрополитическая деструкция, вызванная распадом социалистического блока и фрагментацией постсоветского пространства. Во-вторых, усиливающиеся глобализационные процессы и, как следствие, укрепление политической и экономической взаимозависимости. В-третьих, повышенная степень динамики политических процессов, обусловленная кризисом однополярного мира, приводящая к складыванию новой политической конфигурации и переход к многополярному миру. Эти тенденции тесно взаимосвязаны между собой и во многом детерминируют трансформацию геополитической ситуации России [1].

С одной стороны, в последние годы международное положение России начинает существенно укрепляться. Россия постепенно возвращает себе статус влиятельной державы и становится более значимым игроком, интересы которого тоже приходится учитывать. С другой стороны, на смену прежнему идеологическому противоборству пришло геополитическое соперничество формирующихся новых центров силы.

Важнейшие геостратегические задачи России сосредоточены в регионе постсоветского пространства. СНГ пока еще не стало организацией, объединяющей страны-участницы вокруг общего интеграционного проекта, регулирующей и совмещающей траектории экономического и политического движения новых государств.

Список литературы:

1. Ильин И.В. Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 6.
2. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности // Военное сотрудничество. Сборник основных документов. – Мн., 1996. – С. 58-66.
3. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 445.

4. Лиссабонская декларация по модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 437-438.

5. Российско-Китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 479.

6. Этнические и региональные конфликты в Евразии / Под ред. А. Машенко, Б. Коппитерс, Д. Тренин // Весь мир. – М., 1997. – С. 10.

7. Юрьева Т.В. Проблемы национальной безопасности // Внешняя политика Российской Федерации. 1992-1999. – М., 2000. – С. 53.

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© Темирбулатов А.М.*

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

В данной статье рассматриваются проблемы формирования систем национальной безопасности в контексте современной геополитики. Рассматриваются основные направления формирования систем безопасности на постсоветском пространстве СНГ. Акцентируется внимание на современных геополитических концептах глобальной безопасности и глобального развития.

В отличие от западной науки, где изучение проблем безопасности является самостоятельным разделом теории международных отношений, в СНГ и России эта сфера научного знания до конца не определилась со своими предметом ведения и спецификой по сравнению с другими отраслями политической науки такими, как конфликтология, изучение проблем войны и мира и т.п. В связи с этим само понятие «безопасность» достаточно сильно различается в зависимости от парадигмы теории международных отношений и политико-идеологических предпочтений того или иного научного подхода.

С точки зрения узкого понимания содержания безопасности в главе берется во внимание традиционно понимаемая концепция безопасности государства и прежде всего ее геополитическое измерение. В этом случае под безопасностью подразумевается физическое выживание данного государства, защита и сохранение его суверенитета и территориальной целостности, способность адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные внутренние и внешние угрозы. Под системой международной безопасности – глобальной и региональной – имеется в виду состояние международных и военно-политических отношений, при котором гарантируется внешняя составляющая национальной безопасности каждой страны, практически исключается угроза войн и военных конфликтов в процессе разрешения международных и региональных противоречий.

Новая геополитическая ситуация, сложившаяся в Евразии в начале XXI века, изменила привычное отношение к безопасности, как к необходимости создания оборонительных механизмов против внешней угрозы, и главному инструменту, гарантирующему международную безопасность, – балансу сил. На первый план вышло реалистическое восприятие безопасности, которая носит прежде всего охранительный характер: безопасность

* Докторант кафедры политологии.

рассматривается как не угрожаемое состояние. Встала необходимость отказать от традиционного определения идеи безопасности только своей противоположностью – идеей угрозы.

Отмечается, что довольно широкое признание среди политологов получил парадокс: биполярный мир характеризовался одновременно высоким уровнем военной угрозы и высоким уровнем стабильности, в то время как постбиполярный мир отличается низким уровнем военной угрозы, но и одновременно низким уровнем стабильности. На первый план среди военных угроз вышла угроза не глобальной войны, а локальных конфликтов межгосударственного и внутригосударственного характера.

Исследуя теоретические истоки российских (стран СНГ) теорий безопасности А. Сергунин выделяет три этапа: ортодоксальный, модернизированный и «новое политическое мышление» [6]. На третьем этапе наблюдалось стремление построить систему глобальной безопасности, основанную на «общепланетарном сознании» и «общечеловеческих ценностях» и направленную на решение глобальных проблем человечества. Окончание холодной войны изменило эти взгляды. Опираясь на концептуальные вопросы безопасности, научное сообщество отвечало на вопрос о структуре мира после распада СССР. По сути дела, практически во всех этих дискуссиях, Россия занимала то же место, что и СССР. В основном, представления эти описывались в терминах «гегемонии» и «однополярности»; отсюда предполагалась задача России, которая «может состоять в том, чтобы внести свою лепту в систему безопасности формирование, попытавшись сделать новую международную структуру более плюралистической и менее однополярной» [2]. Другие, – не ставя под сомнение гегемонию США их уникальную позицию в мире, предполагали, что многополярный мир существует и необходимо встраиваться в него [4].

Следует согласиться с А.А. Сергуниным в том, что с распадом СССР изменилось восприятие проблем как национальной, так и международной безопасности. Это связано с рядом следующих факторов:

- России, которая никогда не существовала в таком виде – ни территориально, ни политически, – пришлось заново формировать свою идентичность (в том числе в сфере безопасности). В этом плане особенно важно было правильно определить национальные интересы Российской Федерации, угрозы и вызовы безопасности страны.
- Москве предстояло избавиться от «комплекса супердержавы» и по-новому оценить свои место и роль в системе международных отношений.
- Распад СССР и прекращение глобальной военно-политической конфронтации между капитализмом и социализмом резко изменил соотношение между военными и невоенными аспектами национальной и международной безопасности. Для России на передний край вышли «мягкие» (невоенные) факторы безопасности.

- России пришлось заново создавать механизм национальной безопасности. Потребовалась радикальная реорганизация вооруженных сил, спецслужб и других «силовых» структур.
- Изменение геополитической ситуации потребовало от России поиска своего места в новой конфигурации региональной безопасности. Основными направлениями угроз является южный периметр – от Кавказа до Таджикистана и Афганистана.
- Процесс глобализации сделал все страны мира уязвимыми в таких сферах, как экономика и финансы, экология, международный терроризм, наркобизнес, незаконная миграция и т.д. [6].

Это и способствовало тому, что появились новые направления в трактовках проблемы национальной и международной безопасности.

В типологии на основе устоявшихся в теории международных отношений критериев, можно выделить четыре парадигмы – реализм (и во многом родственная школа геополитики), идеализм – либерализм, глобализм и позитивизм. В России они имеют свою специфику [1]. Так либералы сформировались как самостоятельная школа в виде «атлантизма». Реалисты появились в форме «державничества». Геополитики вышли из недр «евразийства». Коммунисты, которые по своим теоретическим основаниям должны были бы принадлежать к глобализму, на практике заимствовали многие взгляды у реалистов и геополитиков. Позитивисты же, являясь маргинальной группой, почти не участвуют в обсуждении вопросов международной жизни [6].

Предполагается, что подъем реализма в российском понимании международных отношений стал возможен благодаря консолидации трех основных политических сил – промышленного лобби, федеральной военной и гражданской бюрократии, а также умеренным «демократам». Эта группа была названа «державники» или «государственники». Термин «державник» символизирует сильное влиятельное государство, способное обеспечивать порядок и служить гарантом против анархии и нестабильности; это своего рода традиционная российская позиция относительно роли государства [9].

Согласно реалистам, на первом месте стоит вопрос российской национальной безопасности. Реалисты предложили расширить концепцию национальной безопасности посредством включения «твердых» и «мягких» аспектов. Они различают два вида угроз российской безопасности: внешнюю и внутреннюю. Внешняя политическая угроза включает попытки изменить территориальную целостность Российской Федерации, препятствие интеграционным процессам в СНГ. Среди внешних военных угроз, – вооруженные конфликты в непосредственной близости от России, распространение ядерного оружия. Реалисты, так же как и евразийцы, придают большое значение евразийскому геополитическому расположению России. Однако они утверждают, что внешняя политика должна определяться реаль-

ными интересами и Россия в будущем должна быть способной дать отпор исламскому фундаментализму, распространение которого угрожает дестабилизацией ситуации внутри и в непосредственной близости от СНГ [9]. Реалисты противились расширению НАТО в Европе, рассматривая этот шаг как угрозу системе региональной стабильности в целом.

Либеральная парадигма представлена в России в меньшей степени [8]. Либералы говорят о том, что российская дилемма в СНГ не должна рассматриваться как распад по отношению к интеграции, но скорее как проблема успешного завершения демократических и рыночных реформ в регионе. В вопросах безопасности, направление придерживается во мнении, что преобладающий интерес в укреплении многосторонних институтов, служащих гарантией против возврата к политике баланса сил. Эта группа не видит серьезной угрозы, исходящей от расширения НАТО (это направление внешнеполитической мысли еще носит название «атлантизм»).

Либералы, в отличие от реалистов и геополитиков, не считали, что национальные интересы или географические детерминанты должны играть, определяющее значение в мировой политике. Для них Запад – естественный и предпочтительный партнер на мировой арене. Они не принимали концепцию многополярного мира.

Либералы считали, что основные угрозы национальной безопасности России лежат не на Западе, а на Юге и на Востоке, где находятся нестабильные или агрессивные режимы, формирующие по периметру Российской Федерации «дугу нестабильности».

Либералы не возражали против расширения НАТО и за счет вступления в нее бывших социалистических стран, включая и бывшие советские республики. Более того, по их мнению, со временем и Россия должна вступить в этот блок. Для либералов НАТО – это союз демократий, где эффективно действуют экономические, социальные, политические и военные институты. Следовательно, именно «расширившаяся» НАТО должна стать сердцевиной нового режима международной безопасности, ибо у этого союза есть весь необходимый политический и военный инструментарий, позволяющий эффективно организовать и поддерживать механизм международной стабильности.

Вопреки надеждам «атлантистов», Запад не только не торопился принять Россию в «клуб избранных», но и недвусмысленно давал понять, что Москва еще далека от принятых в развитом мире социально-экономических и демократических стандартов. Более того, воспользовавшись ослаблением России, западные страны подчас не считались с ней при решении важнейших задач безопасности, включая урегулирование конфликтов на территории бывшей Югославии на Ближнем Востоке, при решении вопроса о ядерном потенциале Северной Кореи. Внутри страны росло недовольство социально-экономическими преобразованиями, а также неоправданными уступ-

ками Западу по широкому кругу вопросов мировой политики. Все это привело к кризису этого направления и усилению альтернативных школ.

Взгляды «евразийцев» 1990-х годов на проблемы безопасности исходили из утверждения об особом геополитическом положении и особенном историко-культурном развитии России, приводящим к тому, что Россия должна играть роль «моста» между двумя цивилизациями – Востоком и Западом, а это и есть гарант евразийской стабильности [7]. Евразийская концепция была во многом построена на философской школе российских эмигрантов 1920-х годов, пытавшихся найти компромисс со сталинской версией социализма. При этом акцент, как известно, делается на уникальности России. Эта теория поддерживается двумя группами: так называемая «демократическая версия» и славянофилы. В рамках «демократической версии» был выдвинут приоритет консолидации экономических, политических и связей безопасности между странами бывшего Советского Союза, предпочтительно в контексте СНГ. Евразийцы убедили администрацию Ельцина сделать Содружество приоритетом в московской международной политике и инициировать интеграцию внутри СНГ. Они постарались привлечь внимание, как политиков, так и общественности к положению русскоязычного населения на постсоветском пространстве, требуя от российского руководства защитить соотечественников за рубежом [6]. Демократическая версия «евразийства» не отрицает важность сохранения добрых отношений с Западом.

Согласно убеждению славянофилов, геополитическое положение предопределило эволюцию российского государства как великой державы и учреждение сильной центральной власти. В отличие от демократов, славянофилы не стеснялись рассматривать Россию как империю и поддерживать имперское возрождение.

Неомарксисты представлены двумя направлениями: Коммунистической Партией Российской Федерации и социал-демократами. Первое направление считает, что распад Варшавского Пакта, вывод российских войск из Восточной Европы и потеря контроля Москвы над регионом создали новые угрозы безопасности. Интервенция в Косово стала «естественным» результатом расширения НАТО, и операции типа Косово могут повториться на территории СНГ [9]. По мнению коммунистов СНГ и «ближнее зарубежье» является основным приоритетом Москвы.

Социал-демократы сосредотачиваются на концепции стабильности. Внутренняя стабильность определялась как соединение с политической системой, приверженность нормальным демократическим процедурам относительно ротации правящих элит, отсутствие серьезных этнических и социальных конфликтов.

Специфические черты приобрела и конфликтология. Формирование теоретических и методологических основ российской конфликтологии началось в первой половине 90-х г. В 1996-98 гг. наметилась тенденция к вы-

работке и закреплению российских конфликтологических «парадигм», которые имеют прикладную направленность и включены в современные политические дебаты. Например, межнациональных конфликтов. В частности, предполагается, что конфликты начинаются с постановки и обсуждения проблемы национального языка. Именно лингвистическая тематика раньше прочих переходит из закрытой формы в открытую, и, имеет огромное мобилизирующее значение, так как апеллирует ко всем людям данной национальной группы. Далее конфликт перемещается в политическую сферу с весомым элементом статусных и территориальных претензий. Таким образом, динамика межнациональных конфликтов зависит от того, насколько сильны притязания на власть новых элит, выросших в рамках старых структур, отторгнутых как от участия во власти, так и от культурного самоопределения соответствующих национальных общностей.

Проблемой межнационального конфликта является соотношение «центр» «периферия» в полиэтническом государстве. Решением этой проблемы может стать легитимация власти в системе «центр-периферия» предполагающее интеграцию этносов, наций, народов в многонациональное государство, в котором все этнические группы будут признавать законность власти, а значит, исчезнут предпосылки к межнациональным конфликтам между титульными и нетитульными этносами.

Обострение социальной конфликтности в бывших советских республиках связаны со «сломом тоталитарной системы социального контроля», которая, опираясь на силовые механизмы, подавляла и загоняла вглубь социальные противоречия.

На основе теоретических исследований разрабатываются модели безопасности, представляющие количественно-качественное описание возможных вариантов построения систем безопасности, предусматривающих определение целей и задач, оценку возможных угроз и механизмов повышения защищенности систем и их способности к защите от этих угроз. По мнению ряда экспертов-разработка, теоретическое обоснование и апробация альтернативных моделей безопасности – насущная задача ученых, экспертов и политиков XXI века [3]. Система региональной безопасности представляет комплекс мер и отношений по обеспечению региональной безопасности. И в этом смысле она тесно связана с проблемами международной организации.

Близким по значению является понятие международного режима, под которым понимается набор сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, воплощающих согласованную точку зрения акторов применительно к той или иной сфере международных отношений. По мнению В. Петровского международные режимы:

- устанавливают определенные стандарты поведения, которые помогают государствам оценивать намерения и репутацию друг друга;

- обеспечивают возможность дискуссионных форумов (с участием международных организаций);
- способствует равноправному информационному обмену, тем самым, увеличивая предсказуемость международного поведения [3].

Как известно, новейшая история знает также, интегрированные сообщества безопасности, которые характеризуются наличием общего механизма принятия решений и централизацией (НАТО, ОВД и др.), и плюралистические сообщества безопасности, в которых многосторонний переговорный заменяет формальную интеграцию. С другой стороны, И.В. Радиков подчеркивает, что сообщество безопасности – это форма «комплекса безопасности», которая формируется на основе совместимости ценностей, регулирующих поведение в сфере безопасности. Часто можно встретить точку зрения о том, что «сообщество безопасности» включает в себя страны Северной Америки и Западной Европы [5].

Другими, близкими рассматриваемым, являются также понятия:

- культура безопасности – совокупность символов, образов, идей и представлений о том, что лежит в основе выделения данной социальной группы от «других», «чужих». Культура безопасности формирует свои «коды», которые маскируют «пространства безопасности», ограничивая, их друг от друга;
- граница безопасности – это такая граница, которая очерчивает различные, дополняющие друг друга, или конкурирующие «пространства безопасности». Граница предполагает возможность реартикуляции реконфигурации этих пространств под воздействием меняющихся представлений, формирующихся в области публичной политики [5].
- Понятие структура системы безопасности – это совокупность устойчивых отношений и связей между элементами, обеспечивающими ее целостность.

Введение термина «пространство» не только указывает на пространственное положение как на один из факторов, воздействующих на развитие связей безопасности, но и указывает на географическое положение.

Список литературы:

1. Балканский кризис: истоки, состояние, перспективы / Под ред. В.С. Павлова. – Н.Новгород: Изд –во ННГУ, 2000. – С. 159-173.
2. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России. – С. 35-36.
3. Петровский В. Одностороннее и многостороннее реагирование на конфликт: за и против [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gau.su.observer/n4_2004/4.
4. Примаков Е.М. На горизонте многополюсный мир // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3-13.

5. Радиков И.В. Политика и национальная безопасность. – СПб., 2004. – С. 37.
6. Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности. – Н.Новгород. 2003. – С. 8-24.
7. Станкевич С. Держава в поисках себя // Независимая газета. – 28 марта 1992.
8. Цыганков П.А., Цыганков А.П. Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Logic.ru/Russifn/vf/Papers2005/Tsygan-kov-12005.htm.
9. www.socialscience.narod.ru.

A decorative border resembling a scroll, with a horizontal bar at the top and vertical lines on the sides. The top-left and bottom-left corners feature circular scroll-like details.

Раздел второй

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© Гун Г.Е.*

Магнитогорская государственная консерватории (академия)
им. М.И. Глинки, г. Магнитогорск

В статье рассмотрена методология изучения региональной культуры как самобытного феномена. Регион понимается как уникальная историко-культурная область, обладающая специфическим социокультурным и духовным потенциалом. Опыт региональных исследований художественной культуры проанализирован на примере Южного Урала, поскольку Южный Урал является тем регионом, где существует устойчивый интерес к указанной проблематике, а его художественная культура рассматривается как концептуально, так и эмпирически. Автор показывает, что, несмотря на накопленный научный материал, становление культурной регионалистики, изучающей специфику художественной жизни отдельных территорий, представляет начальный этап становления науки.

Художественная культура традиционно рассматривается как одна из специализированных сфер культуры, функционально решающая задачи чувственного отображения бытия в художественных образах, а также различных аспектов обеспечения этой деятельности. Поскольку художественная культура является подсистемой культуры, то изучение жизни искусства, его функционирования и исторического развития строится на том же методологическом фундаменте, что и исследование культуры в целом. Представление о культуре как об устойчивом системном образовании, реализующем совокупность функций, имеет давнюю традицию в философии культуры и культурологии и основывается на системной методологии. Системное понимание культуры и, в частности, ее художественной сферы способствовало расширительному толкованию этих явлений, соединению узконаучных дискурсов для более глубокого и целостного их понимания.

Методология системного мышления рассматривает объект не изолированно, выключая его из среды, а как раз в средовом контексте той системы, частью которой является изучаемый объект [11, с. 36] Применительно к художественной культуре данное методологическое требование превращается в обязательное условие первоначального определения той социокультурной системы, в которой она функционирует. Без этого исследовательского этапа мы получим произвольное, декларативное представление о художественной культуре без учета ее детерминированности системным целым. Изучая сущ-

* Заведующий кафедрой Философских, социально-экономических и гуманитарных дисциплин, профессор МаГК, кандидат философских наук, доцент.

ность, структуру, функционирование и развитие художественной культуры, мы должны понимать, что она всегда социально, временно и пространственно локализована. Для современной цивилизации регион и города выступают теми распространенными типами систем, в которых существует художественная культура. Таким образом, рассмотрение регионального измерения художественной культуры является верной с методологической точки зрения исследовательской стратегией ее рассмотрения.

В последнее время изучение региональной культуры как самобытного феномена стало возможным благодаря обособлению специальной гуманитарной дисциплины – регионалистики, позволившей обратиться к анализу самых разнородных реалий региональной жизни. Ее методологические основы разработаны А. Гердом, Г. Лебедевым и др. и представленные в работе «Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России» [19].

Регион понимается как уникальная среда, «историко-культурная область», обладающая специфическим социокультурным и духовным потенциалом. Так, исследователь региональной культуры А. Левинтов полагает, что регион – «полисферное образование, включающее в себя (потенциально) геосферу, ойкумену и этносферу, техносферу, ноосферу», он «культурен и духовен» [19, с. 12], и потому обладает неповторимой духовной и художественной сущностью.

Казакова Г. характеризует регионализм как новый научный принцип и вводит понятие «культурный регион». Данный термин описывает «пространственно-временной комплекс с особой неповторимой конфигурацией черт, необходимой для воспроизводства, самоопределения и осуществления человеческой деятельности индивидуумов определенного регионального типа, сформировавшегося как результат природно-ландшафтного приспособления, этнически-национальных и социокультурных процессов, протекающих на конкретной территории» [12, с. 47].

Культурная регионалистика развита неравномерно. В некоторых российских регионах ощущается недостаток исследований подобного рода, в других, наоборот, прослеживается устойчивый интерес к указанной проблематике. Южный Урал является тем регионом, художественная культура которого рассматривается концептуально и эмпирически, и подобные исследования ведутся давно, всесторонне и содержательно.

Теоретические ракурсы названной проблематики исследуются в работах специалистов в области теории и истории культуры В. Алексева, И. Галигузова, А. Герда, Г. Казаковой, Л. Когана, Г. Лебедева, А. Левинтова, И. Мурзиной, Л. Скульмовской, Р. Туровского, В. Цукермана, Н. Южалиной. Общетеоретические выводы содержатся в трудах В. Абашева [1], Е. Серединой, И. Мурзиной [17, 18]. В их основе – суждения о генезисе, механизмах формирования и особенностях исторического развития регионального

искусства в целом. Данные процессы рассматриваются во взаимосвязи с общими тенденциями практического освоения пространства региона и его символического осознания. Отмечается, что формирование собственного самобытного искусства региона невозможно без установления межкультурного диалога с населяющими его коренными народами. В ходе исторического освоения регион трансформируется в т.н. этноконтактную зону, т.е. зону активного взаимодействия ранее обособленных этносов и цивилизаций. В дальнейшем это приводит к территориальному и социокультурному симбиозу культур в границах регионального ореола. Следствием этого является возникновение неповторимой художественной культуры, ядро которой составляют коренные и привнесенные этнические (национальные) элементы. Этим же обстоятельством определяется непреходящий интерес региональных художников к местному национальному фольклору (эпосу, легендам и преданиям, лирике), древнейшим историческим образам (географическим, героическим и прочим региональным мифам), этноисторическим мотивам и т.д., отразившийся во многих художественных произведениях южно-уральских композиторов, писателей, живописцев.

В исследовании И. Мурзиной «Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания» [18] высказывается еще одно ценное общетеоретическое суждение: в формировании художественной культуры региона не менее актуально ее историческое взаимодействие с «материнской», или общенациональной культурой. Это замечание справедливо в отношении всех компонентов регионального искусства. Обособление той или иной культурно-исторической области происходит на фоне непрерывного диалога с крупными культурными центрами, являющимися, как правило, источниками распространения политических, экономических, религиозно-философских, а также художественно-эстетических идей. Такими центрами, по мысли автора, могут выступать как столичные города (Москва, Петербург), так и центры-«посредники», или «культурные гнезда» – города, становящиеся средоточием культуры в территориально удаленных от столиц областях страны.

Нельзя не отметить значение художественных контактов региона с общероссийскими центрами и центрами «большого» Урала (исторически сыгравших роль одних из первых «культурных гнезд» России). В целом следует подчеркнуть важность интеллектуально-творческого и художественно-эстетического диалога местных и общероссийских традиций для развития регионального искусства.

Наряду с общетеоретическими работами небезынтересны исследования, в которых характеризуются процессы формирования и развития южно-уральского регионального искусства, выявляются механизмы взаимодействия культуры Южного и «большого» Урала, исследуются различные аспекты исторического становления региональной культуры в контексте времени.

Примером подобного исследования может служить монография Г. Казаковой [12], в которой всесторонне исследуется южно-уральская художественная культура. Автор проанализировала региональную культуру как форму самосознания населения региона, как консолидирующий фактор регионального сообщества. В контексте диалектики универсального и локального художественная культура региона рассмотрена как система, содержащая элементы типичного, выступающего как проявление общероссийского, и специфичного, того «особенного», что характерно для региона.

Основываясь на изучении специфических черт региона, автор предлагает рассматривать Южный Урал (наряду с Сибирью, Югом России, Русским Севером, Дальним Востоком) в качестве историкокультурной зоны, имеющей свою региональную культуру. Казакова Г. отмечает ее ориентированность на идеалы и реалии петербургского центра (с первой трети XIX в.), характеризует обусловленность южно-уральской художественной культуры определенными социокультурными истоками. Казакова Г. анализирует генезис, структуру и региональные особенности южно-уральской художественной культуры. В частности, автор выявляет истоки возникновения, а также периоды развития и смены художественных институтов на Южном Урале (в период с XVII по XX вв.), рассматривает своеобразие южно-уральского фольклора, народных ремесел и художественной промышленности. Исследователем описываются процессы становления профессионального искусства [12, с. 195].

Наряду с монографией Г. Казаковой, исследованию традиционных корней уральской и южно-уральской культуры посвящены работы В. Блажес [5] и И. Галигузова [8]. В работах Г. Андриановой [3, 4], О. Лихониной [16], И. Резника [20] изучаются исторические судьбы художественной интеллигенции и культурного строительства на Урале, выявляется роль социально-политического контекста в жизни уральского художника.

Не менее значимыми при изучении общих художественных традиций Южного Урала являются и отраслевые исследования, например, в области изобразительного искусства. К наиболее ярким можно отнести работу Г. Трифоновой «Становление и развитие художественной культуры на Южном Урале (20-80-е гг. XX в.)» [24]. В работе описаны основные эстетические тенденции, характерные для регионального искусства, и те изменения, что произошли в художественной жизни региона на разных этапах ее развития. Автор характеризует процессы становления региональных художественных институтов на примере Челябинской областной картинной галереи.

В регионе существует устойчивая традиция изучения музыкальной культуры и процессов бытования различных музыкальных жанров. Коллективные монографии «Композиторы Екатеринбурга» [14] и «Композиторы Урала» [15], работа Ж. Сокольской «Урал музыкальный: вчера и сегодня» [23] рисуют панораму музыкальной жизни и особенности форми-

рования музыкально-драматических традиций на Среднем и Южном Урале (в частности, в Екатеринбурге, являющемся крупнейшим региональным культурным центром), описывают и анализируют художественные взаимосвязи южно-уральской творческой среды с «большим» Уралом.

Обширные документально-исторические и справочно-библиографические материалы содержатся в работах южно-уральского музыковеда Т. Синецкой о творчестве челябинских, озерских и магнитогорских композиторов в составленном ею каталоге произведений композиторов Южного Урала [21]. Сбор и систематизация художественных произведений, созданных в регионе, выполнен в биографическом аннотированном указателе «Опера в Челябинске» О. Ивановой [10]. Некоторые исторические свидетельства о периоде становления челябинской музыкальной культуры (на основе архивных материалов) приводятся в работах В. Вольфовича [6, 7].

Отдельное исследование Е. Шадриной посвящено тенденциям развития музыкально-театрального искусства на Южном Урале [27]. Исследователь отмечает, что исследования музыкально-театральной жизни уральского региона разнохарактерны и затрагивают отдельные аспекты ее исторической эволюции, но автору удалось собрать и систематизировать труды о музыкальной культуре и музыкальном театре крупных уральских центров, что позволило осуществить анализ социальных условий бытования музыкально-театрального театра в системе региональной культуры.

Обобщая сказанное, нужно признать, что, несмотря на накопленный научный материал, посвященный региональному измерению художественной культуры, становление культурной регионалистики, изучающей специфику художественной жизни отдельных областей и крупных территорий, представляет начальный этап становления науки. В современной культурологической науке еще не завершены дискуссии о методологии изучения истории, теории и практики *художественной культуры*, ее периодизации и хронологии, требуется уточнение отдельных понятий и терминов. Поэтому необходимо продвигаться в понимании теоретико-методологических оснований изучения столь сложного объекта, каковым является художественная культура и ее территориальные локусы.

На фоне значительного числа трудов по истории культуры и отраслевых исследований, посвященных отдельным сегментам *культуры*, ощущается недостаток комплексных *исследований по региональной художественной культуре*. Систематические исследования художественной культуры регионов должны стать нормой научной и общественной жизни. Современные тенденции в развитии общества диктуют необходимость *исследования* своеобразия *культуры* разных регионов. Решение общероссийских и *региональных* проблем невозможно без *исследования* региональных культур, процесса функционирования искусства в центре и областях, удаленных от столиц, изучения исторических памятников и фольклора,

что в итоге будет способствовать обретению общероссийской и региональной культурной идентификации). Конструктивное решение актуальных социокультурных проблем в регионах в немалой степени связано с научным осмыслением константных и трансформирующихся компонентов провинциальной культуры, специфики ее бытия и развития. Обращение к этому многообразному информационному полю может быть продуктивным на основе культурологического обобщения, строящегося на соединении теоретического и эмпирического уровней исследования в контексте регионального хронотопа.

Список литературы:

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В.В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
2. Алексеев В.В. Регионализм в России / В.В. Алексеев. – Екатеринбург: РАН Урал, отд.; Урал, гуманит. ин-т, 1999. – 193 с.
3. Андрианова Г.С. Культурное строительство на Среднем Урале (1941-1977): сб. док-тов / Г.С. Андрианова. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. – 397 с.
4. Андрианова Г.С. Художественная интеллигенция Урала. 30-е гг. / Г.С. Андрианова. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 286 с.
5. Блажес В.В. Фольклор Урала: локальное и универсальное / В.В. Блажес // Развитие и культура мира: стратегия и программы. Культурное наследие: тез. выступлений. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999.
6. Вольфович В.А. Музыканты Южного Урала / В.А. Вольфович. – Челябинск: Обл. орг. о-ва «Знание», 1991. – 198 с.
7. Вольфович В.А. Челябинск музыкальный / В.А. Вольфович. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 173 с.
8. Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура / И.Ф. Галигузов. – Магнитогорск, 2000. – 500 с.
9. Губницкая З. Советская опера на Урале: критика, репертуар, слушатель: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / З. Губницкая. – Л.: Ленинградская гос. консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, 1986. – 21 с.
10. Иванова О.Ю. Опера в Челябинске: к 40-летию Челябинского академического театра оперы и балета им. М.И. Глинки / О.Ю. Иванова. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1997. – 168 с.
11. Каган М.С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура. – СПб., 1992.
12. Казакова Г.М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения / Г.М. Казакова. – СПб.: Росс. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена; Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – 254 с.
13. Коган Л.Н. Региональная социология / Л.Н. Коган. – Мн., 1991. – 103 с.

14. Композиторы Екатеринбурга / Сост. Ж.А. Сокольская. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 382 с.

15. Композиторы Урала: сб. очерков / Урал. гос. консерватория им. М.П. Мусоргского; ред. колл.: В.М. Маслова и др. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968. – 135 с.

16. Лихонина О.В. Театральность культуры тоталитарного государства (на примере советской культуры конца 1920-1930-х годов): автореф. дисс. ... канд. культурологии / О.В. Лихонина. – Екатеринбург: УрГУ, 2008.

17. Мурзина И.Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры / И.Я. Мурзина // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 60-65.

18. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания / И.Я. Мурзина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 205 с.

19. Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / В.А. Булкин, А.С. Герд, Г.С. Лебедев, В.Н. Седых; под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во Петербургского ун-та, 1999. – 392 с.

20. Резник И.Б. Государственный социальный заказ в советском музыкальном искусстве 1930-х годов: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / И.Б. Резник. – Магнитогорск: МаГК, 2005. – 27 с.

21. Синецкая Т.М. Композиторы Южного Урала / Т.М. Синецкая. – Челябинск: Дом печати, 2003. – 349 с.

22. Скульмовская Л.Г. Регион как субъект функционирования и развития культуры: монография / Л.Г. Скульмовская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 2005. – 299 с.

23. Сокольская Ж.А. Урал музыкальный: вчера и сегодня / Ж.А. Сокольская. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2008. – 808 с.

24. Трифонова Г.С. Становление и развитие художественной культуры на Южном Урале (20-80-е гг. XX в.): дисс. ... канд. ист. наук / Г.С. Трифонова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000. – 238 с.

25. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России / Р.Ф. Туровский. – М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1998. – 209 с.

26. Цукерман В.С. Регион как геополитическая и социально-культурная система / В.С. Цукерман // Теория и социология культуры. Избр. статьи. – Челябинск: Изд-во Челяб. Академии культуры и иск-ва, 2001. – 60 с.

27. Шадрина Е.А. Тенденции в развитии музыкально-театрального искусства на Южном Урале: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Е.А. Шадрина. – Магнитогорск: Магнитогорская гос. консерватория им. М.И. Глинки, 2009. – 21 с.

A decorative border resembling a scroll, with a horizontal bar at the top and vertical lines on the sides. The top-left and bottom-left corners feature circular scroll-like details.

Раздел третий

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

ВОЗМОЖНОСТИ И АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ

© Докукина А.А.*

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Большинство российских компаний управляется собственниками – авторами и победителями фазы первичного накопления капитала, понимающими, что именно идея и инициатива обеспечила существование бизнеса. Такие предприниматели готовы к риску, экспериментам и быстрым решениям – ведь именно этот тип менталитета и вывел их проекты на высокий уровень. Но на следующих этапах развития, обусловленных усложнением деловой среды, при необходимости внедрения системного планирования проблемой становится подбор инструментария, позволяющего реализовывать стратегии.

В статье рассмотрены основы применения сбалансированной системы показателей как способа анализа различных характеристик бизнеса, построения обратной связи между факторами деловой среды и концентрации менеджмента на достижении стратегической цели.

Большая часть создаваемых в современной России предпринимательских структур – около 200 тысяч новых компаний в год, – пытаются реализовать новую идею, сталкиваются с рядом серьезных проблем [7], трудно-разрешимый характер которых в процессе производства, сбыта, управления, а особенно – внедрения инноваций ведет скорее к поражению, чем к победе. Т.е., и без инновационной активности эффективность российских предприятий, по мнению экспертов, остается низкой или даже убыточной [8]. Одной из причин этого является устойчивая недооценка владельцами и менеджерами компаний значения и возможностей современного управления, в первую очередь – стратегического.

С одной стороны, сегодня как будто нет необходимости в очередной раз обращаться к концепции стратегического управления – процессу оценки текущего положения компании с целью ответа на вопросы, формирующие ясную схему: что есть данный бизнес, чем должен быть и как это сделать [1]?

С другой стороны, учитывая характер современной деловой среды, влияние внешних и внутренних факторов которой уже не поддается традиционной классификации по признакам прямого и косвенного воздействия, стратегия становится единственным подходом к выработке преимуществ, позволяющих предприятию конкурировать в условиях экономики знаний и информационного общества. Основным же – если не единственно

* Доцент кафедры Сравнительной экономики, кандидат экономических наук, доцент.

актуальным – из таких рыночных преимуществ является уникальность – продукта, услуги, технологии, бизнес-процесса, системы управления. Скорость текущих изменений современного рынка не оставляет выбора, но и не означает превалирования тактики над стратегией. Побеждает тот, кто осознанно и последовательно совершенствует производство и управление, формирует спрос, развивает предложение и оптимизирует достигнутый деловой статус, четко понимая, что стабильность сегодня синоним роскоши.

Важнейшими аспектами стратегического управления являются реагирование на изменения окружающей среды – а сейчас даже и их инициация – и распределение ресурсов компании с целью повышения собственной конкурентоспособности. Другим значимым аспектом является внутренняя реакция на новую программу действий по формированию конкурентных преимуществ. Понятно, что характер реакции зависит от типа бизнеса, конкретной окружающей среды, уровня концентрации производителей и культуры организации. Но только стратегический менеджмент является системой мер, определяющих основные направления и содержание будущего развития фирмы. Именно он обеспечивает последовательность действий на каждом уровне организации, способствует интеграции, всех усилий и ресурсов, подчиняемых общим целям и единой стратегии (рис. 1) [3].

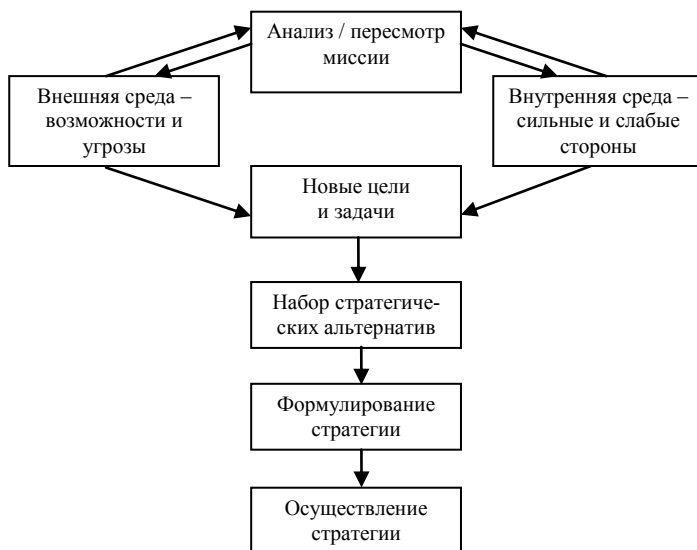

Рис. 1. Условная схема процесса стратегического управления

Процесс стратегического менеджмента условно можно разделить на два этапа: разработка и реализация управленческих подходов. На этапе разработки стратегии компании в течение последних десятилетий использовали раз-

ные вспомогательные инструменты, многие из которых – например, портфельная техника (использование разнообразных матриц) – уже входят в стандартный набор. Для построения системы планирования и управления оперативной деятельностью компании также существует большое число вспомогательных инструментов и хорошо себя зарекомендовавших систем [5].

В табл. 1 показаны некоторые методы, применяемые в стратегическом управлении. Это адаптированная матрица подходов к разработке стратегии в странах СНГ, используемая компанией Training & Consulting for Business International, разработанная на основе матрицы компании McKinsey [6].

Таблица 1

Матрица подходов к разработке стратегии

Основные факторы конкурентоспособности			
Уровень определенности:	Структурное преимущество	Деятельность контактной группы (frontline execution)	Понимание, предвидение
Целесообразное обоснованное предсказание	Традиционный микро-экономический подход	Подход, направленный на удержание клиента (прежде всего – на базе CRM-технологий)	Экстраполяция и определение рычажных точек
Дискретные сценарии		Выполнение основной компетенции (в т.ч. матрицы сравнения с конкурентами)	Признание возможности (в т.ч. на основе матриц решения)
Большая неопределенность		Целевые стратегические картины, SWOT-матрицы, Сбалансированная система показателей	Самообучающаяся организация
Двусмысленность и отсутствие информации			

Очевидно, что разработка стратегий в условиях цивилизованных стран с развитой экономикой, стабильным, детализированным законодательством, полной и достоверной информационной базой – совершенно иное дело по сравнению с тем, что приходится осуществлять в странах с развивающейся экономикой. Естественно, здесь рассматривается только то, что работает наиболее эффективно в условиях стран постсоветского пространства. Согласно проведенным исследованиям компании Training & Consulting for Business International, наиболее применимыми методами и подходами к стратегическому управлению в странах СНГ являются «Целевые Стратегические картины», SWOT-матрицы и Сбалансированная система показателей.

Главное достоинство перечисленных выше подходов – это возможность использования их в условиях трудно прогнозируемой внешней среды. При этом один из них – Сбалансированная система показателей (ССП; Balanced Scorecard – BSC) – в отличие от других методов имеет ряд дополнительных преимуществ.

Так, с ее помощью можно решать следующие управленческие задачи [2]:

- внедрение (реализация) стратегии;
- устранение доминирования финансовых управленческих показателей;
- дополнение системы внутренней отчетности;
- улучшение системы внешней отчетности;
- дальнейшее улучшение процесса согласования целей.

Итак, для целей стратегического управления ССП может рассматриваться как система, позволяющая переводить стратегические цели компании в четкий план текущей деятельности подразделений и ключевых сотрудников, а также оценивать результаты их деятельности с точки зрения реализации стратегии с помощью ключевых показателей эффективности.

Тогда как многие компании строят системы оценки эффективности, базируясь исключительно на финансовых индикаторах, главная идея ССП состоит в изменении традиционного набора критериев деятельности бизнеса за счет расширения состава показателей и использования особой структуры, которая устанавливает связь между стратегическими целями и ключевыми факторами (ресурсами) их достижения. ССП дополняет схему финансовых параметров уже свершившегося прошлого объективной оценкой перспектив. Цели и компоненты данной системы формируются в зависимости от мировоззрения и стратегии каждой конкретной компании и рассматривают ее деятельность по четырем направлениям: финансы; взаимоотношения со средой (рынок / клиенты), внутренние бизнес-процессы; обучение и развитие персонала¹.

Конкретно авторы ССП предложили четыре блока оценки эффективности, отвечающие на наиболее значимые для успешной деятельности компании вопросы:

- *финансы*: насколько высок потенциальный интерес инвесторов к нашему проекту?
- *рынок / клиенты*: чем мы можем заинтересовать клиентов, чтобы привлечь их и добиться требуемых финансовых результатов, в чем наше конкурентное преимущество?
- *бизнес-процессы*: какие процессы имеют наиболее важное значение для реализации конкурентного преимущества?
- *обучение / развитие*: за счет каких знаний, умений, опыта, технологий и прочих нематериальных активов мы сможем реализовать свои конкурентные преимущества?

Четыре составляющие ССП позволяют достичь баланса между долгосрочными и краткосрочными целями, желаемыми результатами и фак-

¹ Смысл и цель ССП подтверждают актуальный тренд современных теорий фирмы – тезис об индивидуализации и «персонализации» теории предприятия в сравнении с существующими концепциями, научно-прикладная ценность которых снижается, не выдерживая – как база – требований рыночной динамики.

торами их достижения, а также между жесткими объективными показателями и более мягкими субъективными оценками. На первый взгляд, многоплановая сбалансированная система может показаться довольно сложной и запутанной, однако на самом деле, правильно составленная, она отражает закономерность, поскольку все параметры направлены на выполнение единой стратегии.

Еще одним существенным плюсом ССП является ее пригодность для оценки степени достижения стратегических целей как ориентированных на получение прибыли компаний, так и государственных учреждений и некоммерческих организаций, целью которых является удовлетворение социальных потребностей.

Нельзя не упомянуть, конечно, критику по отношению к ССП, основанную на всегда с трудом воспринимаемой нестандартности, кажущейся внутренней противоречивости и отсутствии очевидной логики композиции и использования. Тем не менее, следует признать, что работы Р. Каплана и Д. Нортонa, вызвали настоящую революцию в управленческом учете, за последние два десятилетия коренным образом изменив эту область не только концептуально, но и в значительной степени практически – в плане конкретной работы специалистов на предприятиях [4].

От разрозненной системы сбора данных, в основном предназначенных для подготовки финансовой отчетности, происходит переход к пониманию управленческого учета как комплексной информационной системы предприятия, предназначенной для поддержки процесса принятия решений, планирования и контроля. Для этого информация о затратах дополняется целым рядом иных стоимостных и натуральных, объективных и субъективных показателей. Ориентированный ранее только на внутреннюю информацию, управленческий учет вышел за пределы предприятия, получая и анализируя данные из внешней среды. Так фокус сместился от учета к управлению.

Как уже отмечалось, ССП делает акцент на нефинансовых показателях эффективности, давая возможность оценить такие, казалось бы, сложно поддающиеся измерению компоненты, как степень лояльности клиентов, имидж или инновационный потенциал компании. Но ведь в современной среде финансовые показатели уже не признаются адекватными критериями для оценки и направления стратегического развития компаний. Они действуют с отставанием и не способны вовремя дать верную оценку прибыли или урону как следствию деятельности менеджера в конкретный период и с определенной целью. Финансовые критерии раскрывают только часть истории о прошедшем периоде и дают недопустимо ограниченные представления о том, какие действия необходимо предпринять, формируя будущее.

ССП, сохраняя прежние финансовые параметры, вводит новые оценочные характеристики будущей финансовой деятельности. Результаты работы,

клиенты, внутренний бизнес-процесс, коммуникации и обучение – все эти понятия являются проводниками стратегии компании в плоскость реальных задач и критериев их решения.

Т.о. ССП становится более значительным управленческим инструментарием для бизнеса по сравнению с просто новым подходом к оценке. Первоначально компания может разработать свою систему с узким набором задач: сформулировать ясную концепцию стратегии, прийти к единому мнению о способах ее реализации и довести ее до сведения всех сотрудников компании. Но истинная эффективность ССП проявится только тогда, когда произойдет ее трансформация из схемы индикаторов в систему управления.

ССП заполняет пробел, который существует в большинстве управленческих инструментариев – отсутствие обратной связи с элементами стратегии. Менеджмент, использующий ССП, обеспечивает компании возможность упорядочить и сконцентрировать свои усилия на реализации долгосрочных планов, отталкиваясь от тактических задач (а не наоборот), допускающая гибкость стратегической цели – подход, соответствующий основам управления бизнесом в условиях информационной эпохи.

Список литературы:

1. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление. – СПб.: Питер, 2011.
2. Внедрение сбалансированной системы показателей / Horvath & Partners; пер. с нем. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
3. Грей К., Ларсон Э. Управление проектами: Практическое руководство: пер. с англ. – М.: Дело и Сервис, 2003.
4. Каплан Р. Нортон Д. Награда за блестящую реализацию стратегии. Связь стратегии и операционной деятельности – гарантия конкурентного преимущества. – М.: Олимп-Бизнес, 2010.
5. Керцнер Г. Стратегическое управление в компании. Модель зрелого управления проектами. – М.: ДМК-Пресс, 2010.
6. Системы управления эффективностью бизнеса: учеб. / Н.М. Абдикеев, С.Н. Брускин, Т.П. Данько и др.; под научным ред. Н.М. Абдикеева и О.В. Китовой. – М.: ИНФРА-М, 2010.
7. www.lerc.ru/?part=articles&art=12&page=12.
8. www.cfin.ru/press/management.

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

© Завьялова Н.Б.*

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

В статье рассматриваются вопросы применения современных технологий для решения задач стратегического менеджмента. Дается характеристика уровней зрелости организации с точки зрения применения средств бизнес-анализа.

Все возрастающая сложность, присущая современным экономическим объектам управления, сформировала предпосылки для развития и повсеместного распространения концепции управления знаниями. Многочисленные исследования в этой области [1, 3] свидетельствуют о роли знания, как одного из важнейших активов компании, требующего структуризации, тиражирования, обогащения, управления. Именно эта концепция может быть положена в основу стратегического менеджмента, решающего следующие основные задачи:

- Оптимизация структуры и процесса управления организацией. Управление в динамично изменяющихся условиях рынка. Производственный и операционный менеджмент, менеджмент исследований и разработок, НИОКР.
- Стратегический маркетинг, анализ рынка, конкурентов, составление рыночных прогнозов.
- Принятие стратегических решений в условиях значительных рисков и неопределенности, решение слабоструктурированных задач управления, реализация и контроль выполнения решений.
- Бизнес-планирование. Анализ чувствительности и оценка инвестиционных рисков.
- Формирование и управление бизнес-процессами.
- Реструктуризация организации. Инжиниринг и реинжиниринг бизнес-процессов.
- Стратегический финансовый менеджмент. Финансовое управление организацией.
- Управление людскими ресурсами.

Для решения выше названных задач организации с высоким уровнем зрелости используют аналитические информационные технологии, направленные на обеспечение и реализацию масштабных исследований, поддержку принятия решений, управление рисками и знаниями. Основу этих техно-

* Профессор кафедры Сравнительной экономики и предпринимательства, кандидат технических наук, доцент.

логий составляет широкий спектр моделей, обобщенная классификация которых представлена на рис. 1 [3].

Рис. 1. Обобщенная классификация моделей в стратегическом менеджменте

Изоморфные модели, отражающие однозначное соответствие реальной системе в области функции и структуры, имеют ограниченное применение. В настоящее время модель клонирования применяется при создании организаций в сетевых структурах, когда решается задача многогранного процесса тиражирования уже работающего эффективного бизнеса. Эта модель используется и при внедрении информационных систем на идентичных предприятиях, принадлежащих, как правило, одному собственнику. В большинстве случаев в виду сложности реальных экономических систем не удастся достигнуть полного изоморфизма и в силу ряда упрощений изоморфные модели преобразуются в гомоморфные, подразделяемые на материальные и абстрактные.

Материальные модели предназначены для воспроизведения основных геометрических, физических, динамических и функциональных характеристик. Этот класс моделей включает физические и аналоговые модели. Физическая модель представляет увеличенное или уменьшенное описание объекта или системы. Примером физической модели может служить чертеж проектировщика, макет станка, макет строительного объекта.

Аналоговая модель отражает свойства и характеристики экономической системы, но не содержит полный информационный базис, часть факторов

может отсутствовать или заменяться другими, коррелированными с ними. Примером применения аналоговой модели в стратегическом менеджменте может служить географическая карта с отображением на ней пиктограмм произвольного вида, обеспечивающих поддержку принятия стратегических решений, круговых и столбчатых диаграмм, отражающих состояние хозяйственной деятельности экономического объекта (Маркетинговая информационная система «Курс», модуль GEO. Разработчик компании «Курс», www.curs.ru (рис. 2)).

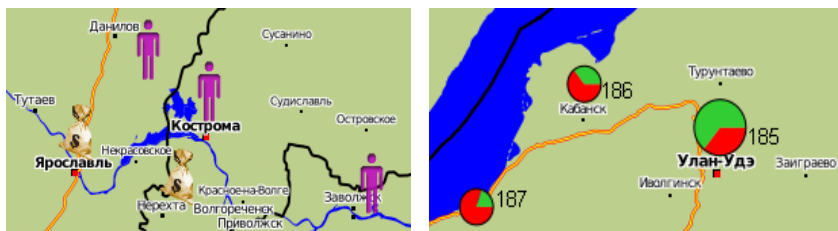

Рис. 2. Отображение экономической информации на карте

В решении задач стратегического менеджмента широкое распространение находят различные категории *абстрактных моделей*, к которым относят *математические, имитационные и семиотические модели*. *Математические модели* являются приближенным представлением реальных объектов, процессов или систем, выраженным в математических терминах и сохраняющим существенные черты оригинала и описывают основные свойства объекта, процесса или системы, его параметры, внутренние и внешние связи в количественной форме, с помощью логико-математических конструкций. Следует отметить, что в настоящее время накоплен значительный арсенал математических, имитационных и прогнозных моделей и предприняты многократные попытки их классификации [1-3]. Общепризнанное разделение математических моделей на *модели экономики, управления и прогноза* имеет определенную логику, хотя и является достаточно условным, поскольку большинство моделей применяются как для решения задач экономики, так и при выработке управленческих решений, прогнозные модели могут создаваться на базе экономико-математических и экономико-статистических методов. Кроме того, моделирование экономической деятельности является отправным пунктом в стратегическом менеджменте.

Спектр инструментальных средств для применения методов математического моделирования чрезвычайно широк. К наиболее универсальным приложениям относятся табличный процессор Microsoft Excel, пакеты Mathcad и MATLAB. Сегодня широко представлены и другие программные решения, обеспечивающие разработку и применение математических моделей в стратегическом менеджменте.

Например, маркетинговая информационная система «Marketing Analytic» поддерживает значительное число методов, применяемых в маркетинговых исследованиях, такие как стандартные методологии портфельного анализа – матричные модели BCG и DPM, прогнозирования или анализ потребительских предпочтений при выводе нового товара на рынок. На рис. 3 представлен прогноз продаж методом авторегрессии без выделения сезонности путем настройки параметров ретропрогноза: порядка авторегрессии и собственных значений. Исследования выполнялись средствами путем настройки следующих параметров: порядок авторегрессии – 9, число собственных значений – 7 число точек – 10, выделен линейный тренд. Результаты исследования (рис. 2) показали удовлетворительное качество модели (ошибка прогноза не превышает 10 %).

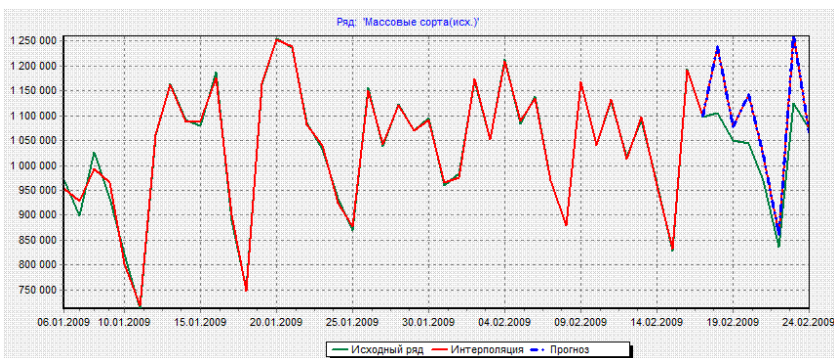

Рис. 3. Результаты прогноза продаж массовых сортов продукции

Исследования потребительских предпочтений (рис. 4) в модуле Conjoint системы «Marketing Analytic» включает следующих процедур:

1. Формирование массива альтернативных вариантов исследуемого товара (сочетаний значений характеристик).
2. Экспертная оценка или ранжирование полученных вариантов товара.
3. Расчет важности характеристик товара (факторов) и предпочтительности значений (уровней) каждого фактора.
4. Расчет оценок для конкретных вариантов товаров.
5. Формирование отчетов с исходными данными, результатами анализа.

Однако для решения задач стратегического менеджмента особый интерес представляют информационные аналитические системы, имеющие определенный уровень адаптации для использования готовых, разработанных аналитиками моделей в принятии управленческих решений.

Практическое применение инструментальных средств бизнес-анализа основывается на модели зрелости компании, предложенной исследовательской компанией TDWI (The Data Warehousing Institute – институт хранилищ

данных (www.tdwi.org)). Данная модель предполагает оценку уровня зрелости компании с точки зрения возможностей бизнес-анализа для принятия управленческих решений и дает характеристику основных элементов инфраструктуры, необходимых для обеспечения этого уровня зрелости.

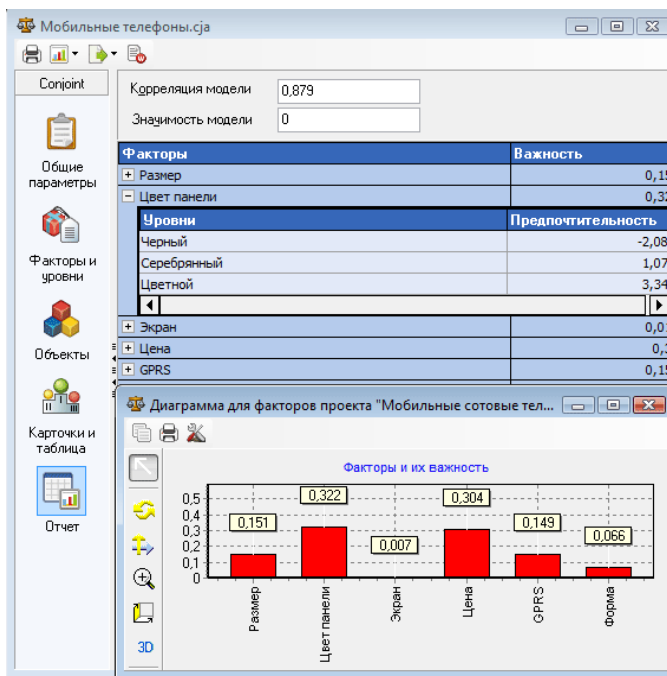

Рис. 4. Исследование потребительских предпочтений

Для первого уровня зрелости бизнес-анализа (табл. 1) характерно накопление и архивирование информации из OLTP-приложений с размещением ее в отдельных базах данных (или электронных таблицах). В основном такая информация является специфичной для одного отдела или департамента (отдела маркетинга, производственного отдела, финансового департамента и т.д.). Повышение эффективности бизнес-анализа на этом уровне зрелости достигается путем создания в инфраструктуре организации витрин данных, на базе которых затем осуществляется формирование динамических отчетов средствами OLAP-инструментов. Отчеты по историческим данным упрощают анализ тенденций, согласование данных внутри отдела, а также обработку данных без влияния на производительность систем обработки транзакций в реальном времени – OLTP-систем (Online Transaction Processing, OLTP).

Таблица 1

Модель уровня зрелости технологий бизнес-анализа

УРОВЕНЬ ЗРЕЛОСТИ	1	2	3	4	5
Бизнес-вопрос	Что происходило в прошлом?	Почему так происходило?	Что происходит сейчас?	Почему это сейчас происходит?	Что должно происходить?
Бизнес-процессы	Разрозненные операции	Тактически интегрированы	Полностью интегрированы	Оптимизированное предприятие	Интеллектуальная функционирующая сеть
Управление эффективностью	Функционирование на уровне отделов	Попытки интеграции	Управление эффективностью в рамках всей компании	Оптимизации, коллективное взаимодействие	Инновационная культура управления эффективностью
Прогнозирование	Отсутствует	Первые попытки	Поиск знаний компании	Совместное исследование тенденций в рамках всей организации	Общедоступные знания о компании, инновационные возможности
Цель	Изолированное использование	Интеграция	Своевременность	Применение аналитики	Внедрение инноваций
Результат	Отчетность	Аналитические результаты	Принятие решений	Формирование знаний и оптимизация	Самооптимизация
Решение	Стандартная отчетность, электроны таблицы, OLAP	Интеграция и администрирование данных	Операционные средства бизнес-анализа	Слияние систем бизнес-анализа с системами управления знаниями	Сервисная ориентация для интеграции информации
Технологическая основа	Витрины данных, оперативный склад данных	Корпоративное Хранилище данных	Активное Хранилище данных	Информационное Хранилище	Информационные сервисы

Получение ответа на второй вопрос «Почему так происходило?» (второй уровень зрелости) сопряжено с интеграцией разрозненных участков информации, поскольку поиск причин возможен только при четком понимании всех факторов влияния как внутри так и вне организации. Следует отметить, что значительную на этом этапе играют не столько технологические аспекты интеграции, сколько «человеческий» фактор и качество сформированных людьми данных.

Интеграция информации упрощает глубокое рассмотрение исторических данных с помощью сложных аналитических возможностей, таких как нерегламентируемый анализ и отчетность и Data Mining, функционирующих в рамках корпоративного хранилища данных или в виде аналитической настройки над ним. Таким образом, второй уровень зрелости процессов бизнес-анализа – это анализ интегрированной информации на базе корпоративного хранилища.

Третий уровень зрелости предполагает наличие доступа к нужной информации в нужное время. Очевидно, что наличие исторических данных и понимание причин произошедшего позволяет сформировать стратегические и тактические решения. При этом отсутствие данных по текущей ситуации может снизить эффективность принимаемых решений. Например, принятие заказа от клиента на крупную партию продукции требует следующей акту-

альной информации: о клиенте (его фактической задолженности перед компанией, статусе клиента), о продукции (свободный остаток на складе, объем выпуска продукции и сводный заказ на предполагаемую дату выполнения заказа), о резерве транспортных средств для доставки продукции клиенту. Актуальность информации для принятия тактических решений в этом случае должна составлять 5-10 мин., в противном случае возможно возникновение ошибки, которая может привести к прямым убыткам компании или потери выгодного клиента. Таким образом, третий уровень зрелости процессов бизнес-анализа представляют собой средства поддержки принятия операционных и тактических решений с аналитическими возможностями на базе активного хранилища данных¹.

Четвертый уровень зрелости процессов бизнес-анализа предполагает ответ на вопрос «Почему это сейчас происходит?». Учитывая, что по исследованиям TDWI неструктурированные данные (данные любого типа формата, представленные в любой последовательности, например документы на естественных языках, электронные письма, тексты в свободной форме, рисунки, звуковые и видео-файлы) составляют 60 %, то при выяснении причин происходящего нельзя не учитывать этот слой информации. Поэтому важно направить усилия на представление такой информации в структурированном формате и выполнение ее автоматической интерпретации. Программные средства для обработки неструктурированных данных, сегодня становятся неотъемлемой частью систем бизнес-анализа. Например, средства распознавания текстов, а также инструменты, синтезирующие речь, находят свое применения на коммерческом рынке в целях обработки клиентских данных в интерактивных системах ответа на телефонные звонки. Помимо текущего анализа результаты можно хранить, тем самым накапливая знания об организации. Итак, четвертый уровень зрелости процессов бизнес-анализа подразумевает слияние технологий бизнес-анализа и управления знаниями, при этом аналитика используется как для оптимального контроля операционной деятельности компании, так и для формирования знаний.

Оценка динамики современных процессов в экономике и менеджменте свидетельствует о том, что для выживания и роста каждая организация должна выдерживать огромную конкуренцию, ценовое давление, удовлетворять спрос, добиваться существенного роста прибылей. Организации вынуждены выбирать инновационные подходы и достигать максимальной эффективности на стратегическом, тактическом и операционном уровне. Для достижения успеха необходимо согласовать процессы, эффективность и прогнозирование, что соответствует пятому уровню зрелости процессов бизнес-анализа.

¹ Активное Хранилище данных – хранилище данных в реальном времени, дополняемое инструментами бизнес-анализа для обработки и выполнения бизнес-решений. Решения автоматически передаются в OLTP-системы.

Повышение эффективности хозяйственной деятельности организации заключается в скорости реагирования и адаптации к изменениям (внутренним и внешним). Операционная эффективность повышается за счет оценки KPI (Key Performance Indicators, KPI) – ключевых показателей эффективности, гармонизации процессов и инвестиций в технологии, внедрения систем управления эффективностью бизнеса BPM (Business Performance Management, BPM) (систем бюджетирования, планирования, управления рентабельностью), а также систем управления персоналом, взаимоотношениями с клиентами, цепочками поставок и др. Именно эти решения соответствуют пятому уровню зрелости компании по применению аналитических технологий в решении задач стратегического менеджмента.

Общая схема соответствия уровня зрелости компании при принятии стратегических решений и используемых средств информационных технологий и систем представлена на рис. 3.

Рис. 3. ИТ / ИС в решении задач стратегического менеджмента

Спектр методов и инструментальных средств для решения задач стратегического менеджмента чрезвычайно велик. В данной статье рассмотрены только некоторые из них, опирающиеся на применение математических моделей и методов, но ярко демонстрирующие возможности современных информационных технологий и систем в управлении современной организацией.

Список литературы:

1. Когнитивная бизнес-аналитика: учебник / Н.М. Абдикеев, А.Н. Аверкин, Л.П. Дьяконова, Н.Б. Завьялова и др. Под ред. д-ра техн. наук, проф. Н.М. Абдикеева. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 511 с. +CD-R. – (Учебник для программ МВА).
2. Завьялова Н.Б., Завьялов Д.В. Информационные технологии и системы в торгово-дистрибьюторских и промышленных организациях: учебное пособие. – М.: ГОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2010. – 172 с.: ил.
3. Корпоративные информационные системы управления: учебник / Н.М. Абдикеев, Завьялова Н.Б., Киселев А.Д., Китова О.В. и др.; Под ред. д-ра техн. наук, проф. Н.М. Абдикеева. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 464 с. +CD-R. – (Высшее образование).

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ МЕСТНЫМ РАЗВИТИЕМ

© Мельников М.С.*

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

В статье рассматриваются элементы стратегии местным развитием, ключевыми из которых являются развитие сотрудничества, развитие делового климата, развитие инфраструктуры. Дан анализ факторам, оказывающим влияние на формирование стратегии.

Развитие муниципальной экономики представляет собой своего рода гарантию предоставления местными властями потребителям в равной мере эффективных и рациональных общественных услуг. Доход, получаемый в результате функционирования жизнеспособной муниципальной экономики, для которой характерны рост объемов производства, расширение налоговой базы, увеличение занятости, заработков, позволяет местным администрациям поддерживать и улучшать инфраструктуру, необходимую для обслуживания населения и для дальнейшего повышения и качества его жизни. Поэтому способность местных властей сохранить существующую деловую активность и стимулировать новую, с привлечением инвестиций, приобретает на современном этапе развития российского общества чрезвычайно важное значение.

Развитие муниципальной экономики – не просто основа для создания необходимых и достаточных условий для процветания местных сообществ, а предоставление возможности для самореализации с целью повышения собственного благосостояния.

Муниципальная экономика развивается в том случае, если талантливые предприниматели, видя благоприятную для себя ситуацию на рынке, могут действовать, привлекая на данный рынок капитал, нанимая рабочих и выпуская товары, которые можно затем реализовать с получением прибыли на иных рынках, выгодно расположенных относительно данного места производства. Чтобы сделать это, предприниматель в любом случае рискует своими ресурсами. Поэтому сущность стратегии местного развития заключается в поддержке наиболее перспективных участников местного рынка путем уменьшения препятствий на пути поддержания и развития их бизнеса.

Реализация мероприятий по развитию муниципальной экономики, как и деятельность любого хозяйствующего субъекта, это процесс, в котором конкуренция играет важную роль. Любому муниципалитету нужны дополнительные рабочие места, более высокий уровень доходов, инвестиций и налоговые льготы, словом, все то, что сопутствует формированию успешной

* Старший преподаватель кафедры Сравнительной экономики, кандидат экономических наук.

деловой среды. Поэтому для того, чтобы экономическое развитие шло по запланированному пути, внимание разработчиков стратегии управления местного развития должно сместиться с оценки нужд на оценку возможностей данной территории.

Чтобы достичь этого, стратегию управления местным развитием следует сконцентрировать на следующих трех ключевых элементах:

1. *Развитие сотрудничества*: выявление и согласование интересов, экономических преимуществ и недостатков, сильных и слабых сторон корпоративной организации местного развития; привлечение целевых инвестиций и поощрение создания новых производств и рабочих мест; разработка стратегического плана действий, опирающегося на выявленные преимущества; мобилизация доступных местному сообществу ресурсов для воплощения стратегического плана.

2. *Развитие делового климата*: разработка институциональных основ, регулирующих правил, процедур и норм отношений в муниципальном сообществе при ведении бизнеса экономическими агентами; развитие информационной базы по местным экономическим ресурсам и привлечению инвесторов.

3. *Развитие инфраструктуры*: формирование условий, гарантирующих доступность аренды земельных участков; обеспечение электроэнергией, дорогами; профессиональное обучение кадров для ведения предпринимательской деятельности; организация досуга как для местных работодателей и работников, так и для приезжих; организация самоподдержки индивидуальных предпринимателей, создание благоприятной среды для их деятельности.

Разумеется, в процессе развития любого местного сообщества в каждый конкретный момент наибольшее внимание будет уделяться какому-то одному элементу из перечисленных выше. Поэтому, хотя стратегические цели местного развития остаются постоянными, тактические способы их достижения постоянно меняются. Успешное управление местным развитием, таким образом, требует профессионального подхода.

Рассмотрим три ключевых элемента стратегии управления местным развитием подробнее.

Развитие сотрудничества

На современном этапе развития российского общества в целом и местных сообществ в частности, важно понимать, что в основании развития сотрудничества между людьми находится процесс каталлаксиса¹, который

¹ Каталлаксия (греч. katallaxis) – это процесс обмена и образования общежития, когда враги превращаются в друзей) – особый порядок введенный людьми, действующими по нормам частной собственности, договорной ответственности и взаимным обязательствам. Каталлаксия предполагает взаимообмен между людьми и взаимное обогащение каждого, какими бы не были намерения и характер целей.

стыкует и примеряет у людей до крайности разные цели, не взирая на то, насколько они эгоистичны.

В основании процесса каталлаксиса находится инкорпоративный механизм [4], инкорпоративный интерес – это совпадение своего и чужого интересов. Инкорпоративный интерес достигается путем реализации местным сообществом метода инкорпоративного хозяйствования и решения задач социального, экономического и политического своего саморазвития. Возникающий инкорпоративный порядок в социальной, экономической и политической сферах превосходит любую форму сознательной организации, ибо позволяет каждому человеку – эгоисту и альтруисту – адаптироваться к взаимовыгодным целям множества незнакомых ему людей.

Сам факт, что люди работают ради достижения инкорпоративных (чужих и своих) целей, не ведая индивидуального их разделения, находится в основании нового типа общества – инкорпоративного, гарантирующего его надежность и мощь.

Только инкорпоративный обмен делает возможной взаимную пользу без того, чтобы до бесконечности оспаривать и согласовывать конечные цели. Жить и успешно работать можно лишь при условии соблюдения своих и чужих целей, т.е. инкорпоративных. Принимать моральные требования, важные для инкорпоративного типа порядка, и позволять другим достигать своих.

Развитие делового климата

Развитие делового климата подразумевает под собой разработку системы законов, правил, налоговых нормативов, направленных на поддержку и регулирование муниципалитетом частных инвестиций. При рассмотрении риска любого частного вложения фактор делового климата играет значительную роль, поскольку слишком большой риск, как правило, заставляет инвестора пересматривать свою позицию и инвестировать в другие территории. В России к ключевым элементам создания позитивного делового климата относятся следующие:

- защита собственности на недвижимость – защита интересов инвесторов, вложивших свои средства в землю или здания, а также защита интересов кредиторов, которые дают средства в кредит под залог недвижимости;
- защита основных фондов – защита интересов инвесторов, вложивших свои средства в оборудование и оснащение, от произвольной конфискации или кражи и защита интересов тех кредиторов, которые осуществляют выдачу займов под залог таких активов;
- предсказуемость и стабильность юридической системы – создание такой системы судопроизводства, при которой права перспективных инвесторов строго закреплены в законодательном порядке;
- прозрачное управление и регулирование среды хозяйствования – кодификация всех правил и нормативов и проведение согласующих и

- лицензирующих процедур с достаточной степенью прозрачности, позволяющей убедить инвесторов в справедливом к ним отношении;
- беспристрастная и оперативная система лицензирования и согласования – выдача лицензий в соответствии с декларируемыми и широко опубликованными стандартами и процедурами, обеспечение адекватного процесса апелляций на отказ в выдаче лицензий, наконец, надлежащее процедурное регламентирование, позволяющее избежать коррупции и взяточничества;
 - развитие информационной базы по местным экономическим ресурсам и привлечению инвесторов, которая отражает реальное состояние муниципальной экономики и представляет адекватную оценку всех участников экономической деятельности на данной территории.

Дополнительные факторы, играющие важную роль в создании благоприятного делового климата, это:

- справедливые и обоснованные налоговые ставки (однако, учитывая специфику российской налоговой системы, при которой основными полномочиями по налогообложению бизнеса обладают федеральные власти, пока не имеет смысла считать фактор установления разумных налоговых ставок одним из действенных факторов местного характера);
- доступность квалифицированной рабочей силы с высоким уровнем трудовой этики;
- высококачественные профессиональные услуги, предоставляемые бизнесом, занятым в сфере обслуживания рынка;
- ответственный подход к решению проблем, связанных с состоянием окружающей среды;
- доступность недвижимости на правах аренды и купли-продажи;
- доступ к финансированию;
- наличие способных оказать реальное содействие бизнесу органов местной власти.

Развитие инфраструктуры

Развитие инфраструктуры включает в себя формирование условий, гарантирующих доступность аренды земельных участков, обеспечение электроэнергией, дорогами; профессиональное обучение кадров для ведения предпринимательской деятельности; организация досуга как для местных работодателей и работников, так и для приезжих; организация самоподдержки индивидуальных предпринимателей, создание благоприятной среды для их деятельности.

Фирмам, предприятиям, компаниям для успешного функционирования требуется качественная инфраструктура муниципальной экономики, которая гарантировала бы доступность аренды земельных участков, беспере-

бойную поставку производственных ресурсов и постоянный доступ к важным общественным ресурсам – образованию, телекоммуникациям. Чтобы выжить в современной конкурентной борьбе, хозяйствующим субъектам нужно использовать последние достижения науки и техники. Для этого им необходимо постоянно профессионально переподготавливать своих работников. В результате этого инфраструктура телекоммуникаций и образования в последнее время стала особенно важным фактором планирования экономического развития, поскольку большое количество предприятий, зародившихся в «информационный век», в процессе выбора места своего размещения в наибольшей степени ориентируются на высоко развитую инфраструктуру образовательных учреждений и хорошо отлаженные телекоммуникационные системы.

Не менее важными факторами, на которых необходимо сконцентрировать внимание являются:

1. *Планирование и партнерство.* Любая стратегия управления местным развитием должна заручиться активной поддержкой всех лидеров местного сообщества. Каждый из них обладает уникальным набором экономических возможностей и сталкивается с собственными проблемами, поэтому должен иметь возможность высказывать свои предложения в ходе разработки стратегии управления местным развитием. Такая стратегия подразумевает:

- обозначение экономических преимуществ и её недостатков (это часто называется SWOT-анализом – от Strengths, Weaknesses, Opportunities, and Threats);
- разработку плана действий, опирающегося на обозначенные преимущества;
- мобилизацию и организацию доступных местному сообществу ресурсов для воплощения такого плана в жизнь.

При разработке стратегии следует выделить экономических лидеров местного сообщества из числа наиболее успешно функционирующих фирм и индивидуальных предпринимателей. Предложения, высказанные местными экономическими лидерами, следует развить в полноценный отчет и разрешить доступ к нему всех членов местного сообщества, чьи комментарии и предложения могут быть использованы на этапе окончательного утверждения стратегии.

Эффективное осуществление стратегии развития муниципальной экономической системы требует игры с открытыми картами. Стратегия должна быть известна городскому Совету и одобрена им. Местные чиновники, ведущие представители местного бизнеса и иные участники процесса экономического развития должны работать вместе как партнеры. Ключевые стадии реализации стратегии местного управления местным развитием, определяющие успешность ее продвижения, можно обозначить следующим образом:

- Мобилизация.

Активное вовлечение муниципальных служащих, равно как и ключевых фигур делового мира и местного сообщества, в процесс формирования долговременной системы социального партнерства для ее реализации. Это партнерство, что важно, должно быть организовано таким образом, чтобы его деятельность не противоречила уставу муниципалитета, иным местным нормативно-правовым актам, устоявшемуся порядку функционирования ассоциаций предпринимателей, общественных организаций и других учреждений. У каждого партнера должна быть своя собственная роль и свои собственные обязанности.

– Обучение.

Обучение лидеров местного сообщества и институциональных партнеров по созданию муниципальных финансово-производственных организаций – основы системы социального партнерства «муниципальная власть – бизнес – человек».

2. *Поддержка фирм и индивидуальных предпринимателей.* Бизнесменам требуется базовая информация о местной экономике и социальной сфере, чтобы решить, возможно, ли в ее рамках осуществление их бизнес-плана. Сбор этой информации чаще всего осуществляется органами местного управления или общественными организациями. Ниже приведены виды информации о муниципалитете, которые чаще всего бывают затребованы бизнесом:

- демографические сведения (включая данные о населении, уровне доходов, образования, др.);
- информация о жилье (предложение, количество, доступность, цена);
- данные о развитии инфраструктуры связи и коммуникаций;
- анализ рынка труда (включая уровень безработицы, уровень образования, качество рабочей силы, особые навыки);
- научно-образовательные ресурсы;
- состояние экономической базы (объем производства товаров и услуг, количество хозяйствующих субъектов и др.);
- информация об организациях, специализирующихся на поддержке бизнеса (их действиях и ресурсах);
- данные о сырье и промежуточных составляющих продукции (доступных и производимых в регионе);
- информация о финансово-налоговых условиях (например, о количестве банков, общем объеме средств на депозитах, заемном капитале, экономических льготах и программах финансового стимулирования деловой активности).

По большей части, существующие программы муниципального экономического развития концентрируются на предоставлении услуг тем предприятиям, которые на данном этапе располагаются на территории муниципалитета, с целью ускорить их рост и развитие. Именно эти фирмы уже взяли на себя определенные обязательства по отношению к сообществу и потому, вероятно, останутся и будут расширяться при условии, что их нужды будут удовлетворены и они смогут извлекать прибыль из своих опе-

раций. Как раз эти компании и платят налоги, на которые осуществляются программы муниципального экономического развития.

Помощь бизнесу в приобретении или аренде недвижимости:

- Помощь в отыскании подходящих объектов недвижимости или зданий.
- Составление и обновление списков местных адвокатов и нотариусов, имеющих опыт и навыки в оформлении сделок с недвижимостью.
- Помощь в регистрации прав на недвижимое имущество.
- Использование общественной распродажи земли с аукционов или тендеров.
- Использование долгосрочных арендных договоров (в тех ситуациях, когда это критично, например, если речь идет о зданиях, представляющих историческую ценность).

3. *Привлечение инвесторов.* Изучение конкурентных преимуществ муниципалитета, развитие мощной информационной базы по местным экономическим ресурсам, привлечение целевых инвестиций и поощрение создания новых рабочих мест.

Как только муниципалитет разработал свою стратегию управления местным развитием, перед ним стоит задача организовать выполнение этой стратегии наиболее успешным образом, обеспечивая достижение поставленных в ней целей. На этот счет не существует единого правила или стандартного подхода, однако есть установленные принципы. Среди них:

- партнерство, основанное на тщательно выстроенном доверии, между органом местного самоуправления и деловым сообществом;
- лидерство, основанное на разделении обязательств, со стороны органа местного самоуправления и представителей частного сектора;
- профессионализм, основанный на понимании того, что успех в экономическом развитии достигается в том случае, если политика властей и ход реализации программы основываются на лучшем опыте из международной и российской практики.

Развитие сотрудничества, развитие делового климата, развитие инфраструктуры являются корневыми элементами стратегии управления местным развитием. Стратегия реализуется в две ключевые стадии: мобилизация, обучение.

Список литературы:

1. Стратегический менеджмент: учебник / Л.Г. Зайцев, М.И. Соколова. – М.: Экономика, 2007.
2. Муниципальный менеджмент: учебное пособие для вузов / К.Л. Жихарев, С.Б. Мельников, Н.С. Мельникова. – М.: Муниципальный мир, 2005.
3. Россия. Объединяющая идея. Путь выхода из кризиса. Улучшение качества жизни каждого / В.Н. Иванов, С.Б. Мельников, Л.М. Могилевский, С.Н. Сильвестров. – М.: Славянский диалог, 1997.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ

© Петрова Е.М.*

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

В статье рассмотрена эволюция развития маркетинга, дается свой подход к определению маркетинга, подчеркивается важность стратегического маркетинга и с точки зрения моделирования будущей деятельности любого предприятия и с точки зрения выбранных направлений его деятельности. Рассмотрено понятие «комплекс маркетинга». Применение маркетинга в различных областях, появление новых технологий, интерактивного маркетинга, создание Интернета, позволяет вводить в комплекс маркетинга элементы, расширяющие направленность его применения для решения различных маркетинговых задач на рынке. Представлено понятие «человеческая субъективность» в контексте маркетинговой стратегии.

Маркетинг, как вид специфической деятельности и как наука развивается динамично. По мнению Х. Швальбе, «вполне определенно можно сказать, что явление, называемое сегодня маркетингом, существовало всегда, оно лишь не называлось так». Термин «маркетинг» (от англ. «market» – рынок) буквально означает рыночную деятельность, работу с рынком. Как одна из систем управления предприятием и как академическая дисциплина маркетинг сформировался в США в начале двадцатого века. С 1902 года в США начали читать лекции по проблемам маркетинга.

20-е годы были периодом, когда формировались основы маркетинга. При этом, главное внимание уделялось проблемам организации сбыта, эффективной рекламной деятельности. Теоретические основы маркетинга как самостоятельной науки, были созданы американцем Сайрусом Маккормиком. Он был первым, кто полностью осознал уникальную роль функции маркетинга как специфической задачи управления и создал целый ряд основных инструментов маркетинга, таких, как изучение и анализ рынка, основные виды и принципы ценовой политики и сервисного обслуживания и т.д.

Хотя в 30-х годах были разработаны основные принципы рыночной ориентации производителей, и отдельные элементы маркетинга уже использовались различными фирмами в практике хозяйственной деятельности, теория еще не нашла своего широкого применения.

К 50-60-м годам в связи с обострением проблемы конкуренции, сбыта, рекламы, качества, дифференциации продукта и т.д., маркетинг получил широкое распространение во многих западных странах. В это время его

* Доцент кафедры «Инженерная экономика и маркетинг», кандидат философских наук.

стали рассматривать как «философию бизнеса». Маркетинг был признан многими крупными корпорациями, что привело к серьезным изменениям в структуре внутрифирменного управления. Главное из них – это создание специальных маркетинговых служб и передача функций управления сбытом товара руководителю отдела маркетинга [4].

В 70-х годах практически во всех крупных фирмах США были созданы специальные отделы, занимающиеся изучением рынка и консультированием производственных работников по вопросам рынка. Под влиянием научно-технического прогресса (НТП) происходило расширение объема производства и ассортимента товаров, развитие транснациональных корпораций. В связи с этим понимание маркетинга осложнялось и углублялось. Маркетинг стал рассматриваться не только как возможность соединения производителей с потребителями, но и как комплексная система, увязывающая возможности фирмы с условиями внешней среды. Главной задачей маркетинга стало соединение воедино финансовых, производственных, и человеческих ресурсов предприятия с целью создания четко управляемой системы, способной гибко реагировать на изменения рыночной среды [2].

Следует отметить, что содержание маркетинга соответствует конкретной хозяйственной, общественной и экономической ситуации во времени и в пространстве. Поэтому каждое из определений маркетинга характеризует понимание его сути в свое время. Важнейшим элементом управления является не только стратегическое планирование и организация производства, но и мотивация. К ней мы относим индивидуальную стратегию человеческой субъективности в условиях маркетинговых решений.

По мнению специалистов-маркетологов, к настоящему времени разработано уже более 2000 определений маркетинга от самых кратких, до развернутых и детализированных, включающих цели, принципы, функции и методы маркетинга. Однако нет единого подхода к определению маркетинга.

Авторы научных разработок по маркетингу цитируют и дополняют друг друга, пытаясь дать свое определение. Это вызвано, как нам представляется, емкой и широкой смысловой нагрузкой понятия «маркетинг». Очевидно, четкого и точного, раз и навсегда сформулированного понятия маркетингу дать невозможно, ибо маркетинг это и философия бизнеса, и наука, и искусство.

Маркетинг – это упорядоченный и целенаправленный процесс осознания проблем потребителя, регулирования рыночной деятельности, и в то же время это сложная социально-экономическая категория, имеющая много аспектов: организационно-технических, экономических, социальных, идеологических, политических.

Нам представляется правильным при определении маркетинга выделять следующие главные ипостаси:

- ориентированное мышление на потребителя;
- система управления, то есть совокупность служб, осуществляющих производственно-хозяйственную деятельность;

- технология деятельности, связанной с рынком.

При таком подходе можно утверждать, что маркетинг, ориентируясь на потребителя, охватывает все направления производственно-хозяйственной деятельности.

Маркетинг в своем развитии эволюционирует. В настоящее время все большее внимание стали уделять стратегическому маркетингу, в то же время, давая ему неоднозначное определение. Нам представляется правильным, что стратегический маркетинг моделирует деятельность организации на перспективу на основе анализа внешней среды и своих внутренних возможностей, а операционный маркетинг предполагает реализацию выбранной стратегии. Не вызывает сомнения, что понятие «стратегия» является центральным в теории стратегического маркетинга. Однозначное определение этому понятию дать трудно, поскольку оно многогранно [6].

Стратегия это и средство достижения конечного результата, и результат анализа сильных и слабых сторон организации, а так же определения возможностей и препятствий ее развития, и заранее спланированная реакция организации на изменения внешней среды. А так же стратегия отвечает на ключевые вопросы относительно сущности организации, объединяет все части организации в целом, охватывает все основные аспекты организации, обеспечивает совместимость всех частей планов организации.

Таким образом, можно констатировать, что стратегия – это моделирование будущего и средство, с помощью которого предприятие организует свою деятельность и адаптируется к изменчивой окружающей среде с целью достижения конкурентных преимуществ. У любого предприятия можно обнаружить определенную стратегию его деятельности. Она проявляется в подходах к принятию решений, затрагивающих интересы данного предприятия в порядке распределения ресурсов, принципах, на которых строится разрешение конфликтных ситуаций и тому подобное [3].

Анализ литературы в области стратегического маркетинга показывает, что стратегический маркетинг, прежде всего, нацеливает деятельность фирмы на перспективу, а основными его этапами могут быть:

- оценка деятельности предприятия в настоящее время и определение будущих возможностей и угроз;
- определение миссии предприятия, его целей и стратегий;
- установление целей и стратегий для каждого стратегического центра хозяйствования (СЦХ);
- реализация, управление и корректировка миссии и стратегии по мере достижения общефирменных целей.

Стратегический характер маркетинга, прежде всего, обуславливается выбором стратегии предприятия. Стратегические решения, определяющие направление деятельности компании, выбор рынков и рыночных сегментов, принимаются на основе анализа взаимодействия факторов окружаю-

щей среды и возможностей организации. Реализация принятой стратегии осуществляется на основе тактических и оперативных действий.

Отличительными чертами стратегического маркетинга должны быть: во-первых, акцент на мониторинг, оценку внешних угроз и возможностей предприятия; во-вторых, ориентация на будущее (то есть необходимо четко определить ориентиры развития – к чему стремиться, какие цели ставить). Выбранная стратегия должна основываться на следующих составляющих, которые являются результатом стратегического анализа – это:

- правильно выбранные долгосрочные цели;
- глубокое понимание конкурентного окружения;
- реальная оценка собственных ресурсов и возможностей предприятия.

Этап формирования направлений развития предприятия, их оценка и выбор конкурентноспособной стратегической альтернативы для реализации использует специальный инструментарий, включающий количественные методы прогнозирования, разработку сценариев будущего развития, портфельный анализ. Когда общая стратегия сформулирована, внимание стратегического маркетинга направляется на процесс ее реализации. Стратегия воплощается в жизнь через программы, бюджеты, процедуры, которые можно рассматривать как среднесрочные и краткосрочные планы реализации стратегии. Результаты реализации стратегии оцениваются, и осуществляется контроль деятельности организации с помощью системы обратной связи, в ходе которой может происходить корректировка предыдущих этапов. Со временем стратегия может меняться, поэтому необходим мониторинг и корректировка стратегических решений и планов [1].

Анализ среды является исходным процессом стратегического управления, так как он обеспечивает базу для определения миссии и целей фирмы, для выработки стратегий поведения, позволяющих фирме выполнить миссию и достичь своих целей. Анализ среды предполагает изучение внешних и внутренних средовых влияний.

Анализ внешней среды включает в себя изучение детерминации таких компонентов среды, как: состояние экономики, правовое регулирование и управление, политические процессы, природная среда и ресурсы, социальная и культурная составляющие общества, научно-техническое и технологическое развитие общества, инфраструктура и т.п.

Анализ внутренней среды вскрывает те внутренние возможности и тот субъективный потенциал, на который может рассчитывать фирма в конкурентной борьбе в процессе достижения своих целей, а также позволяет адекватно сформулировать миссию и лучше уяснить цели организации. Внутренняя среда анализируется по следующим направлениям:

- кадры фирмы, их субъективный потенциал, квалификация, интересы, мотивация;

- организация управления; производство, включающее организационные, операционные и технико-технологические характеристики, научные исследования и инновационные разработки;
- финансы фирмы;
- организационная культура и компетенция.

Для анализа внешней и внутренней среды широко используется метод SWOT-анализа, при котором устанавливаются линии связи между силой и слабостью, флуктуацией и порядком, которые присущи организации и внешними угрозами и возможностями конкурентных преимуществ.

Миссия организации рассматривается как ее основное предназначение и ценности, стратегии, принципы, в соответствии с которыми, она намеревается осуществлять свою деятельность; действия организации и то, какого типа организацией она намеревается быть, и смысл существования организации, в котором появляется отличие данной организации от своих конкурентов.

Основными группами людей, чьи интересы оказывают влияние на деятельность организации, являются: собственники организации, сотрудники, покупатели, деловые партнеры, местное население, общество в целом. Миссия организации должна отражать интересы всех вышеназванных субъектов труда и коммуникации.

Цели организации фиксируют конкретное состояние отдельных характеристик организации, к которым она стремится. Цели должны быть достижимыми, гибкими, измеримыми, конкретными, совместимыми со стратегией и приемлемыми для тактических действий. Установление целей предполагает прохождение следующих обязательных фаз:

- выявление и анализ тенденций, наблюдаемых в окружении;
- установление общих для организации целей;
- построение иерархии целей;
- установление индивидуальных целей достижения.

Стратегия дает ответ на вопрос, каким способом и с помощью каких действий организация сумеет достичь своих целей в условиях изменяющегося конкурентного окружения и диверсификации, сегментации рынка [5].

По результатам анализа внешнего окружения и внутренней среды руководство фирмы выбирает наиболее приемлемую стратегию. С учетом конкретного состояния отрасли, уровня конкуренции и положения компании на рынке могут быть рекомендованы некоторые типичные стратегии в условиях модернизации и глобализации экономики.

Таким образом, проводя диагностику внешней и внутренней среды на основе SWOT-анализа предприятие моделирует будущую деятельность своего стратегического развития, приспособлявая собственные возможности к требованиям рынка. В основе такого подхода лежит стратегический маркетинг. Для реализации целей стратегического маркетинга используется операционный маркетинг, отражающий различные краткосрочные программы комплекса маркетинга.

Можно предположить, что при различных ситуациях отдельные элементы комплекса маркетинга могут стать важнейшей стратегией развития предприятия и скорректировать ранее сформулированные цели и задачи тактических решений.

Термин «комплекс маркетинга» был впервые введен в употребление Нейлом Борденом в 1957 году, а Дж. Маккарти в 1960 году выдвинул ставшую впоследствии широко известной концепцию комплекса маркетинга, получившую название «четыре Р» по первым буквам английских слов: price (цена), product (товар), place (место продажи) и promotion (стимулирование).

Представляется, что комплекс маркетинга – это единое целое, сложная структура комплементарного взаимодействия. Достаточно важным условием функционирования такой системы является благоприятная маркетинговая среда [7].

В последнее время на форумах сети Интернет идет активное обсуждение тем, связанных с предложенной Джером Маккарти в 1960 г. концепцией 4Р. Некоторые маркетингологи-теоретики предлагают расширить комплекс маркетинга с 4 до 5, 7, 9 и даже 12 «Р». Другие же, напротив, предлагают ориентировать маркетинг на потребителя и использовать систему 4С (Consumer – потребитель, Cost – стоимость, Convenience – удобство, Communication – коммуникации).

Поскольку очень важными являются и другие элементы, кроме широко известных четырех (товар, цена, место, продвижение), нам представляется правильным расширить комплекс маркетинга. Применение маркетинга в различных областях, появление новых технологий, интерактивного маркетинга, создание Интернета, позволяет вводить в комплекс маркетинга новые элементы, расширяющие направленность его применения для решения различных маркетинговых задач на рынке.

Для рыночных отношений и внешней экономической среды присуща противоречивая динамика. Чтобы успешно функционировать, предприятию необходимы предвидение, адекватные меры приспособления и конкурентные преимущества. Такие возможности во многом определяются способностью менеджера быстро адаптировать свою маркетинговую стратегию к внешним рыночным условиям. Стратегические альтернативы как пространство маркетинговых решений в большинстве случаев ограничены не только нестабильностью сегментов рынка, жесткой конкуренцией, но и стратегией управления самого предприятия. Не каждое предприятие может позволить себе стратегический маркетинг и принимать перспективные решения. Но если предприятие располагает ресурсами, дающими возможность активно действовать на конкурентов, кадрами, которые правильно формулируют стратегические решения, то перспектива развития во многом будет успешной.

Образцовая организация является эффективным средством деятельности социальных структур, их элементов и субъектов как движущих сил, дейст-

вующих сущностей. Результат совместной деятельности группы субъектов выше, чем сумма составляющих их индивидуальных усилий. Такой эффект приращения, полученный в ходе совместной деятельности, называется синергией (от греч. *synergeria* – сотрудничество, содружество, совместное действие); и является одним из важнейших свойств организации. Существует несколько стратегий деятельности, используемых для возрастания энергии действий и результата социальной организации:

- простая массовость как одновременность и целенаправленность множества индивидуальных усилий;
- расчленение непрерывного трудового процесса на однотипные операции, выполнение которых одновременно множеством людей приводит к принципиально новому результату и производительности;
- разделение труда, при котором работник добивается наиболее высоких результатов, благодаря доведению закрепленных за ним технологических операций до совершенства исполнения.

Исходя из цели, как проекта будущего, понятие «человеческая субъективность» включает в свое содержание: целостное субъективное представление о ситуации, позволяющее ориентироваться на перспективу, прогнозировать дальнейшее развитие явления, учитывать существенные и несущественные его факторы; сравнение данной ситуации с другими обстоятельствами; анализ, обобщение и конкретизацию в рамках данного стратегического решения; умение концентрироваться на проблеме, адекватно реагировать на рыночную среду окружения, самостоятельно принимать решения; стремление мобилизовать интеллект и творческие способности на эффективное проведение стратегической линии, умение актуализировать внутренние ресурсы личностной структуры для самореализации и социокультурной идентификации; умение применять в ходе изменений жизненного процесса наиболее эффективные методы и способы самосоиздания; готовность корректировать индивидуальную стратегию в зависимости от стратегических маркетинговых решений и личностных ценностных ориентаций [8].

* * *

В статье рассмотрена эволюция развития маркетинга, дается авторский подход к определению маркетинга, подчеркивается важность стратегического маркетинга и с точки зрения моделирования будущей деятельности предприятия, и с точки зрения выбранных стратегий его деятельности. Рассмотрено понятие «комплекс маркетинга». Применение маркетинга в различных областях, появление новых технологий, интерактивного маркетинга, создание Интернета, позволяет вводить в комплекс маркетинга новые элементы, расширяющие направленность его применения для решения различных маркетинговых задач на рынке, а также введен концепт «человеческая субъективность в контексте маркетинговой стратегии».

Список литературы:

1. Ламбен Ж.Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива. Перевод с французского. – СПб.: Наука, 1996. – 368 с.
2. Рябова Т.Ф., Стрелкова Е.В. Маркетинг: словарь-справочник. – М.: Агентство массовой информации, 1992. – 170 с.
3. Абрамишвили Г.Г., Война В.А., Трусев Ю.Ф. Операция-«маркетинг». – М.: Международные отношения, 1976. – 105 с.
4. Капустина Н.Е. Теория и практика маркетинга в США. – М.: Экономика, 1981. – 213 с.
5. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент. М.; Новосибирск, 1999. – 287 с.
6. Панкрухин А.П. Маркетинг: учебник. – М., 1999. – 245 с.
7. Томпсон А., Стрикленд А. Стратегический менеджмент. М.: Банки и биржи, 1998. – 576 с.
8. Подопригора С.Я. Культура индивидуальной стратегии. – Ростов-н/Д: Изд. центр ДГТУ, 2006. – 371 с.

БЕНЧМАРКИНГ НА ОСНОВЕ АГРЕГИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Сагинов Ю.Л.^{*}, Краснов А.Е.[♦], Кузнецова Ю.Г.[♥]

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва
Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского, г. Москва

Опираясь на историю развития метода бенчмаркинга (эталонных сравнений) статья показывает возможности использования метода для оценки управления конкретными брендами компании и прогнозирования их успешности. Использование агрегированных показателей успешности бренда для проведения внутреннего бенчмаркинга позволяет представить наглядную «карту» развития бренда, получить представление о влиянии маркетинговых мероприятий на ключевые показатели успешности бренда и принимать согласованные управленческие решения, как на тактическом, так и на стратегическом уровне.

Бенчмаркинг (англ. *bench mark* – начало отсчета) – метод использования чужого опыта, передовых достижений лучших компаний, подразделений собственной компании, отдельных специалистов для повышения эффективности работы, производства, совершенствования бизнес-процессов. Бенчмаркинг основан на анализе конкретных результатов и их использовании в собственной деятельности.

Концепция бенчмаркинга зародилась в конце 50-х годов на основе посещения ведущих компаний США и Западной Европы японскими специалистами с целью изучения и последующего использования их опыта. Сегодня существуют различные определения понятия бенчмаркинг. Кэмп Р., автор известной книги по бенчмаркингу [21] считает, что бенчмаркинг – это поиск для отрасли лучших практик, которые ведут к высшей производительности. Консалтинговая фирма Kaiser Associates, пионер в области внедрения метода бенчмаркинга [22], дает следующее определение: «Бенчмаркинг это процесс тщательного измерения вашей производительности через сопоставление с лучшими компаниями и для использования анализа приближения и обгона лучших в классе». Букхарт С., автор кодекса бенчмаркинга [23] определил его как стандарт превосходства или достижения,

^{*} Доцент кафедры Сравнительной экономики и предпринимательства РЭУ им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук.

[♦] Проректор по научной работе МГУТиУ им. К.Г. Разумовского, доктор физико-математических наук, профессор.

[♥] Доцент кафедры Информационных технологий МГУТиУ им. К.Г. Разумовского, кандидат технических наук.

относительно которого аналогичные вещи должны быть измерены или оценены. Андерсен Б. [1] дал наиболее полное определение бенчмаркинга, как «процесса постоянного измерения и сравнения отдельно взятого бизнес процесса с эталонным процессом ведущей организации для сбора информации, которая поможет рассматриваемому предприятию определить цель своего совершенствования и провести мероприятия по улучшению работы». Многие авторы [4, 5] сходятся на мнении, что в качестве рабочего определения можно принять, что бенчмаркинг – изучение и внедрение методов управления других, успешно работающих при их помощи организаций, путем сравнения с ними после выявления слабых сторон своей организации.

Сегодня бенчмаркинг подразделяют на конкурентный бенчмаркинг – сравнение своей продукции, бизнес-процессов с аналогами прямых конкурентов; функциональный бенчмаркинг – сравнение эффективности отдельных функций компаний одной отрасли, не обязательно прямых конкурентов; общий бенчмаркинг – анализ передового опыта компаний, действующих в разных отраслях; внутренний бенчмаркинг – сравнение эффективности работы разных подразделений одной организации и внедрение лучших приемов работы.

Сегодня бенчмаркинг приобретает глобальный масштаб и рассматривается как один из инструментов международного обмена бизнес информацией. Глобализация и расширение использования информационных технологий стирает национальные границы бизнеса. На глобальном рынке появляются организации, специализирующиеся на поиске партнеров для эталонного сопоставления – бенчмаркинга. В 1994 году была учреждена Глобальная сеть бенчмаркинга (Global Benchmarking Network, GBN) как сообщество независимых бенчмаркинговых центров. В России отдельные положения и аспекты бенчмаркинга начали анализироваться с 1996 г. в работах Г.Л. Багиева, А.К. Казанцева, И.А. Аренкова [2,3].

Бенчмаркинг помогает решить две основные задачи. Во-первых, позволяет сравнивать свои показатели с показателями других организаций: конкурентов и лидеров рынка. Во-вторых, изучать и применять чужой успешный опыт у себя в организации.

При проведении бенчмаркингового исследования компании сталкиваются с рядом трудностей: нелегко получить реальные данные по показателям деятельности компаний, закрытость деловой информации, собственный комплекс «засекреченности», «коммерческой тайны», существующие системы финансового учета и налогообложения приводят к тому, что даже между подразделениями одной компании существуют барьеры для обмена информации [6]. Однако часто причиной неиспользования потенциала бенчмаркинга в качестве эффективного инструмента управления является неумение грамотно использовать агрегированные показатели деятельности при проведении эталонных сравнений.

В настоящей статье рассматривается методика проведения бенчмаркинга на основе агрегированных показателей успешности (АПУ) брендов компании «Орион» (название компании изменено). Внутренний бенчмаркинг брендов компании с диверсифицированным портфелем брендов проводится, чтобы определить бренды, управление которыми наиболее эффективно, и оценить возможность внедрения в практику работы компании стандартов и методов управления брендов-лидеров.

Методика бенчмаркинга включает следующие этапы:

- выделение функциональных направлений для сравнения деятельности по управлению брендами компании;
- выбор в рамках каждого из функциональных направлений наиболее значимых показателей;
- расчет оценки успешности брендов в целом и по каждому функциональному направлению.

Источником исходных данных для сравнительного анализа управления брендами служит регулярная (квартальная, годовая) отчетность. Для сравнительного анализа управления брендами рассчитываются: агрегированный показатель успешности бренда, позволяющий оценить успешность в целом, и агрегированные показатели, позволяющие оценить успешность по отдельным функциональным направлениям. Следует подчеркнуть, что выбор и количество исходных показателей для анализа определяется целями бенчмаркинга. При необходимости количество исходных показателей может быть расширено, либо консолидировано в соответствии с заданной степенью детализации анализа.

Методология обработки данных при реализации методики бенчмаркинга основана на пакете международных стандартов ИСО 9000 ÷ 9004, принятых Международной организацией по стандартизации (ИСО). В соответствии с международным стандартом моделирования IDFM (Integrated Definition Function Modeling) описание качества любого объекта основано на количественной индексации сбалансированных показателей его функционирования, объединенных в функционально однородные группы, как показано на рис. 1 [9].

Данный иллюстрирует процесс построения системы показателей для расчета агрегированных показателей на основе нейрореподобного алгоритма. Специалистами выбирается система показателей эффективности деятельности. Показателям присваиваются значения, выраженные в числовых шкалах: баллы, проценты, денежные единицы и пр. Для каждого показателя задается критериальное значение: «не более, чем...» или «не менее, чем...». Если показатели, характеризующие различные виды деятельности объекта управления функционально неоднородны, рекомендуется их разбиение или декомпозиция на функционально однородные группы.

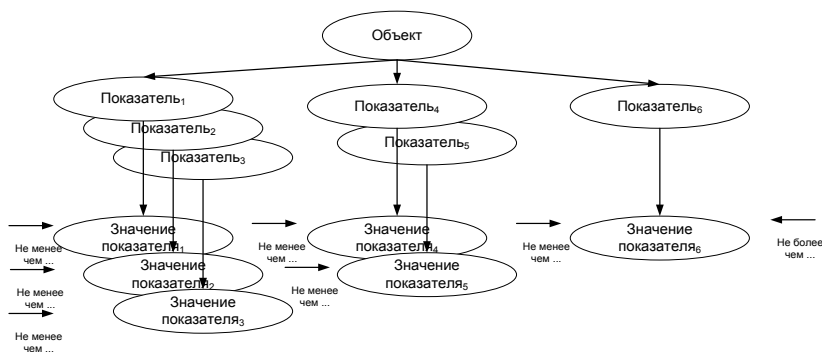

Рис. 1. Модельное описание качества объекта (стандарт IDFM)

Обычно при проведении бенчмаркинга перевод информации в формат агрегированного показателя осуществляют с использованием метода взвешивания и суммирования, который предполагает, что каждому показателю присваивается вес в соответствии с придаваемой ему важностью, а затем все показатели суммируются с учетом весовых коэффициентов для получения итогового балла. Метод взвешивания и суммирования предполагает нормирование значений показателей с целью приведения их к одинаковой размерности.

Для расчета агрегированных показателей на основе сравнения многочисленных и разнородных показателей эффективности деятельности предприятия предлагается использовать метрологическое обеспечение, основанное на математических моделях структурной декомпозиции и количественного оценивания показателей качества многопараметрических объектов на основе нечетких мер проявления критериальных показателей [8, 9].

Пусть $\mathbf{X}_n^T = (X_{1n}, X_{2n}, \dots, X_{Ln})$ – вектор L_n показателей n -го свойства предприятия ($n = 1, 2, \dots, N$), соответствующих N различным критериям оценивания его состояний (финансовым, техническим, социальным и т.п.):

$\mathbf{S}_n^{**T} = (S_{1n}^{**}, S_{2n}^{**}, \dots, S_{Ln}^{**})$ – опорный вектор верхних L_n критериальных или целевых значений показателей n -го свойства предприятия;

$\mathbf{S}_n^{*T} = (S_{1n}^*, S_{2n}^*, \dots, S_{Ln}^*)$ – опорный вектор нижних L_n критериальных значений показателей n -го свойства предприятия.

Тогда, при наблюдении вектора X_n , нечеткие меры проявления свойств предприятия для n -х критериальных показателей определяются распределениями:

$$\mu_n^{**} = 1 / \left(1 + \sum_l^{L_n} \gamma_{ln} \frac{(X_l - S_{ln}^{**})^2}{h_{Ln}^2} \right) \quad (1)$$

$$\mu_n^* = \sum_l^{Ln} \gamma_{ln} \frac{(X_l - S_{ln}^*)^2}{h_{Ln}^2} / \left(1 + \sum_l^{Ln} \gamma_{ln} \frac{(X_l - S_{ln}^*)^2}{h_{Ln}^2} \right) \quad (2)$$

где h_{Ln} – параметр, определяющий эффективную ширину распределений (1), (2);

γ_{ln} – значимости l -го показателя для n -го критерия ($\sum_l^{Ln} \gamma_{ln} = 1$).

Мера (1) – мера успеха, выражающая степень близости показателей КПУ предприятия с целевыми; мера (2) – мера успеха, выражающая степень различия показателей КПУ предприятия с нижними критериальными.

Для формирования агрегированной меры успешности деятельности предприятия на основании набора $\{\mu_n\}_N$ N парциальных мер и набора $\{\beta_n\}_N$ их значимостей ($\sum_n^N \beta_n = 1$) будем использовать следующую оценку в виде выпуклой комбинации парциальных мер:

$$\mu_\Sigma(N | \beta_1, \beta_2, \dots, \beta_N) = \beta_1 \mu_1 + \beta_2 \mu_2 + \dots + \beta_N \mu_N, \quad \beta_1 + \beta_2 + \dots + \beta_N \quad (3)$$

При проведении бенчмаркинга показатели эффективности 11 брендов компании подразделили на шесть критериев по следующим направлениям:

1. целевые показатели маркетинга;
2. значения прироста целевых показателей маркетинга;
3. показатели предпочтения бренда потребителями;
4. показатели предпочтения бренда бизнес партнерами;
5. показатель доли бренда в продажах компании;
6. показатели стоимости бренда.

По каждому направлению по формулам (1), (2) рассчитывались парциальные меры. Агрегированная мера успешности бренда рассчитывалась по формуле (3) как сумма произведений парциальных мер по направлениям на веса направлений соответственно. Нейроподобный алгоритм расчета агрегированного показателя успешности бренда представлен на рис. 2.

Рассмотрим расчет парциальной меры успешности по направлению 1. Для расчета использовали три ключевых показателя успешности бренда:

1. доля рынка;
2. объем продаж;
3. число лояльных покупателей.

Так как критерий при сравнении показателей направления 1 – «чем больше, тем лучше», то для расчета парциальной меры успешности по направлению 1 использовалась формула (2). Мера успешности определялась методом сравнения показателей с нулем. Результаты расчета представлены в табл. 1.

На основании агрегированной меры успешности возможно не только сравнивать между собой успешность брендов, но и оценивать динамику развития каждого бренда, его траекторию движения – есть ли тенденция развития или же бренд находится на одном уровне.

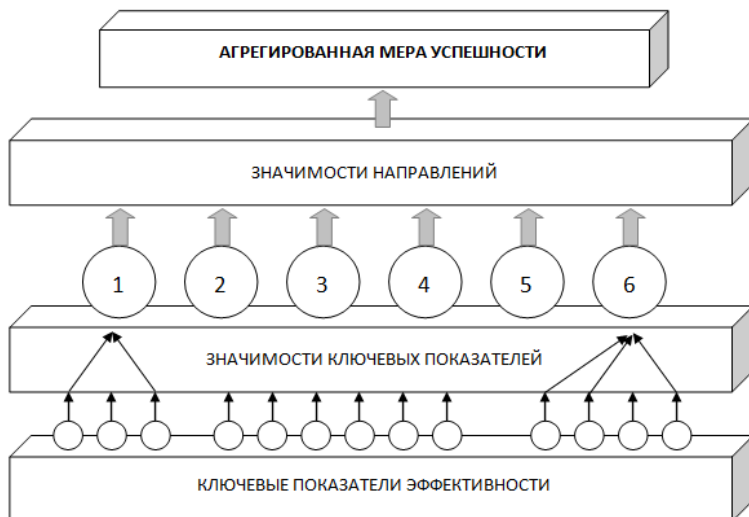

Рис. 2. Нейроподобный алгоритм расчета агрегированного показателя успешности бренда

Таблица 1

Меры успешности управления брендами компании по направлению 1

Показатели	Показатель 1	Показатель 2	Показатель 3	Мера успешности
Значимости	0,50	0,25	0,25	
Бренд 1	37,01	48,70	59,83	0,45
Бренд 2	49,00	35,29	56,73	0,46
Бренд 3	41,31	46,39	55,21	0,44
Бренд 4	35,17	37,19	62,50	0,42
Бренд 5	45,38	78,58	59,43	0,56
Бренд 6	19,45	48,77	62,06	0,39
Бренд 7	45,83	63,73	60,43	0,52
Бренд 8	38,45	76,99	58,29	0,53
Бренд 9	50,00	32,89	54,74	0,46
Бренд 10	52,59	46,05	59,36	0,51
Бренд 11	52,04	89,04	60,59	0,61

Сравним динамику развития двух брендов на основе агрегированных мер успешности или агрегированных показателей успешности (АПУ) управления брендом.

В ходе вычислений по формулам (1)-(3) были получены результаты, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Значения агрегированных мер успешности за 2005-2009 гг., %

Наименование	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
АПУ бренда 1	19	18	24	33	40
АПУ бренда 2	46	46	43	45	42

Полученные результаты отображены графически на рис. 3.

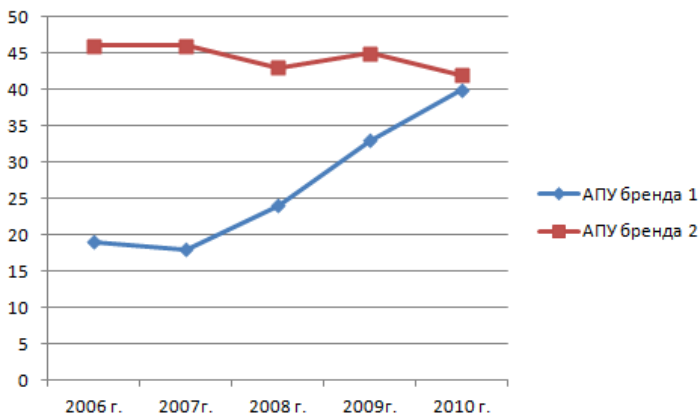

Рис. 3. Динамика агрегированных показателей успешности двух брендов

Наглядно видно, что бренд 1 обладает положительной динамикой развития, а у бренда 2 снижается значение агрегированного показателя успешности. Следовательно, управление бренда 1 более успешно.

Решение задачи оценки динамики развития бренда без использования агрегированных показателей не очевидно в многомерном пространстве ключевых показателей эффективности, так как в этом случае возможно бесконечное множество состояний.

На основании значений агрегированного показателя успешности за ряд периодов можно делать прогноз успешности бренда в будущем. На рис. 4 значения рассчитанного агрегированного показателя успешности бренда сглажены линейным трендом $y = 5,1 \cdot x + 10,9$. Значение показателя детерминации ($R^2 = 0,91$) характеризует достаточно хорошую степень аппроксимации данных линейным трендом.

Использование агрегированных показателей для прогноза дает определенные преимущества:

- поведение во времени агрегированных величин значительно более плавное, чем многомерных данных, что улучшает оценку предсказуемости;

- прогнозные модели на основе агрегированных показателей адаптивны к последующему изменению многомерных показателей эффективности деятельности, т.е. работает эффект «подстройки» весов.

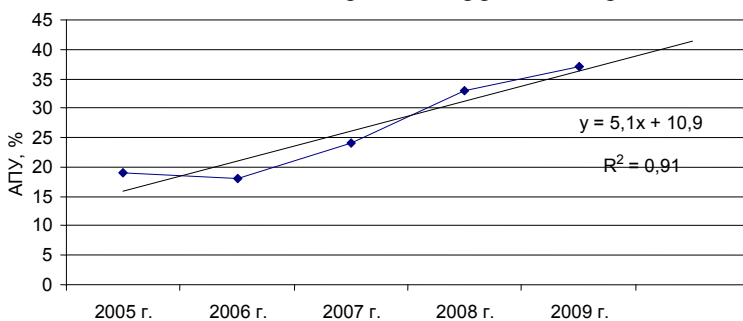

Рис. 4. Прогноз успешности бренда 1 в 2008 г.

Методика бенчмаркинга на показателях экономической успешности позволяет:

- создать «карту» развития бренда от начала измерения до настоящего момента, как осязаемый инструмент;
- открывает возможность для любых сотрудников получить наглядное представление о деятельности;
- обладает универсальностью, которая позволяет принимать решения, как на стратегическом уровне, так и тактические, для выполнения текущих задач, положительно влияя на их согласованность в разных отделах.

Разработанная методика может быть широко использована при проведении всех видов бенчмаркинга.

Список литературы:

1. Андерсен Б. Бизнес процессы. Инструменты совершенствования: пер. с англ. / Науч. ред. Ю.П. Адлер. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2003. – 272 с.
2. Аренков И.А., Багиев Е.Г. Бенчмаркинг и маркетинговые решения. – СПб.: СПбУЭФ, 1997.
3. Багиев Г.Л., Аренков И.А., Мартынова М.В. Benchmarking в разработке стратегий маркетинга // Маркетинг в системе управления предприятием. – К., 1996.
4. Генералова С. Формирование конкурентного потенциала с помощью метода бенчмаркинга // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – № 1. – С. 20-23.
5. Голубева Т.Г., Елисеев О.Н. Бенчмаркинг, как эффективный инструмент управления организацией // Качество. Инновации. Образование. – 2002. – № 1. – С. 60-62.

6. Маслов Д.В., Белокоровин Э.А. Особенности применения бенчмаркинга на малых и средних предприятиях // Методы менеджмента качества. – 2004. – № 8.
7. Данилов А., Михайлова С., Данилова Т. Бенчмаркинг – эффективный инструмент повышения конкурентоспособности // Стандарты и качество. – 2005. – № 1.
8. Краснов А.Е., Воробьева А.В. Проблемы количественного оценивания качества в высшем образовании // Стандарты и качество. – 2007. – № 11.
9. Краснов А.Е., Красников С.А., Анискин Д.Ю., Воробьева А.В., Кузнецова Ю.Г., Краснова Н.А., Сагинов Ю.Л. Модели количественного оценивания качества объектов технологий, производства и бизнеса в стандарте IDFM // Хранение и переработка сельхозсырья. – 2006. – № 3. – С. 53-56.
10. Кручинин С.А. Понятие и методология проведения бенчмаркинга на предприятиях // Современная торговля. – 2005. – № 2. – С. 24-29.
11. Кузьмин А.М. Бенчмаркинг // Методы менеджмента качества. – 2007. – № 2. – С. 67-71.
12. Михайлова М.Р. Бенчмаркинг – универсальный инструмент управления качеством // Методы менеджмента качества. – 2003. – № 5. – С. 23-28.
13. Михайлова М.Р. Бенчмаркинг – универсальный инструмент управления качеством // Методы менеджмента качества. – 2003. – № 5.
14. Пономарева Т.А. Использование технологий бенчмаркинга для повышения качества услуг // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – С. 27-32.
15. Соловьева Ю.Н., Багиев Г.Л. Методология организации бенчмаркинга в стратегических альянсах // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2006. – № 3. – С. 32-36.
16. Стариков В.В. Бенчмаркинг – путь к совершенству // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 4. – С. 11-14.
17. Титова В.А., Макаренко О.В. Бенчмаркинг как инструмент формирования инновационного потенциала предприятия // Инновации. – 2006. – № 7. – С. 102-106.
18. Уваров В.В. Бенчмаркинг как современный метод управления бизнесом // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005 – № 4. – С. 35-37.
19. Харрингтон Х.Дж., Харрингтон Дж.С. Бенчмаркинг в лучшем виде! / Пер. с англ.; под ред. Б. Резниченко. – СПб.: Питер, 2004.
20. Хэрри М., Шредер Р. 6 SIGMA. – М.: ЭКСМО, 2003.
21. Camp Robert C. Benchmarking: The Search for Industry Best Practices that Lead to Superior Performance. – ASQC Quality Press, 1989.
22. www.kaiserasassociates.com/cs/benchmarking.
23. www.benchnet.com/bcode.txt.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

© Штыхно Д.А.*

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Рассматриваются основные аспекты проблем управления разнообразием в менеджменте. Выделяются основные группы признаков, являющихся значимыми для теоретических и эмпирических исследований, переводящих их в область исследования проблем управления социально-культурным разнообразием.

Глобальная экономика, ставшая исторической реальностью во второй половине XX столетия и новой моделью развития традиционной мировой экономики, приобретает все больший вес и влияние. Процесс глобализации является объективной закономерностью, не зависящей от воли и действий отдельных людей, правительств и государств. В основе глобализации лежит интернационализация воспроизводственного процесса в масштабе мировой экономики, который с целью оптимизации затрат и получения максимальной прибыли ломает национальные барьеры и становится интернациональным. В этих условиях учет культурно-институциональных различий в менеджменте позволяет достичь успеха в глобальной конкуренции, в которую вовлечены фирмы, страны, культуры и цивилизации. Культурно-институциональное разнообразие вполне может способствовать достижению корпоративных целей, однако требует учета широкого спектра специфики межнациональных отношений и межкультурных различий.

Явление, известное как «diversity management» – дословно «управление многообразием» или «управление разнообразием» – стало реакцией на распространенную ситуацию, когда в штат компании, как правило, транснациональной, входят служащие разного возраста, национальности, расы, вероисповедания и т.д. В его основу положен принцип, что различия между людьми не должны препятствовать их совместной работе.

Если проанализировать исторические факты, то станет ясно, что весь XX век прошел под знаком борьбы различных меньшинств (расовых, гендерных, социальных и проч.) за свои права. Теперь, когда во многих экономически развитых странах мира эти права обретены ими в полной мере, следует задуматься, как отражается этот факт на бизнесе и к каким проблемам для менеджмента он приводит. В качестве своеобразного подтверждения важности темы отметим, что руководство многих компаний, например,

* Декан факультета Бизнеса, доцент кафедры Сравнительной экономики и предпринимательства, кандидат экономических наук.

корпорации Boeing, считает, что diversity management – относительно новое направление менеджмента, не просто дань равным правам граждан по устройству на работу. Это способ добиться того, «чтобы люди думали и действовали по-другому – с большей скоростью, умением и творческим потенциалом. Именно такие способности требуются во все более и более требовательной деловой среде. Вот что мы имеем в виду, утверждая, что сила – в разнообразии».

Наиболее изученной областью diversity management является стратегия компаний по отношению к сотрудникам-женщинам. Их права давно считаются чем-то самым собой разумеющимся. Однако существуют и другие аспекты diversity management, которые требуют рассмотрения.

Национальные и этнические различия

Разработка стратегии по отношению к этой группе факторов представляется особенно важной темой для транснациональных компаний, которые набирают в штат зарубежных филиалов представителей местных национальностей. В таком случае на первое место выступают культурные различия. Невнимание к ним может наложить негативный отпечаток на деятельность всего отделения. Поэтому изучение культурных традиций, обычаев, особенностей вероисповедания того или иного народа, представители которого трудятся в конкретной компании, должно стать обязательным процессом для руководства филиалов.

Примечательно, что этническое разнообразие не является препятствием к организации продуктивной работы. Напротив, возможность выбора между талантливыми специалистами из разных стран дает организации огромные преимущества. Так полагает, например, руководство компании Computer Sciences Corporations, значительная часть инженеров которой – выходцы из стран Восточной Европы, а также Индии и Китая.

Поскольку изучение межнациональных отношений и межкультурных различий должно быть делом профессионалов, а возможность обзавестись специалистом-этнологом есть далеко не у каждой компании, на помощь приходят особые организации по изучению данной проблематики.

В Европе лидером среди подобных исследовательских центров считается «СИЕТАР» (SIETAR – Society for Intercultural Education, Training and Research, Общество межкультурного образования, обучения и исследований). В число задач этого крупнейшего в мире центра входит исследование взаимоотношений представителей разных национальностей на работе и в быту, обучение сотрудников, принадлежащих к этническим меньшинствам, языку, культуре и основным особенностям поведения, принятым в стране их проживания. «СИЕТАР» был основан в 1991 году и имеет филиалы по всему миру (всего их 15); в центре работают 3000 специалистов по межкультурному взаимодействию. «СИЕТАР» тесно сотрудничает с ООН и Советом

Европы. При этом информацией, полученной в ходе исследований центра, пользуются такие компании, как Siemens, Citygroup, Gillette, AOL Time Warner и многие другие. Особо следует отметить, что большая часть этих сведений абсолютно бесплатна (это, разумеется, не касается специальных проектов, осуществляемых по отдельным заказам).

К основным проблемам, связанным с национальными различиями, можно отнести следующие:

1. Различия в вероисповедании и культурных обычаях. Различные религии обладают разным потенциалом интеграции в европейскую и американскую бизнес-культуру. Например, индусам свойственна высокая степень терпимости, которую проповедуют индуизм и буддизм. Как показывают исследования SIETAR, в Англии количество конфликтов между работниками-индусами и работниками-христианами в среднем на 15 % ниже, чем внутри коллектива, полностью состоящего из христиан по вероисповеданию. А вот количество конфликтов между сотрудниками-пакистанцами (мусульманами по религиозной принадлежности) и сотрудниками-христианами, наоборот, на 20 % выше среднего уровня.

2. Слабое знание сотрудниками-иностранцами государственного языка. Основой интеграции представителей национальных меньшинств в структуру компании является обеспечение хорошего знания языка. Это достигается, как правило, двумя основными способами:

- при приеме на работу учитывается степень владения языком;
- некоторые компании, не имеющие возможности подбирать в стране, где они открывают филиал, коллектив местных рабочих, хорошо говорящих на том или ином языке, организуют специальные языковые курсы.

Так поступила, например, компания Daewoo, открывшая в 1999 г. в Узбекистане завод «UzDaewooAuto». Руководство компании избрало в качестве языка межнационального общения между корейскими управляющими и узбекскими рабочими английский язык, которому и стало в обязательном порядке обучать нанимаемых на работу сотрудников.

3. Негибкая политика фирм по отношению к национальным и культурным различиям. К сожалению, diversity management является относительно молодой отраслью, мало известной в России и в Восточной Европе. Ее развитие в нашей стране представляет большой интерес, так как проблема интеграции в российское общество представителей отдельных национальностей (например, народов Кавказа) является в настоящее время особенно актуальной.

Возрастные различия

Важно понять, что возрастные различия предполагают не просто учет разной степени работоспособности сотрудников, но, в первую очередь,

связь возраста и предпочтений при выборе того или иного решения, принимаемого сотрудником.

Так, например, результаты исследования, проведенного Национальным институтом системного изучения проблем предпринимательства с целью выявить наиболее предпочтительный вариант управленческого образования для руководителей отделов, показали, что ответы напрямую связаны с возрастом респондента. Меньше всего ориентированы на получение высшего образования в области менеджмента самые молодые (до 30 лет) руководители (всего 8,3 % опрошенных из этой возрастной группы), которые сравнительно недавно закончили учебные заведения. Среди них оказался самый высокий процент выбравших переподготовку с получением диплома о втором высшем образовании (37,5 %). А вот половина руководителей от 41 до 50 лет и больше половины (52,1 %) руководителей старше 50 лет предпочли краткосрочное обучение. Самый большой процент неопределившихся (22,9 %) – среди руководителей в возрасте от 41 до 50 лет.

Учет этих особенностей позволяет выявить подходящий для каждого возраста способ повышения квалификации. Не секрет, что с годами мировоззрение человека меняется. Задача *diversity management* в данном случае – изучить закономерности отношения сотрудника к работе и найти методы максимального вовлечения его в общее дело.

Специфические группы сотрудников

Специфическим группам сотрудников, таким, как инвалидам и людям с ограниченными физическими возможностями, представителям секс-меньшинств, а также некоторым другим, уделяется особое внимание в корпоративной стратегии, а также в реализации государственных программ. Несмотря на то, что проблемы всех этих групп обсуждаются в одном разделе, их интеграция в производственный процесс сопряжена с разными трудностями. Пожалуй, есть и главная общая проблема. В коллективе, где есть инвалиды, а также представители секс-меньшинств, особую опасность представляет вероятность возникновения моббинга (*mobbing*) – коллективных или индивидуальных действий, направленные на дискредитацию коллеги по работе: от обычного подсиживания и «подставления» до прямого психологического террора, насмешек, приводящих к конфликту. Этот термин появился в 1984 и с тех пор является объект изучения специального раздела психологии.

Чрезвычайно важной задачей организации работы инвалидов становится поиск путей их социальной реабилитации. Неудивительно, что в первую очередь инициатива вовлечения в трудовую деятельность людей с ограниченными физическими возможностями принадлежит государственным организациям. Так, например, в США действует Служба профессиональной реабилитации и трудоустройства (*Vocational rehabilitation & employment*

service), уделяющая особое внимание ветеранам, получившим увечья в ходе военных действий. Взаимодействие этой правительственной организации и конкретных работодателей строится на предоставлении особых льгот компаниям, принимающим на работу инвалидов. Работа также ведется и в направлении поиска вакантных мест, устройству на которые физические недуги конкретного человека не препятствуют.

Таким образом, diversity management к имеет особое значение для компаний, которые стараются максимально использовать позитивные стороны глобализации – в первую очередь, возможность выбирать работников среди специалистов из разных стран. Еще одним важным источником талантливых и трудолюбивых сотрудников является вовлечение в работу всех категорий населения.

Выявленные значимые факторы в исследовании проблем управления разнообразием, позволяют рассматривать Diversity management как управление социально-культурным разнообразием в менеджменте. Учитывая специфику отношения к Diversity management в России как к новому и не полностью понятному явлению, исследования в области широкого спектра вопросов разнообразия мнений, отношений и взглядов, порожденного разнообразием людей в компании являются чрезвычайно актуальными и открывают новые ресурсы повышения конкурентоспособности стран, регионов, компаний.

Список литературы:

1. Холден Н.Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента: учебное пособие / Н.Дж. Холден; Пер. с англ. под ред. проф. Б.Л. Еремина. – М.: Юнити-Дана, 2005. – (Серия «Зарубежный учебник»).
2. Штыхно Д.А., Белянский В.П., Лайко М.Ю., Ильина Е.Л. Управление персоналом в России: глава на англ. языке. – Глава 16 учебника *International Human Resource Management in the Hospitality Industry* / под ред. S. Hofmann, C. Johnson, M. Lefever. Educational Institute of the American Hotel & Motel Association. – USA, Michigan, 2000.

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular detail at the top left and bottom left.

Раздел четвертый

***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПСИХОЛОГИИ
И ПЕДАГОГИКИ***

МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ УРОКА ФОРТЕПИАННОГО АНСАМБЛЯ

© Мартынова О.В.*

Российский государственный социальный университет, г. Москва

В статье рассматривается комплекс методов, применяемых в классе фортепианного ансамбля. Раскрывается сущность понятия «метод», его роль в системе «цели – содержание – методы – формы – средства обучения», приводятся различные классификации методов в общей дидактике, а также выявляются наиболее часто используемые профессиональные методы в музыкальной педагогике в инструментально-исполнительских классах. Обосновываются специальные ансамблевые методы, направленные на оптимизацию урока фортепианного ансамбля: метод создания единого художественного замысла и исполнительского плана, метод метро-ритмической и темповой координации, метод формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия. Определяется, что взаимопроникновение, синтез общедидактических, профессиональных и специальных ансамблевых методов способствует оптимизации урока фортепианного ансамбля.

Что такое метод? «Метод (польск. *metod* – лат. *methodus* прием, способ – греч. *methodos* путь вслед за чем-нибудь) – способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь» [8, с. 433]. «Метод (от греч. *methodos* – путь исследования или познания) – совокупность относительно однородных приемов, операций практического или теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи» [9, с. 174]. Метод (от греч. *methodos* – путь исследования, теория, учение) – способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения (познания) действительности [5]. В педагогике методы играют ключевую роль. Палитра определений понятия «метод» в педагогике может быть представлена следующим образом:

1. «Метод (от *methodos* – исследование) обучения – это упорядоченная деятельность педагога и учащихся, направленная на достижение заданной цели обучения. Под методами обучения (дидактическими методами) часто понимают совокупность путей, способов достижения целей, решения задач образования» [16, с. 268];
2. «Термин «метод» происходит от греческого слова *methodos*, что означает «путь», «способ продвижения к истине, к ожидаемому результату»... Методы обучения – это способы совместной деятель-

* Преподаватель кафедры Социологии и философии культуры, кандидат педагогических наук.

ности учителя и учащихся, направленные на решение задач обучения, т.е. дидактических задач» [15, с. 190];

3. «Метод обучения – система последовательных, взаимосвязанных действий учителя и учащихся, обеспечивающих усвоение содержания образования, развитие их умственных сил и способностей, овладение средствами самообразования и самообучения» [9, с. 180].

Итак, в педагогике проблема разработки методов обучения и воспитания и их классификации выступает как одна из основных. В результате, метод – это «сердцевина учебного процесса, связующее звено между запроектированной целью и конечным результатом» [16, с. 268]. Роль метода в системе «цели – содержание – методы – формы – средства обучения» является определяющей. В педагогике понятие метода иногда относят только к деятельности педагога (методы преподавания) или учащихся (методы учения). При совместной работе учителя и учащихся целесообразно говорить о методах обучения. Упорядоченный способ деятельности учителя (преподавание) и способы учебной деятельности учащихся (учение) тесно связаны между собой и находятся во взаимодействии. Метод обучения характеризуется тремя признаками: обозначает цель обучения, способ усвоения, характер взаимодействия субъектов обучения. Таким образом, понятие метода отражает: 1) способы обучающей работы учителя и способы учебной работы учащихся в их взаимосвязи; 2) специфику их работы по достижению различных целей обучения.

Для правильной организации урока необходимо выбрать методы обучения, наиболее целесообразные в конкретной педагогической ситуации. В настоящее время в общей педагогике не существует единой, общепризнанной всеми исследователями классификации методов обучения.

По *дидактическим задачам* выделяют методы: 1) приобретения знаний; 2) формирования умений и навыков; 3) применения знаний; 4) творческой деятельности; 5) контроля [4].

Лордкипанидзе Д.О. в основу классификации методов обучения положил *источники знаний*. Согласно этому, исследователь выделяет: 1) словесные методы (рассказ, беседа, объяснение, учебная лекция); 2) наглядные методы (наблюдения, демонстрации, экскурсии); 3) практические методы (разнообразные упражнения, практические и лабораторные работы) [11].

Скаткин М.Н. и Лернер И.Я. предложили в основу классификации методов положить *вид, характер познавательной деятельности учащихся в процессе обучения*. Они выделяют следующие методы: 1) объяснительно-иллюстративные (информационно-рецептивные) методы; 2) репродуктивные методы; 3) частично-поисковые, или эвристические методы; 4) методы проблемного изложения; 5) исследовательские методы [10].

Бабанский Ю.К. выделяет три группы методов: 1) методы организации учебно-познавательной деятельности; 2) методы стимулирования учеб-

но-познавательной деятельности; 3) методы контроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности [1]. В первой группе различают методы: словесные (рассказ, лекция, беседа, инструктаж, чтение учебника, справочной литературы, звуковоспроизведение и др.), практические (упражнения, лабораторные опыты, трудовые действия и др.), иллюстративно-объяснительные, репродуктивные, проблемные, эвристические, исследовательские и др. Логический аспект в этой группе характеризует индуктивные, дедуктивные, традиционные (от одной частности к другой или от одной общности к другой, то есть без изменения уровня обобщения) методы, конкретные и абстрактные, синтез и анализ, сравнение, классификация, систематизация и др. Управленческий аспект в первой группе предполагает методы учебной работы под руководством учителя и методы самостоятельной учебной деятельности учащихся. Внутри второй группы методов различают методы стимулирования мотивов сознательности, ответственности, долга и т.п. (убеждение, требование, приучение, поощрение, наказание и др.) и методы стимулирования мотивов интереса к учению (познавательные игры, учебные дискуссии, парадоксальность, неожиданность, занимательность, создание ситуаций новизны, успеха и др.). К третьей группе методов относятся методы контроля и самоконтроля: устного и письменного; индивидуально-группового, фронтального; итогового и текущего; поурочного и тематического; с применением технических средств и без них; программированного, непрограммированного и др.

Махмутов М.И. определяет методы в зависимости от *дидактической цели, содержания обучения и вида (характера) взаимодействия (деятельностей и общения) учителя и учащегося*. В системе методов М.И. Махмутова различаются следующие общие методы обучения: 1) метод монологического изложения; 2) метод показательного изложения; 3) метод диалогического изложения; 4) метод эвристической беседы; 5) метод исследовательских заданий; 6) метод алгоритмических предписаний; 7) метод программированных заданий [13]. В системе методов кроме общих методов в соответствии с принципом бинарности М.И. Махмутов различает подсистему конкретных методов преподавания и учения. Эти методы взаимосвязаны и каждая пара отражает содержание определенного общего метода. Парные (или бинарные) методы определяются характером деятельности учителя и деятельности учащихся. К методам преподавания относятся: а) информационно-сообщающий; б) объяснительный; в) стимулирующий; г) побуждающий; д) инструктивный. К методам учения относятся: а) исполнительский; б) репродуктивный; в) частично-поисковый; г) поисковый; д) практический [13].

Между методами обучения существует *взаимосвязь и взаимопроникновение*, что отражает их взаимопереходы, неизолированное применение каждого из них. Согласно идее оптимизации обучения, педагог при выборе методов должен исходить из того, что каждый метод ориентирован на решение определенного круга педагогических и учебных задач.

Анализируя педагогический опыт выдающихся музыкантов-педагогов, было выявлено, что их педагогическая деятельность была построена на основе методов, направленных на всестороннее развитие учащихся. Львова Е.И., изучая и анализируя методы преподавания выдающихся педагогов-музыкантов, работающих в 1930-1950-х годах в Московской государственной консерватории, установила наиболее часто использовавшиеся ими методы, такие как: 1) наглядно-иллюстративный метод, основывающийся на непосредственном показе на инструменте приемов игры; 2) словесный метод, применявшийся в единстве с наглядно-иллюстративным и связанный с разъяснением тех или иных закономерностей искусства; 3) метод действий «по образцу», – когда указания педагога служат для учащегося ориентиром в исполнительском процессе; 4) художественно-эвристический (поисковый) метод, связанный с поиском индивидуального игрового приема в зависимости от возможностей ученика [12]. Передовыми педагогами использовались также методы проблемного обучения, что предвосхищало идеи, которые легли в основу современной музыкальной педагогики и имели в свое время прогрессивную направленность. «Практика ведущих педагогов-музыкантов, российских и зарубежных, свидетельствует: наилучшие результаты в обучении достигаются тогда, когда органично сочетаются в работе различные методы преподавания: от объяснительно-иллюстративных, информационно-установочных, отражательно-репродуктивных – до творчески-поисковых, проблемно-эвристических» [6, с 101].

Особого внимания заслуживает комплексный метод преподавания. Этот метод преподавания в фортепианном классе является одним из перспективнейших методов обучения, ценность и методическую целенаправленность которого отмечали многие музыканты-педагоги. На занятиях по фортепиано учащиеся приобретают знания, обеспечивающие понимание чего-либо в тесной гармонии с умениями, ценностное значение и сущность которых В.Г. Ражников определяет следующим образом: «Порою мы ощущаем пропасть между знанием и пониманием; между пониманием и умением... Знание ограничено, а понимание органично... Знание – ваше информативное богатство, понимание – ваше теоретическое достижение, а умение – ваша онтологическая мудрость, то есть практика, обеспеченная универсальной подготовкой в хорошем стиле и с хорошим вкусом. ... знать – хорошо, понимать – лучше, уметь – лучше всего» [17, с. 14-15]. Для того чтобы «уметь» в той интерпретации, в которой трактует это понятие В.Г. Ражников, в фортепианном классе изучение каждого произведения необходимо проводить наряду с разбором множества компонентов. В соответствии с этим ученик должен играть произведение: художественно, осознанно, музыкально, выразительно, убедительно и органично, чувствуя форму; ученику нужно знать о композиторе данного произведения, его эпохе, жанре, форме; играть в соответствии с авторскими указаниями и обозначениями, в нужном темпе и

ритмически точно; ученик должен знать особенности произведения как в смысле содержания (определение характера, настроения, общего образного строя произведения), так и в аспекте его художественно-выразительных средств; ученику необходимо научиться чувствовать и находить эмоциональные кульминации; в своей игре ученику нужно отталкиваться не от необходимости правильно воссоздать нотную графику, а от настроения и скрытой от глаз идеи произведения. Такое понимание задач обучения также отвечает комплексному методу преподавания в фортепианном классе.

Баренбойм Л.А. считает, что процесс музыкально-исполнительского обучения в целом и его организация в фортепианном классе в частности, должны иметь четыре не отделимых друг от друга задачи: формирование человека, формирование музыканта, формирование пианиста, формирование исполнителя. Это значит, что преподаватель музыки должен: 1) «привить ученику общую культуру, развить наблюдательность, воспитать общественное сознание, этичность»; 2) «ввести ученика в мир музыки, ... привить музыкальную культуру»; 3) «руководить воспитанием пианистического мастерства, обучить умению высказываться средствами своего инструмента»; 4) «воспитать специфические исполнительские качества: способность «воспламеняться», проникаясь музыкой, волю к воплощению музыки, к общению со слушателем и к воздействию на слушателя» [2, с. 30]. Во взглядах Л.А. Баренбойма также прослеживается тенденция, направленная на всестороннее музыкальное развитие учащихся с применением комплексного метода преподавания.

Нейгауз Г.Г. акцентирует внимание на том, что особенно на первых ступенях развития учащихся совершенно неизбежен комплексный метод преподавания. «... учитель должен не только довести до ученика так называемое «содержание» произведения, не только заразить его поэтическим образом, но и дать ему подробнейший анализ формы, структуры в целом и в деталях, гармонии, мелодии, полифонии, фортепианной фактуры, короче, он должен быть одновременно и историком музыки, и теоретиком, учителем сольфеджио, гармонии, контрапункта и игры на фортепиано» [14, с. 170].

Оптимизации урока фортепианного ансамбля способствует взаимопроникновение, синтез общедидактических, профессиональных и специальных ансамблевых методов, направленных на выработку ансамблевого мастерства, выражающегося в: нахождении единой исполнительской концепции ансамблевого произведения; проведении технической работы в ансамбле; правильном построении межличностного взаимодействия; умении вести, выстраивать репетиционную работу. Опишем подробнее *специальные методы*, разработанные автором. Это: 1) метод создания единого художественного замысла и исполнительского плана; 2) метод метро-ритмической и темповой координации; 3) метод формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия.

1. *Метод создания единого художественного замысла и исполнительского плана* определяет художественную сторону ансамблевого исполнительства. Он является творчески-поисковым, «исследовательским» методом, так как предполагает самое активное «личное» участие ансамблистов в процессе поиска наиболее адекватного художественному замыслу композитора исполнительского решения, создания единого исполнительского плана интерпретации и согласования на этой основе действий исполнителей. Данный метод предполагает концентрацию и напряжение мыслительных сил учащихся, содействует проявлению активной личностной позиции каждого участника фортепианного ансамбля, творческой самостоятельности, инициативы, служит залогом развития музыкального мышления учащихся, музыкальной культуры, способствует становлению их музыкально-художественного мировоззрения.

Данный метод представляет собой совокупность следующих действий педагога и учащихся:

- разбор своей ансамблевой партии каждым участником ансамбля, ее исполнительское освоение и всесторонний теоретический анализ музыкального материала;
- разбор ансамблевых партий партнеров, знакомство с их тематическим материалом;
- изучение фортепианно-ансамблевой партитуры (каждый ансамблист изучает функциональные особенности каждой ансамблевой партии – где проходит мелодическая линия, как она распределена между партиями, где гармоническая основа; изучает особенности музыкально-ролевого взаимодействия ансамблевых партий);
- каждый ансамблист изучает особенности формы и содержания музыкально-ансамблевого произведения в целом, находит границы разделов, более крупных и мелких построений, особенности построения музыкальных фраз, мотивов, анализирует музыкально-синтаксические особенности;
- каждый ансамблист (совместно с педагогом и самостоятельно) изучает особенности эпохи, в которую жил и творил композитор, особенности его стиля и средств выражения, знакомится с другими произведениями композитора разных жанров и форм;
- каждый участник ансамбля создает предварительный исполнительский план, выстраивает архитектуру произведения на основе детального изучения различных ансамблевых партий;
- высказывание каждым учащимся своей точки зрения, своего взгляда на исполнение ансамблевого произведения;
- сопоставление, анализ, сравнение различных мнений, разных точек зрения, высказанных по поводу исполнительского решения при совместной работе;

- исполнительская реализация каждого из предложенных вариантов (ансамблисты пробуют исполнять различные варианты, предложенные каждым из партнеров);
- отбор наиболее рациональных предложений, исполнительских решений, приведение к единому знаменателю художественных намерений партнеров (при этом следует: выверить темповые соотношения, продумать динамику каждой партии в соответствии с ее ролью в ансамблевой партитуре, согласовать штрихи в разных ансамблевых партиях, исследовать интонационно-образные особенности мелодики, наметить кульминационные точки во фразах, наметить местные и главную кульминации в произведении; раскрыть особенности фактуры и гармонического языка фортепианного ансамбля; проанализировать гармоническую вертикаль в произведении, функциональную взаимозависимость главных тематических построений и аккомпанирующих фигураций);
- координирование исполнительских средств выражения и индивидуальных исполнительских приемов партнеров по ансамблю в соответствии с художественно-образным содержанием произведения;
- индивидуальное и совместное прослушивание и просмотр аудио- и видеозаписей с последующим обсуждением;
- совместное посещение концертов ансамблевой музыки и обсуждение услышанного в процессе дискуссии; конструктивный анализ исполнительских решений, творческая переработка музыкально-художественной информации, отбор наиболее ценного с точки зрения художественного воплощения, обогащение собственной исполнительской концепции ансамбля.

Данный метод продиктован важнейшими закономерностями ансамблевого исполнительства. ПИАНИСТУ-СОЛИСТУ предоставлена полная свобода выявления творческой индивидуальности. При исполнении ансамблевого произведения слушатель ждет от исполнителей воплощения единого художественного замысла: содержательного и убедительного. «Совместная игра отличается от сольной прежде всего тем, что и общий план и все детали интерпретации являются плодом раздумий и творческой фантазии не одного, а нескольких исполнителей и реализуются они их объединенными усилиями» [7, с. 3-4]. Следовательно, нужно выработать особую чуткость, уважение, такт по отношению к намерениям партнера. В данном случае учащимся необходимо научиться ставить свои индивидуальные качества и черты солиста на службу общим ансамблевым устремлениям. Органичное ощущение художественных намерений партнера (партнеров) является важнейшим показателем ансамблевого мастерства. В процессе поиска наиболее адекватного композиторскому замыслу интерпретаторского решения происходит сопоставление, сравнение, анализ разных трактовок, разных точек зрения исполнителей. Это дает возможность каждому из исполнителей вы-

сказать свое мнение, свои взгляды по поводу художественного решения, раскрытия образа музыкального произведения, выразительных средств исполнения, в результате чего отбираются наиболее ценные, ярче всего выражающие авторскую идею средства воплощения. В дальнейшем на основании отобранных и согласованных художественных намерений координируются исполнительские действия участников ансамбля.

2. *Метод метро-ритмической и темповой координации.* Метод – это всегда комплексное явление, «сложное, многомерное, многокачественное образование» [16, с. 268]. Координация – важнейший термин, используемый в ансамблевом исполнительстве. «Координация (нем. *koordination*, фр. *coordination* – лат. *co(n)* с, вместе + *ordination* расположение в порядке) – согласование, целесообразное соответствие каких-нибудь действий, явлений» [8, с. 358]. Процесс согласования и соответствия действий учащихся-музыкантов в ансамблевом исполнительстве является определяющим. И в первую очередь в совместной музыкальной деятельности обращает на себя внимание временная сторона исполнения. Недостаточное соответствие и согласование действий исполнителей-ансамблистов в области метро-ритма и темпа наиболее явно проявляется в ансамблевом исполнении и становится очевидным недостатком даже для аудитории музыкантов-любителей, не говоря уже о профессионалах. Поскольку «все временные начала музыки – ритм, метр и темп – являются тесно связанными между собой, а изменения в одном из них сказываются на выразительных свойствах другого» [3, с. 117], целесообразно рассматривать все временные процессы в ансамблевом исполнительстве в их непосредственной взаимосвязи и органическом единстве. Исходя из вышесказанного, следует вывод о том, что метод метро-ритмической и темповой координации в фортепианно-ансамблевом исполнительстве играет фундаментально образующую роль с точки зрения технически грамотного ансамблевого исполнения. Метод метро-ритмической и темповой координации обеспечивает раскрытие временной природы музыкального произведения, способствует целостности и взаимосвязи его содержания и формы, упорядочивает метрическую, ритмическую и темповую стороны исполнения.

В структуре метода выделяются методические приемы. Метод метро-ритмической и темповой координации складывается из следующих методических приемов:

- все ансамблисты должны простучать (или прохлопать) сначала попеременно (по партиям), а потом совместно ритмический рисунок музыкального произведения, чтобы почувствовать ритмическую пульсацию и упорядочить временную организацию (создать ритмический ансамбль); если участников ансамбля больше двух, полезно по-разному комбинировать пары ансамблистов, постепенно присоединяя к ним третьего и четвертого участников;

- один из ансамблистов играет свою партию, а другой (или другие) стучит или прохлопывает ритмический рисунок своей партии (также возможны самые разные комбинации со сменой ролей партнеров);
- педагог играет вдвоем с каждым из ансамблистов, берет на себя функции и роль дирижера, ритмически и темпово-организующую роль исполнения;
- каждый ансамблист прорабатывает свою партию с метрономом: играет совместно с педагогом и с метрономом одновременно (педагог при этом помогает «услышать», «почувствовать» и «вжиться» в единую пульсацию, создаваемую метрономом, поскольку «играть по руке», ориентируясь на «живой» сигнал и дирижерский жест, гораздо легче и удобнее, нежели сразу, с ходу подстроиться под метроном; далее ученик уже самостоятельно «взаимодействует» с метрономом без помощи и поддержки со стороны педагога; следующим этапом работы является совместная игра ансамблистов под метроном (вдвоем, а если участников больше двух, втроем или вчетвером);
- оба исполнителя играют вместе только правую руку, далее – совместно играют только левую руку, далее – один из исполнителей играет правую руку, а другой левую и наоборот;
- поочередно берется считать вслух каждый из партнеров;
- в процессе репетиции выбрать единую для всех партнеров ритмическую акцентировку различных ритмических фигур и ритмических рисунков (единое ритмоинтонирование – одинаковое представление партнерами ритмосмысловых акцентов в похожих ритмических структурах). Если одинаковый ритмический рисунок встречается в нескольких ансамблевых партиях, то нужно согласовать и выработать единую позицию на исполнение данной ритмической комбинации (в данном случае имеется в виду одинаковое выделение наиболее смыслозначимых длительностей, правильная расстановка смысловых акцентов);
- в выработке единого темпа и согласования разных длительностей внутри фактуры за ориентир брать более мелкие длительности и далее постепенно переходить к более крупным; исполняя более крупные длительности, надо вспоминать движение длительностей более мелких, входящих в состав этих крупных длительностей, чтобы упорядочить процесс временной организации и соответствия вертикали в ансамбле;
- проигрывание ансамблевого произведения в разных темпах: от медленного до быстрого, координируя разные темпы с целью совершенствования навыков исполнения, достижения наибольшей ритмической и темповой согласованности;
- единое выдерживание и высчитывание пауз в ансамблевой партитуре;

- при разнофактурном изложении музыкального материала в разных ансамблевых партиях, чтобы отрегулировать ритмическую и темповую стороны исполнения, необходимо обоим (или более) участникам поиграть в унисон партию каждого (можно на разных инструментах), чтобы таким образом почувствовать ритмическое движение и индивидуальную ритмическую организацию каждой партии; выработка ритмической дисциплины каждой ансамблевой партии; (также можно поиграть каждую партию вдвоем в унисон на одном или на разных инструментах, но разными штрихами, что также улучшит координационную составляющую исполнения); (можно поиграть одну и ту же партию вдвоем в унисон с разными динамическими нюансами, чтобы один исполнитель играл форте, а другой – пиано; данный прием имеет непосредственное отношение более к динамической стороне исполнения и слуховому контролю, но также имеет прямую зависимость и с метроритмической и темповой сторонами, так как изменения динамики часто воспринимаются учащимися как изменение темпа, реже ритма);
- нахождение «формулы общего движения» (по А.Д. Готлибу), когда происходящее в процессе совместной игры «наложение» ритмического рисунка одной партии на рисунок другой создает характерную в целом ритмическую пульсацию (последовательное повторение любых ритмических фигур в разных партиях значительно облегчается наличием связующих долей);
- активно использовать показ педагогом разных ансамблевых партий с целью устранения метро-ритмических или темповых недочетов (неточностей) исполнения, так как со стороны более наглядно предстает собственная ошибка и быстрее доходит до сознания учащегося; иногда педагогом может быть применен прием некоторого преувеличения допущенной неточности ученика с целью более рельефного, наглядного показа и понимания учеником своей ошибки;
- с целью установления единого темпа для всех участников в процессе репетиций перед началом игры необходимо просчитать 1-2 пустых такта (в процессе репетиций это должен делать поочередно каждый участник ансамбля);
- перед началом исполнения в процессе репетиций (да и в процессе концертного исполнения тоже) один из участников ансамбля (желательно, исполнитель не первой партии вследствие ее хорошей видимости из зала) может мало заметными движениями простучать 2 такта ладонью по колену, чтобы это видели все участники ансамбля, таким образом, задавая ритмическую пульсацию, общую для всех ансамблистов;
- для достижения наибольшей метро-ритмической согласованности в исполнении (особенно в унисонных построениях, что наиболее

трудно в ансамблевом исполнении с точки зрения достижения вертикали) полезно очень точно просчитывать сначала вслух, а затем «про себя» все длительности, используя короткую паузу перед следующей длительностью или перед началом следующего такта за счет незначительного укорачивания предыдущей длительности, точным дирижерским жестом показывая все снятия этих длительностей (так называемая пауза на и);

- один из участников фортепианного ансамбля играет, а другой дирижирует; затем они меняются ролями (если участников больше двух, обращаются к данному приему попеременно);
- каждый участник ансамбля должен хорошо владеть материалом другой (или других) фортепианно-ансамблевой партии (партий); при возникающих трудностях метро-ритмического и темпового характера полезно поменяться партиями, чтобы на себе опробовать и таким образом осознать индивидуальный ритмический рисунок каждой из них; это вносит большую ясность при возвращении к своей ансамблевой партии;
- упорядочивание вертикали в начале произведения при одновременном взятии звука возможно с помощью дирижерского показа кистевым движением (так называемого кистевого дыхания); наиболее надежным способом наряду с жестом является взятие дыхания (в прямом смысле – вдох), применяемое одновременно с дирижерским жестом;
- на репетиции педагог может дирижировать при одновременном вступлении партнеров, показывая затакт; затем ансамблисты учатся делать это самостоятельно без дирижерского жеста педагога;
- упорядочивание вертикали в конце произведения при одновременном снятии звука возможно благодаря точному просчитыванию длительностей и совместной договоренности о том, сколько (до какого счета) будет тянуться заключительный аккорд (например, в случае ферматы);
- при отработке разного рода ритмических рисунков и ритмических формул пользу может принести такой прием, как подтекстовка;
- изменения темпа (*accelerando* и *ritardando*) при исполнении ансамблевого произведения должны отличаться расчетливостью, отработанностью, должно быть заблаговременно отрегулировано и прочно отрепетировано в процессе совместной работы.

Метод метро-ритмической и темповой координации побуждает участников ансамбля все время работать над индивидуальным ритмом, развитием собственного ритмического чувства. При хорошо развитом чувстве ритма каждого ансамблиста гораздо легче добиться метро-ритмической и темповой координации в ансамбле. В то же время, здесь наблюдается и об-

ратная связь. Именно в процессе ансамблевого исполнительства создаются наиболее благоприятные условия для развития индивидуального ритмического чувства каждого участника ансамбля, что, безусловно, положительно влияет на его индивидуальное исполнительское мастерство.

3. *Метод формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия* обусловлен этической стороной ансамблевой деятельности как фундаментальной предпосылки успешного функционирования и жизнеспособности фортепианно-ансамблевого объединения, музыкального коллектива учащихся. Зачастую этика отношений в процессе ансамблевого исполнительства подразумевается как нечто само собой разумеющееся и не требующее постоянного внимания и целенаправленного педагогического воздействия. Но в этом постулате коренится главная ошибка. Очень часто ансамблевые коллективы распадаются из-за отсутствия гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия, способной обеспечивать на протяжении длительного периода времени гармоничное жизненное пространство для комфортного пребывания партнеров в фортепианно-ансамблевом коллективе. Микроклимат, созданный в коллективе музыкантов-ансамблистов, определяет не только степень психологической комфортности того или иного участника ансамбля, но и напрямую влияет на продуктивность совместной деятельности, ее качественный результат. Таким образом, этические аспекты определяют в конечном итоге успех или неуспех всей ансамблевой деятельности в целом.

Метод формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия направлен на: обеспечение внутреннего психологического комфорта каждого музыканта-ансамблиста с целью свободного проявления им своих внутренних творческих сил и устремлений, творческого самовыражения в условиях продуктивной совместной художественно-творческой деятельности, какой является фортепианно-ансамблевое исполнительство; поддержание взаимопонимания между участниками ансамбля и интенсивного творческого взаимодействия, направленного на решение музыкально-художественных задач на высоком профессиональном уровне; повышение культуры общения, содействующей плодотворному сотрудничеству в сфере фортепианно-ансамблевого исполнительства и других сферах жизнедеятельности учащихся, формирование этически грамотной жизненной позиции.

Метод формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия предполагает выполнение следующих согласованных действий преподавателя и учащихся, направленных на позитивный конечный результат:

- акцентирование внимания учащихся на достоинствах партнеров по ансамблю, избегание противопоставления успехов одного (или одних) успехам другого (или других) участника (участников) ансамбля;

- корректировка поведенческих установок партнеров, направление их в нужное русло позитивного восприятия друг друга;
- побуждение к самостоятельности суждений каждого ансамблиста, поощрение такой самостоятельности;
- подбор партнеров по ансамблю с учетом их психологической и исполнительской совместимости, что обеспечивает необходимый психологический контекст фортепианно-ансамблевых уроков, способствует образованию исполнительского контакта музыкантов-ансамблистов;
- воспитание в учащихся правильных представлений друг о друге, предотвращение конфликтных ситуаций в ансамблевом коллективе;
- акцентирование внимания учащихся на необходимости выработки личностных качеств музыканта-ансамблиста, способствующих формированию ансамблевой этики (направленность на морально-нравственные установки в основе взаимоотношений): коллективизм, дисциплинированность, способность к диалогу, толерантность в общении, инициативность в деятельности, энтузиазм, способность к попеременному лидерству, эмпатийность, экстравертность, мобильность, способность к самоконтролю и объективной самооценке;
- осознание ансамблистами принципиального равенства партнеров, ориентированность на восприятие личности другого такого же уровня как собственное «Я», признание партнерами уникальности друг друга;
- побуждение учащихся к повышению уровня индивидуального исполнительского мастерства в целях создания музыкального ансамбля высокого профессионального уровня;
- опора на принцип справедливости в отношениях с учащимися-ансамблистами, уделение равного внимания и количества времени каждому участнику ансамбля;
- создание благоприятного эмоционально-психологического фона занятий, необходимого позитивно направленного микроклимата в коллективе и благожелательной атмосферы межличностного общения и взаимодействия (этому способствует: преобладание бодрого, жизнерадостного тона, настроения его участников; доброжелательность в отношениях, взаимные симпатии, уважение друг к другу; в отношениях между партнерами существует взаимное расположение, понимание; участникам ансамбля нравится вместе проводить время, участвовать в совместной музыкальной деятельности; успехи или неудачи товарищей вызывают сопереживание, искреннее участие всех ансамблистов; партнеры с уважением относятся к мнению друг друга; достижения и неудачи ансамбля переживаются как свои собственные; эмоциональное единение коллектива: «Один за

- всех – и все за одного»; чувство гордости за коллектив; коллектив активен, полон энергии; совместные дела увлекают всех, велико желание работать коллективно; в музыкально-ансамблевом коллективе существует справедливое отношение ко всем членам);
- обеспечение каждому учащемуся внутреннего психологического комфорта;
 - научение ансамблистов управлению своими эмоциями, их адекватному проявлению;
 - воспитание в учащихся уважительного отношения друг к другу, формирование положительного взаимовлияния друг на друга, реализация возможности приобретения позитивного опыта друг у друга в профессиональном и личностном плане;
 - преодоление инертности мышления ансамблистов, побуждение к самостоятельности суждений, творческих решений в условиях согласования своих действий с другими участниками фортепианного ансамбля;
 - высокая степень тактичности музыкантов по отношению друг к другу в процессе совместной творческой деятельности; корректировка ансамблистами своего поведения в целях предотвращения непонимания и конфликтных ситуаций.

Эффективное применение метода формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия позволяет создать полифоническую партитуру межличностного общения, основанного на принципе консонанса в межличностных отношениях, поддержания их мажорного лада. В контексте данного метода важно указать на установление исполнительского контакта между участниками ансамбля. *Исполнительский контакт* музыкантов-ансамблистов – это согласованное взаимодействие партнеров, основанное на эмпатии, единстве цели и задач, состоянии психологического комфорта в процессе занятий и совместных концертных выступлений. Исполнительский контакт предполагает, помимо согласованного взаимодействия, чувства психологического комфорта, формирование способности предугадывать намерения партнеров. Такая способность участников ансамбля свидетельствует о высоком уровне сформированности гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия.

Все вышеперечисленные ансамблевые методы взаимосвязаны между собой. Их комплексное неизолированное применение способствует оптимизации урока фортепианного ансамбля, содействует всестороннему развитию учащихся.

Итак, между методами обучения существует органическая взаимосвязь и взаимопроникновение, что отражает их взаимопереходы, неизолированное применение каждого из них. Оптимизации урока фортепианного ансамбля способствует взаимопроникновение общедидактических, профес-

сиональных и специальных ансамблевых методов, направленных на разработку ансамблевого мастерства, таких как метод создания единого художественного замысла и исполнительского плана, метод метро-ритмической и темповой координации, метод формирования гармоничной межличностной среды ансамблевого взаимодействия. Синтез общедидактических, профессиональных и специальных ансамблевых методов, разработанных автором, ведет к оптимальному построению урока фортепианного ансамбля, способствует достижению его положительного результата.

Список литературы:

1. Бабанский Ю.К. Оптимизация педагогического процесса: (В вопросах и ответах) / Ю.К. Бабанский, М.М. Потапшик. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. школа, 1983. – 287 с.
2. Баренбойм Л.А. Вопросы фортепианной педагогики и исполнительства / Л.А. Баренбойм. – Л.: Музыка, 1969. – 288 с.
3. Блинова М. Временная природа музыкального восприятия в свете учения о высшей нервной деятельности / М. Блинова // Вопросы теории и эстетики музыки. – Л., 1968. – Вып. 8. – С. 111-127.
4. Болдырев Н.И. Педагогика: учеб. пособие для пед. ин-тов / Н.И. Болдырев, Н.К. Гончаров, Б.П. Есипов, Ф.Ф. Королев. – М.: Просвещение, 1968. – 526 с.
5. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997. – 1456 с.
6. Горлинский В.И. Модернизация системы музыкального воспитания и образования в современной России: актуальные проблемы переходного периода / В.И. Горлинский. – М.: Изд. МГИМ, 1999. – 335 с.
7. Готлиб А.Д. Основы ансамблевой техники / А.Д. Готлиб. – М.: Музыка, 1971. – 96 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. яз., 2000. – 856 с.
9. Коджаспирова Г.М. Словарь по педагогике / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М.; Ростов-н/Д: МарТ, 2005. – 448 с.
10. Лернер И.Я. Дидактическая система методов обучения / И.Я. Лернер. – М.: Знание, 1976. – 64 с.
11. Лордкипанидзе Д.О. Принципы и методы обучения / Д.О. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. пед. ин-та, 1957. – 196 с.
12. Львова Е.И. Выдающиеся советские педагоги-музыканты 30-50-х годов («Московская пианистическая школа») – их принципы и методы преподавания: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Е.И. Львова. – М., 1988. – 18 с.
13. Махмутов М.И. Современный урок / М.И. Махмутов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Педагогика, 1985. – 184 с.

14. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога / Г.Г. Нейгауз. – 6-е изд. – М.: Классика-XXI, 1999. – 232 с.
15. Педагогика: учебное пособие / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Высшее образование, 2008. – 430 с.
16. Подласый И.П. Педагогика: в 3-х кн. Кн. 2: Теория и технологии обучения: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика» / И.П. Подласый. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 575 с.
17. Ражников В.Г. Диалоги о музыкальной педагогике / В.Г. Ражников. – М.: Классика-XXI, 2004. – 140 с.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ ПО ОСНОВАМ ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© Мельник А.А.*

Учебный центр «Крисмас+», г. Санкт-Петербург

В статье представлены некоторые методические приемы, которые позволят учителям эффективно организовать занятия для элективных курсов, связанных с изучением основ химического анализа. Это матрицы для составления условий расчетных задач по некоторым темам курсов, некоторые практические работы из лабораторного практикума.

В настоящее время многие учителя химии проводят элективные курсы по основам химического анализа. Он стал правопреемником факультативного курса «Основы химического анализа».

Программы разных педагогов во многом схожи между собой и содержат общие разделы. Программами предусмотрено решение расчетных задач, а также выполнение практических работ. Ниже приведены некоторые рекомендации по организации занятий с решением расчетных задач, а также описаны лабораторные опыты по некоторым темам, которые предусматриваются практически в каждой программе элективного курса по основам химического анализа.

Решение расчетных задач

Для того чтобы учителю затратить минимум времени на подготовку к занятиям, можно предложить так называемые матрицы для составления расчетных задач. Приведем конкретные примеры.

В теме «Аналитическая химическая реакция» расчеты производятся по формуле, которая связывает между собой открываемый минимум соли (m), предельное разбавление ($V_{пр}$), минимальный объем (V_{min}). Фрагмент матрицы будет выглядеть так:

m , мкг	$V_{пр}$ мл/г	V_{min} мл	$C_{пр}$ г/мл
0,02	2500000	0,05	1/2500000
0,1	500000	0,05	1/500000

Условия расчетных задач будут выглядеть следующим образом:

1. Вычислить открываемый минимум соли (m), если предельное разбавление ($V_{пр}$) равно _____ мл/г, а минимальный объем (V_{min}) равен _____ мл.

* Заместитель руководителя.

2. Вычислить открываемый минимум соли (m), если предельная (минимальная) концентрация ($C_{пр}$) равна _____ г/мл, а минимальный объём (V_{min}) равен _____ мл.
3. Вычислить минимальный объём раствора соли (V_{min}), если известно, что открываемый минимум (m) равен _____ микрограмм, а предельное разбавление ($V_{пр}$) равно _____ мл/г.
4. Вычислить минимальный объём раствора соли (V_{min}), если известно, что открываемый минимум (m) равен _____ микрограмм, а предельная (минимальная) концентрация ($C_{пр}$) равна _____ г/мл.
5. Вычислить предельное разбавление ($V_{пр}$) и предельную (минимальную) концентрацию ($C_{пр}$), если открываемый минимум (m) равен _____ микрограмм, а минимальный объём раствора (V_{min}) равен _____ мл.

Изучая тему «Буферные растворы», учащиеся решают расчётные задачи на примере конкретных буферных растворов: ацетатного, аммиачного, карбонатного, формиатного, фосфатного. В расчётных задачах необходимо вычислить pH буферного раствора в зависимости от количественного соотношения компонентов. Приведём примеры.

Ацетатный буферный раствор $CH_3COOH + CH_3COONa$.

Вычислить pH ацетатного буферного раствора, содержащего в 1 литре _____ моль CH_3COOH и _____ моль CH_3COONa . $pK(CH_3COOH) = 4,75$

Фрагмент матрицы будет выглядеть так:

$C(CH_3COOH)$, моль/л	$C(CH_3COONa)$, моль/л	pH
0,1	0,9	5,7

Аммиачный буферный раствор $NH_4OH + NH_4Cl$.

Вычислить pH аммиачного буферного раствора, содержащего в 1 литре _____ моль NH_4OH и _____ моль NH_4Cl . $pK(NH_4OH) = 4,75$.

$C(NH_4OH)$, моль/л	$C(NH_4Cl)$ моль/л	pH
0,1	0,9	8,3

Формиатный буферный раствор $HCOOH + HCOONa$.

Вычислить pH формиатного буферного раствора, содержащего в 1 литре _____ моль $HCOOH$ и _____ моль $HCOONa$. $pK(HCOOH) = 3,75$.

$C(HCOOH)$, моль/л	$C(HCOONa)$, моль/л	pH
0,1	0,9	4,7

Карбонатный буферный раствор $Na_2CO_3 + NaHCO_3$.

Вычислить pH карбонатного буферного раствора, содержащего в 1 литре _____ моль $NaHCO_3$ и _____ моль Na_2CO_3 . $pK_{II}(H_2CO_3) = 10,33$.

$C(NaHCO_3)$, моль/л	$C(Na_2CO_3)$, моль/л	pH
0,1	0,9	11,3

Фосфатный буферный раствор $Na_2HPO_4 + NaH_2PO_4$.

Вычислить pH фосфатного буферного раствора, содержащего в 1 литре _____ моль Na_2HPO_4 и _____ моль NaH_2PO_4 . $pK_{II}(\text{H}_3\text{PO}_4) = 7,21$.

$C(\text{Na}_2\text{HPO}_4)$, моль/л	$C(\text{NaH}_2\text{PO}_4)$, моль/л	pH
0,1	0,9	8,16

В теме «Вычисление концентрации вещества в растворе» учащиеся должны вычислять молярную концентрацию (C_m), нормальную концентрацию (C_n) и титр (T) раствора вещества по массе навески и объёму раствора, а также вычислять массу навески, которую нужно взять для приготовления раствора заданной концентрации. Все эти данные связывает между собой матрица, фрагмент которой приведён ниже:

вещество	M г/моль	f(э)	M(э) г/моль	m, г	V		C_m моль/л	C_n моль/л	T г/мл
					мл	л			
Na_2CO_3	106	1/2	53	2,5000	500	0,5	0,0472	0,0943	0,005000
				0,5312	100	0,1	0,0501	0,1002	0,005312

Условия расчётных задач будут выглядеть следующим образом:

1. Вычислить молярную концентрацию (C_m), нормальную концентрацию (C_n) и титр (T) раствора вещества _____, если из его навески (m) _____ г приготовили раствор объёмом (V) _____ мл.
2. Какую навеску (m) вещества _____ необходимо взять для приготовления раствора с молярной концентрацией (C_m) _____ моль/л объёмом (V) _____ мл.
3. Какую навеску (m) вещества _____ необходимо взять для приготовления раствора с нормальной концентрацией (C_n) _____ моль/л объёмом (V) _____ мл.
4. Какую навеску (m) вещества _____ необходимо взять для приготовления раствора с титром (T) _____ г/мл объёмом (V) _____ мл.
5. У вещества _____ определить фактор эквивалентности $f(э)$ и молярную массу эквивалента $M_э$.

В теме «Равновесие в растворах гидролизующихся солей» учащиеся вначале должны определить тип гидролиза (по катиону, по аниону, по катиону и аниону), и вычислить по расчётным формулам степень гидролиза (h) и pH раствора гидролизующейся соли.

Хлорид аммония – соль, гидролизующаяся по катиону. Для вычисления степени гидролиза (h) и pH раствора необходимо знать константу ионизации гидрата аммиака и концентрацию раствора соли. Фрагмент матрицы приведён ниже. Условие задачи будет выглядеть так: Вычислить степень гидролиза (h) и pH раствора хлорида аммония NH_4Cl , если концентрация раствора (C) равна _____ моль/л, константа ионизации $K_{\text{ион}}(\text{NH}_4\text{OH}) = 1,79 \cdot 10^{-5}$, $pK = 4,75$.

C соли, моль/л	степень гидролиза h	pH раствора
1	$2,4 \cdot 10^{-5}$	4,625

Нитрит калия – соль, гидролизующаяся по аниону. Для вычисления степени гидролиза(h) и pH раствора необходимо знать константу ионизации азотистой кислоты и концентрацию раствора соли. Фрагмент матрицы приведён ниже. Условие задачи будет выглядеть так: Вычислить степень гидролиза (h) и pH раствора нитрита калия KNO_2 , если концентрация раствора (C) равна _____ моль/л, константа ионизации $K_{\text{ион}}(\text{HNO}_2) = 4,0 \cdot 10^{-4}$, $\text{pK} = 3,4$.

С соли, моль/л	степень гидролиза h	pH раствора
1	$5,0 \cdot 10^{-6}$	8,70

При изучении этой темы предусмотрено вычисление константы гидролиза по значению константы ионизации основания (при гидролизе по катиону), константы ионизации кислоты (при гидролизе по аниону). Условия расчётных задач будут выглядеть следующим образом:

Определить тип гидролиза и вычислить константу гидролиза, если константа ионизации равна _____.

Гидролиз по катиону

соль	константа ионизации основания	константа гидролиза
NH_4Cl	$1,79 \cdot 10^{-5}$	$5,60 \cdot 10^{-10}$
CrCl_3	$1,02 \cdot 10^{-10}$ (по III ступени)	$1,00 \cdot 10^{-4}$ (по I ступени)
AlCl_3	$1,38 \cdot 10^{-9}$ (по III ступени)	$7,20 \cdot 10^{-6}$ (по I ступени)

Гидролиз по аниону

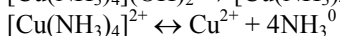
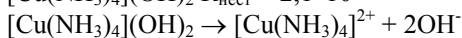
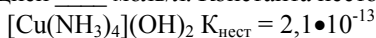
соль	константа ионизации кислоты	константа гидролиза
NaAc	$1,75 \cdot 10^{-5}$	$5,70 \cdot 10^{-10}$
NaNO_2	$4,00 \cdot 10^{-4}$	$2,50 \cdot 10^{-11}$
NaBO_2	$7,50 \cdot 10^{-10}$	$1,30 \cdot 10^{-5}$

Есть соли, гидролизующиеся по катиону и аниону одновременно (нитрит аммония, NH_4NO_2 , цианид аммония NH_4CN , сульфид аммония $(\text{NH}_4)_2\text{S}$, ацетат алюминия $(\text{CH}_3\text{COO})_3\text{Al}$). Для вычисления константы гидролиза ($K_{\text{гидр.}}$), степени гидролиза (h) и pH раствора соли необходимо знать константу ионизации основания, pK (основания), константу ионизации кислоты, pK (кислоты). Фрагмент матрицы приведён ниже. Условие задачи будет выглядеть так: Вычислить константу гидролиза ($K_{\text{гидр.}}$), степень гидролиза (h) и pH раствора соли _____, если константа ионизации основания равна _____, pK (основания) равна _____, константа ионизации кислоты равна _____, pK (кислоты) равна _____.

соль	$K_{\text{д(осн.)}}$	pK(осн.)	$K_{\text{д(к-ты)}}$	pK(к-ты)	$K_{\text{гидр.}}$	h	pH
NH_4NO_2	$1,79 \cdot 10^{-5}$	4,75	$4,00 \cdot 10^{-4}$	3,4	$1,4 \cdot 10^{-6}$	$1,2 \cdot 10^{-3}$	6,3
NH_4CN	$1,79 \cdot 10^{-5}$	4,75	$7,90 \cdot 10^{-10}$	9,1	0,7	0,46	9,2

В теме «Комплексные соединения» изучается диссоциация этих соединений и решаются задачи на вычисление концентрации продуктов диссоциации

конкретного комплексного соединения. Фрагмент матрицы приведён ниже. Условие задачи будет выглядеть так: Вычислить концентрацию каждого из продуктов диссоциации в растворе комплексного соединения ____ концен-трацией ____ моль/л. Константа нестойкости ($K_{\text{нест}}$) равна ____.

C (компл. соед.)	C (OH)	$[\text{Cu}^{2+}]$	$[\text{NH}_3^0]$
0,01	0,02	$3,83 \cdot 10^{-4}$	$1,53 \cdot 10^{-3}$

В теме «Равновесие в системе «раствор-осадок»» решаются расчётные задачи на вычисление произведения растворимости, растворимости и концентрации ионов труднорастворимого вещества. Фрагмент матрицы приведен ниже. Условия расчётных задач будут выглядеть следующим образом:

Вычислить произведение растворимости (ПР) труднорастворимого вещества _____, если его растворимость (Р) равна _____ моль/л.

1. Вычислить растворимость (Р) труднорастворимого вещества _____, если произведение растворимости его равно _____.
2. Вычислить растворимость (Р) труднорастворимого вещества _____ и найти концентрацию каждого иона (в моль/л), если произведение растворимости ПР равно _____.

вещество	m	n	ПР	Р, моль/л	$[\text{Kt}^{n+}]$, моль/л	$[\text{An}^{m-}]$, моль/л
AgBr	1	1	$6,0 \cdot 10^{-13}$	$7,7 \cdot 10^{-7}$	$7,7 \cdot 10^{-7}$	$7,7 \cdot 10^{-7}$
$\text{Ca}_3(\text{PO}_4)_2$	3	2	$1,0 \cdot 10^{-29}$	$6,2 \cdot 10^{-7}$	$1,9 \cdot 10^{-6}$	$1,2 \cdot 10^{-6}$

Лабораторные работы

Кроме решения расчётных задач, программой предусмотрены лабораторные работы. Хотелось бы обратить внимание на лабораторные работы «Буферные растворы» и «Равновесие в системе раствор-осадок».

Карбонатный буферный раствор.

Приготовление карбонатного буферного раствора.

а) Приготовить 0,1М раствор карбоната натрия и 0,1М раствор гидрокарбоната натрия объёмом по 250 мл. Для этого предварительно вычислить массы твёрдых солей, на технических весах взвесить соли и растворить их в мерных колбах на 250 мл.

б) В 3 пронумерованные колбы объёмом 200 мл с помощью мерных цилиндров налить полученные растворы в объёмах, указанных в таблице.

Таблица 1

Приготовление карбонатных буферных растворов

	колба 1	колба 2	колба 3
объём Na_2CO_3 , мл	90	50	10
объём NaHCO_3 , мл	10	50	90
вычисленное значение pH раствора			

Вычислить значения pH полученных растворов.

в) Приготовить 9 пронумерованных пробирок и отлить по 1 мл полученных растворов:

- из колбы № 1 – в пробирки № 1, 4 и 7;
- из колбы № 2 – в пробирки № 2, 5 и 8;
- из колбы № 3 – в пробирки № 3, 6 и 9.

К этим растворам добавить по 2-3 капли индикаторов:

- Лакмус – в пробирки № 1, 2 и 3;
- Фенолфталеин – в пробирки № 4, 5 и 6;
- Метилоранж – в пробирки № 7, 8 и 9.

Наблюдается ли различие в окраске растворов в пробирках:

- а) № 1, 2 и 3,
- б) № 4, 5 и 6,
- в) № 7, 8 и 9?

Объяснить окраску индикаторов, исходя из вычисленных значений pH растворов и интервалов перехода окраски индикаторов (см. таблицу границы перехода окраски индикаторов). Результаты данного опыта занести в таблицу.

Таблица 2

Окраска индикаторов в карбонатном буферном растворе

индикаторы	лакмус			фенолфталеин			метилоранж		
№ пробирки	1	2	3	4	5	6	7	8	9
вычисленное значение pH									
окраска индикаторов									

Свойства буферных растворов

а) Действие кислот.

В пробирки № 1, 4 и 8 добавить по 3 капли разбавленного раствора соляной кислоты, пробирки встряхнуть. Изменился ли цвет растворов? Сделать выводы.

б) Действие щелочей.

В пробирки № 3, 6 и 9 добавить по 3 капли разбавленного раствора щёлочи, пробирки встряхнуть. Изменился ли цвет растворов? Сделать выводы.

в) Буферная ёмкость.

Взять 2 колбы на 50 мл, в одну из них налить 10 мл буферного раствора, полученного в колбе № 2 в опыте 1б, а в другую колбу на 50 мл налить 10 мл дистиллированной воды. В каждую колбу добавить по 2 капли фенолфталеина (в колбу с дистиллированной водой добавить каплю раствора щёлочи, чтобы окраска растворов была одинаковой). В каждую колбу с помощью аптечной пипетки по каплям добавлять разбавленный раствор соляной кислоты при постоянном перемешивании до исчезновения окраски (капли не должны попадать на стенки колбы). В каждом случае счи-

тать число капель. Результаты занести в табл. 3, объяснить наблюдаемые явления, сделать выводы.

Таблица 3

Доказательство буферных свойств карбонатного буферного раствора

	число капель раствора HCl
буферный раствор	
дистиллированная вода	

Равновесие в системе раствор-осадок.

Превращение одних труднорастворимых соединений в другие.

Опыты с солями серебра

Получить осадки Ag_2CrO_4 и AgBr , отметить их цвет. К осадку Ag_2CrO_4 добавить несколько капель раствора KBr , а к осадку AgBr добавить несколько капель раствора K_2CrO_4 . Что наблюдаете? Объяснить наблюдаемые изменения, используя значения растворимости труднорастворимых соединений. Написать уравнения реакций, указать направление их протекания.

Опыты с солями свинца

Получить осадки PbCrO_4 и PbF_2 , отметить их цвет. К осадку PbCrO_4 добавить несколько капель раствора NaF , а к осадку PbF_2 добавить несколько капель раствора K_2CrO_4 . Что наблюдаете? Объяснить наблюдаемые изменения, используя значения растворимости труднорастворимых соединений. Написать уравнения реакций, указать направление их протекания.

Поясним эти лабораторные работы.

*Пояснение к лабораторной работе**«Буферные растворы, карбонатный буферный раствор»*

Для приготовления 250 мл 0,1М раствора карбоната натрия требуется 2,65 г твёрдой соли.

Для приготовления 250 мл 0,1М раствора гидрокарбоната натрия требуется 2,1г твёрдой соли.

pH в колбе №1 11,3; pH в колбе №2 10,33; pH в колбе №3 9,38

Лакмус:

в колбе 1 и 2 окраска синяя, в колбе 3 – фиолетовая.

Переход окраски лакмуса фиолетовая – синяя при pH=8.

Фенолфталеин:

в колбе 1 и 2 имеет ярко-розовую окраску, а в колбе 3 – бледно-розовую.

Переход окраски фенолфталеина из бесцветной в малиновую при pH = 8.

Метилоранж:

во всех растворах имеет окраску жёлтую.

Переход окраски из оранжевой в жёлтую при pH = 4,4.

Действие кислот:

в пробирках № 1, 4 и 8 цвет растворов не изменился.

Действие щелочей.

В пробирках № 3, 6 и 9 цвет растворов не изменился.

Буферная ёмкость.

Для титрования воды израсходовано 4 капли HCl

Для титрования буферного раствора израсходовано 7 капель HCl

Вывод: буферные растворы обладают свойством сохранять pH среды при добавлении небольших количеств кислоты и щёлочи. Для того чтобы сменить pH среды буферного раствора, требуется большее количество кислоты или щёлочи, чем для воды, которая не обладает буферными свойствами.

Ацетатный буферный раствор.

pH в колбе №1 3,8; pH в колбе №2 4,75; pH в колбе №3 5,7

Лакмус:

в колбе 1 красный, в колбе 2 светло-фиолетовый, в колбе 3 фиолетовый.

Переход окраски лакмуса красная-фиолетовая при pH= 5.

Метилоранж:

в колбе 1 тёмно-оранжевый, в колбе 2 и 3 светло-оранжевый.

Переход окраски метилоранжа красная-оранжевая при pH= 3,1.

Фенолфталеин везде бесцветный.

Действие щелочей

в пробирках № 1, 4 и 8 цвет растворов не изменился.

Действие кислот:

В пробирках № 3, 6 и 9 цвет растворов не изменился.

Буферная ёмкость.

Для титрования воды израсходовано 4 капли NaOH.

Для титрования буферного раствора израсходовано 9 капель NaOH.

Вывод: буферные растворы обладают свойством сохранять pH среды при добавлении небольших количеств кислоты и щёлочи. Для того чтобы сменить pH среды буферного раствора, требуется большее количество кислоты или щёлочи, чем для воды, которая не обладает буферными свойствами.

Пояснение к лабораторной работе
«Равновесие в системе раствор-осадок.

Превращение одних труднорастворимых соединений в другие»

Ag_2CrO_4 – осадок кирпично-красного цвета

AgBr – осадок желтоватого цвета.

При добавлении к осадку Ag_2CrO_4 раствора KBr осадок становится желтоватым.

При добавлении к осадку AgBr раствора K_2CrO_4 осадок цвет не меняет.

По результатам опыта более слабым электролитом является AgBr . Это подтверждают табличные данные растворимости данных соединений.

PbCrO_4 – осадок жёлтого цвета

PbF_2 – осадок белого цвета

При добавлении к осадку PbF_2 раствора K_2CrO_4 осадок становится жёлтым.

При добавлении к осадку PbCrO_4 раствора NaF осадок цвет не меняет.

По результатам опыта более слабым электролитом является PbCrO_4 .

Это подтверждают табличные данные растворимости данных соединений.

Список литературы:

1. Астафуров В.И. Основы химического анализа. – М., 1977. – 160 с.
2. Воскресенский П.И., Неймарк А.М. Основы химического анализа. – М., 1971. – 192с.
3. Дьякович С.В. Методика факультативных занятий. – М., 1985. – 175 с.
4. Жаркова Г.М., Петухова Э.Е. Аналитическая химия. Качественный анализ. – СПб.: Химия, 1993. – 320 с.
5. Крешков А.П. Основы аналитической химии. Кн. 2. – М.: Химия, 1976. – 480 с.
6. Логинов Н.Я. Аналитическая химия. – М., 1979. – 480 с.
7. Неймарк А.М. Методика преподавания основ химического анализа. – М., 1973. – 126 с.
8. Попова Л.Ф., Мельник А.А. Расчётные задачи в аналитической химии. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 1998. – 80 с.
9. Практикум по неорганической химии. – М., 1978. – 312 с.

СТРУКТУРА ЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА В ЛОГИКЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО И КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДОВ

© Ожегова Е.В.^{*}, Осколкова В.Р.[♦]

Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь

Синергетика, как наука исследующая процессы самоорганизации сложных, открытых эволюционирующих систем, за последние тридцать лет обрела статус междисциплинарного подхода для решения разнообразных задач человеческой практики. Базируясь на точном естествознании, ее методы проникли в социологию, экономику, политологию, педагогику, лингвистику, методику преподавания иностранных языков. В данной статье мы изучаем влияние методов синергетики на формирование лингвоинформационной самостоятельности будущих переводчиков.

Основа синергетических моделей состоит из процессов самоорганизации, отражающих определенные фазовые переходы, в условиях сильной неравновесности состояний систем по вещественно-энергетическим или информационным параметрам. Методы синергетики становятся чрезвычайно актуальными, так как большинство современных проблем, отличаются глобальностью, сложностью, нелинейностью.

Тем не менее, это часто сводится только к декларациям о намерениях, поскольку междисциплинарность в современной науке предполагает взаимосогласованное использование образов, представлений методов и моделей дисциплин как естественнонаучного и технического, так и гуманитарного цикла. Это в свою очередь, предполагает, существование единой научной картины мира.

В то же время сейчас такой междисциплинарной картины мира нет. Существуют ее отдельные фрагменты, именуемые специальными картинами мира, например, как: физическая, биологическая, космологическая картины мира. Синергетика пытается навести мосты между этими картинами, создать единое поле междисциплинарной коммуникации, сформировать принципы новой картины мира.

Сегодня теория самоорганизации, синергетики отражается в гуманитарных науках. Широкий спектр проблем и междисциплинарный язык синергетики, создают единое пространство встречи и взаимопонимания гуманитариев и естественников, теоретиков и практиков, ученых и обывателей,

^{*} Аспирант.

[♦] Аспирант.

педагогов и учащихся. Содержание образования определяется: структурой деятельности и структурой объекта изучения, которым является окружающая действительность. По мнению В.С. Леднева, окружающая действительность выступает детерминантой содержания образования опосредованно, т.е. через научное знание [9]. В отличие от экономики и социологии, к которым применимо математическое описание [14], прямое использование терминологического аппарата синергетики в областях педагогики и методики пока невозможно, так как формирование ее собственных моделей находится на начальном этапе.

Тем не менее, возможно и необходимо перенести общие закономерности систем, изучаемых синергетикой, и в педагогические науки, прежде всего, с целью облегчить формирование собственных моделей, учитывающих специфику объектов, исследуемых педагогикой.

Так, В.Г. Виненко считает, что в педагогических науках настало время использования идеологии синергетики, поскольку «... бифуркационный механизм развития, в основе которого лежит процесс самоорганизации, чередование хаоса и порядка, является универсальным принципом мироустройства, характерным для систем самого общего вида» [5].

Суханов А.Д., исследуя ценности понятий синергетики для образования, отмечает: «По существу она может быть названа эволюционным естествознанием в широком смысле слова» [12].

Назарова Т.С. и Шаповаленко В.С., предостерегают от буквального переноса методов и терминов синергетики в педагогические науки, считают: «Неопровержимо лишь то, что при доминировании нелинейных состояний управление системой утрачивается». Они считают, что «цель синергетического подхода в области образования состоит ... в глубоком осмыслении педагогического наследия как творческого синергетического процесса и исключает механистическое его толкование» [11]. Князева Е.Н. и Курдюмов С.П. придают большое значение использованию идей синергетики при рассмотрении самоорганизации в области творческого мышления. Они отмечают, что «синергетический подход» в образовании представляет собой восполнение недостающих звеньев, «перебрасывание мостов, самодостраивание целостного образа» [8].

Меньшиков И.В. пишет, что «в многокомпонентной системе с множеством положительных и отрицательных обратных связей, в образовании идет постоянное движение, результатом которого является переход его структур и подсистем из одного упорядоченного состояния в другое» [10].

Синергетика в сфере образования несет большой эвристический потенциал, дает не только новый язык для перевода известных положений и терминов, хотя, только ради этого вряд ли стоило ее применять, но и эволюционную методологию управления образовательным процессом с учетом феноменов самоорганизации в образовательном пространстве [3].

Сравним процесс взаимодействия принципов синергетики [4] с компетентностным подходом.

Самоорганизация в синергетике выражается в усложнении структуры изучаемой системы, которое возникает, когда внешнее воздействие на данную систему превосходит некоторые критические значения. При этом появляются новые структурные элементы в данных системах или происходит специализация старых так, что они начинают выполнять новые функции. Благодаря этой специализации эффективность «работы» системы в целом возрастает, так что она справляется с возросшими требованиями [14]. В компетентностном подходе самостоятельная работа выражается в способности и готовности учащегося самостоятельно «...найти и отобрать нужные знания в созданных человечеством хранилищах информации» [1].

Гомеостатичность. Гомеостаз в синергетике это поддержание программы функционирования системы в некоторых рамках, позволяющих ей следовать к своей цели-аттрактору. В компетентном подходе можно так же найти параллель виде компетентностной модели выпускника, где аттрактором целью является подготовка выпускника заданного уровня требований. Обратные связи, фиксирующие компетентностную модель, определяются обязательными Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), а так же механизмами их реализации. Формирующие потоки в компетентностном подходе, это, прежде всего человеческий фактор или преподавательский, административный составы учебных заведений, обеспечивающие функционирование системы.

Иерархичность. Основным смыслом структурной иерархии в синергетике, является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. В компетентностном подходе иерархия проявляется во взаимосвязи элементов, которые связываясь в структуру, передают ей часть своих функций. При этом два соседних уровня в состоянии гомеостаза, работают по следующей схеме: долгоживущие переменные управляют короткоживущими; вышележащий уровень, нижележащим, хотя сам образован из его элементов [14].

Нелинейность. Нелинейность в синергетике есть нарушение принципа суперпозиции, в каком либо явлении: результат действия суммы причин не равен сумме результатов отдельных причин, а коллективные действия не сводятся к простой сумме индивидуальных независимых действий. Компетентностный подход, так же проявляет нелинейность. Компетентностная модель состоит из компетенций, каждая компетенция достигается путем обучения, какому либо предмету. Но только при условии того, что при обучении на каждой дисциплине будет давать несколько компетенций, которые в свою очередь будут пересекаться в разных дисциплинах все обучения, только тогда будет достигнута компетентность.

Незамкнутость (открытость). Это означает, что в синергетике иерархический уровень может усложняться, развиваться, только при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями. Внешние потоки являются управляющими параметрами систем. В компетентностном обучении, внешнее и внутреннее в системе может меняться местами, к примеру, мотивационный ресурс, является и внешним, и внутренним, но в разных контекстах.

Неустойчивость. Точки неустойчивости систем в синергетике, являются эффективными состояниями для управления ими, выводя систему в неустойчивое состояние, она лишается адаптивных способностей гомеостаза, а именно отрицательных обратных связей, на преодоление которых, не надо тратить энергию управляющего воздействия [15]. В компетентностном подходе, когда учащийся находится в неустойчивом состоянии хаоса сомнений и выбора при высоком мотивационном фоне, учащийся находит выход из сложившейся ситуации, тем самым получает новое знание в виде компетенции.

Динамическая иерархичность (эмерджентность) в синергетике является основным принципом прохождения системой точек бифуркаций, ее становления, рождения и гибели иерархических уровней. При этом принципе возникает новое качество системы по горизонтали, то есть на одном уровне, когда изменение управляющих параметров мега-уровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макро-уровне и перестройке его структуры. В точке бифуркации коллективные переменные, параметры порядка макро-уровня возвращают свои степени свободы в хаос микро уровня, растворяясь в нем. Затем в непосредственном процессе взаимодействия мега- и микро-уровней рождаются новые параметры порядка обновленного макро-уровня. В компетентностном образовании так происходят инновации, смена доминант и т.д.

Наблюдаемость. В синергетике это относительность интерпретаций к масштабу наблюдений и ожидаемому результату. Описание иерархической системы складывается из коммуникации между наблюдателями на разных уровнях. В компетентностном подходе существует цель, виде получения компетенций, что начинает осуществляться, в высшем профессиональном образовании, с первого курса [15].

Синергетика, будучи, наукой о процессах развития и самоорганизации сложных систем природы развивает междисциплинарные подходы предшественников: теории систем Л. фон Берталанфи, кибернетики Н. Винера. Однако ее методы и язык опираются на нелинейную математику и результаты естественных наук. Круг этих и других методов и подходов в изучении сложных систем Герман Хакен назвал в 1970 г. синергетикой (теорией коллективного, кооперативного, комплексного поведения систем).

История синергетики связана с именами многих выдающихся ученых XX века. Прежде всего, это французский математик, философ и физик Анри Пуанкаре, который в конце XIX века заложил основы методов нелинейной

динамики и качественной теории дифференциальных уравнений, ввел понятия аттракторов, точек бифуркаций, неустойчивых траекторий и динамического хаоса в задаче трех тел небесной механики.

В первой половине XX века большую роль в развитии методов нелинейной динамики сыграла русская и советская школа математиков и физиков: А.М. Ляпунов, Н.Н. Боголюбов, Л.И. Мандельштам, А.А. Андронов, А.Н. Колмогоров, А.Н. Тихонов.

Модель переводчика, выпускника ГОУ ВПО, представляет собой набор основных способностей, знаний и умений, которые будут представлять собой базу для дальнейшего самоорганизованного развития профессионализма.

Наша модель состоит из четырех основных аспектов:

1. психология переводчика [6];
2. способность к коммуникативной переводческой деятельности;
3. коммуникативно – посредническая деятельность;
4. профессиональные знания переводчика.

Различают три вида знаний:

- предметное, или фактографическое знание, складывающееся из наборов количественных и качественных характеристик различных конкретных объектов;
- алгоритмическое знание – знание методов, способов, процедур некоторых действий, приводящих к конкретному результату;
- понятийное, или концептуальное знание, складывающееся из совокупности основных терминов, применяемых в той или иной сфере деятельности (предметной области), понятий, кроющихся за этими терминами, их свойств, взаимосвязей и зависимостей [13].

Рассматривая подходы к определению понятия знания, выделяют следующие трактовки:

- вид информации, отражающей опыт и восприятие человека – профессионала в определенной предметной области;
- осознание и толкование определенной информации, с учетом путей наилучшего ее использования для достижения конкретных целей [7].

В нашей работе под знаниями и опытом, мы подразумеваем компетенции, которыми должен обладать будущий переводчик, выпускаясь из вуза. В первую очередь перечислим знания, умения, и т.п., которыми должен владеть профессиональный переводчик, и к которым, в свою очередь, должен стремиться будущий переводчик, проанализировав ГОС ВПО Минобрнауки и МГЛУ последних двух лет, нами были выделены и уточнены следующие компетенции, составляющие компетентностную модель будущего переводчика:

1. Общепрофессиональные компетенции.
2. Общенаучные компетенции.
 - 2.1. стратегическая.

- 2.2. научно-исследовательская.
- 2.3. научно-методическая.
- 3. Общекультурные компетенции.
- 4. Специальные компетенции.
 - 4.1. лингвистическая.
 - 4.2. коммуникативная.
 - 4.3. социолингвистическая.
 - 4.4. прагматическая.
 - 4.5. специальная переводческая (коммуникативно-посредническая).
 - 4.6. филологическая.

Модель компетентности будущего переводчика

- 1. Общепрофессиональные компетенции
 - Осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает мотивацией к выполнению профессиональной деятельности.
 - Способен использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач.
 - Владеет основами речевой профессиональной культуры.
 - Способен нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности.
 - Владеет одним из иностранных языков на уровне профессионального общения.
 - Способен к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания.
 - Осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает мотивацией к выполнению профессиональной деятельности.
 - Способен использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач.
 - Владеет основами речевой профессиональной культуры.
 - Способен нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности.
 - Владеет одним из иностранных языков на уровне профессионального общения.
 - Способен к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания.
- 2. Общенаучные компетенции.
 - 2.1. стратегическая.
 - Обладает высоким уровнем развития стратегического мышления, способностью соотнести понятийный аппарат изученных дисциплин с реальными фактами и явлениями профессиональной дея-

тельности, умением творчески использовать теоретические положения для решения практических профессиональных задач.

- Обладает необходимым уровнем развития теоретического мышления применительно к задачам профессиональной деятельности.
- Умеет структурировать знания из различных областей профессиональной деятельности и обладает способностью использовать знания в ходе решения профессиональных задач.

2.2. научно-исследовательская.

- Умеет анализировать материалы современных исследований в области лингвистики, межкультурной коммуникации и переводоведения для их самостоятельного использования.
- Умеет осуществлять анализ, интерпретацию и оценку качества перевода.
- Обладает навыками лингвопереводческого анализа текста и создания фонового и лингвопереводческого комментария к тексту.

2.3. научно-методическая.

- Владеет методикой изучения научных материалов в области языкознания, прикладной лингвистики и теории перевода и их практического использования в профессиональной деятельности.
- Умеет анализировать результаты собственной переводческой деятельности с целью ее совершенствования и повышения своей квалификации.
- Способен к профессиональной адаптации в новых производственных условиях на основе эффективного научно-методического анализа соответствующей речевой коммуникации.
- Обладает навыком объективного анализа собственной переводческой деятельности с целью повышения ее качества.

Владеет навыками использования прикладных технических средств обеспечения переводческой деятельности.

3. Общекультурные компетенции.

- Владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения.
- Способен понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества.
- Умеет логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь.
- Готов к кооперации с коллегами, к работе с коллективом.
- Владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией.

- Готов к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям.

Способен понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, место человека в историческом процессе, политической организации общества.

4. Специальные компетенции.

4.1. лингвистическая.

- Умеет проводить лингвистический анализ текста/ дискурса с учетом специфики лингвистических и национально-культурологических характеристик фонетико-фонологического, лексического, семантико-синтаксического и прагматического уровней и на основе анализа идентифицировать различные типы устных и письменных текстов и средств.
- Владеет навыками анализа структуры и смысла текста в целом и на уровне микроструктур.
- Умеет определять принадлежность текста к функциональному стилю.
- Умеет идентифицировать виды синтаксической связи, типы предложений.
- Умеет определять средства выражения тема – рематической структуры предложений.
- Владеет навыками идентификации и формулировки грамматического значения категориальных форм и других грамматических средств.
- Владеет навыками выделения видов контекстов и правилами сочетаемости слов.
- Умеет выделять основные синонимические и антонимические ряды.
- Умеет определять типы значения слова: грамматические / лексические; денотативные / коннотативные.
- Умеет анализировать структуру слова и модели словообразования.
- Умеет проводить фонетический анализ различных типов текстов и записывать их с помощью фонематической транскрипции.

4.2. коммуникативная.

- Владеет навыками восприятия на слух аутентичной речи в естественном для носителей языка темпе, независимо от особенностей произношения и канала речи (от живого голоса до аудио- и видеозаписи).
- Практически применяет приобретенные теоретические знания в области фонетики в процессе коммуникации с учетом произносительной специфики рабочих языков (правильное фонетическое оформление подготовленных / неподготовленных высказываний разной степени сложности).
- Владеет устойчивыми навыками порождения речи с сохранением темпа, нормы, узуса и стиля языка.

- Умеет выбирать и адекватно употреблять лексические единицы в зависимости от контекста.
 - Адекватно употребляет устойчивые словосочетания. Фразеологизмы, идиомы.
 - Адекватно переводит слова в контексте и идентифицирует грамматические средства в целях адекватности перевода.
 - Выбирает и адекватно употребляет категориальные формы и другие грамматические средства в тексте.
 - Идентифицирует и просецирует различные типы устных и письменных текстов с учетом их коммуникативных функций, функциональных стилей и др.
- 4.3. социолингвистическая.
- Владеет всеми регистрами общения: официальным, неофициальным, нейтральным и т.д.
 - Умеет распознавать лингвистические маркеры социальных отношений и адекватно их использовать (формулы приветствия, прощания, эмоциональное восклицание и т.д.).
 - Владеет невербальными средствами общения (мимика, жесты).
 - Владеет правилами этикета, ритуалов, этическими и нравственными нормами поведения, принятыми в иноязычных культурах.
 - Умеет распознавать маркеры речевой характеристики человека (социальное положение, этническая принадлежность и др.) на всех уровнях языка.
 - Владеет знанием концептуальной и языковой картины мира носителя иноязычной культуры.
- 4.4. прагматическая.
- Адекватно применяет правила построения текстов на рабочих языках для достижения их связности, последовательности, целостности на основе композиционно-речевых форм (описание, рассуждение, объяснение, повествование).
 - Применяет основные способы построения аргументации в устных и письменных типах текста.
 - Умеет использовать потенциал языка для достижения коммуникативных целей и желаемого воздействия (выражение мнения, согласия / несогласия, желания, просьбы и т.д.).
- 4.5. специальная переводческая (коммуникативно-посредническая).
- В области письменного перевода. Владеет методикой предпереводческих алгоритмов анализа письменного текста, способствующих точному восприятию исходного высказывания, прогнозированию вероятного когнитивного диссонанса и несоответствий в процессе перевода и способов их преодоления.
 - В области письменного перевода. Владеет методикой подготовки к выполнению письменного перевода, включая ориентированный по-

иск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях.

- В области письменного перевода. Умеет составлять системное представление о сфере человеческой деятельности или области знаний, связанных с темой перевода.
 - В области письменного перевода. Владеет методикой использования словарей, включая электронные.
 - В области письменного перевода. Знает основные способы достижения эквивалентности в письменном переводе и умеет применять основные лексико-грамматические и синтаксические трансформации (приемы перевода): компрессия, компенсация, генерализация, конкретизация, антонимический перевод, описательный перевод, логическое развитие понятий и т.д.
 - В области письменного перевода. Умеет правильно оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе.
 - В области письменного перевода. Умеет осуществлять реферирование и аннотирование письменных текстов.
 - В области письменного перевода. Умеет осуществлять послепереводческое саморедактирование.
 - В области письменного перевода. Умеет осуществлять контрольное редактирование текста перевода.
 - В области устного перевода. Умеет составлять системное представление о сфере человеческой деятельности или области знаний, связанных с темой перевода.
 - В области устного перевода. Знает основные способы достижения эквивалентности в устном переводе и умеет применять основные лексико-грамматические и синтаксические трансформации (приемы перевода).
 - В области устного перевода. Имеет представление об этике устного перевода.
 - В области устного перевода. Владеет международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций и т.д.).
- 4.6. филологическая.
- Наличие определенного объема теоретических знаний как результат его обучения, включая языковедческую, литературоведческую, риторическую, культуроведческую компетенции.

Данная модель представляет собой основу для будущего переводчика, развивая и дополняя которую самостоятельно, с помощью лингвоинформационной самостоятельности в том числе, он может стать профессионалом.

В соответствии с принципами синергетики построена модель компетентности будущего переводчика. В этой модели целью обучения является такое согласованное взаимодействие компонентов (компетенций) системы, которое бы обеспечило и функционирование элементов и существование всей системы в целом, обеспечило сохранение и развитие системы. Поскольку цель нашей модели – создание условий для развития личности, задача модели – оптимизация взаимодействия исключаящих друг друга процессов, происходящих в образовательном пространстве. Критерием этой оптимизации будет мера обеспечения развития субъектов. Эту задачу можно представить как комплекс задач двух уровней: а) тактических – управление спонтанно сложившимся многообразием и б) стратегических – управление самим процессом возникновения многообразия. Управление сложившимся и формирующимся многообразием может осуществляться в соответствии со следующими принципами синергетики. Принцип многообразия состоит в том, что цель управления обучением – создание условий для развития коммуникативных связей между компонентами (компетенциями) системы. Принцип единства утверждает, что любое управление невозможно без организации устойчивых связей, форм общности элементов сложившегося многообразия, подчиненных единой цели, что в свою очередь ограничивает степени свободы каждого из компонентов (компетенций). Это возможно только в том случае, когда эти компоненты (компетенции) будут использоваться как дополняющие, взаимообуславливающие, не исключаящие друг друга.

В открытой системе новые компоненты (компетенции), возникающие спонтанно, угрожают сложившейся системе связей, требуют своего места в этой системе, вторгаются в нее, нарушая ее единство. Для сохранения этого единства необходимо, чтобы управление носило превентивный характер, предвидело возникновение новых компонентов (компетенций), поддерживало гибкость, вариативность связей между компонентами (компетенциями), сохраняло определенную меру их свободы. Это позволит сохранить единство компонентов (компетенций) в их отношении друг к другу, обеспечить условия для возникновения новых компонентов (компетенций), повышения степени их многообразия. Возникновение нового возможно там, где предоставлены для этого большие возможности, где имеется большая свобода выбора. В данном случае действует принцип избыточности, благодаря которому возникающие новые компоненты (компетенции) сохраняются все, независимо от того, имеются ли ближайшие перспективы включения их в сложившуюся систему. Именно это избыточное многообразие создает спектр возможных направлений развития системы образовательного пространства, предоставляет материал для отбора наиболее оптимальных тенденций этого развития.

Такое рассмотрение структуры лингвоинформационной самостоятельности будущего переводчика соответствует классификации степеней самостоятельности К.Э. Безукладникова [2].

Рассмотренная структура лингвоинформационной самостоятельности будущего переводчика дает возможность моделирования образовательного процесса, целью которого в логике новой образовательной парадигмы наряду с формированием модели компетентности будущего переводчика, как поликультурной и полилингвальной личности становится формирование лингвоинформационной самостоятельности будущего переводчика.

Список литературы:

1. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа // Педагогика. – 2005. – № 4. – С. 20.
2. Безукладников К.Э. Лингводидактические компетенции: методика формирования: монография; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011. – С. 37.
3. Буданов В.Г. Синергетическая методология // Вопросы философии. – 2006. – № 5.
4. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики // Синергетическая парадигма. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – С. 8.
5. Виненко В.Г. Синергетика в школе // Педагогика. – 1997. – № 2. – С. 55-60.
6. Зимняя И.А. Психология перевода: учебное пособие для Высших курсов переводчиков / И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М.: Тореца, 1981. – С. 11.
7. Информационные системы в экономике / А.В. Хорошилов и др. – М.: МЭСИ, 1998.
8. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. – 1997. – № 3.
9. Леднев В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы. – М.: Высш. шк., 1991. – 224 с.
10. Меньшиков И.В., Санникова О.В., Харитонов В.А. Методология синергетики и моделирование развития образования. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
11. Назарова Т.С., Шаповаленко В.С. «Синергетический синдром» в педагогике // Педагогика. – 2001. – № 9. – С. 25-33.
12. Суханов А.Д. Целостность естественно-научного образования // Высшее образование в России. – 1994. – С. 49-53.
13. Тамм Б.Г. Применение знаний в автоматизированных системах проектирования и управления.
14. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
15. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. – М.: Наука, 2002.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕДАГОГОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

© Степанов В.В.*

Тверской государственный университет, г. Тверь

Рассматриваются основные принципы психологического сопровождения, условия для актуализации мотивационной готовности педагога к инновационной деятельности на всех этапах реализации инноваций.

Необходимость психологического обеспечения труда педагога обосновывается в работах М.Р. Битяновой, И.В. Дубровиной, И.В. Коноваловой, В.Г. Маралова, Р.В. Овчаровой, Е.И. Рогова, Л.М. Фридмана и других. Система психологического обеспечения образования является необходимым компонентом, реализующим социально-психологическое проектирование, экспертизу и мониторинг условий для личностного, интеллектуального и социального развития детей и молодежи, для охраны психологического здоровья всех участников образовательного процесса; а также обеспечивает оказание психологической помощи (психологической поддержки) всем участникам образовательного процесса в соответствии с целями и задачами системы образования.

Поскольку современная образовательная система еще с конца XX века характеризуется развитием инновационных процессов, то многие сложности работы психолога продиктованы, прежде всего, тем, что он начинает работать в атмосфере инновационных начинаний [8, с. 56-63]. Вместе с тем, данный факт порождает и множество возможностей для включения психолога в инновационный образовательный процесс. Привлечение ресурсов психологического сопровождения позволяет повысить качество образования, а процесс внедрения педагогических инноваций сделать научно-обоснованным.

В нашей стране появились практические психологи в сфере образования в середине 80-х годов прошлого столетия. Экскурс в историю становления понятия «сопровождение» позволяет прояснить сущность психологического сопровождения, роль психолога в образовательном учреждении и выделить возможные варианты его участия в инновационных изменениях.

В качестве психологического термина понятие «сопровождение» впервые появилось в отечественной психологической литературе в 1992 году в значении недирективной формы оказания психологической помощи, которая направлена не просто на укрепление или достройку, а на развитие и

* Председатель отдела по делам молодежи Тверской епархии.

саморазвитие самосознания личности, которая запускает механизмы саморазвития и активизирует собственные ресурсы человека [26, с. 12].

Одной из первых идея сопровождения была высказана в отечественной науке и практике Г. Бардьер, И. Росман, Т. Чередниковой в книге «Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей» [3]. Затем она была развита и обоснована Е.И. Казаковой как новая образовательная технология, в том числе относительно деятельности практического психолога [10, с. 14]. Казакова Е.И. понимает под сопровождением – «помощь субъекту в принятии решения в ситуациях жизненного выбора. Это сложный процесс взаимодействия сопровождающего и сопровождаемого, результатом которого является прогресс в развитии ребенка». Исходным положением Е.И. Казаковой стал системно-ориентированный подход, а важнейшим его положением выступил приоритет опоры на внутренний потенциал развития субъекта. Понятие «сопровождение» стало использоваться в более широком контексте, сейчас говорят не только о психологическом, но и педагогическом, медицинском сопровождении [10].

Изначально понятие сопровождения получило широкое распространение как осуществление различных технологий оказания помощи ребенку в условиях регулярного образования, технологиях взаимодействия психолога с другими специалистами образования, с образовательной средой в целом (Э.М. Александровская[1]; М.Р. Битянова [4]; В.Г. Маралов, [16]). Эти технологии помогают анализировать ближайшее окружение, диагностировать уровни психического развития, использовать активные групповые методы, индивидуальную работу с детьми и их родителями, педагогами. Деятельность психолога в рамках сопровождения в данном случае предполагает:

- осуществляемый совместно с педагогами анализ школьной среды с точки зрения тех возможностей, которые она предоставляет для обучения и развития школьника, и тех требований, которые она предъявляет к его психологическим возможностям и уровню развития;
- определение психологических критериев эффективного обучения и развития школьников;
- разработку и внедрение определенных мероприятий, форм и методов работы, которые рассматриваются как условия успешного обучения и развития школьников;
- приведение этих создаваемых условий в некоторую систему постоянной работы, дающую максимальный результат [4, с. 29-30].

По мнению М. Семаго, оценка содержания сопровождения с позиций возрастных норм является недостаточно адекватной, т.к. возрастные нормы носят расплывчатый характер и не позволяют дать не только количественную, но и качественную оценку. В данной связи необходим учет ограниченности индивидуальных возможностей адаптации ребенка в образо-

вательной среде. Вследствие этого под процессом сопровождения он понимает поддержание функционирования ребенка в условиях, оптимальных для успешного раскрытия его личностного потенциала, при недопущении его дезадаптации [24, с. 20-21].

Рассматривая сопровождение как модель психологической помощи подросткам, эвакуированным из зоны военных действий, Н. Осухова определяет его как специально организованный процесс, направленный на организацию «переходного пространства» – безопасных условий, в которых становится возможным выход личности из негативного отчуждения (от себя, от других людей, мира в целом), реконструкция ее субъективного образа мира и восстановление ее связи с собой, людьми и обществом. Автор формулирует основные принципы психологического сопровождения, среди которых:

- принцип запрета на жесткое проектирование результата;
- принцип индивидуального подхода к человеку;
- принцип поиска его внутренних ресурсов и опоры на них;
- принцип реальности, согласно которому необходимо подвести клиента к принятию жизни во всей ее полноте (в том числе и неизбежность страданий);
- принцип реалистичности, согласно которому психолог не берет на себя задачи «переделать клиента» и «обеспечить ему жизненное благополучие» – он лишь помогает ему переделать «разрывы жизни», перейти пустыню отчуждения от себя и от мира и принять ответственность за свою жизнь;
- принцип события: в сопровождении акцент ставится не на воздействие, а на создание пространства совместного бытия, в условиях которых человек осознает и перестраивает себя в своих отношениях с миром (субъективный образ мира) и осваивает продуктивные способы взаимодействия с людьми и социальными структурами [20, с. 53-57].

По мнению В.Г. Маралова сопровождение ориентировано на будущее и настоящее, на использование имеющегося потенциала личности, призвано предупреждать возможные отклонения и осложнения, ориентировать на профилактическую деятельность, призвано активизировать потенциалы личности, оптимизировать проектирование ее жизненной стратегии [16, с. 176]. Психологическое сопровождение направлено на гармонизацию личности, улучшение ее психофизиологического состояния, оно не ограничивается временными рамками, является длительным процессом.

Отечественные исследователи (В.Ф. Дубяга, Е.М. Муравьев, Н.Л. Ковалова, С.Н. Федотов, Н.П. Фетискин, В.В. Юклянюк) к основным направлениям в осуществлении психологического сопровождения, как правило, относят: психологическую профилактику, психологическое консультирование, психотерапию и психокоррекцию.

Вместе с тем, деятельность психолога в образовании обнаруживает разное понимание ее объекта и предмета, хотя непреложной является его связь с ресурсами субъектов образовательного процесса. Чаще исследователи (и практикующие психологи) делают акцент на работе с учащимися. Однако нарабатывается некоторый опыт психологического обеспечения, ориентированного на ресурсы педагогов, их психологическую компетентность, мотивационную готовность к профессиональной деятельности, в том числе инновационную.

Разные подходы к работе психолога выделяют связь инновационных процессов, происходящих в образовании, с гуманизацией образования [Л.М. Митина [18, с. 229]; В. Реньге [23, с. 144-148]; Н.В. Ключева [12, с. 175-184].

Анализируя подходы включения психолога в процесс гуманизации образования исследователи выделяют несколько вариантов решения данной задачи. Терапевтический подход (психоаналитический у Н.В. Ключевой) ориентирован на выявление глубинных мотиваций личности. Эффективным признается такой педагог, который стремится к психологической зрелости, где главными критериями выступают стремление человека работать, создавать нечто полезное и ценное, способность любить других ради них самих, а не за то, что окружающие соответствуют подсознательным установкам, сформировавшимся в результате детских фиксаций. В него включают, прежде всего, психоаналитическую работу с учителями и детьми по разрешению их личностных проблем. Но, несмотря на данную заботу, происходит своеобразное изолирование тех, с кем работают (из-за навешивания диагностического «клейма»), усиливаются «субъект-объектные» отношения, концентрируется внимание на индивидуальных интрапсихических факторах, при этом, как правило, игнорируются факторы среды, появляется возможность манипулирования клиентом [12].

Другой подход – бихевиористский, содержащий разработку новых технологий обучения, например программированного обучения Скиннера [25] и «модификация поведения» А. Бандуры [2]. Улучшение действий педагога может произойти на основании операционализации его поведения. Однако в традиционной школьной системе происходит укрепление существующей авторитарной структуры отношений, обезличивание взаимоотношений и как следствие, снижение мотивации.

Целью гигиенического подхода, представителем которого является Р. Ньюман, является профилактика психического здоровья в школе, а главный способ работы – консультирование учителей, которых психолог обучает различным методам личной психотехники, аутогенной тренировки, медитации, элементам самоанализа и гештальтистского метода «осознания и др. Тем не менее, сам по себе личностный рост учителя, понимание им принципов психического здоровья далеко не всегда приводят к положительным изменениям в его поведении. Неформальное общение с колле-

гами, требования школьной администрации быстро возвращают учителя к «жизненной реальности», консультирование сосредотачивается на индивидуальном взаимодействии учителя с одним-двумя учениками, а не классом в целом.

Четвертый подход, определяющий гуманизацию образования – динамический подход. В его основе лежит тренинговая работа (акцент делается на тренингах личностного роста), сосредоточенная на процессах групповой динамики. Несмотря на то, что данный подход обладает рядом преимуществ по сравнению с другими подходами (вовлечение всех участников группы, акцент на динамике взаимоотношений, личностный рост в группе), у него есть серьезные недостатки. Эффект тренинга может быстро «сойти на нет» при возвращении его участников к реальной жизни, привычной обстановке. В контексте нашей работы важно учитывать эту особенность тренинговой работы, некоторую оторванность ее от профессиональной деятельности.

Следует отметить, что, несмотря на довольно богатый арсенал форм и методов деятельности психолога, рассматриваемый исследователями, нет обращенности этой деятельности на сам образовательный процесс при работе с педагогами. Более того, в данном случае педагогу довольно трудно сделать самостоятельно перенос полученных знаний, умений в непосредственную профессиональную деятельность.

Вместе с тем, учитывая сложность переноса учителями освоенных при проведении психологических тренингов установок и навыков на реальные жизненные ситуации, выделяют следующие условия повышения эффективности тренинга:

- процедуры тренинга должны содержать как компонент личностного роста, так и быть связаны с поведением участников в их профессиональной роли;
- участники тренинга должны отдавать себе отчет в ограниченности своих возможностей в плане изменений (например, учитель может изменить психологическую атмосферу в своем классе, но не может изменить всю психологическую культуру в школе);
- участникам тренинга необходима дальнейшая поддержка коллег вне тренинга, положительный диалог с ними [23, с. 140].

Отмеченная исследователями связь тренинговых процедур с профессиональной деятельностью, подтверждает необходимость психологического сопровождения образовательного процесса, и его распределенность во времени. В контексте нашего исследования, это свидетельствует о необходимости создания условий для актуализации мотивационной готовности учителя к инновационной деятельности на всех этапах реализации инноваций.

Фридман Л.М., излагая оригинальную концепцию школьной психологической службы, считает ее главной целью «научное психологическое обеспечение самого учебно-воспитательного процесса школы в соответст-

вии с известными психологическими концепциями обучения и развития детей в школьном возрасте» [29, с. 140-144]. По мнению автора, психолог, являясь членом педагогического коллектива, реализует свои специальные возможности преимущественно не прямо на учащихся, а через педагогов, администрацию школы, а также через ученическое самоуправление. Исследователь выражает согласие с А.М. Моисеевым, который считал, что тактика действий школьного психолога выражается в следующем: «курс на взаимодействие и сотрудничество с учителем, не вместо учителя, а вместе с учителем, от анализа педагогической практики к ее психологическому обеспечению, к совместному с педагогами поиску коррекционных мер и снова к практике» [29, с. 99]. Тем не менее, нам трудно согласиться с тем, что психолог должен отвечать за содержательный и воспитательный аспекты учебно-воспитательного процесса, поскольку это прямая задача самого педагога. В то же время, по-нашему мнению, психолог может отслеживать развивающий аспект образовательного процесса.

По мнению М.А. Степановой, само образование, образовательный процесс «до сих пор не получает должной психологической поддержки» [27, с. 58]. Исследователь считает, что на данный момент нередко отсутствует взаимопонимание психолога и педагога. При этом, автор выделяет некоторые возможные аспекты в деятельности школьного психолога и говорит о возможности разработки совместно с учителем специальных заданий для урока на конкретном предметном материале, а также осуществлении анализа задаваемых детьми вопросов. Вместе с тем, недостаточно выделена специфика задач, решаемых во взаимодействии психолога с педагогом.

Сказанное выше, позволяет нам сделать вывод, что требует своего решения обращенность психолога на образовательный процесс. Данная проблема становится еще более актуальной в связи с разносторонними инновационными изменениями, пронизывающими образование.

В современной психологии и педагогике делается акцент на изучение особенностей педагога как субъекта профессиональной деятельности. В отечественных моделях психологического обеспечения инновационной деятельности исследователи обращают внимание на развитие самосознания педагогов (И.В. Вачков, М. Кряхтунов, Л.М. Митина и другие), на развитие общения (Е.С. Асмаковец, М.И. Лукьянова, А.К. Маркова, Л.М. Митина и другие), профилактики эмоционального выгорания (О.Н. Гнездилова), развития профессиональной рефлексии (Е.П. Варламова, В.Б. Гаргай, Н.В. Клюева И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Г.Ф. Похмелкина и другие) и т.д.

Для решения основной на сегодня психологической задачи педагога – создания условий для более полного личностного роста – необходима актуализация помогающих отношений, что означает ориентацию на обеспечение личностно-развивающих отношений, отношений эмоционально окрашенных, личностно значимых и для самого учителя и для ученика В ходе

организации учебно-воспитательного процесса учитель считает наиболее важной методическую сторону и значительно реже придает значение общению. При этом именно психолог может помочь учителю обратить внимание на коммуникативную сторону урока, мероприятия и его деятельности в целом [17, с. 10-11].

В последнее время наряду с личностно-развивающим общением ориентиром деятельности школьного психолога все больше становится профессиональное самосознание учителя. Профессиональное самосознание учителя представляет собой процесс «схватывания», «удержания» и анализа учителем самого себя в рамках профессиональной деятельности [13, с. 76-79]. Зачастую у педагогов обнаруживается «предметная» центрация, которая требует специальных условий для ее преодоления.

Как утверждает Л.М. Митина, низкий уровень самосознания обуславливает ситуативный тип поведения учителя, при котором преобладают материальные ценности, а мотивы функционируют единичным образом, они разноразнаправлены, не создают системного качества – единой направленности мотивационных источников действий учителя. Это и определяет его пассивную, несамостоятельную, адаптивную профессиональную позицию. Высокий уровень самосознания обуславливает личностный тип поведения, когда учитель осознанно относится к своим внутренним и внешним побуждениям, принимает и отвергает их уже в качестве собственно мотивов поведения и деятельности, соотносит и согласует их с ценностями высшего порядка: духовными, нравственными, смысло-жизненными [18, с. 68]. «При этом меняется не только видение человеком самого себя, но и способы этого видения, критерии и шкалы оценок» [13, с. 78]. Это и определяет активную, самостоятельную, творческую профессиональную позицию учителя.

Пригожин А.И. считает деятельное самосознание, т.е. понимание своей личной инициативы как субъективно возможной и общественно принимаемой основы собственного существования главной характеристикой субъекта инноваций [21].

Гнездилова О.Н., рассматривая синдром эмоционального выгорания как барьер на пути вовлечения и осуществления педагогом инновационной деятельности, обращает внимание на то, что сама инновационная деятельность, активизирующая творческий потенциал личности педагога, может служить важным фактором, предотвращающим наступление у него данного синдрома [7, с. 64]. Разрешение данного противоречия возможно с помощью психологического сопровождения педагога в инновационной деятельности, создания специальных психологических программ, направленных на стимулирование стремления педагога к саморазвитию и личностному росту, активизацию и дальнейшее развитие его творческого потенциала в инновационной деятельности. Его цель – оказание помощи педагогам в преодолении барьеров и затруднений, с которыми они встречаются в процессе внедрения инноваций.

Рассматривая возможности психологического обеспечения образования в режиме инноваций, следует отметить, что современные научные работы делают акцент на развитие рефлексии в работе психолога с педагогами (Е.П. Варламова, В.Б. Гаргай, Н.В. Ключева, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Г.Ф. Похмелкина, Т.В. Разина и другие). Основное внимание исследователи обращают на работу с рефлексией в специально организованных формах – различные виды игр, семинаров, тренингов, то есть использующие разнообразные интерактивные методы.

Кроме того, существует опыт развития рефлексии (личностная рефлексия, рефлексия коммуникативных навыков и т.д.) в собственно профессиональных формах деятельности педагога, который направлен на развитие его ресурсов в целом. Основная цель – создание соответствующей среды для формирования рефлексии. Актуализация и использование рефлексивных механизмов происходит благодаря созданию особых внешних условий рефлексивно-инновационной среды, обеспечивающей возможность свободного «сотворческого поиска» уникального разрешения проблем. В то время как в традиционной системе образования устанавливается субъект-объектное взаимодействие [28, с. 7-8].

Рефлексивная среда, служащая почвой для возникновения любых инноваций, позволяет развить рефлексивные способности педагогов. Выделяют следующие основные характеристики рефлексивной среды в школе: создание проблемно-конфликтной ситуации в мышлении, установки на кооперирование между всеми участниками образовательного процесса, паритетность, равенство, отсутствие конкуренции, доступность личного опыта для другого человека и открытость опыта другого для себя, его постоянное критическое переосмысление, и их последующее применение в педагогической деятельности [21, с. 11].

Соответствующая среда для неавторитарного, недирективного развития всех созидательных форм активности и взрослого и ребенка создается благодаря системе развивающих и развивающихся отношений в группе. Она универсальна относительно урочного и внеурочного времени общения и взаимодействия педагогов с детьми; принципиально отрицает застывшие образцы и нормы своего существования [28, с. 8]. При этом важно, что учитель вступает с другими членами коллектива в процесс создания, использования и внедрения новшества, он обсуждает содержание нововведения и те изменения, которые могут произойти в предметах, сознании, обычаях, традициях, поведении детей и взрослых. Эти отношения в процессе совместной деятельности и межличностного психического взаимоотражения формируют социально-психологические отношения, а также основную группу мотивов.

Таким образом, рефлексивно-инновационная модель имеет личностно ориентированный характер, предполагает работу с внутренними ресурсами субъектов образовательного процесса.

Обобщая выше сказанное, следует отметить, что цели психологического обеспечения (сопровождения) инновационного процесса понимаются по-разному. Это: гуманизация взаимоотношений, решение проблемы эмоционального выгорания, формирование ценностно-мотивационных установок, развитие рефлексии и т.д.

Трудно оспорить тот факт, что современному учителю не обойтись без психологической подготовки. Вместе с тем важно, «какое содержание она имеет и какими методами реализуется» [23, с. 133]. Причем имеет смысл отметить, что «... внутренний механизм использования учителем психологического знания заключается в том, что оно выступает в качестве ориентировочной основы для выработки учителем собственных решений, собственных программ и способов действия» [14, с. 127]. Поэтому одна из задач теоретической части исследования заключается в выделении форм и методов психологического сопровождения актуализации мотивационной готовности педагогов к инновационной деятельности.

Поскольку мотивационная готовность к инновационной деятельности отражает стремление и потребности педагогов к данной деятельности, представляет собой совокупность внутренних мотивов, то, как подчеркивалось выше, для актуализации мотивов наиболее подходящими будут такие методы и формы, которые задействуют собственный внутренний потенциал педагогов, затронут личностный уровень участников инноваций, будут способствовать развитию их рефлексивных способностей, самостоятельности, позитивного отношения к реализуемым новшествам.

Многие исследователи (И.Ф. Исаев, Н.В. Клюева, В.Я. Ляудис, Л.М. Митина и другие) отмечают необходимость перестройки реализуемых педагогом стратегий обучения и воспитания. При этом обращают внимание на то, что преодоление ранее приобретенных стереотипов связано не просто с обучением, а зачастую с переучиванием. Большинство учителей и преподавателей вузов «испытывают трудности по проблемам перестройки позиций личности в отношениях с учениками, – от авторитарного управления – к совместной деятельности и сотрудничеству, и перехода от преимущественной ориентации на репродуктивные учебные задания – к ориентации на продуктивную и творческую мыслительную деятельность» [15, с. 23]. В исследованиях, посвященных проблемам образования взрослых, показано, что «опыт личности играет весьма противоречивую роль: с одной стороны, он содействует более глубокому пониманию изучаемого, а с другой – препятствует восприятию нового материала. У многих преподавателей возникают барьеры по отношению к теоретическому материалу, нежелание его воспринимать и анализировать» [9, с. 177].

Среди способов преодоления подобных барьеров выделяют использование активных форм обучения, предполагающих переход преподавателя с позиции «слушателя» на позицию «участника» педагогической ситуации.

Такой переход нейтрализует проявление стереотипов, так как привычные приемы и способы применяются в новых условиях организации учебного процесса, когда преподаватель стремится уйти от традиционных «субъект-объектных» отношений. Используемые в данном случае методы «субъект-субъектного» взаимодействия позволяют разумно сочетать теоретические знания с жизненным и профессиональным опытом, учитывать возрастные и индивидуально-психологические особенности личности преподавателя. И.Ф. Исаев, Н.В. Ключева, Л.М. Митина, М.М. Кашапов и др. выделяют необходимость использования наряду с традиционными формами работы (лекции, беседы и т.д.) различные виды тренингов, психотехник, деловых игр, то есть различные интерактивные методы.

Сочетание системы активных форм и методов с другими традиционными формами работы с педагогами, позволяет избежать проявления «эффекта Готэрна», когда первоначальный эффект достигается за счет новизны, необычности организации учебного процесса, но по истечении некоторого времени одной новизны оказывается недостаточно. Поэтому активные методы эффективны и целесообразны при богатом, насыщенном содержании занятий.

Новым становится участие психолога в подготовке и проведении педагогических советов, психолого-педагогических консилиумов, семинаров по психологической проблематике, что позволяет ему использовать различные методы, активизирующие работу педагогов: методы проигрывания и анализа конкретных ситуаций (с использованием видеоаппаратуры), микропреподавание [11, с. 120]. При этом цель работы психолога – создать условия для изменения поведения педагога, чтобы оно было более эффективным. Для этого при проведении мини-урока ставятся конкретные и достижимые цели.

Митина Л.М. обращает внимание на следующие формы реализации модели конструктивного изменения поведения учителя: научно-практический семинар (где применяются лекции, беседы, диспуты, дискуссии) и тренинг-семинар (тренинговые техники и приемы). Причем автор отмечает комплексный характер практической работы [17, с. 10].

Анализируя труды зарубежных ученых по использованию рефлексивной модели обучения педагогов, В.Б. Гаргай отмечает, что низкий уровень преподавания – это «не следствие внутриличностных конфликтов или дефицита психолого-педагогических знаний, а недостаточная готовность и способность педагога применять эти знания в решении многообразных и всегда нестандартных задач школьной жизни» [6, с. 72-79]. При этом автор делает акцент на том, что трудно добиться серьезных позитивных результатов в развитии рефлексии обычными, прямыми методами обучения, каким бы увлекательным ни был сам процесс обучения. Даже если учитель и усвоит некоторые знания о ней и способах ее развития, он вряд ли сможет самостоятельно применить их в работе. С этой целью сторонники рефлексив-

ной модели обучения предлагают усвоение необходимых знаний и развитие рефлексивных навыков в процессе педагогической деятельности, организованной как поисковая активность.

Рефлексивная модель обучения педагогов, направленная на развитие рефлексивных способностей учителя, предполагает два взаимосвязанных блока: «диагностический» и «коррекционно-развивающий» [6, с. 72-79]. Первый направлен на обучение фиксации, записи, накоплению практических и теоретических фактов с помощью наблюдения, тестирования, анкетирования, интервьюирования, изучения и структурирования специальной литературы. Второй – на обучение анализу (самоанализу), интерпретации и объяснению полученных фактов, прогнозированию их возможного развития на основе собственных знаний и психолого-педагогической литературы. Он включает в себя такие методы, как дискуссия, посещение и анализ урока, изучение творческих работ учащихся, моделирование, разработка проектов, разбор педагогических ситуаций и т.д.

В последнее время наряду с использованием традиционной диагностики исследователи все больше отмечают необходимость использования в работе с педагогами рефлексивной диагностики (Е.П. Варламова, С.Ю. Степанов, Н.В. Ключева и другие). Если традиционная диагностика опирается на объективную психологию, то рефлексивная основана на методах описательной психологии (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев).

В отличие от традиционных методов диагностики рефлексивные формы и методики диагностики, прежде всего, направлены на создание условий для самоисследования субъектов образовательной деятельности и их совершенствования в своей профессиональной деятельности [28, с. 5]. Цель рефлексивных методик диагностики – создание рефлексивной среды для наиболее полного осмысления профессиональной реальности, создание благоприятных условий для ее конструктивного развития. В то время как в традиционной психодиагностике принято получать максимально исчерпывающую и объективную информацию об интересующем организаторов и участников феномене. Они основаны на концептуальной реинтерпретации и инструментальной модификации личностно-субъектного и проективного подходов психодиагностики и имеют следующие принципы:

- активность участников по отношению к самому обследованию;
- активность участников и организаторов в создании диагностической методики, ее применении, в обработке и анализе результатов;
- в качестве изучаемых феноменов могут выступать профессиональные ценности участников, их образ себя и своего коллектива, их профессиональная и жизненная позиция, их творческая уникальность, способы деятельности и общения;
- осмысление и переосмысление этих феноменов дает наиболее конструктивный импульс к профессиональному саморазвитию и порождению инноваций в педагогической деятельности [5, с. 28-44].

Из сказанного выше следует, что рефлексивная диагностика позволяет решать задачи активизации внутреннего потенциала участников инновационных изменений, в том числе и мотивационной готовности. В то же время, традиционные диагностические процедуры целесообразно использовать для отслеживания результатов, например, во время экспертной деятельности. Несмотря на важность использования психодиагностики в деятельности школьного психолога, психодиагностическое направление не является самодостаточным, оно тесно связано с другими направлениями.

Рефлексивный подход ориентирует на приоритетное использование в школьной практике диалогических воздействий, стимулирующих внутренние источники развития личности [30, с. 78].

В ситуации инновационной деятельности педагоги вступают в диалог, который, может быть осознанным и отрефлексированным во всех своих аспектах. Такой диалог (полилог) может проходить во время любых видов групповой работы (в паре, микрогруппе и т.д.) При этом происходит новый тип общения; мышление в сотворчестве и развивается способность к внутреннему диалогу – основе самосознания и самопознания, способность к проблематизации общения. Создаются условия для актуализации широкого спектра внутренних мотивов: мотивов самоактуализации, сотворчества, самопознания и преобразования, мотив творчества и другие.

Группа дискуссионных методов (групповая дискуссия, анализ ситуации, разбор примеров из практики и др.) является гибким инструментом развития у педагогов осознания значения своей работы. Групповая дискуссия, демонстрация или игровое действие, вопросы на понимание – процедуры, направленные на формирование содержательного аспекта профессиональной деятельности.

Одна из форм работы психолога с учителями в рефлексивно-инновационной модели – рефлексивный практикум. В ходе его возможно проектирование и реализация методов рефлексивно-инновационной диагностики [5, с. 40]. Вместе с тем на таком практикуме может использоваться определенная система рефлексивных средств, направленных на коррекцию и изменение психологических механизмов преодоления ситуаций затруднения в профессиональной деятельности [19, с. 10].

Ряд исследователей обращает внимание на развитие рефлексии в ходе самой профессиональной деятельности. Так, по мнению Т.В. Разиной, более продуктивным для развития и осознания рефлексии является подход, который своей основной целью считал бы развитие и осознание использования педагогом рефлексии в своей работе. В этом случае «цель сразу становится осознанной, это способствует повышению осознанности процессов рефлексивной деятельности, а также повышению осознанности, произвольности процесса управления и использования рефлексии» [22, с. 119]. При этом под рефлексией исследователь понимает универсальную категорию, универ-

сальную способность, которую можно применять для решения любых задач и в любых условиях.

На практике учитель имеет дело с целостной практической ситуацией, ему «приходится синтезировать теоретические знания применительно к решению практической проблемы, преобразовывать их, переводить на язык практических действий, практических ситуаций» [14, с. 96]. При этом он испытывает немало трудностей. Данный факт отмечают многие зарубежные и отечественные специалисты.

Список литературы:

1. Александровская Э.М., Кокуркина Н.И., Куренкова Н.В. Психологическое сопровождение школьников. – М.: Академия, 2002. – 208 с.
2. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 350.
3. Бардиер Г., Ромазан И., Чередникова Т. Я хочу! Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей. – Кишинев: «Вирт»; СПб.: «Дорваль», 1993. – 96 с.
4. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе – М.: Совершенство, 1997. – 298 с.
5. Варламова Е.П., Варламова С.Ю. Рефлексивная диагностика в системе образования // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 28-44.
6. Гаргай В.Б. Повышение квалификации учителей на западе: рефлексивная модель обучения // Педагогика. – 2004. – № 2. – С. 72-79.
7. Гнездилова О.Н. Психологические аспекты инновационной деятельности педагога // Психологическая наука и образование. – 2006. – № 4. – С. 61-65.
8. Дубровина И.В. Психологическая служба образования: организация и управление // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 1. – С. 56-63.
9. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учебное пособие для вузов. – М.: Academia, 2002. – 206 с.
10. Казакова Е.И. Четыре тенденции и другие проблемы сопровождения // Школьный психолог. – 1998. – № 48. – С. 14.
11. Ключева Н.В. Инновационный подход в работе с организациями (методология и практика) // Вестн. Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Акмеология образования. – 2006. – № 3. – С. 151-155.
12. Ключева Н.В. Технология работы психолога с учителем. – М.: ТЦ Сфера, 2000. – 192 с.
13. Кряхтунов М. Психологическое сопровождение развития профессионального самосознания учителя // Журнал практического психолога. – 1998. – № 4. – С. 76-79.
14. Кулоткин Ю.Н. Психология обучения взрослых. – М.: Просвещение, 1985. – 127 с.

15. Ляудис. В.Я. Инновационное обучение и наука. – М., 1992. – 50 с.
16. Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития. – М.: Издат. «Центр»; «Академия», 2004. – 256 с.
17. Митина Л.М., Кузьменкова О.В. Психологические особенности внутриличностных противоречий учителя // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 3-16.
18. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя: учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 320 с.
19. Нурмухамедова А.Н. Психологическое сопровождение деятельности руководителей образовательных учреждений: учебно-методическое пособие. – М.: МГСА, 2002. – 120 с.
20. Осухова Н.Г. Становление творческой индивидуальности педагога. // Педагогика. – 1992. – № 3. – С. 53-57.
21. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. – М.: Изд-во полит. литературы, 1989. – 318 с.
22. Разина Т. В. Особенности рефлексии на различных уровнях педагогического мышления: дисс. ...канд. психол. наук. – Ярославль, 2002. – 26 с.
23. Реньге В. Психотехническая подготовка учителей за рубежом (Обзор литературы США 60-70-х годов // Моск. психотерапевт. журнал. – 1993. – № 2. – С. 131-158.
24. Семаго М. М. Сопровождение – это... // Школьный психолог: прил. к газ. «Первое сент.». – 2003. – № 35. – С. 20-21.
25. Скиннер Б. Оперативное поведение // История зарубежной психологии: Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 60-67.
26. Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 1992. – 16 с.
27. Степанова М.А. Психологический анализ педагогического процесса (на примере школьного курса лингвистики) // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 4. – С. 28-33.
28. Степанов С.Ю., Похмелкин Г.Ф., Колошина Т.Ю., Фролова Т.В. Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества // Вопросы психологии. – 1991. – № 5. – С. 5-14.
29. Фридман Л.М. Управлять духовным развитием // Народное образование. – 1998. – № 9. – С. 140-144.
30. Шамова Т.И., Давыденко Т.М. Управление образовательным процессом в адаптивной школе. – М.: Центр Педагогический поиск, 2001. – 384 с.

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРАКТИКУ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ (70-80-Е ГГ. XX В.)¹

© Шабля И.Н.*

Школа педагогики Дальневосточного федерального университета,
г. Уссурийск

В статье рассмотрены основные взгляды педагогов-теоретиков 70-80-х годов XX в. на проблему внедрения результатов педагогической науки в практику. Дана характеристика структуре, формам и способам процесса внедрения, которые предлагались исследователями.

В настоящее время система российского образования претерпевает изменения, затрагивающие все стороны учебно-воспитательного процесса на разных ступенях. В период преобразований роль педагогической науки многократно возрастает: ведь успехи изменений и реформ во многом зависят от того, в какой мере педагогическая наука и педагогическая практика взаимосвязаны и взаимодействуют между собой как элементы единой системы. Вместе с тем в период реформирования противоречия между педагогической наукой и педагогической практикой лишь обостряются. Связано это с тем, что практика изменяется довольно интенсивно, а наука не всегда успевает явно и оперативно реагировать на происходящие изменения, рефлексировать их, давая при этом оценки инновациям, и делать новые перспективные предложения. Такая несвоевременность вызывает резкое недовольство со стороны практики, которая ищет своеобразную платформу для объяснения происходящих изменений, но не находит ее.

Из сказанного следует, что на первый план в период реформирования выходит проблема взаимосвязи педагогической науки и практики. Проблема соотношения педагогической науки и практики, их взаимосвязи, как отмечается в учебном пособии «Общие основы педагогики» В.В. Краевского, является общей проблемой педагогики. От того, как она решается, зависит, по мнению автора, и развитие педагогической науки, и качество педагогических инноваций, и успех модернизации образования, и эффективность образовательной системы в целом [10, с. 63].

Состояние педагогической науки и практики, вопросы их взаимосвязи вызывают озабоченность педагогической общественности. Об этом гово-

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 11-36-00005a2 «Соотношение педагогической науки и практики в методологии отечественной педагогики: исторический аспект». 2011-2012 гг.).

* Старший преподаватель кафедры Педагогики.

рится на научных конференциях, в специальных публикациях (А.П. Валицкая, А.Г. Бермус, В.В. Краевский, Н.Д. Никандров, В.М. Полонский и др.). В связи с этим Н.Л. Коршунова отмечает: «Слишком велик разрыв между тем, над чем работают сегодня исследователи, к каким выводам и предложениям они приходят, и тем, что являет собой наша сегодняшняя педагогическая действительность, в каких научных разработках нуждается» [7, с. 47]. Интересно, что почти двадцать лет назад в педагогической литературе уже звучали похожие суждения и высказывания (публикации в Учительской газете; выступления и публикации ученых, например А.В. Петровского [17]). Но, как можно видеть, за прошедшее время мало что изменилось.

Вместе с тем осмысливать современное состояние взаимосвязи педагогической науки и практики без обращения к истории было бы опрометчиво, так как такая работа была бы сразу лишена ясности из-за невозможности ответить на многие вопросы, например: как, когда и почему возникли, развивались и видоизменялись различные аспекты взаимосвязи педагогической науки и практики; какие инструменты использовали ученые для отображения процесса взаимосвязи науки и практики.

Возникновение интереса к историко-педагогическим исследованиям произошло в нашей стране в конце 60-х годов XX века. В эти годы ведущими историками педагогики Ф.Ф. Королевым и З.И. Равкиным была поставлена для разработки проблема исторической реконструкции педагогической науки, а также обоснована методологическая значимость историко-педагогических исследований для решения актуальных проблем современной педагогической теории и практики. В 90-е гг. XX в., как было показано в исследованиях Л.А. Степашко [20, 21] наступил кризис советского общественнознания и стал необходим пересмотр его основ (методологических и идеологических). В период, когда происходят изменения во всем обществе, историко-педагогические теоретические исследования выполняют важную роль: исследователь может оценить сложившиеся в различные периоды концепции, теории, гипотезы; показать их взаимосвязь с современными. Именно поэтому в 90-е годы активизируется опыт обращения к истории педагогики. Примером этого могут быть многочисленные исследования по различным аспектам истории педагогики и образования, в частности работы, выполненные представителями дальневосточной научной школы истории педагогики под руководством Л.А. Степашко.

Период 70-80-х гг. XX в. нашел отражение в историко-педагогической литературе и публикациях по методологии педагогики. Анализ широкого массива литературы позволяет выделить в содержании проблемы взаимосвязи педагогической науки и практики отмеченного периода три аспекта: 1) изучение педагогического опыта; 2) внедрение результатов педагогической науки (педагогических исследований) в практику; 3) ориентация педагогической науки на практику.

Остановимся подробнее на освещении аспекта внедрения результатов педагогической науки в практику, который можно рассматривать как отдельную самостоятельную проблему. Эта проблема представляет наибольший интерес, так как современные наработки и результаты научных исследований, которые помогли бы в практике в ситуации реформирования образования, не всегда доходят до нее, а если и доходят, то с опозданием. Поэтому представляется интересным, какие взгляды существовали на проблему внедрения результатов педагогической науки в практику в истории педагогики; что из наработанного может быть использовано, чтобы помочь понять сегодняшнюю ситуацию в образовании.

Внимание на вопросы внедрения результатов педагогических исследований в практику стали обращать в конце 50-х – начале 60-х годов XX в., когда они начали подниматься в статьях и выступлениях педагогов-теоретиков. В частности, М.А. Данилов на общем собрании АПН РСФСР в марте 1960 г. высказал мысль о том, что среди работников педагогической науки бытует взгляд, что издание книги и представляет собой внедрение результатов научного исследования. На самом же деле учитель далеко не всегда применяет на практике рекомендации, почерпнутые из книги, даже если он с ними полностью согласен. Очень важно решить, отметил М.А. Данилов, «каким путем можно учитывать результаты практического применения рекомендаций и методических советов, вытекающих из научных исследований» [18, с. 154]. Этим выдающийся отечественный педагог-теоретик поставил вопрос о необходимости изучать вопросы, связанные с внедрением результатов исследований в образовательную практику.

Мысль М.А. Данилова нашла отклик в сообществе ученых, и в 70-80-е годы XX в. внедрение как процесс становится предметом специального изучения. Вопросам внедрения результатов педагогической науки в практику посвящены многочисленные публикации как научных, так и руководящих работников указанного периода (К.Н. Волков, В.Е. Гмурман, В.И. Журавлев, П.И. Карташов, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, Т.В. Новикова, В.И. Чепелев, Т.И. Шамова, Г.И. Щукина и др.). Рост числа работ, посвященных процессу внедрения, можно связать с тем, что с середины 60-х годов XX в. начинают детально осмысливаться многочисленные аспекты взаимосвязи педагогической науки и практики. Это обусловлено тем, что лишь с середины 60-х годов, как отмечает С.И. Колташ [6], происходит становление и развитие отечественной методологии педагогики с выделением в ее недрах специальных инструментов анализа, которые стали использоваться исследователями.

Перейдем к рассмотрению основных взглядов исследователей 70-80-х годов XX в., посвященных проблеме внедрения результатов педагогической науки в практику. Однако оговоримся, что под термином «практика» мы будем понимать лишь то определение практики, которое является тождественным термину «практическая педагогическая деятельность». Связано это с тем, что

видов практики в сфере педагогической деятельности существует несколько. Все они детально описаны В.В. Краевским, который предложил различать три вида практики в сфере педагогической деятельности: 1) Практика обучения и воспитания, представляющая собой практическую деятельность по целенаправленному воздействию на подрастающее поколение. 2) Практика научного познания в области педагогики, включающая в себя систему научных наблюдений и воздействий на объект в педагогическом эксперименте, в ходе которого происходит его частичное преобразование с целью получения педагогического знания. 3) Широкая общественная практика, служащая конечным критерием истинности познания в области педагогики [8, с. 6-7]. Как видно, под словосочетание «практическая педагогическая деятельность» подходит только первый вид практики, которого мы и будем придерживаться.

Интересные идеи по проблеме внедрения результатов педагогической науки в практику высказывал в начале 70-х годов XX в. К.Н. Волков. Эту проблему он относил к числу наиболее существенных проблем педагогики. Для понимания ее сути исследователем были выдвинуты следующие положения.

Во-первых, необходимо различать внедрение результатов прикладных и теоретических работ. «Если задачей первых является непосредственное влияние на практику, то в отношении теоретических исследований о влиянии на практику можно говорить весьма условно, поскольку они влияют на практику опосредованно», – пишет автор [1, с. 82].

Во-вторых, необходимо проводить различия между видами внедрения теории в практику. Различие в видах внедрения необходимо связывать, по мнению К.Н. Волкова, с формами прямой и косвенной реализации. К формам прямой реализации исследователь относил различного рода «директивные» и «разъясняющие» материалы, которые должны доходить до работников образования и иметь для них обязательный характер. К формам косвенной реализации следует отнести публикации в периодических изданиях, устную педагогическую пропаганду, которые по отношению к процессу внедрения не носят такого обязательного характера, поскольку они либо не доходят до непосредственных адресатов, либо не реализуются ими [1, с. 82-83].

Такое понимание процесса внедрения, предложенное К.Н. Волковым, стало основой для дальнейших исследовательских поисков 70-80-х годов XX в. В последующих работах теоретический поиск ученых, связанный с внедрением результатов педагогической науки в практику, пойдет по двум основным направлениям: во-первых – поиск структуры процесса внедрения; во-вторых – поиск путей повышения эффективности процесса внедрения.

1. Поиск структуры процесса внедрения.

В эффективной структуре процесса внедрения виделось средство, способствующее повышению успешности продвижения разработок в образовательную практику. Структура процесса внедрения представлялась исследователям по-разному.

Так, Н.В. Кухарев, проводя экспериментальное исследование на материале обучения учителей мастерству формирования умственной самостоятельности учащихся, предложил основные этапы этого процесса: констатирующий, экспериментальный, оперативно-обобщающий, итогово-обобщающий [11, с. 49]. Интерес этой структуры процесса внедрения заключается в том, что для каждого этапа исследователь предложил конкретные формы работы, способствующие, при их правильной организации, успешному внедрению результатов исследования в практику. К формам работы Н.В. Кухарев относил: проблемные теоретические семинары, теоретические конференции, научно-практические семинары, научно-практическую исследовательскую деятельность, подведение итогов творческих работ, научно обоснованный контроль, обобщение и распространение опыта, пропаганду опыта [11, с. 138-139]. С точки зрения сегодняшнего дня, структура процесса внедрения, предложенная Н.В. Кухаревым, не носила обобщающего характера, так как была представлена по результатам конкретного специально-научного исследования в области педагогики. Но для того времени она была весьма эффективной, так как позволяла упорядочить работу по продвижению результатов научного исследования в практику.

Исследованием, в котором дается обобщенная структура процесса внедрения, может служить работа П.И. Карташова. В ней автор предложил следующие основные элементы процесса внедрения: цель, средства, результат, объект и субъект внедрения. Особо следует обратить внимание на непривычное для того периода толкование объекта и предмета внедрения. Под объектом внедрения П.И. Карташов понимал то, что подлежит внедрению (идея, теория, рекомендация), а под субъектом людей, которым предназначено новое (учителя, воспитатели, администрация образовательных учреждений) [5, с. 63]. Разделение объекта и субъекта внедрения было делом корректным и своевременным, так как разрабатываемые в 70-80-е гг. XX в. педагогические теории очень часто не находили понимания у педагогического сообщества по причине того, что было неясно для кого они адресованы, как их использовать на практике.

Помимо выделения структуры процесса внедрения П.И. Карташов выявил необходимые условия для успешного осуществления этого процесса. К ним он относил: социальные, морально-психологические, научно-теоретические, научно-методические, правовые [5, с. 64]. Особое внимание обращают на себя условия, связанные с необходимостью специальной подготовки педагога (психологической, теоретической, методической), занимающегося внедрением результатов педагогической науки в собственную педагогическую деятельность. Несоблюдение этих условий при осуществлении процесса внедрения результатов исследования в реальной практике послужило препятствием для продвижения достижений педагогической науки, так как образовательная среда не была готова к этому.

Интересно, что подобные мысли о необходимости подготовки именно образовательной среды к внедрению высказывались и ранее. Так в начале 70-х годов XX в. исследователь В.И. Чепелев полагал, что для успешного протекания процесса внедрения необходимо осуществлять специальную подготовку учителя. Процесс внедрения результатов педагогической науки в практику автор увязывал с пригодностью учителя к педагогической деятельности, так как умение заниматься внедрением является одной составляющей работы педагога-практика [22, с. 53]. Однако данные мысли не нашли отклика в педагогической среде. Это отчасти привело к тому, что в 80-е годы XX века в связи с начавшейся реформой общеобразовательной школы претензии, предъявляемые педагогической науке, стали усиливаться. Науку обвиняли в неспособности решать проблемы, существующие в образовательной практике.

Об этом ярко и выразительно писал в конце 80-х годов XX века в одной из своих работ И.Я. Лернер. «Педагогическая наука бесспорно в долгу перед школой, поскольку в течение нескольких лет не было попыток консолидировать творческие силы для того, чтобы собрать воедино наработанное в разных институтах и объединить все лучшее из разных научных направлений в единую педагогическую концепцию, практически ориентированную и поддающуюся внедрению. В течение многих лет не было установки на создание средств и условий для продвижения в школу всего полезного, что было наработано» [12, с. 10]. Вместе с тем, признавая «долги и недостатки» науки, указывал И.Я. Лернер, нельзя оценивать её только на основании того, что результаты педагогических исследований плохо находили применение в школьной практике. Есть другой аспект проблемы внедрения – невосприимчивость школы (а в первую очередь учителей) к тому, что наработано в науке. Поэтому главная задача должна заключаться в подготовке учителей к осуществлению процесса внедрения. Необходимо чтобы «учителя и обеспечивающие их методисты, педагоги вузов прониклись соответствующим современным науке педагогическим сознанием. Без этого современная школа останется невосприимчивой к новым идеям, разработкам современной дидактики и методики» [12, с. 17]. Такое суждение, высказанное И.Я. Лернером, о подготовке педагогической среды к новому не утратило своей актуальности и для настоящего периода реформирования сферы образования.

II. Поиск путей повышения эффективности процесса внедрения.

При характеристике этого направления особое внимание следует обратить на работы Т.В. Новиковой [15, 16]. Автор для повышения эффективности процесса внедрения предложила следующее: 1) необходимо изучить структуру педагогических исследований, их типов и роли в школьной практике; 2) необходимо изучить деятельность методических и других учреждений и их роли во внедрении достижений педагогической науки в практику.

Рассуждая о повышении эффективности процесса внедрения, Т.В. Новикова рассматривала внедрение как форму реализации влияния педагоги-

ческой науки на школьную практику. Под термином «влияние» исследователь понимала такой процесс воздействия науки на практику, конечным результатом которого являются изменения в работе учителя. А поскольку влияние может быть как стихийным, так и специально организованным, то «внедрение есть система мероприятий по оказанию целенаправленного влияния педагогической науки на практику» [15, с. 3]. Влияние на учителя оказывают педагогические исследования всех типов. Но «внедрению подлежат преимущественно методы, приемы, формы конкретной педагогической деятельности» [15, с. 4], которые были выработаны в ходе проведенного научного исследования. Вместе с тем, пишет автор, успешное внедрение результатов педагогической науки в практику возможно только тогда, когда педагогическая идея фундаментального характера в своем развитии проходит последовательно все уровни (начальный, основной, завершающий) и произведена тщательная проработка идеи по всем элементам.

Так же в своих исследованиях Т.В. Новикова указала факторы, которые мешают педагогу-практику осваивать новое знание. Среди них первое место занимает неуточненность терминологии, которая характерна для разработки и становления педагогической теории. Несмотря на это для педагога-практика необходимо давать материалы в единой терминологии, либо разъяснять различные термины, сопоставляя их. Исследователь указала, что научные концепции и методические предложения должны быть представлены в русле тех конкретных знаний, на основе которых педагог-практик осуществляет свою деятельность. Делать это необходимо «чтобы помочь учителю осознать свою деятельность и творчески использовать предлагаемые ему рекомендации» [16, с. 10].

Кроме того, Т.В. Новикова отмечала необходимость специальной подготовки результатов педагогического исследования к внедрению в образовательную практику [16, с. 9]. Это представление будет замечено научным сообществом, которое отреагирует публикациями о практической значимости исследований. В данных публикациях практическая значимость проведенной научной работы будет ставиться в прямую зависимость от подготовленности результатов к внедрению (В.И. Журавлев, В.М. Полонский).

В частности, В.И. Журавлев, размышляя об определении практического потенциала научных исследований, предложил форму подготовки результатов исследования к внедрению. Такая форма получила название информационной карты автора. Задача ее состоит в том, чтобы полученные результаты исследования представить в свернутом виде с последующей возможностью восстановить их без потери смысла информации другими лицами (как теоретиками, так и практиками) с различным уровнем компетенции. Карта содержит в себе шесть элементов: теоретический результат исследования, методическое и инструментальное обеспечение. После свертывания теоретической, методической и прикладной части педагог-исследо-

ватель должен внести еще три элемента: проект внедрения предложенных результатов в практику, ожидаемые положительные и отрицательные последствия этого внедрения [3, с. 3-4]. В наличии трех последних элементов В.И. Журавлев и усматривал непосредственную подготовку результатов исследования к внедрению в практику.

В последующих работах, размышляя о соотношении педагогической науки и практики, В.И. Журавлев обогатил язык педагогики термином «взаимодействие». Данное понятие, по мнению исследователя, шире понятия «внедрение», так как «оно выражает двустороннее преобразующее взаимодействие науки и практики» [4, с. 43], тогда как внедрение предполагает лишь одностороннее воздействие. Однако внедрение, по мнению В.И. Журавлева, может и должно рассматриваться как часть процесса взаимодействия. Для эффективного осуществления процесса взаимодействия было предложено создавать специальную службу связи науки с практикой посредством банка педагогической информации. В этом банке должны накапливаться, с одной стороны, запросы практики, адресованные педагогической науке, а с другой, разработки, подлежащие внедрению, которые были полученные в ходе научного исследования [4, с. 49-50]. Поскольку результаты исследования могут быть использованы для решения как частных, так и общих вопросов практической педагогической деятельности, то они имеют разную область применения. Поэтому в педагогической литературе появились работы, предлагающие различать три уровня практической значимости любого исследования: частнометодический, общеметодический, общедидактический [19, с. 53]. Выделение этих трех уровней позволяет найти место результатам исследования в образовательной практике.

В 80-е годы XX века в связи реформированием общеобразовательной школы происходит повышение эффективности теоретических исследований в педагогической науке, связанных с реформой школы. В этот период, как пишет В.В. Краевский, возрастает значение теоретического взгляда на педагогическую деятельность, связанное с совершенствованием и перестройкой системы народного образования [9, с. 13-15]. Это утверждение подтверждается тем, что одна из сессий Всесоюзного семинара по методологии педагогики (6-7 декабря 1984 г., г. Москва) была посвящена методологическим проблемам развития советской педагогики в условиях осуществления реформы школы.

Анализ материалов семинара [13] позволяет говорить о том, что методологическая разработка проблемы взаимоотношения педагогической науки и практики ставилась в качестве первоочередной. Связано это с тем, что ее всестороннее изучение, по мнению педагогов-теоретиков 80-х годов XX в., призвано раскрыть систему условий, определяющих роль и возможность науки в обеспечении эффективности и качества учебно-воспитательного процесса. В ходе дискуссии на семинаре обсуждались вопросы, связанные с

путями дальнейшего совершенствования системы внедрения, которая рассматривалась как один из аспектов всеобщей проблемы взаимоотношения педагогической науки и практики. Также было отмечено, что необходимо постоянно уточнять критерии эффективности положений и идей, подлежащих внедрению.

В этот же период реформирования школы выходит Постановление ЦК КПСС от 13 марта 1987 г. «О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, ускорении качества подготовки специалистов» [14, с. 264-270]. В документе особое внимание было уделено разработке системы «исследование – разработка – внедрение» и сделан акцент на необходимость специальной подготовки разработки к внедрению. Также была дана рекомендация усилить освещение положительного опыта внедрения результатов научных исследований в учебно-воспитательный процесс. В этом прослеживается партийно-идеологическое давление на педагогическую науку и соответствующее влияние на разрабатывающиеся в её недрах проблемы, которое вплоть до конца 80-х годов XX в. было определяющим.

Следует отметить, что помимо теоретических вопросов проблемы внедрения результатов педагогической науки в практику, связанных с поиском оптимальной структуры процесса внедрения и способов повышения его эффективности, исследователей 70-80-х годов XX в. интересовали вопросы прикладного значения разрабатываемых педагогической наукой проблем. Эти вопросы не должны истолковываться, по мнению Г.В. Воробьева, только как погружение полученных результатов в учебно-воспитательный процесс сегодняшнего дня. Как отмечал он в начале 90-х годов, когда наступил период критической рефлексии накопленного советской педагогикой опыта, теоретические подходы, разработанные в 70-80-х гг., «если не могут быть применены в массовой школе сегодня, то очень, может быть, понадобятся завтра, причем экстренно, чтобы ответить на вызовы чрезвычайных обстоятельств» [2, с. 42]. В этом усматривается опережающее развитие педагогической науки по отношению к педагогической практике.

Таким образом, подводя итог анализу освещения проблемы внедрения результатов педагогической науки в практику в исследованиях отечественной педагогики 70-80-х годов XX в., можно констатировать, что в понимании проблемы внедрения в указанный период было заложено многое из того, что теоретически осмысливается в современных условиях развития педагогической науки. В частности, в исследованиях, проведенных в 70-80-е гг. XX в., были получены следующие результаты: 1) охарактеризована структура процесса внедрения; 2) выделены условия, способствующие / препятствующие внедрению; 3) определен смысл термина «внедрение»; 4) поставлен вопрос о подготовке образовательной среды к внедрению. Многое из того, что было наработано, может принести пользу при осуществлении сегодняшних реформ образования.

Список литературы:

1. Волков К.Н. Некоторые вопросы связи педагогической науки и практики / К.Н. Волков // Советская педагогика. – 1970. – № 9. – С. 80-91.
2. Воробьев Г.В. Гипотеза как инструмент оптимизации педагогических исследований / Г.В. Воробьев // Педагогическая теория: идеи и проблемы: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.С. Шубинский. – М.: ИТПиМИО, 1992. – С. 34-50.
3. Журавлев В.И. Форма представления результатов педагогического исследования в свернутом виде / В.И. Журавлев // Новые исследования в педагогических науках. – 1978. – № 2 – С. 3-5.
4. Журавлев В.И. Опыт исследования взаимодействия педагогической науки и практики / В.И. Журавлев // Советская педагогика. – 1981. – № 10. – С. 43-50.
5. Карташов П.И. Внедрение педагогических рекомендаций в практику как управляемый процесс // Внедрение достижений педагогики в практику школы / Под ред. В.Е. Гмурмана. – М.: Педагогика, 1981. – С. 58-77.
6. Колташ С.И. Развитие методологии отечественной педагогики (середина 60-80-е годы XX века): монография / С.И. Колташ. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2003. – 185 с.
7. Коршунова Н.Л. Проблема соответствия педагогической теории современным требованиям / Н.Л. Коршунова // Педагогическая наука и ее методология в контексте современности: сб. науч. ст. / Под ред. В.В. Краевского, В.М. Полонского. – М., 2001. – С. 47-48.
8. Краевский В.В. О проблеме соотношения педагогической науки и практики / В.В. Краевский // Новые исследования в педагогических науках. – 1971. – № 4. – С. 3-9.
9. Краевский В.В. Теоретические основы процесса обучения в советской школе / В.В. Краевский, И.Я. Лернер. – М.: Педагогика, 1989. – 352 с.
10. Краевский В.В. Общие основы педагогики: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.В. Краевский. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
11. Кухарев Н.В. Педагогическая теория и школьная практика: экспериментально-дидактическое исследование на материале обучения учителей мастерству формирования умственной самостоятельности учащихся / Н.В. Кухарев. – Мн.: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. – 296 с.
12. Лернер И.Я. Теория современного процесса обучения, ее значение для практики / И.Я. Лернер // Советская педагогика. – 1989. – № 11. – С. 10-17.
13. Методологические проблемы развития советской педагогики в условиях осуществления реформы школы: тезисы докл. и выступлений на XI сессии Всесоюзного семинара по методол. и теорет. проблемам педагогики (6-7 декабря 1984 г.) / Общ. ред. Н.Д. Никандров, Г.В. Воробьев. – М.: Изд-во АПН СССР, 1984. – 259 с.
14. Народное образование в СССР: сборник нормативных актов // Сост. Н.Е. Голубева. – М.: Юридическая литература, 1987. – 336 с.

15. Новикова Т.В. Условия внедрения достижений педагогической науки в практику / Т.В. Новикова // Новые исследования в педагогических науках. – 1975. – № 12. – С. 3-4.
16. Новикова Т.В. Этапы разработки педагогической идеи (с целью ее внедрения в школьную практику) / Т.В. Новикова // Новые исследования в педагогических науках. – 1978. – № 2. – С. 9-11.
17. Новое педагогическое мышление / Под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1989. – 280 с.
18. Общее собрание АПН РСФСР (15-16 марта 1960, г. Москва) // Советская педагогика. – 1960. – № 5. – С. 151-155.
19. Полонский В.М. Критерии теоретической и практической значимости исследования / В.М. Полонский // Советская педагогика. – 1988. – № 11. – С. 48-54.
20. Степашко Л.А. Феномен советской педагогики / Л.А. Степашко // Педагогика. – 1998. – № 6. – С. 72-76.
21. Степашко Л.А. Историко-педагогическое теоретическое исследование: научный аппарат / Л.А. Степашко. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2005. – 60 с.
22. Чепелев В.И. О внедрении достижений педагогической науки в практику / В.И. Чепелев // Советская педагогика. – 1973 – № 5. – С. 52-56.

ОБУЧЕНИЕ РЕШЕНИЮ ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАЧ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

© Яковлев И.В.^{*}, Качурина Т.В.[♦]

Лесосибирский педагогический институт – филиал
Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск

В статье авторами описан многолетний опыт работы по организации обучения студентов и школьников решению олимпиадных задач по математике.

Воспитание и обучение одаренной личности в настоящее время становится все более актуальной задачей. Потребности школы в квалифицированных кадрах, способных удовлетворить запросы современной школы в этом плане неуклонно растут.

Приобщение студентов к олимпиадному движению способствует решению двух задач. Во-первых, развивает творческое мышление будущего учителя. Кроме того, если учитель решил обучать школьников решению олимпиадных нестандартных задач, повышать свой уровень, ему необходимо умение решать эти самые задачи, находить множество различных способов их решения.

В последние годы большое распространение, как одна из форм активизации научного творчества студентов, получили очные и заочные студенческие олимпиады по математике. Предлагаемые на таких олимпиадах задачи носят нестандартный характер и требуют от студента не только прочных знаний по программе, но и, как правило, изобретательного, творческого подхода. Они иллюстрируют в упрощенной форме ту или иную глубокую математическую идею.

Задача вуза, как известно, состоит, не только в том, чтобы передать студенту определенную сумму знаний, но и в том, чтобы научить его творчески мыслить, подготовить к жизни и профессиональной деятельности в будущем. Практика показывает, что научить студентов творческому характеру мышления с помощью традиционных форм учебного процесса не всегда представляется возможным. Необходимым условием формирования такого мышления является непосредственное участие студентов в различных формах исследовательской деятельности, в том числе и в олимпиадах различного уровня.

В Лесосибирском педагогическом институте – филиале Сибирского федерального университета для подготовки студентов – участников олимпиад – проводится факультатив «Решение олимпиадных задач по математике».

^{*} Старший преподаватель кафедры Высшей математики и информатики.

[♦] Учитель математики высшей категории МОУ СОШ № 5 г. Лесосибирска.

На занятиях студенты решают задачи по различным разделам школьной и высшей математики: комбинаторика, инварианты и полуинварианты, графы, задачи на делимость, логические задачи, принцип Дирихле, геометрические задачи, последовательности, неопределенные уравнения, задачи на построение, графики функций, индукция, задачи с параметрами и др.

В школе учащиеся обучаются решению олимпиадных задач на занятиях элективного курса.

По разделу «Теория чисел» можно предложить следующие задачи.

Задача 1. Докажите, что есть бесконечно много натуральных чисел, не являющихся суммой трех квадратов.

Решение: Слово «бесконечно много» в теории чисел имеет свой особый смысл. Обычно за ним кроется какой-то класс сравнимости по модулю, т.е. множество чисел, дающих один и тот же остаток от деления на данное число. Докажем, что в данной задаче подойдет модуль 8. Какие же остатки по модулю 8 могут давать квадраты? Значение квадрата по модулю 8 однозначно определяется значением самого числа по модулю 8. А всевозможных значений по модулю 8 – конечное число (8 штук), поэтому их можно все перебрать.

Мы получим, что квадраты по модулю 8 дают только остатки 0, 1 и 4 (обычная ситуация – очень многие точные степени по очень многим модулям дают не все возможные остатки). Теперь найдем всевозможные остатки сумм трех квадратов: $0 + 0 + 0 = 0$, $1 + 1 + 1 = 3$, $4 + 4 + 4 = 4$, $0 + 0 + 1 = 1$, $0 + 1 + 1 = 2$, $0 + 0 + 4 = 4$, $0 + 4 + 4 = 0$, $1 + 1 + 4 = 6$, $1 + 4 + 4 = 1$, $0 + 1 + 4 = 5$ (все равенства – по модулю 8). Есть 0, 1, 2, 3, 4, 5 и 6... а остатка 7 нет. Значит, все бесконечное множество чисел вида $8k+7$ непредставимо в виде суммы трех квадратов, ч.т.д.

Так полученный результат показывает неразрешимость неопределенного уравнения: $x^2 + y^2 + z^2 = 8t - 1$, так как правая часть сравнима с -1 или 7 по модулю 8.

Задача 2. Докажите, что степень двойки не может оканчиваться четырьмя одинаковыми цифрами.

Решение: Отсеим постепенно возможные варианты цифр. Ясно, что степень двойки четная, и поэтому должна оканчиваться на четную цифру, а также не делится на 10 и поэтому не оканчивается на 0. Степень двойки делится на 4, поэтому рассмотрим числа из двух последних цифр. 22 и 66 на 4 не делятся, поэтому остаются цифры 4 и 8. Проверим делимость на 8 (нужно число из трех последних цифр) и на 16 (здесь нужны 4 последние цифры). 444 на 8 не делится, а 8888 делится на 8, но не на 16, поэтому отбрасываются и эти два случая, ч.т.д.

Задача 3. Вася написал на доске пример на умножение, а Петя заменил в нем цифры буквами (стандартно: разные цифры – разными буквами, одинаковые цифры – одинаковыми). Получилось $ab \cdot cd = eeff$. Докажите, что один из них ошибся.

Решение: $e0ff$ делится на 11 (используем признак или замечаем, что в частном будет $e0f$). Тогда, т.к. 11 простое, то на 11 делится ab или cd . Но они, согласно признаку, не могут делиться на 11 – противоречие, ч.т.д.

Задача 4. Найдите все натуральные числа, которые увеличиваются в 9 раз, если между цифрой десятков и цифрой единиц вставить 0.

Решение: Представим такое число в виде $10 \cdot a + b$ (b – цифра единиц, а a может состоять из нескольких и даже многих цифр). Если перед b вставить 0, то получится $100 \cdot a + b$. По условию тогда $100 \cdot a + b = 9 \cdot (10 \cdot a + b) = 90 \cdot a + 9 \cdot b$. Отсюда $10 \cdot a = 8 \cdot b$, т.е. $5 \cdot a = 4 \cdot b$. 4 и 5 взаимно просты, поэтому $5 \mid b$. Если $b = 0$, то $a = 0$ – и число 0 не натуральное, а если $b = 5$, то $a = 4$, и искоемое число 45.

Задача 5. В файле хранятся 2003 единицы и 232 нуля. Программа читает из файла два произвольных числа, стирает, и записывает на их место 0, если они были равны, и 1, если нет. Программа запускается многократно. В конце в файле остается только одно число. Чему оно равно, 0 или 1?

Решение: Несмотря на то, что вариантов действия программы очень много, мы можем установить ответ однозначно. Что может прочитать программа за каждый отдельный запуск? Либо 0 и 0 (и записать 0), либо 0 и 1 (и записать 1), либо 1 и 1 (и записать 0). В первых двух случаях *сумма всех чисел* в файле *не меняется*, в последнем – *уменьшается на 2*. В любом случае, *четность этой суммы остается прежней*. Исходно сумма была $2003 \cdot 1 + 232 \cdot 0 = 2003$ – нечетная, значит, *и в конце будет нечетная*. Но в конце остается только одно число – оно и равно сумме всех – поэтому *оно нечетное*. А так как в файле бывают только нули и единицы, то это 1.

Задача 6. В стране серобуромалинии 27 серых, 32 бурых и 45 малиновых хамелеонов. Когда встречаются два хамелеона разных цветов, они оба перекрашиваются в третий цвет. Могут ли когда-нибудь все хамелеоны стать одного и того же цвета?

Решение: Ну где же тут у нас числа? Наверное, количества хамелеонов серого, бурого и малинового цвета. Как же они изменяются? Либо (А, В, С) переходит в (А – 1, В – 1, С + 2) – встречаются серый и бурый хамелеоны и перекрашиваются в малиновый цвет, либо в (А – 1, В + 2, С – 1) – серый и малиновый в бурый, либо, наконец, в (А + 2, В – 1, С – 1) – бурый и малиновый в серый. Сумма всех трех, конечно, сохраняется, но это нам не поможет. А что поможет установить, могут ли два количества из трех стать нулями? Скорее, *разности* – кстати, еще один из базовых видов инвариантов. Между теми двумя числами, которые уменьшились на 1, разность *не поменяется*, зато разность между ними и третьим изменится *ровно на 3*. То есть *по модулю 3*, все попарные разности неизменны. Значит, *инвариант* – значения попарных разностей по mod 3. Если какая-то разность в конце стала нулем (а так будет, если два количества станут нулями), то исходно она делилась на 3. Но разности между исходными количествами на 3 не делится. Значит, не могут все хамелеоны стать одного и того же цвета.

Задача 7. Есть три программы. Одна по файлу с числами X и Y создает файл с числами $X + 1$ и $Y + 1$, вторая по файлу с четными числами X и Y создает файл с числами $X / 2$ и $Y / 2$, третья по двум файлам с числами X , Y и Z создает файл с числами X , Z . Все старые файлы сохраняются. Исходно есть 1 файл с числами (5, 19). Можно ли с помощью этих программ получить файл с числами (1, 2004)?

Решение: Где же искать инвариант? С суммой чисел в файле как-то сложно, потому что третья программа изменяет ее непонятно как. В том смысле, что зная суммы чисел в двух входных файлах, мы не можем определить сумму чисел в выходном файле. С *разностью* чисел в файле все лучше: первая программа *не меняет* разность $((X + 1) - (Y + 1) = X - Y)$, вторая – *делит ее на 2* $(X / 2 - Y / 2 = (X - Y) / 2)$, а третья – складывает разности $(X - Z = (X - Y) + (Y - Z))$. Исходный файл (5, 19) можно пропустить только через первую программу и получить файл (6, 20). Из него можно дальше делать последовательность (7, 21), (8, 22) и т.д., а можно запустить вторую программу и получить файл (3, 10). Из него можно сделать последовательность (4, 11), (5, 12) ... (19, 26). Потом можно запустить третью программу на (5, 19) и (19, 26) и получить файл (5, 26). Посчитаем разности: $5 - 19 = -14 = 6 - 20 = 7 - 21 = 8 - 22 = \dots$; $3 - 10 = -7 = 4 - 11 = 5 - 12 = \dots = 19 - 26$; $5 - 26 = -21$. Что же общего у чисел -14, -7, -21? Конечно, они все на 7 делятся. Вот пусть эта делимость и будет *инвариантом*. Действительно, когда разность не меняется, то и делимость сохранится; когда разность делится на 2, то делимость на 7 не исчезнет (2 и 7 взаимно просты); а когда разности, делящиеся на 7, складываются, то сумма тоже делится на 7. Понятно, что, *имея вначале* файл с разность чисел, *делящейся на 7*, мы только такие разности и будем получать. Но разность $1 - 2004 = -2003$ на 7 не делится, и такой файл мы получить не сможем.

Задача 8. Фигура «крокодил» ходит по клетчатой доске на 3 клетки в одном направлении и одну в перпендикулярном (почти как шахматный конь, только конь ходит не на 3, а на 2 клетки). Докажите, что нельзя пройти крокодилом с какого-то поля на соседнее (по стороне) с данным.

Решение: Раскрасим доску в шахматном порядке. Тогда (нетрудно убедиться) крокодил при своем ходе не меняет цвет клетки, на которой стоит. А соседняя клетка, увы, другого цвета, ч.т.д.

Задача 9. Докажите, что шахматную доску нельзя замостить 15-ю прямоугольниками 1×4 и одной фигурой вида .

Решение: Шахматная раскраска тут не поможет. Она *не отличает* особую фигуру от прямоугольника: и в ней и в них ровно 2 белых и 2 черных клетки. И ничто не противоречит тому, что доску можно замостить 16-ю фигурами с таким свойством. Попробуем другую раскраску, скажем, «матрас». Тогда в прямоугольнике 1×4 то ли 0, то ли 2, то ли 4 черные клетки

(смотря как он лежит). А в особой фигуре – то ли 1, то ли 3. Короче, там – *четное*, здесь – *нечетное*. А сумма 15 четных чисел и одного нечетного *нечетна* и не может поэтому быть равна 32 (числу черных клеток на шахматной доске), ч.т.д.

Одна из задач данного факультатива – подготовить выпускников физико-математического факультета ЛПИ – филиала СФУ к проведению элективных курсов по решению олимпиадных задач. Они должны не только уметь разработать программу такого курса, но и оказать методическую помощь учащимся при подготовке к олимпиадам различного уровня.

На факультете, кроме того, проводятся олимпиады по математике в очной и заочной форме. Заочный тур, как правило, включает в себя решение задач по разделам: элементарная математика, алгебра, геометрия, математический анализ. Очная олимпиада проводится в индивидуальной и групповой форме. Командное соревнование носит название «Мозговой штурм». Здесь каждая академическая группа готовит свою задачу для соперников, предоставляя свое решение задачи. Побеждает команда решившая большее число задач соперников. Победители индивидуального зачета входят в состав команды, представляющей вуз на межвузовских олимпиадах по математике и методике обучения математике.

Слова математика Дж. Пойа «Решение задач – практическое искусство, подобное плаванию, катанию на лыжах или игре на фортепьяно; научиться ему можно, только подражая хорошим образцам и постоянно практикуясь» в полной мере можно отнести к обучению решению олимпиадных задач.

Решение олимпиадных задач развивает творческое и вариативное мышление и тем самым способствует развитию интеллекта и повышению уровня фундаментальности знаний.

Список литературы:

1. Пойа Д. Математическое открытие. – М.: Наука, 1976. – 235 с.
2. Пойа Д., Килпатрик Д. Сборник задач по математике Стэнфордского университета. – М.: НО Научный фонд «Первая исследовательская лаборатория им. Академика В.А. Мельникова», 2002. – 97 с.

Раздел пятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕТОДА НЕРАЗРУШАЮЩЕГО КОНТРОЛЯ ТЕПЛОФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ТЕПЛОИЗОЛЯЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

© **Балашов А.А.***, **Цуканова А.П.♦**

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

Рассмотрены теоретические основы метода неразрушающего контроля теплофизических свойств теплоизоляционных материалов, а также предложена модель процесса нестационарного теплопереноса от плоского источника тепла постоянной мощности в виде круга при теплофизических измерениях.

Для определения теплофизических свойств (ТФС) материалов существует множество методов [1-3]. Однако исследования в этой области остаются на сегодняшний день актуальными. Это определяется, прежде всего, тем, что ТФС материала находят на основании косвенных экспериментов и рассчитывают по определенным математическим моделям. В результате точность и надежность определения ТФС во многом обуславливается тем, насколько верно математическая модель описывает тепловые процессы, происходящие при измерении свойств.

Сложные алгоритмы и измерительные процедуры реализуются современными информационно-измерительными системами, что позволяет автоматизировать процесс измерения, существенно повысить производительность и надежность проводимых исследований.

В данной работе рассматриваются теоретические основы метода [4] неразрушающего контроля ТФС сплошных теплоизоляционных материалов, подвергающихся тепловому воздействию от плоского источника тепла постоянной мощности на ограниченном участке поверхности.

Рассмотрим модель нестационарного теплопереноса от плоского источника тепла постоянной мощности в виде круга. Для этого получим выражение, определяющее развитие температурного поля от круглого ограниченного плоского нагревателя в полупространстве. Воспользуемся методом источников [5, 6]. Известно, что температурное поле от мгновенного точечного источника тепла, действующего в неограниченной среде, будет определяться следующим выражением [6]:

$$T_m(x, y, z, \tau) = \frac{Q}{c \rho \cdot (2\sqrt{\pi \cdot a \cdot \tau})^3} \cdot \exp \left[-\frac{(x-x_1)^2 + (y-y_1)^2 + (z-z_1)^2}{4 \cdot a \cdot \tau} \right]$$

* Доцент кафедры «Гидравлика и теплотехника», кандидат технических наук.

♦ Магистрант кафедры «Гидравлика и теплотехника».

где Q – количество тепла;

x, y, z – координаты точки тела;

τ – время;

x_1, y_1, z_1 – координаты точки действия мгновенного источника тепла;

$c\rho$ – объемная теплоемкость;

a – температуропроводность.

В цилиндрических координатах с учетом того, что $z_1 = 0$ и тело полуограниченное, это выражение записывается следующим образом [7]:

$$T_m(r, \varphi, z, \tau) = \frac{2Q}{c\rho \cdot (2\sqrt{\pi \cdot a \cdot \tau})^3} \cdot \exp \left[-\frac{r^2 + r_1^2 - 2 \cdot r_1 \cdot r \cdot \cos(\varphi - \varphi_1) + z^2}{4 \cdot a \cdot \tau} \right]$$

где r, φ – координаты точки тела;

r_1, φ_1 – координаты точки действия мгновенного источника тепла.

С учетом ряда преобразований [7] можем окончательно записать формулу, определяющую закономерности распространения тепла от круглого плоского нагревателя в полупространстве по оси z [5], т.е.

$$T(0, z, \tau) = \frac{2q\sqrt{a \cdot \tau}}{\lambda} \left(\operatorname{ierfc} \left[\frac{z}{2\sqrt{a \cdot \tau}} \right] - \operatorname{ierfc} \left[\frac{\sqrt{R^2 + z^2}}{2\sqrt{a \cdot \tau}} \right] \right)$$

Значения температуры центра нагревателя ($r = 0, z = 0$) будет определяться выражением:

$$T(0, 0, \tau) = \frac{2q\sqrt{a \cdot \tau}}{\lambda} \left(\frac{1}{\sqrt{\pi}} - \operatorname{ierfc} \left[\frac{R}{2\sqrt{a \cdot \tau}} \right] \right) \quad (1)$$

Рассмотрим поведение данной функции при больших и малых значениях τ . При малых τ величина $\operatorname{ierfc} \left[\frac{R}{2\sqrt{a \cdot \tau}} \right] \ll \frac{1}{\sqrt{\pi}}$ и ею можно пренебречь. С учетом того, что, $\varepsilon = \frac{\lambda}{\sqrt{a}}$ при малых значениях τ выражение (1) принимает вид:

$$T(0, 0, \tau) \approx \frac{2q\sqrt{\tau}}{\varepsilon\sqrt{\pi}} \quad (2)$$

Для анализа выражения (1) при больших τ представим его в виде:

$$T(0, 0, \tau) = \frac{q \cdot R}{\lambda} \left(\frac{2\sqrt{a \cdot \tau}}{\sqrt{\pi}} \left(1 - \exp \left[-\frac{R^2}{4 \cdot a \cdot \tau} \right] \right) + \operatorname{ierfc} \left[\frac{R}{2\sqrt{a \cdot \tau}} \right] \right) \quad (3)$$

Тогда в области больших τ имеет место следующая зависимость:

$$T(0,0,\tau) \approx \frac{q \cdot R}{\lambda} \left(1 - \frac{R}{2\sqrt{\pi \cdot a \cdot \tau}} \right) \quad (4)$$

Средние по нагревателю значения температур S при малых и больших τ [5] определяются по зависимостям:

$$S(\tau) \approx \frac{2q\sqrt{\tau}}{\varepsilon\sqrt{\pi}} \quad (5)$$

$$S(\tau) \approx \frac{2q \cdot R}{\lambda} \left(\frac{4}{3\pi} - \frac{R}{4\sqrt{\pi \cdot a \cdot \tau}} \right) \quad (6)$$

Рассмотрим закономерности развития тепловых процессов в плоском и в сферическом полупространствах.

В случае плоского полупространства значения температур ограничивающей поверхности ($z = 0$) при действии источника тепла постоянной мощности $q_{пл}$ будет определяться выражением [6]:

$$T_{пл}(0,\tau) = \frac{2q_{пл}\sqrt{\tau}}{\varepsilon\sqrt{\pi}} \quad (7)$$

В случае сферического полупространства, значения температур поверхности ($r = R_{сф}$), где действует источник тепла постоянной мощности, определяется формулой [2, 5]:

$$T_{сф}(R_{сф},\tau) = \frac{q_{сф} \cdot R_{сф}}{\lambda} \left(1 - \exp \left[\frac{a \cdot \tau}{R_{сф}^2} \right] \operatorname{ierfc} \left[\sqrt{\frac{a \cdot \tau}{R_{сф}^2}} \right] \right)$$

При больших τ это выражение имеет вид:

$$T_{сф}(R_{сф},\tau) \approx \frac{q_{сф} \cdot R_{сф}}{\lambda} \left(1 - \frac{R_{сф}}{\sqrt{\pi \cdot a \cdot \tau}} \right) \quad (8)$$

Сравнив выражения (2), (5), (7) и (4), (6), (8), можно сделать вывод о том, что при малых τ развитие теплового процесса на начальной стадии от ограниченного плоского нагревателя будет аналогично развитию теплового процесса в плоском полупространстве, а при больших τ – аналогично процессам, протекающим в сферическом полупространстве.

В реальном измерительном эксперименте на тепловой процесс будут оказывать влияние не только ТФС исследуемого материала, но и некото-

рые другие факторы. Отметим наиболее важные из них: теплоотдача в материал зонда, теплоемкость нагревателя и термические сопротивления.

Согласно, измерительной схеме системы: изделие – зонд (рис. 1), тепловое воздействие на исследуемое изделие, имеющее равномерное начальное температурное распределение, осуществляется с помощью нагревателя постоянной мощности, выполненного в виде тонкого диска радиусом R , встроенного в подложку измерительного зонда (ИЗ). Начальное температурное распределение контролируется одновременно тремя термоэлектрическими преобразователями (ТП), расположенными в центре нагревателя и на расстояниях r_1 и r_2 от центра. Центральным ТП в ходе эксперимента фиксируется термограмма – зависимость избыточной температуры T (или значений температур изделия T^*) от времени.

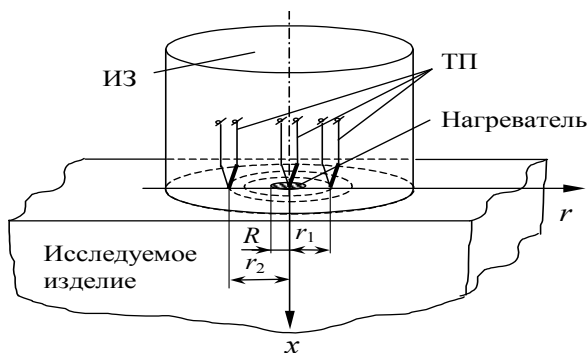

Рис. 1. Измерительная схема системы: изделие – зонд

Для получения расчетных выражений для определения ТФС исследуемых материалов с учетом данных факторов воспользуемся вышеприведенной аналогией тепловых процессов. То есть, для учета теплоемкости нагревателя и теплоотдачи в материал зонда на начальной стадии развития теплового процесса будем рассматривать задачу о распространении тепла в плоском полупространстве, а при больших τ будем считать, что нагреватель представляет собой полусферу (или сферу).

С целью учета теплоемкости нагревателя на начальной стадии была решена задача [7] и получено следующее выражение для поверхностного слоя ($z = 0$):

$$T(0, \tau) = \frac{2q\sqrt{\tau}}{\varepsilon\sqrt{\pi}} - \frac{qc_n}{\varepsilon^2} + \frac{qc_n}{\varepsilon^2} \exp\left(\frac{\varepsilon^2}{c_n^2} \tau\right) \operatorname{ierfc}\left(\frac{\varepsilon}{c_n} \sqrt{\tau}\right) \quad (9)$$

В области больших значений $\frac{\varepsilon}{c_n} \sqrt{\tau}$ зависимость (9) преобразуется к виду:

$$T(0, \tau) = \frac{2q\sqrt{\tau}}{\varepsilon\sqrt{\pi}} - \frac{qc_n}{\varepsilon^2} \quad (10)$$

Для учета теплоотдачи в материал зонда воспользуемся известной формулой о распределении тепла в системе, состоящей из двух полуограниченных тел, находящихся в идеальном тепловом контакте, и на границе раздела которых действует источник тепла постоянной мощности [6]. Значения температур границы раздела такой системы будет определяться выражением:

$$T(0, \tau) = \frac{2q\sqrt{\tau}}{(\varepsilon_1 + \varepsilon_2)\sqrt{\pi}} \quad (11)$$

где ε_1 и ε_2 – тепловые активности соответственно первого и второго контактирующих тел.

Таким образом, теплоемкость нагревателя и теплоотдача в материал зонда на начальной стадии учитывается выражениями (10) и (11).

Рассмотрим влияние теплоемкости нагревателя на ход развития теплового процесса при больших τ [7] в результате решения данной задачи получаем, что при больших τ :

$$T(R, \tau) = \frac{qR}{\lambda_1 + \lambda_2} \left(1 - \frac{R(\varepsilon_1 + \varepsilon_2)}{\sqrt{\pi \cdot \tau}(\lambda_1 + \lambda_2)} \right)$$

где λ_1 , λ_2 , ε_1 , ε_2 – соответственно теплопроводности и тепловые активности первого и второго из контактирующих тел.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о характере теплового процесса, происходящего в системе зонд-нагреватель-образец. На термограмме (рис. 2) построенной для материала из пенополиуретана можно выделить пять характерных участков.

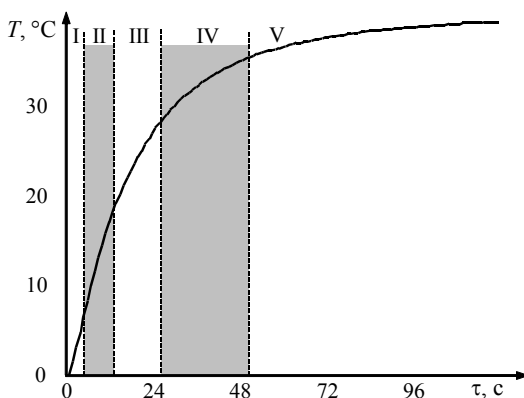

Рис. 2. Термограмма

Первый участок, где влияние теплоемкости нагревателя и «инерционности» датчика температуры (термоприемника) носит нелинейный характер, что трудно учесть при определении ТФС.

Второй участок, в котором поправка на теплоемкость нагревателя носит постоянный характер, и термограмма описывается выражением вида:

$$T(\sqrt{\tau}) = \frac{2q \cdot \sqrt{\tau}}{(\varepsilon + \varepsilon')\sqrt{\pi}} - \frac{qc_n}{(\varepsilon + \varepsilon')^2} \quad (12)$$

где q – тепловой поток на нагревателе;

$\varepsilon, \varepsilon'$ – соответственно тепловая активность исследуемого материала и поправка на тепловую активность материала зонда;

c_n – теплоемкость нагревателя.

Как видно из выражения (12), II-му участку будет соответствовать прямолинейный участок в координатах $T = T(\sqrt{\tau})$ (рис. 3).

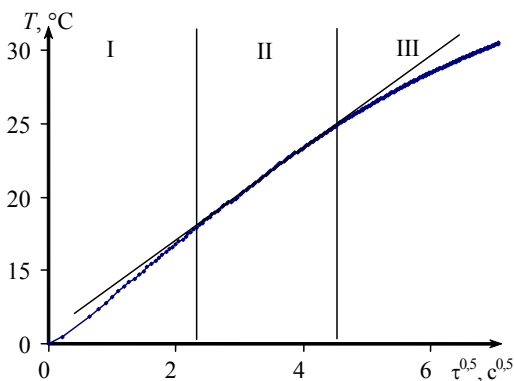

Рис. 3. Второй участок термограммы

Третий переходный участок между вторым и четвертым.

Четвертый участок, в котором теплоемкость нагревателя перестает влиять на развитие теплового процесса. Вид термограммы определяется только ТФС исследуемого материала и зонда. Выражение, описывающее этот участок термограммы, имеет вид:

$$T\left(\frac{1}{\sqrt{\tau}}\right) = \frac{q \cdot R}{\lambda + \lambda'} \left(1 - \frac{R(\varepsilon + \varepsilon')}{\sqrt{\pi}(\lambda + \lambda')} \frac{1}{\sqrt{\tau}} \right) \quad (13)$$

где R – радиус нагревателя;

λ, λ' – соответственно теплопроводность исследуемого материала и поправка на теплопроводность материала зонда.

Как видно из выражения (13), на термограмме IV участку будет соответствовать также прямолинейный участок только в координатах $T = T\left(\frac{1}{\sqrt{\tau}}\right)$.

Пятый участок, где в тепловом отношении образец перестает быть неограниченным, а на тепловой процесс оказывают значительное влияние граничные условия.

Проведенный анализ термограммы и выделение пяти характерных участков позволяют реализовать измерение ТФС на основе аналитических выражений (12), (13) для II-го и IV-го участков [4].

Для расчета ТФС по экспериментальным данным выражения (12) и (13) преобразуем к виду:

$$T(\sqrt{\tau}) = d_1 \sqrt{\tau} + d_0, \quad T(1/\sqrt{\tau}) = b_1 \cdot (1/\sqrt{\tau}) + b_0,$$

где $d_1 = \frac{A_1}{(\varepsilon + \varepsilon')}$, $d_0 = -\frac{B_1}{(\varepsilon + \varepsilon')^2}$, $b_1 = \frac{R_2^2(\varepsilon + \varepsilon')}{A_2(\lambda + \lambda')^2}$, $b_0 = \frac{B_2}{(\lambda + \lambda')}$ – параметры моделей, описывающих термограмму на II и IV участках;

$A_1 = \frac{2q}{\sqrt{\pi}}$, $B_1 = qc_n$, $A_2 = q\sqrt{\pi}$, $B_2 = qR$ – постоянные прибора, определяемые конструктивными особенностями применяемого устройства и режима опыта.

Значение d_1 , d_0 , b_1 , b_0 – определяется из термограммы по рабочим участкам, в соответствии с рис. 2, а значения A_1 , B_1 , A_2 , B_2 – из градуировочных экспериментов. Выражения для вычисления ε и постоянной прибора на II участке термограммы, в соответствии с рис. 2, имеет вид:

$$A_1 = \frac{d_{11}d_{12}}{d_{12} - d_{11}}(\varepsilon_1 - \varepsilon_2), \quad \varepsilon = \frac{A_1}{d_1} - \frac{\varepsilon_1 d_{11} - \varepsilon_2 d_{12}}{d_{12} - d_{11}},$$

где ε , ε_1 , ε_2 – тепловые активности, соответственно, исследуемого материала и образцовых мер ТФС;

d_1 , d_{11} , d_{12} – коэффициенты, определяемые из термограмм, снятых на исследуемом материале и образцовых мерах.

На IV участке термограммы выражения для расчета A_2 , ε , B_2 , λ имеют вид:

$$A_2 = \frac{b_0^2 b_{01}^2}{b_{12} b_{01}^2 - b_{11} b_{02}^2}(\varepsilon_1 - \varepsilon_2), \quad \varepsilon = \frac{b_1}{b_0^2} A_2 - \frac{\varepsilon_1 b_{12} b_{01}^2 - \varepsilon_2 b_{11} b_{02}^2}{b_{11} b_{02}^2 - b_{12} b_{01}^2},$$

$$B_2 = \frac{b_0 b_{02}}{b_{02} - b_{01}}(\lambda_1 - \lambda_2), \quad \lambda = \frac{B_2}{b_0} - \frac{\lambda_1 b_{01} - \lambda_2 b_{02}}{b_{02} - b_{01}},$$

где λ , λ_1 , λ_2 – теплопроводности исследуемого материала и образцовых мер;

$b_0, b_{01}, b_{02}, b_1, b_{11}, b_{12}$ – коэффициенты, определенные из термограмм, снятых на исследуемом материале и образцовых мерах.

Для определения адекватности полученной математической модели реальному тепловому процессу, соответствующему распространению тепла от круглого плоского нагревателя конечных размеров, воспользуемся численным моделированием температурных полей методом конечных элементов с помощью пакета ELCUT [8].

Выражение, описывающее изменение избыточной температуры в центре плоского круглого источника тепла постоянной мощности при действии его в системе двух полуограниченных тел, имеет вид (12).

На рис. 4 показано распределение значений температур (T) от плоского круглого нагревателя постоянной мощности в системе двух полуограниченных тел (исследуемое изделие-зонд) при идеальном тепловом контакте между ними при следующих условиях: $\tau = 10$ с; $R = 0,004$ м; $q = 5000$ Вт/м²; $\lambda_1 = \lambda_2 = 0,25$ Вт/(м·К); $c_1 = c_2 = 1005$ Дж/(кг·К); $\varepsilon_1 = \varepsilon_2 = 743,47$ Вт·с^{0,5}/(м²·К); $\rho_1 = \rho_2 = 2200$ кг/м³; шаг изотерм = 0,5 К.

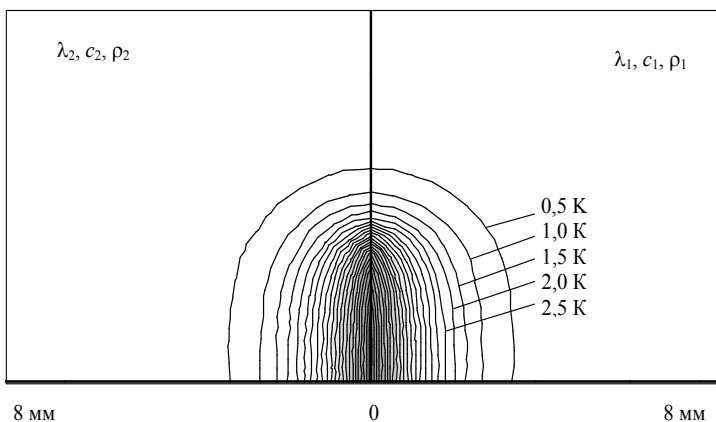

Рис. 4. Распределение значений температур (T) от плоского круглого нагревателя постоянной мощности в системе двух полуограниченных тел с одинаковыми ТФС

С использованием пакета ELCUT и с помощью выражения (12) проведены расчеты и построены термограммы, представленные на рис. 5.

Зависимость относительной погрешности значений температур $\delta_T = \frac{2(T_1 - T_2)}{T_1 + T_2} 100\%$ от времени τ , обусловленной применением различных математических моделей распределения тепла от ограниченного круглого и бесконечного плоского источников тепла, представлена на рис. 7.

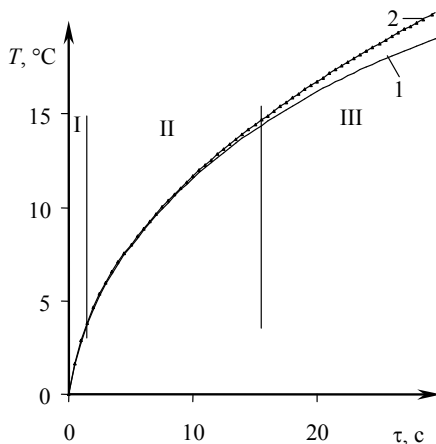

Рис. 5. Термограммы, построенные для системы двух полуограниченных тел с одинаковыми ТФС без учета теплоемкости нагревателя.

В плоскости контакта действует: 1 – круглый источник тепла, расчеты выполнены с использованием пакета (ELCUT); 2 – бесконечный плоский нагреватель, расчеты выполнены по зависимости (12)

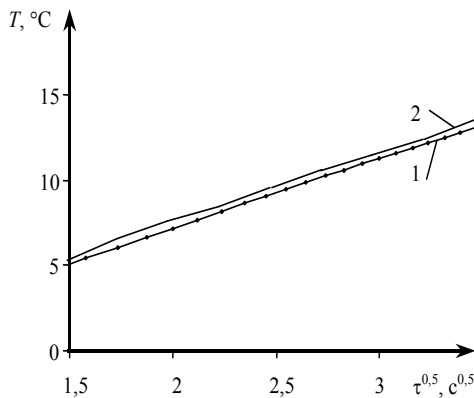

Рис. 6. Рабочие участки термограмм, представленных на рис. 5

На рабочем участке термограммы относительная погрешность не превышает значения $\delta_T = 2\%$ (рис. 7).

Анализируя зависимость, представленной на рис. 7, можно сделать вывод о том, что несовпадение значений температуры, полученных по модели распространения тепла от плоского круглого нагревателя и по модели распространения тепла от бесконечного плоского нагревателя постоян-

ной мощности, минимально при равных значениях тепловой активности материалов подложки зонда и исследуемого изделия.

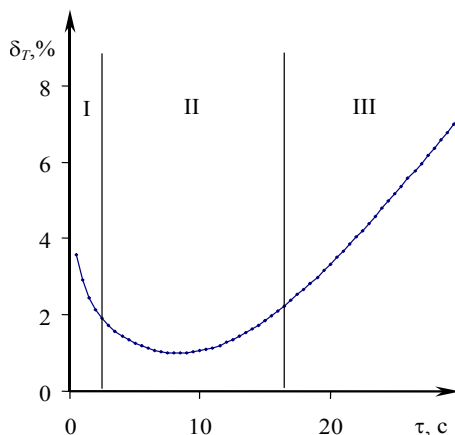

Рис. 7. Зависимость $\delta_T = f(\tau)$

Таким образом, адекватность математической модели распространения тепла в плоском полупространстве и реального теплового процесса, позволила рекомендовать применение зависимости (12) на рабочем участке термограммы в методе неразрушающего контроля ТФС сплошных теплоизоляционных материалов. Полученные расчетные выражения позволяют определять комплекс ТФС – теплопроводность и тепловую активность. Определение ТФС по экспериментальным данным, где реально выполняются расчетные зависимости (12), (13) дает возможность существенно снизить методическую погрешность измерений. Так как ТФС определяются по участкам, а не по отдельным точкам термограммы, то снижается также влияние случайных составляющих погрешности измерения. Это особенно важно для теплоизоляционных материалов, где к случайной составляющей погрешности добавляется погрешность, связанная с отличием локальных значений ТФС от средних для данного материала. Вследствие того, что модели (12), (13) являются линейными по параметрам, возникает возможность на основе классических статистических методов провести оценку случайной составляющей погрешности измерения ТФС для отдельного опыта. Так как в методе для определения тепловой активности используется два участка термограммы, это позволяет проводить самоконтроль за результатами эксперимента.

Список литературы:

1. Вавилов В.П. Тепловые методы неразрушающего контроля / В.П. Вавилов. – М.: Машиностроение, 1991. – 240 с.

2. Платунов Е.С. Теплофизические измерения и приборы / Е.С. Платунов. – Л.: Машиностроение, 1986. – 256 с.
3. Анализ и синтез измерительных систем / С.В. Мищенко, Ю.Л. Муромцев, Э.И. Цветков, В.Н. Чернышов. – Тамбов: ТГТУ, 1995. – 238 с.
4. Жуков Н.П., Пудовкин А.П., Майникова Н.Ф. Метод, устройство и автоматизированная система неразрушающего контроля теплофизических свойств композитов // Вестник ТГТУ. – 1997. – Т. 3, № 4. – С. 406-415.
5. Карслоу Г. Теплопроводность твердых тел / Г. Карслоу, Д. Егер. – М.: Наука, 1964. – 487 с.
6. Лыков А.В. Теория теплопроводности / А.В. Лыков. – М.: Высш. шк., 1967. – 599 с.
7. Моделирование процесса теплопереноса от плоского источника тепла при теплофизических измерениях / Ю.Л. Муромцев, Н.П. Жуков, Н.Ф. Майникова, И.В. Рогов, А.А. Балашов // Вестник ТГТУ. – 1999. – Т. 5, № 4. – С. 543-551.
8. ELCUT: Руководство пользователя. – СПб., 2003. – 231 с.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ГИДРАВЛИЧЕСКИМ УДАРОМ В ТЕПЛОВЫХ СЕТЯХ

© Балашов А.А.*

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

Одним из основных путей обеспечения надёжной, экономичной и безаварийной работы тепловых сетей является предупреждение и устранение колебаний давления, вибраций и гидравлических ударов.

Гидравлическим ударом или неустановившимся гидравлическим режимом называется волновой процесс, возникающий в каплевой жидкости при быстром изменении её скорости движения. В трубопроводах этот процесс сопровождается мгновенными местными повышениями и понижениями давления, которые могут выходить за пределы напоров, соответствующих начальному и конечному стационарным состояниям системы хотя бы в одной точке [1].

Неустановившейся гидравлический режим, определяющий переход гидравлической системы из одного стационарного состояния в другое называется переходным гидравлическим режимом.

В зависимости от инерционных свойств трубопроводной системы и характеристик возмущающего воздействия переходные гидравлические режимы могут иметь характер гидравлического удара или квацистационарного режима.

Квазистационарные режимы имеют монотонный характер и определяются длительными возмущениями. В этих режимах основную опасность может представить конечное давление.

При быстром изменении скорости движения масс воды процесс изменения величины давления имеет волновой характер, что можно зафиксировать и увидеть с помощью осциллографа в реальном масштабе времени. Волны гидравлического удара распространяются по системе теплоснабжения со скоростью звука в воде и могут многократно повторяться, пока энергия удара не израсходуется на работу трения и деформации трубопроводов.

В тепловых сетях используются трубы разных диаметров, поэтому возрастание ударного давления происходит при переходе ударной волны с трубы большего диаметра на трубы с меньшим диаметром. Кроме того, при наличии волн давления в трубопроводе могут возникнуть условия резонанса, т.е. совпадение частоты собственных и вынужденных колебаний столба жидкости в трубопроводе. Этот процесс наблюдается в тупиковых точках трубопровода, например, во внутренних трубопроводных системах зданий. При этом разрушающее воздействие гидравлических ударов многократно усиливается.

* Доцент кафедры «Гидравлика и теплотехника», кандидат технических наук.

В современных водяных тепловых сетях вероятность возникновения гидравлических ударов в последние годы существенно возросла в связи с увеличением единичной тепловой мощности теплоисточников, вводом в работу длинных теплопроводов большого диаметра с большим количеством задвижек и регулирующих клапанов [1]. При отказе какого-либо элемента системы теплоснабжения, например при быстром закрытии задвижки или клапанов, может произойти резкое изменение скорости воды в тепловой сети, сопровождающееся гидравлическим ударом.

В процессе эксплуатации трубопроводных систем неизбежно возникают волновые явления различной природы (провалы давления и гидравлические удары, вынужденные колебания давления, автоколебания, резонансные явления и т.д.), а также связанные с ними вибрационные процессы [2].

Возникновение и высокоскоростное распространение волн повышенного давления, в несколько раз превышающего рабочее давление, часто носит характер гидравлического удара. В результате возникновения гидравлического удара, как правило, происходят прорывы в наиболее ослабленных местах трубопроводной системы, которая вследствие износа неспособна выдержать динамические нагрузки ударного характера. Гидравлические удары, колебания и пульсации давления, повышенная вибрация трубопроводов многократно повышают скорость внутренних коррозионных процессов, способствуют накоплению усталостных микротрещин в металле, особенно в местах концентрации напряжений (сварные швы, цапины, задиры, заводские дефекты и др.) и являются основным фоном возникновения аварийных ситуаций.

Причинами возникновения гидравлических ударов, пульсаций давления и повышенных уровней вибраций являются:

- короткие электрические замыкания и провалы энергоснабжения, аварийные отключения электропитания работающих насосных агрегатов;
- срабатывание обратных клапанов, быстрое закрытие или открытие предохранительной или запорно-регулирующей арматуры;
- сбой автоматизированных систем управления технологическими процессами и ложные срабатывания технологических защит;
- периодические остановки, повторные пуски, а также коммутационные переключения насосов;
- ошибочные действия обслуживающего персонала и т.п.

Согласно эксплуатационному опыту [2] причинами разрушения трубопроводов в 60 % случаев являются гидравлические удары, перепады давления и вибрации, около 25 % приходится на коррозионные процессы, 15 % – на природные явления и форс-мажорные обстоятельства.

В фундаментальной монографии А.А. Сурина [3] отмечалось, что большая часть аварий на водоводах имеет своей причиной явление гидрав-

лического удара, но как правило, эта причина остается неустановленной, так как выявление этой причины возможно только при проведении систематических наблюдений и исследований с применением специального оборудования.

Для защиты оборудования систем теплоснабжения разработаны и используются различные противоударные устройства и мероприятия. Все известные противоударные мероприятия и устройства по принципу действия можно разделить на две основные группы.

Первая группа создает эффект отражения волн изменений напора с противоположным знаком.

Вторая группа предназначена для изменения характеристик самого источника возмущения, т.е. уменьшение крутизны передних фронтов волн и их абсолютных значений.

Одним из основных путей обеспечения надёжной, экономичной и безаварийной работы трубопровода является предупреждение и устранение колебаний давления, вибраций и гидравлических ударов [4]. Однако традиционно используемые средства для гашения волновых и вибрационных процессов, такие как дроссельные шайбы, ресиверы, воздушные колпаки, аккумуляторы давления и т.п. малоэффективны, и поэтому ими оборудуется лишь незначительная часть всех трубопроводов небольшой длины, где используются нагнетательные установки поршневого типа.

Для трубопроводов большой протяженности используются предохранительные клапаны, осуществляющие сброс транспортируемой среды в резервные ёмкости в случае чрезмерного повышения давления [5]. Примером таких клапанов являются клапаны типа «Flexflo» и «Аркрон», которыми оборудованы некоторые магистральные нефтепроводы, однако их применение ограничено из-за большой массы и габаритов, высокой стоимости, значительных по объёму резервуаров. Большинство трубопроводов вообще не оборудуется средствами защиты.

Впервые задача о нестационарном ламинарном движении несжимаемой жидкости без предположения о квазистационарности профиля скорости была решена с помощью рядов еще в 1882 г. И.С. Громекой [6], где трение учитывалось в исходных дифференциальных уравнениях. Однако числовые результаты для этого решения были получены только в XX веке.

Основы движения неустановившейся жидкости в напорных трубопроводах были заложены еще Н.Е. Жуковским [7, 8]. Он рассмотрел течение невязкой жидкости, составил дифференциальные уравнения её движения и для ряда задач получил результаты, которые легли в основу дальнейшей разработки теории напорного и безнапорного течений вязкой жидкости. С помощью этой теории удалось объяснить ряд физических явлений, получивших название гидравлического удара. В них был заложен фундамент современных методов расчёта элементов конструкций трубопроводов. В

работе Н.Е. Жуковского [7] показано, что задачу о движении сжимаемой жидкости в упругом цилиндрическом трубопроводе достаточно свести к задаче о движении сжимаемой жидкости в жёстком трубопроводе, но с меньшим модулем упругости жидкости. Это обстоятельство учитывается введением эффективной скорости звука. Метод определения эффективной скорости для более сложного поперечного сечения изложен в работе К.Г. Асатура [9].

В работах М.А. Мосткова [10, 11] развита теория гидравлического удара применительно к трубопроводам гидростанций и гидроэнергетического оборудования, рассмотрены граничные условия и предложены методы расчёта для простых и разветвлённых трубопроводов.

Весьма подробная библиография работ по неустановившемуся движению и исторический очерк развития теории гидравлического удара содержится в работах Н.А. Картвелишвили [12] и А.А. Сурина [3].

Довольно большое количество работ посвящено экспериментальному изучению динамики трубопроводных систем, а именно, исследованию профилей скорости при нестационарном движении.

Впервые Л.С. Лейбензоном [13] были впервые рассмотрены периодические колебания давления в длинных трубопроводах, оборудованных поршневыми насосами с учётом сжимаемости жидкости. Им было получено выражение для определения ударного давления при нестационарном течении жидкости, позволяющее учесть неравномерное распределение скорости по сечению. В дальнейшем это выражение было уточнено И.Ф. Ливурдовым в работе [14], где учитываются потери на трение от выравнивания скорости в сечении трубопровода при торможении потока.

Теория неустановившегося течения жидкости в трубах с учётом её вязкости была создана И.А. Чарным [15]. Система дифференциальных уравнений И.А. Парного, описывающая движение жидкости в трубопроводе, использует гипотезу квазистационарности, впервые принятую С.А. Христиановичем для расчёта неустановившегося течения в открытых руслах. Гипотеза заключается в том, что сила трения жидкости о стенку трубы в нестационарном режиме принимается такой же, как и при стационарном течении со скоростью, равной мгновенной скорости рассматриваемого нестационарного движения. Используя полученные выражения, И.А. Чарный исследовал волновые процессы, протекающие в простом трубопроводе, а именно в трубопроводе с простой камерой, например, воздушным колпаком с учётом сил трения и без учёта сил трения. Созданная И.А. Чарным теория неустановившегося движения жидкости в напорном трубопроводе в настоящее время нашла широкое применение.

Развитие работ по энергетическим установкам различного назначения привело к интенсификации исследований по теории колебаний жидких и газообразных сред в трубопроводах, результаты которых изложены в трудах: В.В. Болотина, А.П. Владиславлева, Р.Ф. Ганиева, П.А. Гладких, Б.Ф. Гликма-

на, М.А. Гусейн-Заде, М.А. Ильгамова, М.А. Колесникова, С.С. Кутателадзе, М.С. Натанзона, Х.Н. Низамова, М.С. Пилипенко, М.А. Попова, В.А. Светлицкого, М.А. Стыриковича, П.А. Хачатуряна, М.А. Шорина и др.

Проблемам динамики пространственно изогнутых участков трубопровода с жидкостью, гидравлического удара и способы понижения частот собственных колебаний жидкости в трубопроводах посвящены многие работы.

Методика расчёта собственных колебаний жидкости в сложных разветвлённых трубопроводах, создана коллективом под руководством В.А. Махина [16]. Исследования провалов давления в трубопроводах приведены в работах М.С. Натанзона [17]. Вынужденные колебания сжимаемой жидкости исследовались в работах многих учёных.

Анализ теоретических работ, посвященных динамике жидкости в трубопроводах, показывает, что основное внимание в них уделялось вопросам расчёта колебаний давления и расхода жидкости в простых трубопроводах и в системах с воздушными колпаками и аккумуляторами давления. В то же время многочисленные экспериментальные исследования показали достаточное влияние на управление динамическими процессами диссипативных элементов и геометрических параметров трубопроводной системы. Методы расчёта волновых процессов в трубопроводах с гасителями предложены в работах [18, 19]. Задача анализа волновых процессов в трубопроводах с распределёнными диссипативными элементами и упругими элементами различных типов поставлена в работах [18, 19], где предложен ряд соответствующих методов расчёта.

В работах Б.Ф. Гликмана, К.С. Колесникова предложены методы подавления резонансных частот и способы понижения частот собственных колебаний в жидкостных магистралях путём установки на входах в насосы податливых элементов – демпферов. В монографии [19] выделены следующие три способа снижения частот собственных колебаний жидкости в трубопроводах:

- введение сосредоточенной упругости за счёт установки специальных устройств – гидравлических и газовых демпферов;
- понижение распределённой упругости трубы путём замены материала трубы на другой, с меньшим модулем упругости;
- понижение распределённой упругости жидкости путём вдува в жидкостную магистраль газа.

В этой же работе представлены конструктивные варианты сильфонных, газовых, пружинных и смешанных демпферов применительно к жидкостным магистралям.

В работе В.В. Пилипенко и М.А. Натанзона [17] рассматривается влияние газовых демпферов, установленных в расходных магистралях на колебания давления на входах в насосы при работе мощных энергетических установок.

Средства защиты от колебаний давления в трубопроводах излагаются в монографии В.П. Шорина, в которой описываются гасители колебаний различных типов и принципов работы гасителей: типа параллельного резонансного контура, газожидкостные гасители емкостного типа, инерционного принципа действия и с активным волновым сопротивлением.

Имеется ряд фундаментальных работ, в которых рассматриваются теоретические основы расчёта вибраций систем и колебаний потоков, вызванных возвратно-поступательным движением поршней. К ним относятся классические исследования С.П. Тимошенко и Д. Рэлея [20, 21].

Одним из распространённых типов гасителей пульсаций давления являются различные резонансные звукопоглощающие системы. Изучением таких систем и созданием методов расчёта гасителей успешно занимался С.Н. Ржевкин. Резонатор представляет собой замкнутую полость с жёсткими стенками, сообщающуюся через узкий канал с трубопроводом, в котором необходимо устранить вредные пульсации давления.

Снижение уровня пульсаций давления в трубопроводной системе на практике ведётся путём изменения конструкции трубопроводов, уменьшения возмущающих сил за счёт уравнивания ротора насоса и компрессора, увеличения толщины стенок, виброизоляции трубопроводов от источников возбуждения, рациональной укладки трубопроводов и опор. Как правило, такие способы оказываются весьма дорогостоящими.

В своей работе А.А. Самарин [22] предлагает использовать известные способы гашения пульсаций давления, используемые в других областях техники, а также для теплоэнергетического оборудования.

Из проведенного обзора и анализа существующих конструкций демпфирующих устройств (воздушные колпаки, аккумуляторы давления, гасители различных типов, дроссельные шайбы и ресиверы) следует, что описанные средства имеют следующие недостатки:

- отсутствие диссипативных элементов не позволяет обеспечить требуемое снижение амплитуды колебаний давления;
- вследствие сосредоточенных параметров устройства не обеспечивается восстановление пониженного давления в системе;
- нельзя использовать их для стабилизации колебаний давления многорежимных систем;
- невозможность использования их в агрессивных средах из-за пожароопасности;
- большие времена и неудовлетворительные качества регулирования переходных процессов.

По моему мнению, устранением этих недостатков, занимается российская инжиниринговая компания – Волновые Технологии. Она специализируется на разработке и реализации инновационных технологий в области экологической и промышленной безопасности трубопроводных систем и оборудования [23].

Назначение технологии волновой стабилизации давления, имеет следующие направления:

- увеличение коррозионно-усталостной долговечности труб за счёт снижения до необходимого уровня амплитудно-частотных характеристик пульсаций давления на рабочих частотах насосных агрегатов и при переходных режимах;
- обеспечение безаварийной эксплуатации трубопроводных систем и оборудования путём гашения до безопасного уровня амплитуд гидравлических ударов, колебаний давления, вибраций и резонансных явлений;
- полное исключение крупных аварийных разрывов трубопроводов, выхода из строя арматуры и насосных агрегатов по причинам гидравлических ударов, пульсаций давления и вибраций;
- продление эксплуатационного ресурса даже сильно изношенных трубопроводов за счёт снижения динамических и циклических нагрузок.

Действие стабилизаторов давления основано на распределённом по длине трубопровода диссипативном и упругодемпфирующем воздействии на поток перекачиваемой среды. Стабилизатор давления для жидких сред состоит из корпуса, имеющего перфорированный по длине и периметру участок трубопровода и демпфирующие камеры, гидравлические полости которые соединены посредством патрубков с корпусом.

Стабилизатор давления для жидких сред работает следующим образом. При возникновении в основном трубопроводе волновых процессов происходит перетекание жидкости через отверстия перфорации центрального трубопровода в кольцевую предкамеру, образованную внутренней поверхностью корпуса и внешней поверхностью центрального перфорированного трубопровода или, наоборот, в результате чего изменяется давление в гидравлической полости демпфирующей камеры, что вызывает упругую деформацию упругодемпфирующего материала демпфирующей камеры, эластичной оболочки и приводит к изменению объёма жидкости в демпфирующей камере. Такое последовательное взаимодействие жидкости с упругими элементами демпфирующих камер позволяет обеспечить высокую эффективность работы устройства за счёт высокой податливости демпфирующих камер в динамическом режиме, и диссипации энергии колебаний на отверстиях перфорации и демпфирующих элементах.

Технология волновой стабилизации давления успешно применяется для противоаварийной защиты трубопроводов и оборудования более чем на 60 крупных предприятиях в России и странах СНГ в различных отраслях промышленности: в электроэнергетике, коммунальном хозяйстве, нефтегазовой, химической и металлургической промышленности, трубопроводном транспорте. Накопленный практический опыт эксплуатации свидетельствует

о том, что затраты на внедрение стабилизаторов давления полностью окупаются в течение нескольких месяцев эксплуатации, при этом гарантия производителя стабилизаторов давления составляет 36 месяцев с момента ввода стабилизаторов давления в эксплуатацию, а минимальный срок службы установленный в ТУ 3790-001-84363216-2008 составляет 12 лет.

Таким образом, создание современных технических средств защиты трубопроводов от волновых и вибрационных процессов является актуальной задачей применительно к системам теплоснабжения. Её решение позволит уменьшить непроизводительные потери воды и устранить загрязнение окружающей среды.

Список литературы:

1. www.energotechnologia.narod.ru/index.htm.
2. www.naviny.by/rubrics/disaster/2009/03/10.
3. Сурин А.А. Гидравлический удар в водопроводах и борьба с ним / А.А. Сурин. – М.: Трансжелдориздат, 1946. – 371 с.
4. www.energotechnologia.narod.ru/index.htm.
5. Сулименко В.В. Разработка методов предупреждения аварийных ситуаций в системах городской инфраструктуры: автореф. дисс. ... канд. техн. наук: 05.26.02 / В.В. Сулименко. – М., 2007. – 16 с.
6. Громеко И.С. О скорости распространения волнообразного движения жидкостей в упругих трубах / И.С. Громеко. – Казань, 1883. – 123 с.
7. Жуковский Н.Е. О гидравлическом ударе в водопроводных трубах / Н.Е. Жуковский. – М.; Л.: Гостехиздат, 1949. – 103 с.
8. Гликман Б.Ф. Математические модели пневмогидравлических систем / Б.Ф. Гликман. – М.: Наука, 1986. – 356 с.
9. Андреева Л.Е. Упругие элементы приборов / Л.Е. Андреева. – М.: Машиностроение, 1981. – 391 с.
10. Мостков М.А. Гидравлический удар в гидроэлектрических станциях / М.А. Мостков. – М.; Л.: ГОНТИ, 1938. – 148 с.
11. Мусаев В.К. Анализ риска в задачах безопасности населения и территорий / В.К. Мусаев. – М.: РУДН, 2005. – 21 с.
12. Гидравлический удар и уравнильные резервуары / Под ред. Н.А. Картелишвили. – М.: Наука, 1968. – 248 с.
13. Лейбензон Л.С. Собрание трудов / Л.С. Лейбензон. – М.: Изд. АН СССР, Т. 3, 1955. – 678 с.; Т. 4, 1956. – 396 с.
14. Ливурдов И.Ф. Неустановившееся движение жидкости в трубах с переменным и постоянным поперечным сечением: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук. – М., 1956. – 18 с.
15. Чарный И.А. Неустановившееся движение реальной жидкости в трубах / И.А. Чарный. – М.: Недра, 1975. – 296 с.

16. Махин В.А. Динамика жидкостных ракетных двигателей / В.А. Махин, В.Ф. Пресняков, Н.П. Велик. – М.: Машиностроение, 1969. – 384 с.
17. Натанзон М.С. Продольные автоколебания жидкостной ракеты / М.С. Натанзон. – М.: Машиностроение, 1977. – 208 с.
18. Ганиев Р.Ф. Колебательные явления в многофазных средах и их использование в технологии / Р.Ф. Ганиев, Н.И. Кобаско. – К.: Техника, 1980. – 143 с.
19. Ганиев Р.Ф. Волновая стабилизация и предупреждение аварий на трубопроводах / Р.Ф. Ганиев, Х.Н. Низамов, Е.И. Дербуков. – М.: МГТУ, 1996. – 260 с.
20. Тимошенко С.П. Прочность и колебания элементов конструкций / С.П. Тимошенко. – М.: Наука, 1975. – 704 с.
21. Тимошенко С.П. Теория упругости / С.П. Тимошенко, Д. Гудьер. – М.: Наука, 1975. – 576 с.
22. Самарин А.А. Вибрации трубопроводов энергетических установок и методы их устранения / А.А. Самарин. – М.: Энергия, 1979. – 286 с.
23. www.volnotex.ru/about.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ КУРСА «КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ» СРЕДСТВАМИ ПАКЕТА СИМВОЛЬНОЙ МАТЕМАТИКИ MAPLE

© Чепкунова Е.Г.*

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Казань

В целях повышения эффективности усвоения дисциплины «Компьютерное моделирование» студентами специальностей физико-математического профиля предложено использовать средства визуализации рассматриваемых задач, созданные с использованием технологии Maple-инструментов пакета символьной математики Maple. Рассматриваются средства создания, возможности и методика использования приложения, иллюстрирующего задачи моделирования физических процессов.

В государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования многих физико-математических специальностей включен предмет «Компьютерное моделирование», в рамках которого студенты знакомятся с понятиями «модель», «моделирование», «вычислительный эксперимент», узнают о различных видах моделей и технологиях компьютерного математического моделирования.

Основной упор в курсе делается на выработку общего методологического подхода к построению компьютерных моделей и работе с ними. Ведь не секрет, что зачастую для различных процессов удается получить очень близкие модели. Преподавателю необходимо продемонстрировать это на конкретных примерах. Также, на примере ряда моделей из различных областей науки и практической деятельности необходимо проследить все этапы компьютерного моделирования, начиная с постановки задачи до интерпретации полученных результатов. Большую роль в освоении каждого этапа компьютерного моделирования задачи играют выполняемые на протяжении всего курса лабораторные работы, на которых студентам предлагаются учебные задачи различного уровня сложности [1].

Данная дисциплина изучается на старших курсах, и к этому времени студенты имеют уже достаточно большой багаж знаний в области физики, высшей математики, методов вычислений. Следует отметить, что специальность оказывает большое влияние на соотношение знаний студента по указанным областям. Так, преподаватели кафедры вычислительной математики и информатики Татарского государственного гуманитарно-педагогического

* Доцент кафедры Вычислительной математики и информатики, кандидат физико-математических наук.

университета ведут занятия по дисциплине «Компьютерное моделирование» у студентов следующих специальностей: 050202.65 «Информатика с дополнительной специальностью английский язык» и 050201.65 «Математика с дополнительной специальностью информатика». Как показывает опыт, студенты-математики лучше знакомы с математическим аппаратом и методами вычислений, а вот в выборе компьютерного приложения для нахождения решения и его последующей визуализации они несколько ограничены в силу недостаточности широты знаний в области информатики. Такие студенты тяготеют к анализу модели, им нравится сам процесс проведения вычислительного эксперимента, но делать это они предпочли бы на уже готовой компьютерной модели. Студенты-информатики напротив, прекрасно владеют языками программирования, проявляют большой интерес к написанию приложений, иллюстрирующих решение той или иной задачи, но при этом математическая постановка задачи и выбор подходящего метода решения задачи представляет для них значительную сложность.

В помощь студентам и преподавателям при изучении раздела «Компьютерные математические модели в физике» был создано компьютерное приложение, позволяющее визуализировать решения рассматриваемых физических задач. В настоящее время для изучения указанного раздела отводится 20 аудиторных часов из них 12 часов лекционных занятий и 8 часов лабораторных занятий. В рамках раздела рассматриваются следующие вопросы [2]:

- Физика и моделирование.
- Задача о свободном падении тела.
- Задача о движении тела, брошенного под углом к горизонту.
- Движение тела переменной массы.
- Законы движения космических тел.
- Моделирование процесса теплопроводности.

Именно этот раздел занимает в курсе «Компьютерное моделирование» у указанных специальностей больший объем по сравнению с другими. Вопросы, рассматриваемые в данном разделе, являются классическими задачами механики и термодинамики и входят в курс физики основной школы. Студенты могут использовать результаты лабораторных работ курса «Компьютерное моделирование» в своей практической деятельности на уроках информатики в школе для обеспечения межпредметных связей.

Рассматриваемое приложение создано с использованием Maplet-инструментов пакета символьной математики Maple и само по себе уже может являться компьютерной математической моделью решаемой задачи.

Система Maple позиционируется как универсальная система компьютерной математики, рассчитанная на широкого пользователя. Система содержит средства для выполнения быстрых численных расчетов, лежащих в основе математического моделирования различных явлений окружающего нас мира, систем и устройств самого различного назначения. Все это

сочетается с новейшими и весьма эффектными средствами визуализации вычислений [3].

Maple имеет довольно развитый язык программирования, содержащий типовые средства процедурного программирования, например управляющие структуры, циклы, операторы ввода / вывода и т.д. С начала двухтысячных годов этот язык включает в себя средства визуально-ориентированного программирования пользовательского интерфейса, названные маплетами (Maplets). Начиная с версии 9.5, в состав пакета включены так называемые Maplet-ассистенты (Assistants), которые обеспечивают пошаговое решение математических задач с демонстрацией промежуточных результатов вычислений. Они носят достаточно универсальный характер и позволяют пользователю, не знакомому с синтаксисом команд Maple осуществлять выполнение основных математических операций, таких как дифференцирование, интегрирование, вычисление пределов, аппроксимация функций и т.д. Также имеются ассистенты, позволяющие осуществлять построение графиков и поверхностей в различных системах координат. Помогут ассистенты и при создании компьютерных моделей. Однако, для того чтобы воспользоваться ассистентом для компьютерного моделирования задачи необходимо знать ее математическую модель и уметь вносить необходимые изменения в модель при изменении условий задачи. Созданное приложение не требует от пользователя обязательного знания математической модели задачи и позволяет получить решение и его визуализацию непосредственно после ввода исходных данных.

Главное окно программы предоставляет пользователю возможность осуществить выбор нужной задачи (темы лабораторной работы).

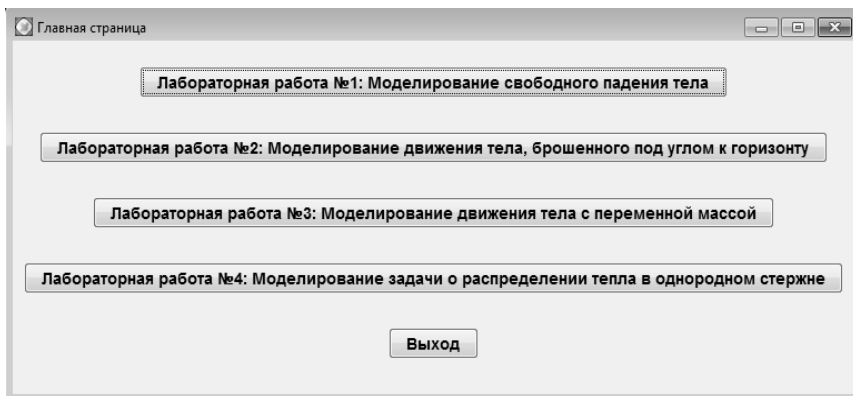

Рис. 1. Главное окно приложения

После выбора задачи открывается новое окно, в котором и осуществляется моделирование физического процесса. Пользователю необходимо

вести исходные данные, причем, благодаря возможностям пакета символьной математики, эти исходные данные могут быть введены как в виде констант, так и в виде математических выражений. Например, массу объекта можно задать равной как 36, так и $4 \cdot 9$, так и 6^2 . При вводе данных в виде выражения пользователь также может использовать стандартные математические функции: возведение в степень, извлечение корня, тригонометрические функции, логарифмическую и показательную функцию. Единственное требование к пользователю при этом состоит в необходимости соблюдать синтаксис встроенного языка, который, впрочем, не существенно отличается от принятых правил записи математических выражений. В выражениях также допускается использование числа π , значение которого в синтаксисе Maple можно получить набрав Pi .

Каждая задача снабжена необходимым набором табличных данных: таблица плотности, таблица вязкости, таблица коэффициентов теплопроводности веществ, таблица коэффициентов лобового сопротивления и т.д. Для удобства пользователя и сохранения компактной формы приложения эти данные отображаются по требованию пользователя в отдельном окне при нажатии на соответствующую кнопку со знаком «i».

Часть исходных данных недоступна для прямого ввода пользователем и вычисляется на основе введенных им данных самим приложением. Это сделано в целях исключения возможных ошибок при вводе данных, требующих проведения дополнительных вычислений со стороны пользователя, а также возникновения конфликтов данных прямого ввода и данных, требующих предварительных математических вычислений.

По каждой задаче результаты выводятся в графической и текстовой форме. Имеется возможность посмотреть различные зависимости результатов друг от друга: динамику изменения высоты тела от времени полета, динамику изменения скорости тела от времени, зависимость скорости от высоты полета и т.д. Пользователь может изменить диапазон отображения графика с помощью инструмента «слайдер» (движок числовой шкалы). Щелчок левой клавишей мыши по графику позволяет увидеть данные, по которым этот график был построен. Существует опция вращения трехмерного изображения в окне приложения, что позволяет добиться наилучшего ракурса и более детально изучить физический процесс.

Рассмотрим более подробно работу приложения при моделировании известной из курса механики задачи о свободном падении тела: тело известной массы под действием силы тяжести падает с некоторой высоты, встречая на своем пути сопротивление среды. Как известно, математическая модель свободного падения тела следует из уравнения второго закона Ньютона с учетом двух сил, действующих на падающее тело – силы тяжести и силы сопротивления среды:

$$\vec{F} = \vec{F}_{\text{сопр}} + \vec{F}_{\text{тяж}}$$

Рассматриваемое движение является одномерным. Проецируя силу $\vec{F}$, скорость $\vec{v}$ и перемещение $\vec{h}$ на ось, направленную вертикально вниз получаем:

$$\frac{dh}{dt} = v,$$

$$\frac{dv}{dt} = \frac{mg - k_1 v - k_2 v^2}{m}$$

Здесь k_1 и k_2 – линейная и квадратичная составляющие силы сопротивления. При этом, если скорость движения мала, т.е. $k_2 v^2 \ll k_1 v$ и, то квадратичную составляющую силы сопротивления можно отбросить. В случае же высоких скоростей можно пренебречь линейной составляющей.

Математическая модель задачи представляет собой систему двух дифференциальных уравнений, которая может быть сведена к одному дифференциальному уравнению второго порядка. Задавая два начальных условия, определяющих начальную высоту и начальную скорость, можно получить единственное решение, представляющее собой функции зависимости высоты и скорости от времени.

Окно визуализации данной задачи с введенными исходными данными имеет вид:

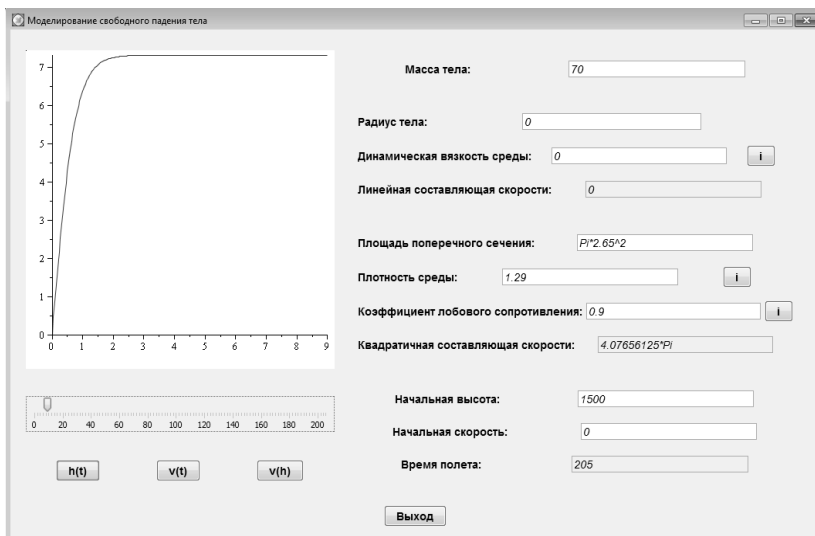

Рис. 2. Визуализация задачи моделирования свободного падения тела

На рис. 2 представлена иллюстрация следующей задачи: «Парашютист прыгает с высоты 1500 метров и сразу же раскрывает парашют. Оп-

ределить время полета парашютиста и скорость при приземлении, если известно, что радиус парашюта 2,65 метра, а масса парашютиста 70 кг». Скорость движения в этом случае будет достаточно большой и линейная составляющая силы сопротивления не учитывается.

Как видно из рисунка 2 блок ввода исходных данных разделен на четыре логические группы: ввод значения массы тела, блок ввода значений величин, необходимых для вычисления линейной составляющей силы сопротивления, блок ввода значений, необходимых для вычисления квадратичной составляющей силы сопротивления, блок ввода начальных условий. Ранее уже отмечалось, что при вводе исходных данных часть значений высчитывается программой автоматически на основе уже введенных значений. В представленном примере автоматически высчитываются составляющие силы сопротивления. Кроме того, в программе предусмотрен автоматический подсчет площади поперечного сечения при вводе радиуса тела. Необходимые табличные значения пользователь может найти, нажав на информационные кнопки справа от соответствующих полей.

После ввода исходных данных пользователю необходимо выбрать интересующий его вид зависимости. Имеется возможность построить следующие зависимости: высоты от времени $h(t)$, скорости падения от времени $v(t)$, скорости от высоты $v(h)$. По умолчанию график строится для значений аргумента t в диапазоне от 0 до 10 секунд. Далее пользователь может изменить диапазон построения, передвигая ползунок слайдера. Максимальное значение слайдера автоматически устанавливается равным времени приземления тела. Значение общего времени полета записывается и в соответствующее текстовое поле, не подлежащее изменениям со стороны пользователя. Для удобства восприятия информации значение времени полета округляется до ближайшего целого числа.

Данная компьютерная модель свободного падения тела может быть использована и для иллюстрации задач движения тела с малыми скоростями, например задачи о падении металлического шарика в вязкой среде, а также задач в которых необходимо учитывать обе составляющие силы сопротивления.

Лабораторные работы № 2 и № 3 имеют схожий с лабораторной работой № 1 дизайн и алгоритм ввода и обработки исходных данных и вывода результатов. Работы различаются математическим описанием задачи и алгоритмом нахождения решения.

В лабораторной работе № 4 моделируется процесс передачи тепла в однородном стержне. В основе математической модели задачи лежит известное уравнение теплопроводности:

$$\frac{\partial u}{\partial t} = a^2 \frac{\partial^2 u}{\partial x^2}$$

описывающее процесс изменения температуры $u(x, t)$ по времени и пространству. Для его решения необходимо знать распределение температуры в

начальный момент времени, $u(x, 0)$, и краевые условия – условия теплообмена с окружающей средой. Исходными данными задачи также являются длина и коэффициент теплопроводности стержня, значение которого можно взять из встроенной справочной таблицы. Окно визуализации задачи имеет вид:

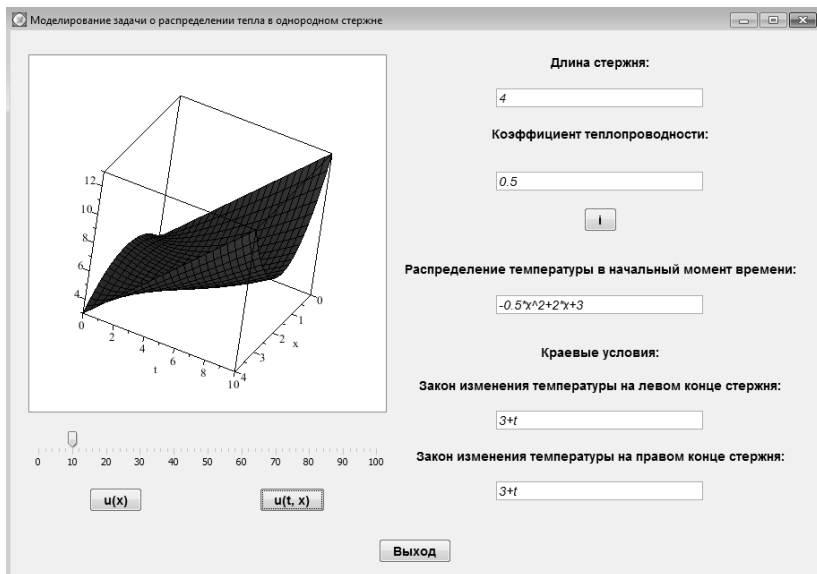

Рис. 3. Визуализация задачи о распределении тепла в стержне

На рисунке 3 показана иллюстрация следующей задачи: «Определить динамику изменения температуры в стержне длиной 4 метра при следующих начальных условиях: начальное распределение температуры вдоль стержня определяется по формуле $-0,5x^2 + 2x + 3$; края стержня равномерно нагреваются по закону $3 + t$; коэффициент теплопроводности стержня 0,5».

Пользователь имеет возможность изучить динамику изменения температуры стержня с помощью трехмерного графика, иллюстрирующего зависимость температуры различных участков стержня от времени. Ориентацию полученной поверхности пользователь может изменять по собственному усмотрению, поворачивая график с зажатым левой клавишей мыши. Окраска поверхности соответствует уровню температуры стержня: более холодные участки окрашены синим, более теплые – красным цветом. Положение ползунка слайдера определяет максимальное значение переменной времени для графика. Изменение положения ползунка автоматически приводит к соответствующим изменениям на графике.

Кнопка $u(x)$ включает анимацию «прохода» по трехмерной поверхности вдоль оси времени. Пользователь видит последовательность «срезов» по

верхности, представляющих собой двумерные графики распределения температуры по стержню в различные моменты времени. В титульной части графика отображается текущее значение переменной t . Регулирование количества необходимых «срезов» осуществляется изменением положения ползунка слайдера.

Созданное приложение может быть использовано преподавателями при чтении лекций для иллюстрации рассматриваемых задач, при объяснении сути лабораторных работ. Также оно будет полезно студентам, не имеющим возможности самостоятельно создать компьютерное приложение-модель, при проведении вычислительного эксперимента. Студенты-информатики могут использовать его в качестве образца модели, а также для проверки правильности работы своих приложений-моделей.

Приложение можно использовать не только в ВУЗе, но и в средней школе. В курсе информатики есть тема «Формализация и моделирование» в рамках которой учителю необходимо объяснить учащимся понятие «модель» и показать примеры различных моделей. Созданная программа будет служить примером компьютерной модели различных физических процессов. Также можно применить приложение при объяснении нового материала, решении задач и выполнении лабораторных работ на уроках физики. Здесь программа будет полезна при изучении тем «Механика» и «Термодинамика».

Физически приложение является файлом с расширением .maplet, для работы с которым пользователю необходимо установить на компьютере программу MapletViewer, которая позволяет запускать maplet-приложения независимо от среды Maple. Благодаря модульному способу построения, приложение достаточно легко модернизируется. По желанию пользователей можно внести изменения в дизайн и содержание каждой из рассматриваемых задач: переместить или перегруппировать элементы окна, внести дополнительные поля ввода исходных данных, вывести дополнительную информацию, добавить новые зависимости результатов.

Список литературы:

1. Учебно-методические комплексы по дисциплинам предметной подготовки по специальности 050202.65 «Информатика с дополнительной специальностью английский язык» / Науч.ред. и сост. Р.Г. Хакимов. – Казань: ТГГПУ, 2008. – 304 с.
2. Практикум по компьютерному математическому моделированию. Ч. II: Компьютерное моделирование физических процессов / Сост. О.А. Широкова, А.В.Хрусталева. Казань, 2009. 48 с.
3. Дьяконов В.П. Maple 9.5/10 в математике, физике и образовании. – М.: Солон-пресс, 2006. – 720 с.

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular element at the top left and bottom left.

Раздел шестой

***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВИСТИКИ***

КАРТИНА МИРА И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СПОРТ»

© Тагиева Э.С.*

Азербайджанская государственная академия физической культуры и спорта,
Бакинский славянский университет, Азербайджанская Республика, г. Баку

В статье рассматриваются основные понятия когнитивной лингвистики. Концептуально-когнитивный анализ показывает, что в языковом сознании разных этносов концепт «спорт» воспринимается, интерпретируется по-разному. Это обусловлено образом жизни народов, менталитетом, особым мировидением и мировосприятием окружающего мира.

В последние десятилетия одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики стала проблема отображения в сознании человека картины мира, фиксируемой языком. Картины мира отдельных наук включают в себя различные концепции, т.е. определённые способы понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основные точки зрения на процессы, руководящие идеи для их систематического освещения. В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется некоторая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Картина мира – это «сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека, объединённая в известную интегральную систему; организуется, прежде всего, в некую концептуальную систему. Субстрат такой системы – концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения» [7, с. 141].

Языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, т.е. отображает особый способ мировидения, присущий данному языку и отличающий его от других языков. Нации, говорящие на разных языках, имеют и разные восприятия. Национальное своеобразие восприятия той или иной этнокультурной общности коренится в образе жизни и психологии народа, отражённых в языке семантической структурой языковых знаков.

Лингвоэтнология (этнолингвистика) ориентирует на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества. Менталитет проявляется в виде картины мира, которую имеет отдельный индивид, разделяя свойственные коллективу, к которому он принадлежит, ценности, представления, установки. По Е.И. Пассову, «менталитет – национальный аспект мировоззрения человека как субъекта культуры» [5, с. 57]. Всякий этнос имеет в своём распоряжении огромное количество концептов. Есть слова, существующие в любом языке и актуальные для каждого человека. Концепты – ментальные сущности,

* Доцент кафедры «Русского языка» АГАФКиС, кандидат педагогических наук, докторант БСУ.

которые имеют имена в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире. Ключевыми концептами культуры называют главные единицы картины мира, константы культуры, обладающие значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. Спорт относится к таким словам.

Известно, что спорт – важнейший концепт для культуры всех народов. Проведение научного исследования с целью выявления национально-культурной специфики концепта «спорт» является приоритетным направлением лингвокультурологического подхода. Сторонники лингвокультурологического направления полагают, что концепт значительно шире понятия; в содержание концепта включаются не только категориальные признаки обозначаемого, но и вся сопутствующая культурно-фоновая информация (национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей).

Актуальность исследования определяется неразработанностью в отечественном языкознании проблемы формирования, репрезентации концепта «спорт».

Прежде всего, следует отметить, что с момента своего возникновения язык играл роль в национально-специфических способах познания мира этносом [6, с. 55]. Рассмотрение языковой картины мира как лингвистической категории было предложено еще в трудах выдающегося немецкого филолога, философа к. XVIII – нач. XIX в. В фон Гумбольдта, который ставит в центр своей концепции понятие национального духа, познание которого неотделимо от познания языка. «Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования» [1, с. 377].

Российские учёные (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Е.С. Яковлева, В.А. Маслова и др.) представляют различные направления и подходы к изучению отдельных концептов как фрагментов языковой картины мира определенного этноса. По мнению В.Дж. Исазаде, концепт – «выработанная общественной практикой совокупность существенных и специфических свойств предметов представляет собой общую идею, закреплённую в ментальности, психике, языке и воспроизводящую картину мира и стереотипы поведения того или иного народа» [2, с. 9].

Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки: «1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; 2) это основная единица обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры» [3, с. 50]. Через много-

образе языков открывается богатство мира. В языковом сознании разных народов окружающий мир расчленяется и воспринимается по-разному. Гумбольдт фон В. считает, что «знание одного языка, очевидно, облегчается знанием другого. Языки, если не рассматривать их родства, скорее дополняют друг друга. Если даже в языках различных народов можно найти что-либо общее, никогда нельзя утверждать, что они обладают одной и той же особенностью» [3, с. 379]. Исследование структуры и содержания концепта представляет собой сложный многоаспектный анализ языкового материала. Структуру концепта можно представить в виде поля, в центре которого лежит основное понятие, это ядро концепта, а на периферии находится всё то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом.

Ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы словарей (толковых, этимологических, энциклопедических) предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения.

«Все элементы культуры – от технических приёмов и общественных установлений до игр и религиозных мифов и обрядов – представляют собой продукт либо самостоятельного изобретения, либо унаследования от предков, либо заимствования» [12, с. 16]. Игра использовалась как тренировочное упражнение. Поведение человека в этой игре и составляет сущность спорта. Многие виды спорта – развлечения ведут своё происхождение от самобытных народных видов развлечений и игр, носивших стихийный, малоорганизованный характер. В XVIII-XIX вв. во многих странах мира происходит становление и развитие современных видов спорта. Следует заметить, что «во всех языках и словах закреплены представления людей об окружающих их предметах и явлениях. Мышление людей по своей природе интернациональное» [8, с. 125].

«Термин «спорт» происходит от древнелатинского слова «диспорtare» – развлекаться. В старофранцузском языке отсюда произошло слово «дэспорт» – развлечение, из которого образовался термин «ле спор (т)», перешедший в немецкий – «шпорт», в английском языке – «спорт»» [10, с. 92]. Так этот термин распространился по всему миру. В турецком языке он звучит как «спор», в арабском языке – «риядату». В азербайджанском языке данному термину соответствуют слова «idman», «sport».

Раньше, чем в других странах спортивно-игровая система сложилась в Англии.

Проблема адаптации иноязычного слова в принимающем языке – явление сложное и представляющее собой длительный диахронический процесс. Общепринято считать, что для вхождения слова в систему заимствующего языка необходимы следующие условия:

- передача иноязычного слова фонетическими и грамматическими средствами заимствующего языка;

- соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка;
- фонетическое и грамматическое освоение иноязычного слова;
- словообразовательная активность слова;
- семантическое освоение, а именно: определенность значения, дифференциация значений и их оттенков;
- регулярная употребляемость в речи.

Так, процесс освоения иноязычного термина спорт протекает во многих планах: орфографическом, фонетическом, морфологическом, семантическом, словообразовательном, а также фразеологическом. Попадая в другой язык, заимствованное слово имеет там уже собственную судьбу, оно сталкивается с фонетическими, грамматическими и семантическими системами языка – реципиента.

Таким образом, в языках всех народов есть слова, обозначающие спорт. Но в разных языках значения слов, связанных с обозначением спорта могут не совпадать. Солнцев В.М. отмечает, что «значения есть национальные категории, а понятия – вненациональные» [8, с. 125].

Мир концептуализируется в сознании представителей разных культурных сообществ по-разному, что связано с особенностями национального ментально-лингвального комплекса. Рассмотрим значения, которые приобретает слово «sport» в английском языке. Для этого мы проанализировали некоторые словари. Анализ материала Англо-русского словаря помогает выявить актуальные характеристики концепта «спорт»: «1) спорт, спортивные игры; охота; рыбная ловля; атлетика; 2) спортивные соревнования; 3) разг. спортсмен; 4) разг. славный малый; 5) америк. игрок; 6) забава, развлечение; шутка; 7) посмешище» [Мюллер В.К., 1977: 711].

Отметим, что многозначные слова нередко заимствуются не со всей системой значений, свойственной иностранному языку. При этом в язык могут не войти как раз те значения, которые оказываются существенными для понимания смыслового единства слова и выступают как связующие звенья между теми или иными значениями.

Перейдём к рассмотрению концепта «спорт» в русском словаре: «спорт (англ.) собств. игра, увеселение; но обыкновенно под этим именем разумеют охоту, конские скачки и т.п.» [11, с. 525].

«Вместе с тем спорт в русском национальном сознании, – утверждает Л.П. Чудинов, – воспринимается как игра, потеха. Очень ярко концептуальные смыслы «соревнование», «борьба», «азарт» [13, с. 44].

Отметим, что в спортивной литературе нет единого мнения относительно того, что такое спорт.

«В обыденных рассуждениях о нём под словом спорт зачастую подразумевают не одно и то же, к тому же в ряде языков народов мира этот термин приобрёл крайне «расплывчатое» смысловое значение. Учитывая это, надо с повышенным вниманием подойти к понятийным размежеваниям» [4, с. 10].

Спорт часто относят к сфере физической культуры как один из её компонентов. Для иллюстрации сошлёмся на работы таких известных специалистов в области физической культуры и спорта, как В.В. Столяров, Л.П. Матвеев, Н.И. Пономарев. Большинство исследователей сходится во мнении, что спорт – это, прежде всего соревнование. Важно учитывать, что соревнования могут проводиться в различных видах деятельности: производственной, художественной и т.д. «Понятие «спорт» охватывает и соревнования, и процесс подготовки к ним [9, с. 83-84]. В рамках самого спорта важно различать две его разновидности, которые обычно называют «массовым спортом» и «спортом высших достижений» (или «большим спортом»). Если в спорте высших достижений на первом плане стоит победа в соревнованиях, установление рекорда, то в массовом спорте – участие в соревнованиях с целью укрепления здоровья, отдыха, развлечения, общения с другими людьми.

Словарные дефиниции лексемы «спорт» в русском и азербайджанском языках совпадают. В Азербайджанско-русском словаре указано, что «sport разг. I сущ. спорт: 1) физические упражнения для развития и укрепления организма; 2) система организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий по различным видам таких физических упражнений.

İdman I сущ. 1) спорт (физические упражнения: гимнастика, борьба, туризм и т.п.); 2) разг. физкультура» [Азербайджанско-русский словарь, 2006: 202, 516].

Нужно заметить, что слово идман имеет арабское происхождение: «пристрастие к чему-либо; предаваться чему-либо, постоянно заниматься чем-либо» [Баранов Х.К., 1977: 262]. Рассмотрим значения слова спорт в арабском языке: «1) (гимнастика) упражнения; 2) тренировка; 3) прогулка; 4) спорт: гимнастика, физкультура» [там же: 321].

Концепт «спорт» образует своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром. «При сопоставительном изучении языков и культур от простой констатации сходств или различий в языках следует переходить к содержательной интерпретации их концептуальных и этнокультурных причин» [6, с. 54].

Следующая трактовка лексемы «спорт» в Новейшем словаре иностранных слов и выражений вскрывает некоторые существенные когнитивные признаки современного содержания данного концепта в русском языке: «1) упражнения, игры и состязания с целью развития и укрепления организма, воспитания волевых качеств; спорт является составной частью физической культуры, средством и методом физического воспитания; профессиональный с. представляет собой вид предпринимательской деятельности и обеспечивает доходами самих спортсменов, их тренеров, менеджеров, обслуживающий персонал и т.д.; 2) система организации и проведения учебно-тренировочных занятий и состязаний по различным видам спорта» [Адамчик В.В., 2007: 976].

Подытожим *результаты рассмотрения* концепта «спорт» в русском, английском, арабском, азербайджанском языках. В нашем исследовании под концептом понимаем совокупность знаний, связанных с данным словом, ассоциаций (как индивидуальных, так и культурно закрепленных), связывающих его с другими феноменами. Способ концептуализации мира, свойственный языку, отчасти универсален, отчасти национально специфичен.

Анализ концепта лучше всего проводить в сопоставительном плане с соответствующим концептом параллельной культуры с целью выявления сходств и различий национальных миров. Слова *sport*, спорт, spor, idman и т.д. полностью эквивалентны в понятийном плане, т.е. совпадают по лексическому понятию, но их семантические доли расходятся, т.е. лексические фоны этих слов разнятся. Было выявлено, что в языках присутствуют автономные семантические компоненты значения лексемы спорт. Данные компоненты значения несут культурологическую нагрузку.

Английская и русская концептуализация спорта различается. В английской лингвокультуре прослеживаются дополнительные признаки. Существенно и то, что переносное значение ('азартное увлечение чем-нибудь, каким-нибудь занятием') присутствует только в лексикографических источниках русского языка. По В. фон Гумбольдту, «различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, что слова и формы слов образуют и определяют понятия и что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [1, с. 370]. Различия в языках отражают различия в национальной ментальности и каждый язык характеризуется своей уникальной «картиной мира».

Спорт собирает народы мира на Олимпийские игры, международные соревнования с самыми мирными целями. Спорт требует мира, так как только на мирных полях возможно мирное единоборство. Значит, они неразрывны – мир и спорт, спорт и мир. «Как я верю в спорт, в его силу, как я хочу, чтобы он служил миру!» – утверждал выдающийся общественный деятель Пьер де Кубертен.

Список литературы:

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия языка. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Исазаде В.Дж. Концептуальное представление закона и права в русском языке // РЯЛА. – 2004. – № 4. – С. 9-12.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Тетра Системс, 2008. – 272 с.
4. Матвеев Л.М. Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов. – К.: Олимпийская литература, 1999. – 318 с.
5. Пассов Е.И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты // Мир русского слова. – 2001. – № 2. – С. 54-59.

6. Радбиль Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // РЯШ. – 2011. – № 3. – С. 54-60.
7. Серебrenников Б.А., Кубрякова Е.С., Пустовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
8. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
9. Столяров В.Н. Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 78-91.
10. Столбов В.В. История физической культуры и спорта. – М., ФиС, 1975. – 359 с.
11. Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: в 3-х т. Т. 3. – СПб., 1864. – 1171 с.
12. Тэйлор Э. Первобытная культура. – М., 1939. – 567 с.
13. Чудинов Л.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. – 2002. – № 1. – С. 42-46.

ОБ ИНДЕКСАЦИИ КАК МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОВ ПЕРЕХОДНОСТИ И СИНКРЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ¹

© Шигуров В.В.*

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск

В статье речь идет об индексации как особом количественном методе исследования фактов переходности и синкретизма в системе частей речи, позволяющем определить степень соответствия дифференциальных признаков синкретичных словоформ исходному и конечному звеньям частеречной транспозиции.

В теории транспозиционной грамматики русского языка (как ветви функциональной грамматики) одной из актуальных задач является разработка проблемы гетерогенных речевых структур, оказавшихся в зоне влияния (взаимодействия) нескольких частей речи. Возникновение такого рода гетерогенных образований связано, в частности, с «включенностью» страдательных причастий в ряд транспозиционных процессов, среди которых можно выделить, с одной стороны, доминирующий тип транспозиции – предикативацию, а с другой – сопутствующие ему, параллельных процессы – адъективацию, прономинализацию, партикуляцию, интеръективацию и модалацию. Ср., например, «чистый» тип предикативации причастных словоформ (1) и «совмещенные» типы (2-6):

- (1) *Пока решения по этому вопросу **не принято**; За дорогу заплачено*;
- (2) *В комнате **убрано и проветрено*** (предикативация, адъективация);
- (3) *В углу **навалено** всяких книг, журналов* (≈ ‘навалом’; предикативация, прономинализация);
- (4) ***Не исключено**, что пойдет дождь* (≈ ‘возможно’; предикативация, модалация);
- (5) *Поздно... С ним **кончено!*** (предикативация, интеръективация);
- (6) *Значит, завтра в семь? – **Заметано!*** (≈ ‘да, конечно’; предикативация, партикуляция).

Основным предметом изучения предикативации причастий является характер, типы взаимодействия, комбинаторика и пропорция (удельный вес)

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Межчастеречное взаимодействие при безлично-предикативной транспозиции языковых единиц в количественном измерении», выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-04-00175а).

* Заведующий кафедрой Русского языка, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия.

дифференциальных признаков разных частей речи в структуре анализируемых языковых единиц, выражающих семантику состояния и / или оценки на определенных этапах транспозиции в межкатегоральный семантико-синтаксический разряд предикативов.

Заметим, что предикатив осмысливается по-разному: как а) отдельная часть речи (А.В. Исаченко, П.А. Лекант, М.В. Дегтярева и др.); б) разновидность предикативных наречий [Краткая русская грамматика 1989: 262]; в) межчастеречный семантико-синтаксический разряд слов (Русская грамматика 1980; Ю.Д. Апресян; В.В. Шигуров и др.). Кроме того, в рамках теории предикативов наметились два подхода, согласно которым предикативы – это а) слова разных частей речи в функции предиката двусоставного и односоставного (безличного) предложения (Ю.Д. Апресян и др.) и б) слова разных частей речи в функции предиката односоставного (безличного) предложения (Русская грамматика, 1980; Краткая русская грамматика, 1989; Русский язык: Энциклопедия, 2003; В.В. Шигуров и др.).

В концептуальном плане последняя точка зрения на предикативы (б) сближается с той позицией, при которой словоформы вроде *приказано* (*выжить*) трактуются в рамках глагольных лексем в качестве кратких страдательных причастий в безлично-предикативном употреблении (ср. точку зрения А.М. Пешковского и др.) (подробнее об этом см. в [16, с. 246-274]). Она же представлена и в настоящем исследовании.

Применение методов оппозиционного анализа и индексации при исследовании предикативации причастий дает возможность минимизировать фактор субъективизма в определении этапов (ступеней) движения тех или иных причастных словоформ в межчастеречный разряд предикативов. Математическая обработка материала позволяет выявить степень соответствия дифференциальных признаков синкретичной словоформы характеристикам исходной части речи – глагола в форме страдательного причастия и разряда предикативов, с учетом разных ступеней (и подступеней) предикативации, а иногда и адъективации, прономинализации, интеръективации, партикуляции и модалагии.

Трудно не согласиться с А.Е. Кибриком, указывающим на важность «решительного рывка в плане математизации лингвистики» во 2-й половине XX века, последствия которого еще не до конца многими осознаны. «Изменения в самом лингвистическом мышлении, – пишет автор, – только-только начинаются и затронут еще более основательно лингвистику XXI века» [7, с. 95].

Истинное постижение грамматических фактов, с точки зрения В.Г. Адмони, невозможно без обследования их количественной стороны. Причину этого автор видит в том, что «каждое языковое явление, помимо качественной определенности, говоря условно и образно, обладает и некоей «массой», т.е. занимает в кругу других языковых явлений некое пространство и

соизмеримо с ними в неких измерениях с разной степенью интенсивности» [1, с. 57]. Применительно к рассматриваемым нами случаям переходности и синкретизма очень важным представляется замечание В.Г. Адмони о том, что «грамматические явления представляют собой тесные объединения ряда нескольких качественных признаков, лежащих в разных плоскостях (измерениях) языкового строя и несводимых друг к другу. Накладываясь в данном явлении друг на друга (вернее, взаимопронизывая друг друга), многие из этих признаков (а иногда и все из них) обычно свойственны, однако, не только данному явлению, но и другим явлениям. Специфическим для данного явления в ряде случаев оказывается только их данное сочетание. Но наряду с полной мерой такого сочетания, в ряде случаев на его периферии могут быть обнаружены лишь частичные сочетания этих признаков, а также их сочетания с участием других признаков. Различные сочетания в неодинаковой мере тяготеют друг к другу, некоторые из них образуют весьма тесные, неразрывные единства» [1, с. 59]. В этом рассуждении автора тонко подмечена сама возможность неодинаковой пропорции и комбинаторики качественных признаков в структуре ядерных и периферийных грамматических явлений.

Об эффективности методики индексации при анализе фактов синкретизма в сфере частей речи свидетельствуют результаты исследований А.С. Дымского и Л.Д. Чесноковой, где переходный характер адвербиализованных существительных и порядковых числительных отражен в количественных характеристиках. Дымский А.С., как известно, предложил применять методику индексации спорных фактов адвербиализации предложно-падежных форм типа *без устали*, *в тупик*, *за границу* [см.: 6, с. 97-104]. С его точки зрения, при отграничении предложно-падежных сочетаний от наречий необходимо исходить из имени существительного, а не наречия, выясняя в каждой конкретной словоформе количество дифференциальных признаков существительного, что позволит уже по индексу (количественному показателю: 30, 25, 15 и т.п.) установить степень ее адвербиализации.

Однако при таком подходе удается установить только степень соответствия данной словоформы прототипическому (ядерному) представителю класса существительных. Индекс же наречных признаков, в разной мере развившихся у субстантивной словоформы в результате ее адвербиализации, остается как бы за кадром, вне поля зрения исследователя. Вместе с тем процесс адвербиализации языковых единиц, как известно, имеет двусторонний характер: он предполагает утрату у словоформ свойств исходной части речи и формирование свойств новой части речи, в данном случае – наречий. Очевидно, что описание данного типа частеречной транспозиции в этом случае не может быть признан полным, так как сводится к выяснению только одной стороны рассматриваемого явления.

В этой связи заслуживает внимания концепция Л.Д. Чесноковой, которая по специальной формуле соответствия (см. ниже) доказывает гибрид-

ный характер порядковых слов типа *первый, второй*, проявляющийся в определенной степени их сходства и различия с двумя классами слов – количественными числительными и прилагательными [см.: 11, с. 44-54]. В отличие от А. С. Дымского, она учитывает при вычислении индексов порядковых слов наличие в их структуре признаков не одного, а двух сравниваемых классов. По мнению автора, анализ любого синкретичного явления должен иметь двустороннюю направленность и быть нацелен на выявление как признаков сходства, так и признаков различия синкретичной словоформы с типичными, ядерными представителями сравниваемых классов слов – **А** и **В**.

Чеснокова Л.Д. вводит в оборот весьма обширный перечень признаков-критериев, при помощи которых ей удастся установить, что порядковые слова, будучи синкретичными, содержат 40 % дифференциальных свойств имен прилагательных и 44 % признаков количественных числительных. Поэтому их необходимо отнести к некоему новому классу слов (**С**), отличному от прилагательных и количественных числительных.

Автор исходит из того, что появление синкретичных фактов в системе частей речи является следствием двух различных процессов: а) перемещения языковой единицы из одного класса в другой, скажем, из класса **А** в класс **В**, что приводит к обогащению класса **В**, или б) взаимодействия, взаимовлияния двух классов (**А** и **В**), в результате которого появляется некий новый класс **С**. Примером таких новых классов лексических единиц могут быть причастия, деепричастия, порядковые слова и т.п. Думается, однако, что резкой демаркационной линии между двумя этими процессами все же нет. Вряд ли можно адекватно представить какой-либо процесс транспозиции языковой единицы из одной части речи в другую, не выявляя разных аспектов взаимодействия (синтеза) признаков самих этих частей речи в структуре транспонируемой словоформы.

С точки зрения Л.Д. Чесноковой, степень сходства и различия может быть вычислена для каждой синкретичной словоформы, представляющей те или иные звенья шкалы частеречной переходности, по следующей формуле соответствия (x равен a , деленное на a плюс ϵ). В данной формуле a обозначает сумму эквивалентных признаков в сопоставляемых явлениях, а ϵ – сумму различающих их признаков; x представляет числовой показатель (индекс) соответствия (сходства и различия) анализируемой синкретичной словоформы типичным представителям того или иного класса (наречия, междометия, глаголы).

Важно просчитать индексы предикативации, а также сопутствующей ей иногда адъективации, прономинализации, интеръективации, модалации и партикуляции языковых единиц разных частей речи. Очевидно, что степень сближения предикативирующихся слов и словоформ с глаголами, наречиями, прилагательными, существительными и местоимениями в разных усло-

виях контекста неодинакова, о чем говорят разные ступени их предикативации, прономинализации и т.п., нуждающиеся в количественном измерении по формуле частеречного соответствия (индексации).

Для иллюстрации предлагаемого подхода к материалу покажем на конкретном примере модель описания переходных, синкретичных форм, манифестирующих совмещенные типы частеречной транспозиции наречий в русском языке. По нашим наблюдениям, адвербиальная словоформа *довольно*, например, подвержена в контексте переходности (*Довольно! Сколько можно расстраиваться!*) трем типам транспозиции – интеръективации, вербализации и прономинализации. Индексирование данного речевого факта показывает, что это – синкретичное образование (условно – императивно-эмотивное междометие) *Довольно!*, синтезирующее в разной пропорции свойства следующих классов слов: наречий – 17 %; междометий – 75 %; глаголов – 7 %; местоимений-числительных – 15 %.

Изменение набора и удельного веса дифференциальных признаков названных частей речи в структуре адвербиальной словоформы, подвергающейся интеръективации, вербализации и прономинализации, происходит при «движении» словоформы по шкале переходности, что отражается в соответствующих контекстах: Ступень **Н** (ядро наречия: *Это довольно смелое заявление*; наречий – 100 %; междометий – 0 %; глаголов – 0 %; местоимений – числительных – 0 %) → Ступень **нМ / М** (переходная зона между гибридными наречно-междометными образованиями и ядром междометий – эмотивными словами: *Довольно расстраиваться!*; наречий – 15 %; междометий – 63 %; глаголов – 9 %; местоимений – числительных – 23 %) → Ступень **нМ / М** (переходная зона между периферийными, императивными и ядерными, эмотивными междометиями: *Довольно! Сколько можно расстраиваться!*; наречий – 17 %; междометий – 75 %; глаголов – 7 %; местоимений – числительных – 15 %) (подробнее о применении метода индексации при исследовании разных типов интеръективной транспозиции словоформ см. в [12, с. 23–34; 13]).

Сопоставительный анализ приведенных данных показывает, что при общей динамике семантико-грамматического развития словоформы *довольно*, охваченной тремя транспозиционными процессами, наблюдается закономерное уменьшение в ее структуре признаков наречия (со 100 % до 15–17 %) и увеличение признаков междометий (с 0 % до 75 %). Количественный показатель наречности у императивно-эмотивного междометия *Довольно!* несколько выше (17 %), чем у интеръективата *Довольно разговоров!* (15 %), что связано с синтаксическими условиями их употребления – в сочетании с зависимыми словами (при расширении валентности словоформы на ступени **нМ / М**) или в одиночной, синтаксически обособленной позиции (на ступени **нМ / М**). Влияние местоимений-числительных на интеръективат прослеживается в контекстах, соответствующих ступе-

ням **нм / М** и **нМ / М** шкалы переходности. Однако по мере приближения интеръективирующей словоформы к центру междометий как части речи это влияние несколько ослабевает (с 23 % до 15 %). Аналогичную тенденцию можно наблюдать и при вербализации интеръективата: степень глагольного воздействия на него уменьшается от ступени **нм / М** (9 %) к ступени **нМ / М** (7 %) шкалы переходности.

По указанной выше формуле индексирования может быть определена в контексте предикативации степень соответствия дифференциальных признаков тех или иных языковых единиц характеристикам, с одной стороны, исходных частей речи, а с другой – межчастеречного семантико-синтаксического разряда предикативов. При этом в каждом конкретном случае безлично-предикативной транспозиции глаголов в форме страдательных причастий можно проиндексировать все ступени на шкале их предикативации с учетом пропорции признаков разных классов.

Комплексное системное описание процесса предикативации страдательных причастий в русском языке позволяет выявить его причины, семантические и морфологические предпосылки, синтаксические условия, признаки, типы, ступени и результат – функциональные и функционально-семантические омонимы, а также синкретичные речевые структуры, синтезирующие дифференциальные признаки нескольких классов слов.

Одним из направлений исследования характера и типов взаимодействия разных классов слов в структуре страдательных причастий, подвергающихся безлично-предикативной транспозиции, является выявление комбинаторики и удельного веса в их структуре признаков взаимодействующих частей речи на разных ступенях их предикативации, а также – иногда – сопутствующей адъективации, прономинализации, интеръективации, партикуляции и модалляции путем индексирования степени их соответствия разным классам слов.

При применения методики индексации мы выявляем степень соответствия тех или иных синкретичных фактов прототипическим представителям классов слов, взаимодействующих друг с другом в рамках транспозиционного процесса предикативации причастий.

В качестве исходной посылки признается, что предикативация страдательных причастий типа *сообщено, послано, заплачено* проявляется в изменении пропорции (удельного веса) дифференциальных признаков (глагола, прилагательного и предикатива) в структуре страдательных причастий на разных этапах их предикативации, а именно: в ослаблении, утрате и трансформации некоторых признаков прилагательных и глаголов, с одной стороны, и приобретении, укреплении признаков предикативов, а также – иногда – признаков неопределенных-местоимений-числительных, эмотивных междометий, утвердительных частиц и модально-вводных слов – с другой.

Есть основание полагать, что, начиная со ступени гибридности [**п(рич)** / **п(рил)** : **п(ред)**] на шкале переходности (безлично-предикативной транспо-

зиции), словоформы типа *принято*, *запрещено* оказываются в зоне взаимодействия (притяжения) сразу трех частей речи – глагола, прилагательного и наречия, т.е. предикативация и адъективация рассматриваемых страдательных причастий происходит параллельно с их адвербиализацией.

Целью индексации является выявление степени сходства и различия атрибутивных форм глаголов, подвергающихся в той или иной мере предикативации, с одной стороны, ядерным причастиям в полной форме (*запрещенная для чтения литература*), а с другой стороны – ядерным отричаственным предикативам (типа *запрещено читать*). Соответственно ставится общая задача, заключающаяся в том, чтобы установить комбинаторику и пропорцию признаков разных частей речи – глаголов, прилагательных, иногда – наречий и т.д. в структуре причастий, находящихся на разных стадиях их предикативации, а также сопутствующей им адъективации, прономинализации, интеръективации, предикативации и модализации.

Решение указанной задачи предполагает: 1) определение признаков синкретичных словоформ, сходных с признаками глаголов, прилагательных и – иногда – наречий; 2) установление признаков синкретичных словоформ, отличных от признаков глаголов, прилагательных и – иногда – наречий; 3) выявление признаков синкретичных словоформ, общих с отричаственными предикативами; 4) установление признаков синкретичных словоформ, отличающих их от отричаственных предикативов; 5) выявление признаков синкретичных словоформ, появившихся в результате параллельного воздействия на них со стороны других классов слов и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов, кроме предикативов, например, признаков местоимений-числительных, эмотивных междометий, утвердительных частиц, модально-вводных слов и т.д.

Степень сходства и различия вычисляется для каждой синкретичной словоформы, представляющей те или иные звенья шкалы предикативации, по следующей формуле соответствия:

$$x = \frac{a}{a + b}$$

В приведенной формуле **а** обозначает сумму эквивалентных признаков в сопоставляемых явлениях, **а в** – сумму различающих их признаков; **х** представляет числовой показатель (индекс) соответствия (сходства и различия) анализируемой синкретичной словоформы типичным представителям того или иного класса (полные страдательные причастия, предикативы).

Прежде чем просчитывать по формуле соответствия из [10] конкретные индексы безлично-предикативной транспозиции страдательных причастий типа *посланное* (*послано*), *купленное* (*куплено*), *сообщенное* (*сообщено*) на разных этапах их функционального превращения в предикативы, важно иметь в виду несколько моментов.

Мы исходим из того, что каждая синкретичная словоформа, «движущаяся» в контексте по шкале переходности от исходного пункта (полное страдательное причастие) к конечному пункту – производному отпричастному предикативу, получает при индексации не один общий, а два частных индекса: x_1 , x_2 . Первый индекс указывает в числовом выражении на степень соответствия (сходства и различия) этой словоформы типичному представителю (прототипу) класса **А** – полному страдательному причастию, а второй – на степень ее соответствия типичному представителю класса **Б** – отпричастному предикативу.

Допускается при этом, что любой признак-критерий, используемый в процедуре индексации, например наличие лексического значения глагола в причастии и функциональном отпричастном предикативе, общеграмматического значения, формы репрезентации глагола (предикативная, полупредикативная, атрибутивная, субстантивная) и прилагательного (полная, краткая), синтаксической функции и т.д., условно (!) может быть оценен 1 положительной единицей (1 балл). Исключение сделано для нескольких принципиально важных случаев, где признаки-критерии при просчете индексов получают разный удельный вес.

Во-первых, это степень семантического отхода предикативирующейся причастной словоформы от исходной глагольной лексемы. Она может быть двоякой: а) в пределах полисемии, при сохранении смыслового тождества глагольной лексемы (1 балл; ср.: *Нарушение выявлено* – периферийное краткое страдательное причастие в двусоставном предложении и *Нарушений не выявлено* – функциональный отпричастный предикатив в односоставном безличном предложении) или б) при нарушении смыслового тождества глагольной лексемы и образовании новой языковой единицы – лексического омонима [2 балла; ср.: *Снаряжение положено на место* – краткое страдательное причастие и *Снаряжение положено класть на место* – отпричастный предикатив в модально-оценочном значении ‘необходимо’ (класть); но 1 балл – при функциональной предикативации исходного причастия: *Ни одной книги не положено на место* – отпричастный предикатив в контексте отрицания действия].

Без учета лексической семантики исходного и конечного звеньев предикативации страдательных причастий принципиально невозможно дать адекватное грамматическое описание рассматриваемого типа межчастеречной транспозиции. Уместно вспомнить здесь замечание В.Н. Ярцевой о том, что, «если на одних участках строя языка лексическое и грамматическое можно расчленивать более или менее успешно, существуют области, где такого рода расчленение мешает плодотворности самого грамматического анализа» [18, с. 10].

Во-вторых, разный количественный показатель может иметь признак «наличие словоизменительной категории» [см.: 6]. Все зависит от того, сколько рядов грамматических форм структурируют словоизменительную

категорию в том или ином анализируемом слове. Так, адвербиализующаяся предложно-падежная форма существительного *тупик* (*оказаться в тупике*), по мнению А.С. Дымского, имеет две формы числа, а точнее, два ряда числовых форм [*тупик* (-а, -у и т.п.) – *тупики* (-ов, -ам) и т.п.] и, следовательно, получает две положительные единицы (2 балла), а предложно-падежная форма существительного *усталь* – одну форму числа (sing. tant.), что соответствует 1 баллу. К этому можно добавить, что, например, категория падежа у интеръективирующихся в определенных контекстах существительных *салют*, *привет* реализуется в шести рядах форм (И. п., Р. п. и т.п.) и должна оцениваться в шесть баллов (плюс 6 баллов), а категория числа – в 2 балла, классификационная категория рода, выражающая родовые различия на уровне разных лексем, – в один балл. При подсчете индексов транспозиции этих существительных в этикетные междометия (формулы приветствия) упомянутые признаки-критерии будут оцениваться таким же количеством баллов, но уже со знаком минус. Ср. неизменяемое производное междометие-приветствие *Салют!* (категория падежа: минус 6 баллов) [см., напр.: 13, с. 69-74].

Что касается наречий типа *мирно*, *прямо*, то у них признак-критерий «наличие категории степеней сравнения» получает цифровую оценку в 3 балла [со знаком плюс или минус – соответственно при наличии (*идти прямо*) или отсутствии (утрате при интеръективации) трех рядов форм данной категории: полож., сравн. и превосх. степ.; ср. команду: *Прямо!*¹]. Аналогичным образом при вычислении признаков сходства интеръективирующихся адвербиальных словоформ типа *вперед*, *назад*, *направо* с прототипическими представителями наречий отсутствие категории степеней сравнения, структурируемой тремя рядами форм, как их общий, интегральный признак-критерий оценивается также в три балла (а не в 1 или 0 баллов).

Разную количественную оценку получают грамматические категории глагола и прилагательного у страдательных причастий, подвергающихся ступенчатой транспозиции в предикативы:

1. Классификационная грамматическая категория вида [плюс / минус 1 балл]; ср. при функциональном типе предикативации причастий: *читано*, *говорено* (краткое страдательное причастие в форме НСВ; 1 балл) (1) → *читано*, *говорено* (отпричастный функциональный предикатив в форме НСВ; 1 балл) (2); при функциональной предикативации и адъективации причастий: *убрано*, *окрашено* (краткое страдательное причастие в форме СВ; 1 балл) (3) → *убрано*, *окрашено* (предикатив на базе адъективирован-

¹ Ср. замечание Ю.Д. Апресяна о том, что «при переходе от прямых значений слов к переносным, а от них – к фразеологически, морфологически и синтаксически связанным» грамматические парадигмы знаменательных частей речи обнаруживают тенденцию к сокращению и утрате, что приводит нередко к превращению знаменательных слов в служебные и междометия» [2, с. 15].

ного причастия; 0 баллов¹) (4); при функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий: *запрещено, положено* (краткое страдательное причастие в форме СВ; 1 балл) (5) → *запрещено, положено* (предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов) (6):

(1) *Все здесь мною **читано**, в этом томе, но за одну интонацию спокойного и сильного благородства хочется на Чехова молиться: «На Волге человек начал удалью, а кончил стоном, который зовется песнью; яркие золотые надежды сменились у него немочью, которую принято называть русским пессимизмом, на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась* (В. Конецкий. Вчерашние заботы)²;

(2) *Чистота эксперимента – идеальная, так как Ян только слышал, что такой Пушкин существовал, но ни строчки **читано не было*** (Ю. Даниэль. Письма из заключения);

(3) *Их скромное супружеское ложе, обычно застеленное едва ли не солдатски, сегодня **убрано было** с альковной пышностью* (Л. Юзефович. Князь ветра);

(4) *В купе **было убрано**. Тряпки исчезли с пола, и осколки, и конфеты, и колбаса* (А. Кабаков. Салон);

(5) *Письмо-обращение **будет положено** в капсулу, которую в торжественной обстановке заложат под мемориал* (М. Кузнецова. Пульс республики);

(6) *Нам **не положено** шутить с именами Эйнштейна, Галилея, Ньютона* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

2. Словоизменительная грамматическая категория залога [плюс / минус 1 балл³]; ср. при функциональном типе предикативации причастий: *читано, говорено* (аналитическая форма пассива финитного глагола НСВ с кратким причастием в двусоставном предложении; 1 балл; ср. форму актива глагола НСВ: *Все я **читал**...*⁴) → *читано, говорено* (аналитическая форма пассива финитного глагола НСВ с отпричастным функциональным

¹ Здесь и далее при утрате предикативующейся словоформой одного или нескольких признаков значение индекса «минус 1, 2 ... балла» приравнивается к числовому значению «0 баллов».

² Иллюстративный материал взят из источников, размещенных в Интернете на сайте «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorgora.ru).

³ Несмотря на то, что категория залога у рассматриваемой финитной формы глагола является словоизменительной и построена на оппозиции двух рядов форм (ср.: пассив: *все **читано** мною* и актив: *Я все **читал***), самому краткому страдательному причастию *читано* и возникшему на его базе функциональному предикативу *читано* может быть приписан за данный морфологический критерий лишь один балл, поскольку в формировании структуры актива финитного глагола НСВ они участия не принимают.

⁴ Что касается ядерных, т.е. полных страдательных причастий, то у них категория залога, в отличие от кратких форм причастий, имеет не предикативную, а атрибутивную глагольную репрезентацию; ср.: 1) *читанное / читавшее* (пассив / актив в атрибутивной форме глагола → *письмо (было) читано / читали* (пассив / актив в финитной форме глагола СВ).

предикативом в безличной конструкции; 1 балл; ср. форму актива глагола НСВ в конструкции *Ян ни строчки не читал...*); при функциональной предикативации и адъективации причастий: *убрано, окрашено* (аналитическая форма пассива финитного глагола СВ с кратким причастием в двусоставном предложении; 1 балл; ср. форму актива глагола СВ в односоставном неопределенно-личном предложении: *Супружеское ложе сегодня убрали...*) → *убрано, окрашено* (предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов); при функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий: *запрещено, положено* (аналитическая форма пассива финитного глагола СВ с кратким причастием в двусоставном предложении; 1 балл; ср. форму актива глагола СВ в односоставном неопределенно-личном предложении: *Письмо-обращение положат в капсулу...*) → *запрещено, положено* (предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов) (примеры см. выше: 1-6).

3. Словоизменительная грамматическая категория наклонения [плюс / минус 2-3 балла¹].

Функциональный тип предикативации причастий: *было сказано, сказано, будет сказано* и т.п.² (аналитические формы индикатива финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в звуковой или нулевой формах в двусоставном предложении; 1 балл³) (7) → *было сказано, сказано, будет сказано* и т.п. (аналитические формы индикатива финитного глагола СВ с отпричастным функциональным предикативом и вспомогательным глаголом в звуковой и нулевой формах в безличной конструкции; 1 балл) (8); *было бы сказано* и т.п. (аналитические формы конъюнктива финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в двусоставном предложении; 1 балл) (9) → *было бы сказано* и т.п. (аналитические формы конъюнктива финитного глагола СВ с функциональным отпричастным предикативом и вспомогательным глаголом в безличном предложении; 1 балл) (10); *будь сказано; пусть / пускай будет сказано* и т.п. (аналитические формы императива финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в двусоставном предложении; 1 балл) (11) → *будь сказано; пусть / пускай будет сказано* и т.п. (аналитические формы императива финитного глагола СВ с функциональ-

¹ Три балла получают краткие причастия и отпричастные функциональные предикативы, входящие в структуру аналитических форм индикатива (*получено*), конъюнктива (*было бы получено*) и императива (*будь получено; пусть будет получено*).

² Здесь и далее учитываются лишь те формы грамматических категорий глагола и прилагательного, которые задействованы в процессе предикативации причастий. Ср. возможность вхождения, например, краткого причастия *сказан*, *-а*, *-ы* в структуру других форм индикатива: *был сказан, была сказана, были сказаны*; конъюнктива: *будь сказан, будь сказана, будь сказаны*; императива: *пусть / пускай будет сказан; пусть / пускай будет сказана; пусть / пускай будут сказаны* и т.д.

³ Ряд грамматических форм одной категории оценивается в процедуре индексации в один балл.

ным отрицательным предикативом и вспомогательным глаголом в безличном предложении; 1 балл) (12).

(7) *Сказано это было* в нашей городской квартире, вернее, в очередной коммуналке; за столом, кроме нас, никого не было (М. Палей. Поминаение); *Но подумал, что это слабо сказано*, и так написал (Ю. Коваль. Картофельная собака); *Уверен был и в том, что слово сказано будет* именно то, какого он ждет (М. Горький. Жизнь Клима Самгина);

(8) *Ничего оскорбительного сказано не было* (Ю. Трифонов. Дом на набережной); *Высокопоставленный источник, близкий к тексту послания, на это заметил: «Сказано будет абсолютно адекватно ситуации»* (С. Бабаева, Е. Григорьева. Требуется драйв со стороны общества); *Некоторые обстоятельства нашей жизни, о которых сказано будет* ниже, нас разъединили, и на два моих письма к нему я так и не получил ответа (Б.А. Садовской. Две главы из неизданных записок); *Поскольку в рецензии И. Пушкаревой об этом сказано* лишь намеками, вскользь, с излишней деликатностью, я считаю своим правом и обязанностью назвать вещи своими именами (С. Резник. Выбранные места из переписки с друзьями);

(9) *Не понадобилось бы спрашивать, давно все было бы сказано* без всякого вопроса, а в том, о чем молчат, наверное, нет ничего любопытного (Н. Г. Чернышевский. Что делать?);

(10) *Именно так было бы сказано* царю, если бы тот спросил мнение историографа; если же не спросит, Карамзин промолчит: «По моей системе, *будет* единственно то, что угодно богу (Н. Эйдельман. Последний летописец);

(11) «*Не в пронос мое слово будь сказано*», – запинаясь на каждом слове, отвечал Чубалов (П. И. Мельников-Печерский. На горах); *Пусть будет сказано* это при всех;

(12) *Николай Евгеньевич, не в обиду ему будь сказано*, любил поговорить о том, как хорошо было бы все бросить, уехать в Баргу или в Халху, поставить юрту где-нибудь в степи, жить простой жизнью кочевника (Л. Юзефович. Князь ветра); *На предложение: мы вполне входим в твое положение, обещаемся постараться, чтобы ты так храбро и твердо шел на подвиг смерти за «царя и отечество», притом, если есть что передать им от тебя, пусть будет сказано*, он ответил «покорнейше благодарю, передайте, что было... (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

Функциональный тип предикативации и адъективации причастий: *было убрано, убрано, будет убрано* и т.п. (13); *было бы убрано* и т.п. (14); *будь убрано; пусть / пускай будет убрано* и т.п. (15) (аналитические формы индикатива, конъюнктива, императива финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в звуковой или нулевой формах в двусоставном предложении; 3 балла) → *было убрано, убрано, будет убрано* и т.п. (16); *было бы убрано* и т.п. (17); *будь убрано; пусть / пускай*

будет убрано и т.п. (18) (функциональный предикатив на базе адъективированного причастия, употребляющийся в качестве именного предиката с абстрактной связкой в безличном предложении; 0 баллов).

(13) *Очень хорошо было от сознания, что недаром провели здесь две недели и недаром ели колхозный хлеб, – сено **убрано** по-хозяйски, со знанием дела* (В.Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска);

(14) *Если **бы** им все **было убрано**, никто ничего не сказал бы;*

(15) ***Пусть будет** все это им **убрано**, причем завтра же.*

(16) *В комнате **было не убрано*** (Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжо);

(17) ***Было бы убрано** – не было бы претензий.*

(18) *Пусть даже в комнате **будет убрано**, этого все равно недостаточно.*

Функционально-семантический тип предикативации и / или адъективации причастий: *было запрещено, запрещено, будет запрещено* и т.п. (19); *было бы запрещено* и т.п. (20); *будь запрещено; пусть / пускай будет запрещено* и т.п. (21) (аналитические формы индикатива, конъюнктива, императива финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в звуковой или нулевой формах в двусоставном предложении; 3 балла) → *было запрещено, запрещено, будет запрещено* и т.п. (22); *было бы запрещено* и т.п. (23); *будь запрещено; пусть / пускай будет запрещено* и т.п. (24) (функционально-семантический предикатив на базе адъективированного причастия, употребляющийся в качестве именного предиката с отвлеченной или полуотвлеченной связкой в безличном предложении; 0 баллов).

(19) *Многоженство у нас **запрещено**, а многофирменность – пожалуйста!* (М. Чулаки. Примус);

(20) *При другом режиме производство этого оружия давно **было бы запрещено**;*

(21) ***Пусть будет запрещено** курение в общественных местах;*

(22) *Местным князьям **запрещено стало** иметь свои дружины, а точнее, приказано собирать их и отправлять на Русь служить на порубежье* (А. Иванов. Сердце Пармы);

(23) *В то время **было бы запрещено** открыто высказывать свои взгляды;*

(24) ***Пусть лучше будет запрещено** курить в общественных местах.*

4. Словоизменительная грамматическая категория абсолютного времени [плюс / минус 3 балла].

Функциональный тип предикативации причастий: *было отправлено* и т.п. (аналитические формы претерита финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в звуковой форме в двусоставном предложении; 1 балл) (25) → *было отправлено* и т.п. (аналитические формы претерита финитного глагола СВ с отпричастным функциональным предикативом и вспомогательным глаголом в звуковой форме в без-

личной конструкции; 1 балл) (26); *отправлено* и т.п. (аналитические формы перфекта финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в нулевой форме в двусоставном предложении; 1 балл) (27) → *отправлено* и т.п. (аналитические формы перфекта финитного глагола СВ с функциональным отпричастным предикативом и вспомогательным глаголом в нулевой форме в безличном предложении; 1 балл) (28); *будет отправлено* и т.п. (аналитические формы футурума финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в двусоставном предложении; 1 балл) (29) → *будет отправлено* и т.п. (аналитические формы футурума финитного глагола СВ с функциональным отпричастным предикативом и вспомогательным глаголом в безличном предложении; 1 балл) (30).

(25) *После того как это экстренное донесение **было отправлено** в Центр, Штирлиц уехал к озеру – в тишину и одиночество* (Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны);

(26) *Ни одного письма пока **не было отправлено***;

(27) *Из Прикаспия **отправлено** в Москву верблюжье мясо* (А. Мариенгоф. Циники);

(28) *«Полатный мастер» архитектор Браунштейн – еще в прошлом году требовал материал крыть кровлю и на подбойку потолков (потолков) и на пол в малых палатках в Монпелье, четыре месяца прошло, а ничего еще **не отправлено*** (А.М. Ремизов. Взмывшая Русь);

(29) *8 октября Глузману объявлено, что его письмо академику Снегневскому **не будет отправлено** адресату, так как содержит сведения, не подлежащие разглашению* (В. Некрасов. Взгляд и Нечто);

(30) *В течение этой недели ни одного письма **не будет отправлено***.

Функциональный тип предикативации и адъективации причастий: *было закрыто* и т.п. (31); *закрыто* и т.п. (32); *будет закрыто* и т.п. (33) (аналитические формы претерита, перфекта и футурума финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в звуковой и нулевой формах в двусоставном предложении; 3 балла) → *было закрыто* и т.п. (34); *закрыто* и т.п. (35); *будет закрыто* и т.п. (36) (функциональный предикатив на базе адъективированного причастия, употребляющийся в качестве именного предиката с абстрактной связкой в безличном предложении; 0 баллов).

(31) *Казалось, что лицо у него **закрыто** забралом, глаза белые, как полотно, а сам он выкован из закаленной дамасской стали* (Е. Козырева. Дамская охота);

(32) *Из деревянной будки вышел коротконогий человек в синем комбинезоне. Лицо его **было закрыто** чёрной сеткой* (И. Грекова. На испытаниях);

(33) *Оборудование **будет закрыто** от дождя брезентом*;

(34) *Она бросилась в ближайший магазин, там еще **было закрыто**, поехала автобусом в другой, словом, отсутствовала часа полтора* (Н. Катерли. Брызги шампанского);

(35) *«Там **закрыто!**» – сказала она и утянула за собой в соседнюю дверь...* (С. Осипов. Страсти по Фоме);

(36) *В это время там **будет закрыто**.*

Функционально-семантический тип предикативации и / или адъективации причастий: *было принято* и т.п. (37); *принято* и т.п. (38); *будет принято* и т.п. (39) (аналитические формы претерита, перфекта и футурума финитного глагола СВ с кратким причастием и вспомогательным глаголом в звуковой и нулевой формах в двусоставном предложении; 3 балла) → *было принято* и т.п. (40); *принято* и т.п. (41); *будет принято* и т.п. (42) (функционально-семантический предикатив на базе адъективированного причастия, употребляющийся в качестве именного предиката с абстрактной связкой в безличном предложении; 0 баллов).

(37) *Решение ехать поездом **было принято** «девятой» в связи с тем, что похищения самолетов в последнее время происходили чаще обычного* (А. Кабаков. Путешествие экстраполятора);

(38) *Если такие слова говорятя, значит, решение **принято** на самом верху* (А. Белозеров. Чайка);

(39) *Чиновники разговаривали вежливо, утверждали, что решение скоро **будет принято**, но от обсуждения дела по существу уклонялись* (В. Матлин. Стукач);

(40) *Среди подростков их **было принято** называть «браслетами дружбы»* (Н. Щербак. Роман с филфаком);

(41) ***Принято** различать красоту и красоту. Думаю, что не всегда это правильно* (И. Грекова. Перелом);

(42) *Скоро такие артефакты **будет принято** рассматривать в одной системе понятий.*

5. Грамматическая категория относительного времени [плюс / минус 1 балл]. Будучи свойственна прототипическим полным страдательным причастиям (1 балл) (43), она «трансформируется» в контексте периферийных кратких страдательных причастий (44) и функциональных предикативов (45) в категорию абсолютного времени (претерит, перфект, футурум) (0 баллов), которая при совмещенной функциональной и функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий утрачивает свой глагольный статус (0 баллов). Второстепенный глагол *быть* в нулевой и звуковой формах, входящий в структуру аналитических форм залога, времени и наклонения финитного глагола СВ, приобретает в таких случаях статус связки в составном именном предикате (*Окно **было окрашено** маляром в белый цвет* (краткое причастие с вспомогательным глаголом *было*) → *В комнате было **окрашено*** (функциональный отпричастный предикатив на базе адъективированного причастия с абстрактной связкой *было*); ср. также отпричастный адъективат: *Окно было **окрашено***.

(43) *Сегодня мы прикончили все продовольствие, **взятое** на дорогу в Пирл-Харбор* (В.А. Обручев. Коралловый остров) (форма относительно-

абсолютного времени причастия *-т-* передает значение предшествования второстепенного действия *взятое* двум точкам отсчета: моменту реализации основного действия в глагольном предикате (*прикончили*) и моменту речи, т.е. относительное временное значение предшествования и абсолютное временное значение прошедшего времени);

(44) *Оружие было взято* наизготовку, однако до поры до времени не пущено в ход – всё было по закону (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп) (претерит);

(45) *Да, но, судя по всему, из него ничего не было взято* (В. Рыбаков. Гравилет «Цесаревич») (претерит).

6. Грамматическая словоизменительная категория лица [плюс / минус 1-3 балла¹]; ср. при функциональном типе предикативации причастий: *будет забыто, забыто* (форма 3-го лица футурума и перфекта финитного глагола СВ с кратким причастием в двусоставном предложении; ср. формы 1-го и 2-го лица ед. числа: *буду забыт, будешь забыт*; 3 балла) (46) → *будет забыто, забыто* (десемантизованная форма 3-го лица вспомогательного глагола с отпричастным функциональным предикативом в безличной конструкции; 1 балл; ср. невозможность других личных форм в безличном употреблении: ... **Буду забыто; *Будешь забыто* и т.п.) (47); при функциональной предикативации и адъективации причастий: *заперто, будет заперто* (форма 3-го лица перфекта и футурума финитного глагола СВ с кратким причастием в двусоставном предложении; ср. формы 1-го и 2-го лица ед. числа: *буду заперт, будешь заперт*; 3 балла) (48) → *заперто, будет заперто* (функциональный предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов) (49); при функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий: *положено, будет положено* (форма 3-го лица перфекта и футурума финитного глагола СВ с кратким причастием в двусоставном предложении; ср. формы 1-го и 2-го лица ед. числа: *буду положен, будешь положен*; 3 балла) (50) → *положено, будет положено* (функционально-семантический предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов) (51).

(46) *Так что уж лучше радио – здесь неважно, как вы выглядите, и все, что вы ни болтнете, канет в эфире и будет забыто скорее, чем начнется новая передача* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени);

¹ Парадигма категории лица аналитических форм финитного глагола с кратким причастием типа *будет отправлено* может быть дефектной, что свидетельствует о взаимодействии лексического и грамматического в анализируемых языковых единицах. Наряду с полной парадигмой в случаях типа *Я (ты, он, мы, вы, они) буду отправлен на поиски пропавшей экспедиции* (3 балла), здесь встречаются и фиксированные формы, например, 3-го лица единственного числа, подвергающиеся предикативации; ср.: *Это будет сообщено дополнительно* (аналитическая форма 3-го лица пассива СВ с кратким причастием в двусоставном предложении) (1 балл) → *Об этом будет сообщено дополнительно* (аналитическая форма 3-го лица пассива СВ с отпричастным предикативом в безличной конструкции) (1 балл). При невозможности: **Это буду (будешь, будем, будете, будут) сообщено...; *Об этом буду (будешь, будем, будете, будут) сообщено...*

(47) *Все это было существенно необходимо для ежедневной информации, когда она вместе с несколькими свободными женщинами будет долго сидеть на заботливо выкрашенных скамейках и докладывать о том, кто есть, и тут уж никто не будет забыт и ничего **не будет забыто*** (Г. Троепольский. Белый Бим черное ухо);

(48) *И мерещится, будто **заперто** в бараке море студеное, но откроят барак и они в нем-то захлебнутся* (О. Павлов. Дело Матюшина);

(49) *Замуровали. Тьма и **заперто**. Сила не помогает* (А. Кучаев. В германском плену);

(50) *Этим **будет положено** прекрасное начало вашего превращения в Маркуса Валленберга* (А. Пятигорский. Вспомнишь странного человека);

(51) *В прокуратуре уже вторые сутки оставались лишь пустые шкафы, телефоны, два часовых и он, дежурный, обязанный направлять по новому адресу тех, кто сюда явится или позвонит и кому **будет положено** сообщать этот адрес* (К. Симонов. Живые и мертвые).

7. Грамматическая словоизменительная категория падежа [плюс / минус 6 баллов]. Она присуща, как известно, лишь полным формам страдательных причастий типа *прожитый, упомянутый, разрешенный, данный* (6 баллов), эксплицирующим ступень **П(рич)** на шкале предикативации (52). Поэтому уже на первом этапе предикативной транспозиции **П(рич) п(ред)**, представленном краткими формами типа *прожито, упомянуто, разрешено, дано*, причастия не имеют данной категории (0 баллов) (53).

(52) *Что-то вроде того, что работа ваша при всей своей талантливости противоречит установкам, **данным** на том знаменитом совещании* (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

(53) *Что-то такое **было** дано ей от бога, и она это «что-то» нещадно эксплуатировала* (В. Белоусова. Второй выстрел).

8. Грамматическая словоизменительная категория рода [плюс / минус 3 балла]; при функциональном типе предикативации причастий: *сказано, будет сказано, было сказано* [форма среднего рода краткого причастия и вспомогательного глагола (в претерите) в структуре финитного глагола-предиката двусоставного предложения; ср. формы мужского и женского рода: *сказан, сказана; был сказан, была сказана; будет сказан, будет сказана*; 3 балла] (54) → *сказано, будет сказано, было сказано* (десемантизованная форма среднего рода вспомогательного глагола и отпричастного функционального предикатива в безличной конструкции; 1 балл; ср. невозможность других родовых форм в безличном употреблении: ... **сказана, *сказан* и т.п.) (55); при функциональной предикативации и адъективации причастий: *закрыто, будет закрыто, было закрыто* [форма среднего рода краткого причастия и вспомогательного глагола (в претерите) в структуре финитного глагола-предиката двусоставного предложения; ср. формы мужского и женского рода: *закрыт, закрыта; был закрыт, была закрыта*;

будет закрыт, будет закрыта; 3 балла] (56) → *закрыто, было закрыто, будет закрыто* (функциональный предикатив на базе адъективированного причастия; 0, 5 балла) (57); при функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий: *заведено, было заведено, будет заведено* [форма среднего рода краткого причастия и вспомогательного глагола (в претерите) в структуре финитного глагола-предиката двусоставного предложения; ср. формы мужского и женского рода: *заведен, заведена; был заведен, была заведена; будет заведен, будет заведена*; 3 балла] (58) → *заведено, было заведено, будет заведено* (функционально-семантический предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов) (59):

(54) *Но слово «ужасно» – было сказано как-то совершенно по-иному, не как выкрик, а как оценка, как слово, исходящее от того, кто созерцает всё это со стороны* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей);

(55) *Верно, профессор звал меня, но совершенно по другим делам: он мне отдал кое-какие хозяйственные распоряжения, о вас не было сказано ни слова* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

(56) *Катерина сидела одетая, как вошла: лицо закрыто руками* (Б. Екимов. Пиночет);

(57) *И неожиданно дверь подалась. Да тут и не закрыто вовсе!* (Т. Тростина. Русалка для интимных встреч);

(58) *На каждого агента было заведено личное дело* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

(59) *И хотя заблестевшие его глаза, румянец на свежесвыбритых, прохладных на вкус щеках – у них было заведено чмокать друг друга при встрече – и небрежное красноречие Ава не относил на свой счет, но полуулыбка, что бродила на его тонких, с резким выгибом губах, явно была многозначной, и Ава вычитывала нужный ей смысл* (О. Новикова. Мужской роман);

8. Грамматическая словоизменительная категория числа [плюс / минус 2 балла]; при функциональном типе предикативации причастий: *названо, будет названо, было названо* [форма единственного числа краткого причастия и вспомогательного глагола в структуре финитного глагола-предиката двусоставного предложения; ср. формы множественного числа: *названы, будут названы; были названы*; 2 балла] (60) → *названо, будет названо, было названо* (десемантизованная форма единственного числа вспомогательного глагола и отпричастного функционального предикатива в безличной конструкции; 1 балл; ср. невозможность формы множественного числа в безличном употреблении: ... *названы, *будут названы, *были названы и т.п.) (61); при функциональной предикативации и адъективации причастий: *вымыто, будет вымыто, было вымыто* [форма единственного числа краткого причастия и вспомогательного глагола в структуре финитного глагола-предиката двусоставного предложения; ср. формы множественного числа: *вымыты, будут вымыты; были вымыты*; 2 балла] (62) → *вымыто, было вымыто, будет вы-*

мыто и т.п. (функциональный предикатив на базе адъективированного причастия; 0,5 балла) (63); при функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий: *принято, было принято, будет принято* и т.п. [форма единственного числа краткого причастия и вспомогательного глагола в структуре финитного глагола-предиката двусоставного предложения; ср. формы множественного числа: *приняты, будут приняты, были приняты*; 2 балла] (64) → *принято, было принято, будет принято* (функционально-семантический предикатив на базе адъективированного причастия; 0 баллов) (65):

(60) *Это почти за истоком пруда, почти при впадении в него речки Чуфырки, в честь которой и названо было древнее селение, – название то и прилепилось к городу* (В. Астафьев. Пролетный гусь);

(61) *Сегодня же не было названо ни одного имени...* (О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман);

(62) *Весенними дождями было дочиста вымыто небо и сквозь сильные темные верхушки голубело влажно* (С.Н. Сергеев-Ценский. Движения);

(63) *Всюду было вымыто, выскоблено* (А.И. Мусатов. Стожары);

(64) *В конце концов было принято решение привести в боевую готовность все городские милицмейские подразделения, установить наряды на вокзалах, направить рейды в ночные заведения и прочесать все улицы* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть);

(65) *Я приехал в Питер – как принято у нас ездить друг к другу – внезапно и без вещей, чтобы наградить себя не то за окончание скверного «трудового» года, не то просто так, незаконно и незаслуженно* (А. Вяльцев. Путешествия в одну сторону).

6. Грамматическая словоизменительная категория степеней сравнения с аналитическими формами сравнительной и превосходной степени [плюс / минус 3 балла]. Она формируется исключительно редко, причем только при функционально-семантической предикативации причастий, совмещенной с их адъективацией: *принятое (принято)* (причастия; 0 баллов) (66) → *стало принято / более принято / наиболее принято* (отпричастный функционально-семантический предикатив; 3 балла) (67).

(66) *Таково решение поселкового совета, принятое в свете решения Феодосийского горкома* (В. Аксенов. Таинственная страсть) (ср. невозможное: **более / *наиболее принятое*); *Письмо было принято с недоумением; в общем, политического капитала он не нажил* (И. Грекова. Без улыбок) (**было более / наиболее принято*);

(67) *«Знаете, Ник, – говорил он чуть позже, когда бутылка опустела на треть, – стало принято считать, что у нас, в Новой Англии, чуть ли не колыбель мировой культуры»* (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); *Рождество стало более принято встречать в кругу семьи*;

Наконец, разное количество баллов получает синтаксическая характеристика (валентность, связи, функции) причастий на тех или иных этапах

предикативации. Так, по мере движения от пункта **П(рич)** к пункту **П(ред)** шкалы переходности они меняют набор синтаксических функций, каждая из которых оценивается в 1 балл. Исходной посылкой служит утверждение о том, что словам разных частей речи присущи функции: 1) традиционно выделяемых главных и второстепенных членов предложения (подлежащее, сказуемое, определение, дополнение и обстоятельство); 2) главного члена односоставного безличного предложения; 3) нечленимого слова-высказывания; 4) модально-вводного компонента и т.д. Функциональные сдвиги сопровождают безлично-предикативную транспозицию слов и словоформ и в тех случаях, когда одна и та же языковая единица оказывается в сфере интересов нескольких частей речи, подвергаясь как предикативации, так и интеръективации, прономинализации, партикуляции, модалации. Но и в условиях так называемой «чистой» предикативации причастия изменяют свои синтаксические функции. Ср., например, функциональное различие ядерного и периферийного причастия (1-4), с одной стороны, и функционального отпричастного предикатива – с другой (5):

(1) **Купленный** Судобовым дом стоял очень красиво, на высоком холме, прямо над Камой, с другой стороны тут же за околлицей начинался густой бор (В. Шаров. Воскрешение Лазаря) (ядерное причастие в роли второстепенного сказуемого и атрибута);

(2) **Китайский халат, купленный** еще двадцать лет назад на барахолке, не утратил своего изящества (ядерное причастие в роли второстепенного сказуемого, атрибута и обстоятельства уступки);

(3) *А он, между прочим...вчера купленный...* (С. Василенко. Звонкое имя) (ядерное причастие в роли главного сказуемого двусоставного предложения);

(4) **Было куплено** и столовое серебро (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха) (периферийное причастие в роли главного сказуемого двусоставного предложения);

(5) **«Не куплено** ничего, на базар бежать придется», – оправдывалась Клавдия (В. Валеева. Скорая помощь) (отпричастный предикатив в роли главного члена односоставного безличного предложения).

В целом функциональный потенциал полного страдательного причастия **купленный**, употребляемого в роли четырех членов предложения (второстепенное / главное сказуемое, атрибут, обстоятельство), оценивается в четыре балла. Краткое страдательное причастие **куплено** в функции главного предиката двусоставного предложения соответствует одному баллу. В один балл может быть оценен и функциональный статус отпричастного предикатива **куплено** в безличной конструкции.

Что касается синтаксических связей причастия и соотносительного с ним предикатива, то они во многом схожи, хотя и обладают некоторым своеобразием. Так, при функциональной предикативации причастие **купленный** со-

храняет сочетаемость с субъектным и обстоятельственными распространителями, в том числе детерминантного типа, но объект действия в предикативе (*куплено*), в отличие от причастия (*куплено*), не может быть выражен именительным падежом подлежащего. Ср.: 1) *Снаряжение куплено им вчера вечером* (краткое причастие в предикативной связи с подлежащим-объектом) и 2) *Снаряжения не куплено им вчера вечером* (отрицательный предикатив, управляющий родительным падежом объекта в безличной конструкции с отрицанием).

Каждый вид присловной и предложенческой подчинительной связи причастия и возникшего на его основе предикатива получает в процедуре индексации отдельный балл. Речь идет о координации как способе связи с подлежащим (*Окно закрыто*); примыкании как способе связи с объектным инфинитивом и др. зависимыми словами (*Решено купить*); управлении объектными распространителями (*Об этом сказано*); тяготении как способе связи с подлежащим через посредство вспомогательного глагола (*Участок оказался купленным*); связи с детерминантами субъектно-объектного и обстоятельственного типа (*Утром отряду приказано выступать*); аппликации как способе предложенческой связи обособленного члена предложения с тем словом, к которому он относится (*Всеми забытый, он мучался в поиске...; Это была металлическая дверь, запертая на два замка*).

Особого упоминания заслуживают и такие признаки-критерии, как тип синтаксической структуры (двусоставное / односоставное, безличное предложение), а также прагматическая функция у контекста предикативации и интеръективации причастия, в котором выражается крайнее эмоциональное состояние субъекта, обусловленное реализацией действия в предикативате (*С ним кончено!*)

Значительную трудность в процедуре подсчета индексов представляет определение самого набора признаков-критериев у категориально перерождающихся языковых единиц, которые можно положить в основу вычисления степеней сходства и различия между синкретичными словоформами и типичными представителями взаимодействующих друг с другом причастных форм глаголов и предикативов. Очевидно, что перечень дифференциальных признаков у разных частей речи, связанных отношениями транспозиции, будет неоднородным, поскольку, как отмечает И. И. Ревзин, части речи – это не классы **А, В, С ... N**, представленные признаками **а, в, с ... n**, а классы, совмещающие комплекс признаков, часто гетерогенных: **А (а, в, с, d, k...)**, **В (d, a, f, t, c, v...)** [см.: 9, с. 77-133].

Ситуацию осложняет то обстоятельство, что части речи имеют полевую структуру, внутри которой может быть выделено ядро (прототип) и периферия, которая далеко не однородна и допускает дальнейшую градацию, например на ближнюю, дальнюю и т.д. При этом центр, или сердцевина, по выражению В.Г. Адмони, обладает оптимальной концентрацией всех каче-

ственных признаков в грамматическом явлении, в то время как периферия включает в себя образования с некомплектным числом этих признаков, т.е. с отсутствием одного или нескольких из них [см.: 1, с. 60]. Так, хорошо известно, что глагольная система в целом имеет четкую структуру: в ней выделяется ядро (прототип) – финитные (предикативные) формы, обладающие уникальным набором грамматических категорий глагола и периферия в виде инфинитивных (субстантивных), причастных (атрибутивных) и деепричастных (полупредикативных) форм, совмещающих, как известно, глагольные характеристики с признаками существительных, прилагательных и наречий (см. теорию глагольной репрезентации в трактовке Л.Л. Буланина [4, с. 94-115].

По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «каждая отдельная часть речи существует в виде размытого множества, любой член которого обладает, тем не менее, значительным числом свойств из того уникального набора, который представляет категорию в целом или «лучший образец» такой категории – ее прототип» [8, с. 232]. К таким уникальным свойствам в традиционной грамматике принято относить комплекс семантических, морфологических (в том числе словообразовательных) и синтаксических характеристик частей речи, получающий разную степень детализации. При этом некоторые признаки помогают разграничить лишь отдельные части речи или лексические группировки внутри частей речи. Речь идет, в частности, о признаке краткости / полноты, характеризующем, как известно, лишь качественные прилагательные (и то не все) и страдательные причастия.

По этой причине целесообразным кажется в процессе индексации тех или иных ступеней частеречной транспозиции языковых единиц учитывать максимально возможное количество их признаков. При таком подходе можно будет более точно дифференцировать как разные части речи, так и разные этапы в движении словоформ из одной части речи в другую, подкрепляя свои выводы результатами математических выкладок. Имеется в виду не только известный набор семантических, морфологических и синтаксических характеристик, определяющий специфику знаменательных классов слов в русском языке [см., напр.: 3, с. 22 и др.; 10, с. 457 и др.¹], но и такие свойства словоформ, подвергающихся частеречной транспозиции,

¹ Иногда к частеречным признакам знаменательного слова относят и его морфемно-словообразовательную структуру. Ср. два определения понятия части речи в академических грамматиках русского языка: 1. Части речи (классы слов) в русском языке «различаются 1) по своим основным значениям, 2) по характеру грамматических категорий, связанных с каждым из этих разрядов, или классов, а также 3) по типам словообразования и формообразования... Части речи различаются также 4) по функциям, которые они выполняют в связной речи» [5, с. 20] и 2. «Части речи – это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой (тождественной организацией) парадигм и 4) общностью основных синтаксических функций» [10, с. 457].

как их лексическая семантика, вхождение в лексико-семантические группы, лексико-грамматические разряды, фонетический облик, членимость / нечленимость на морфы, а точнее – изменения в звучании и морфемной организации языковых единиц на определенных этапах движения к новой части речи, возможность синонимии со словами разной классной принадлежности, употребление в предложениях определенной структуры и целевой направленности и проч. (см. в перечне дифференциальных признаков предикативизирующихся причастий).

Так, для отграничения языковых единиц, представляющих ядро модально-оценочных отпричастных предикативов типа *сказано, положено, запрещено* [в контекстах «чистой» предикативации (*Сказано явиться...*) и совмещенной с адъективацией (*Положено отдавать честь...*)], от словоформ типа *сообщено, убрано* [в контекстах «чистой» предикативации (*Об этом сообщено в СМИ*) и совмещенной с адъективацией (*В комнате убрано*)] на ступенях ядра и периферии причастий, гибридности и периферии предикативов [см.: 15, с. 271-274; 17, с. 78-91] важно учитывать семантику на уровне подклассов слов. Как показывают наблюдения, причастия, мотивированные глаголами со значением действий, приводящих к изменению свойств объекта, подвергаются совмещенной предикативации и адъективации функционального типа, т.е. в рамках глагольных лексем. Пределом безлично-предикативной транспозиции адъективированных в той или иной степени страдательных причастий может быть лишь ступень периферии предикативов (*В помещении убрано и проветрено*). Этой же ступени предикативации на шкале переходности достигают и причастия, обозначающие действия, неспособные изменить качества объектов. Имеются в виду причастные формы глаголов со значениями речи, мысли, движения и т.п. в безлично-предикативном употреблении. Напр.: *Об этом не было сообщено* [см.: 14, с. 133-150].

Конечно, некоторые признаки-критерии (членимость / нечленимость основы на морфы, затемненность морфемной структуры при неполном опрошении и т.п.) могут быть неактуальными, скажем, при индексации ступеней транспозиции слов или словоформ из одной знаменательной речи в другую или из знаменательных частей речи в межчастеречный разряд предикативов и модально-вводных слов. Например, не важно, членился ли основа какого-то слова на морфы при предикативации или нет, а важно другое: сохранился ли у него грамматический аффикс (формообразующий суффикс, флексия) при безлично-предикативной транспозиции? Иными словами, можно ли трактовать, например, как флексию формант *-о* в кратких причастиях, подвергшихся функциональной предикативации (*Ни одного письма не прочитано.*), функциональной предикативации и адъективации (*В зале прибрано.*), функционально-семантической предикативации и / или адъективации (*Об этом не принято говорить.*). Очевидно, что в таких случаях, по

мере семантического отхода краткого причастия от глагольной лексемы при предикативации, сопровождаемой в ряде случаев адъективацией, а также и прономинализацией (*навалено, набросано* и т.п.), партикуляцией (*Заметано!*), модалацией (*не исключено, что...*) и т.д., наблюдается перерождение флексии в суффикс.

Удельный вес каждого критерия, связанного с морфемной характеристикой языковой единицы [членимость / нечленимость основы на морфемы; полное опрощение / неполное опрощение (затемненность морфемной структуры)], оценивается в процедуре индексации того или иного транспозиционного процесса в один балл, а при наличии больше одного грамматического аффикса в словоформе – в несколько баллов [ср.: *Решение принято единогласно* – краткое причастие (формообразующий суффикс *-т-* и флексия *-о-*; 2 балла) → *Такие решения принято согласовывать с руководством* – модалный предикатив на базе адъективированного причастия в значении ‘нужно’; 0 баллов]. Что касается десемантизированной, т.е. «пустой» морфемы *-о*, то мы оцениваем ее наличие условно в 1 балл, так же как и обычную морфему (ср. функциональную предикативацию причастия: *Со стола взято письмо* → *Со стола ничего не взято*). Если морфема имеет переходный, синкретичный характер, то она получает при индексации 0,5 балла, например флексия-суффикс *-о* при грамматическом типе предикативации и адъективации причастия (*Здесь открыто*). В полбалла оценивается и статус суффикса *-т-*, *-нн-*, *-ом-* в предикативах, возникших в результате функциональной предикативации и адъективации (*Здесь освещено*).

Особого упоминания в этой связи заслуживает номинативная функция слова или словоформы как признак-критерий. Очевидно, что при исследовании фактов транспозиции, скажем, языковых единиц из самостоятельных частей речи в служебные весьма актуальным является наличие или отсутствие у них номинативной функции на тех или иных стадиях перерождения в предлоги, союзы, частицы, а также в междометия. Но в случае с «чистой» предикативацией это обстоятельство вряд ли следует учитывать, поскольку и причастие, и отпричастный предикатив в равной мере обладают номинативной функцией. Другое дело, если предикативация причастий сопряжена с другими транспозиционными процессами на уровне частей речи, например с партикуляцией или интеръективацией. В этом случае наличие номинативной функции у отпричастного предикатива может быть поставлено под сомнение. Ср.: *Значит, насчет завтрашнего дня договорились?* – *Забито! Заметано!* Надо сказать, что взаимодействие разных частей речи, в том числе знаменательных и служебных, может происходить в структуре языковых единиц таким образом, что они сохраняют свою номинативную функцию. Примером такого взаимодействия может быть, например, транспозиция субстантивных словоформ *привет, салют* в этикетные междометия: *Передай ему от меня привет* → *Привет! Как дела?* В то же время вряд ли

номинативная функция может быть усмотрена при транспозиции существительного в эмотивное междометие: *Привет! Кто же так делает?! Сохраняет* номинативную функцию и большинство словоформ, подвергающихся транспозиции в императивные междометия: *Будет! Валяй-Валяй! Тсс!* [подробнее см.: 13].

Специального обсуждения требует и вопрос о том, с чем конкретно сравнивать те или иные синкретичные страдательные причастия, просчитывая индексы их предикативации. Объектом сравнения для них в идеальном варианте должны быть причастные словоформы этой же глагольной лексики, но представляющие ядро атрибутивных форм исходной части речи, т.е. глагола (ее прототип), с одной стороны, и ядро производного семантико-синтаксического разряда отпричастных предикативов – с другой. Однако в действительности это встречается крайне редко. Ср.: *принятое решение* (ядерное причастие) – *принято здороваться* (ядерный предикатив на базе адъективированного причастия). Чаще всего краткие страдательные причастия на *-но*, *-то*, *-мо* достигают при предикативации лишь периферии предикативов, которую занимают словоформы, возникшие в результате функциональной предикативации и / или адъективации (ср.: *Об этом сказано в реферате*; *В зале освещено*). В этом случае синкретичную словоформу следует сравнивать с другими представителями предикативов, которые были произведены при функционально-семантической предикативации и / или адъективации причастий (*У них не положено так поступать*).

С другой стороны, если те или иные языковые единицы, условно говоря, начинают движение в сторону предикативов не с ядра (полные страдательные причастия; ср.: **приказанный*, **веленный*), а с периферии (краткие страдательные причастия; ср.: *приказано*, *велено*), что встречается крайне редко, то объектом сравнения для них необходимо избрать других прототипических представителей исходного звена предикативации, а именно, полные страдательные причастия от каких-то иных глагольных лексем (напр.: *полученное*, *взятое* и т.п.). Для сравнения отметим, что, например, *мари*, *караул*, *огонь*, *шабаш*, будучи абстрактными словами, идут к императивным междометиям с периферии существительных, поэтому синкретичные формы, возникшие на их основе, необходимо сравнивать (при подсчете индексов) с ядерными субстантивными лексемами типа *книга*, *камень*, представляющими разряд конкретных существительных.

Список литературы:

1. Адмони В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений // Вопросы языкознания. – 1963. – № 4. – С. 57-63.
2. Апресян Ю.Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. – М., 2002. – № 1 (3). – С. 10-29.

3. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
4. Буланин Л.Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – С. 94-115.
5. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1. – М.: АН СССР, 1960. – 719 с.
6. Дымский А.С. О критериях отграничения предложно-падежных сочетаний от наречий в современном русском языке // Филологические науки. – 1978. – № 6. – С. 97-104.
7. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 93-103.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Ревзин И.П. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
10. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
11. Чеснокова Л.Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. – С. 44-54.
12. Шигуров В.В. Наречные слова-команды в контексте интеръективации и вербализации // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 2007. – № 4. – С. 23-34.
13. Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). – М.: Academia, 2009. – 464 с.
14. Шигуров В.В. О безлично-предикативной транспозиции основных форм глаголов в русском языке // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. науч. тр. / редкол.: Н.А. Тупикова (отв. ред.) [и др.]; авт. предисл. Н.А. Тупикова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 133-150.
15. Шигуров В. В. О ядерных отричастных предикативах в русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2010. – № 12. – С. 271-274.
16. Шигуров В.В. Частеречный статус словоформ типа решено, убрано в безличных конструкциях // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография / В.А. Багина, С.В. Богданова, И.В. Жилавская и др. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Книга 14. – Новосибирск: Изд-во «СИБПРИНТ», 2011. – С. 246-274.
17. Шигуров В.В. Функциональная транспозиция русских причастий в предикативы: ступени, признаки, предел // Вестник КазГЮА, Серия «Филологические науки». – Астана, 2011. – № 12. – С. 78-91.
18. Ярцева В.Н. Взаимодействие грамматики и лексики в системе языка // Вопросы общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 3-57.

A decorative border resembling a scroll, with a horizontal bar at the top and vertical lines on the sides. The top-left and bottom-left corners feature circular scroll motifs.

Раздел седьмой

***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ***

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

© Матвеева А.И. *

Российский профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург

Автор утверждает, что реалии бытия и функционирования современного российского государства, свидетельствуют, что проблема осуществления прав и свобод личности выступает одной из важнейших приоритетов реализации государственной правовой политики. По мнению автора, уникальность русской культуры проявилась в бинарности представлений о правах личности. Автор показывает, что русская философия права – это живой и динамичный процесс поиска эффективных социальных технологий духовной социализации.

Моральную силу невозможно создать
параграфами закона

К. Маркс

И вечный бой, покой нам только снится...

А. Блок

Реалии бытия и функционирования современного российского государства, идущего по демократическому пути развития, свидетельствуют, что проблема осуществления прав и свобод личности выступает одной из важнейших приоритетов реализации государственной правовой политики. В этом контексте особое значение приобретает вопрос о том, на каких духовных основах предполагается осуществление прав и свобод наших граждан. Гегель вообще полагал, что в развитии духа общественности заключается глубина и сила самого государства. Здесь совершается непосредственное проникновение частных интересов общими. Комментируя эти идеи, П.И.Новгородцев подчеркивал, что именно эта духовная социализация, эта ванутренняя и самобытая жизнь общества обеспечивает государству его нравственный и правомерный характер и создает для власти нормальное и правомерное положение [10, с. 222]. Поскольку «свои силы и средства государство черпает из недр общества», то оно обязано «отдавать им свое применение», т.е. служить обществу. Когда же государство служит самому себе, либо оно крайне неэффективно служит интересам всего общества, то его «правомерное положение» прекращается. Но, как говорится, государство такое, какое и само общество. Идея о том, что государство может и должно «возвыситься» над обществом и едва ли не «силой привести его к единству» представляется П.И. Новгородцеву просто абсурдной пото-

* Доцент, кандидат социологических наук, доцент.

му, «что в таком случае оно изменяет своему призванию и приводит к общественным потрясениям» [10, с. 226]. Попытки такого явного и тайного возвышения всегда приводили к одному: к революциям, которые «потрясали мир», но низвели все общества в очередную волну упадка духовности и культуры.

В настоящее время, когда российское общество выстраивает правовые отношения во всех сферах своей жизнедеятельности, решение проблемы обеспечения прав личности является одной из важнейших. Современный мир, особенно в первой четверти XXI века, переживает процессы эволюции правовых систем, и значит соответственно эволюцию философии прав личности.

Русская философия никогда не занималась специально исследованием проблемы прав личности, поскольку предмет ее интереса – добро, зло, свобода, совесть – поглощал данную тематику. Решение вопроса о правах личности находилось в русле философского дискурса о свободе, целостности и ее духовности. Но именно на основе православно-гуманистической парадигмы русской философии формировались представления о правах личности в тех культурных сферах, где они признавались ценностью.

В философии существует традиция рассматривать личность как устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или определенной общности, а также как индивидуального носителя этих черт. Изучение типов личности интенсивно велось в XIX веке такими мыслителями, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, П.Н. Ткачев, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Интересные историко-философские труды В.О. Гошевского, М.Я. Корнеева, Т.Д. Марцинковской, А.И. Новикова и других авторов.

По словам Э.Ю. Соловьева правовое обеспечение личности, начавшееся в XVIII столетии, имело в России характер *октроэктивного процесса* (осуществлялось в форме пожалований, даруемых сверху). В 1765-1785 гг. было освобождено дворянство; в конце XVIII – первой трети XIX в., принят ряд государственных актов, очертивших гражданский статус духовенства, купечества и мещанства; к середине XIX-го дело дошло до освобождения крестьян. Это поэтапно-сословное «введение подданных в гражданство» каждый раз было половинчатым, ибо мотивировалось утилитарно-рассудочными соображениями «государственного блага», предотвращения хозяйственной стагнации и слепых народных бунтов, сами участники которых ни на какие права личности не притязали. Гражданские свободы трактовались как средства совершенствования государственного управления и дозировались в соответствии с чисто административными представлениями. Страна, самоидентификация которой издавна покоилась на понятиях «духовности и нравственности», обнаруживала предельный материализм и утилитаризм в ответе на вопрос «зачем нужны права личности?»

Права личности в обществе имплицитно связаны с культурой народа, но эта связь опосредована формой государственного устройства. В основе такого предположения лежит трактовка культуры как системы общечеловеческих ценностей, имеющих национальную определенность в истории каждого народа.

Можно сказать, что закономерности развития культуры являются необходимыми, а закономерности развития государства – достаточными условиями становления прав личности. Соответственно, концептуальное оформление их должно носить междисциплинарный характер, но при этом методология данной концепции адекватно может быть представлена в культурологических терминах социальной философии.

Таким образом, можно сделать вывод, что Россия представляет собой уникальный исторический пример неаддитивности прав человека форме государственного устройства. Именно поэтому становление этих прав в русской истории демонстрирует перспективность их культурологического описания и объяснения в контексте развития духовной идентичности россиян.

Однако Россия и самая государственная, самая бюрократическая страна в мире, утверждает Н.А. Бердяев, ибо все в России превращается в орудие политики, а самый безгосударственный анархический народ покорен бюрократии и «как будто даже не хочет свободной жизни» [1, с. 80]. Принципиально важным для понимания диалектики прав человека в России можно считать этап становления государственности, тот исторический момент, когда нравственные нормы интегрировали в законы, а патерналистская традиция – в монархическую. Важно, что и после этого моральная оценка продолжала доминировать в отношении к правам человека [1, с. 82].

Нравственность – важнейшая социально-психологическая категория национального самосознания русского человека, не удивительно, что этический аспект сильнее онтологического и в работах русских философов «серебряного века». Не удивительно и то, что нравственный критерий всегда превалировал над правовым, юридическим. Различное отношение к нравственности лежит в основе православного сознания, с одной стороны, и западного – протестантского, с другой. Европейец формируется на ценностях протестантской этики с ее приоритетом личности и индивидуальной самореализации и совершенствования, между тем как православные добродетели – прежде всего коллективизм, скромность, трудолюбие («не для себя, для мира»).

В период Киевской Руси была заложена и еще одна традиция, которая наложила свой отпечаток на правосознание русского народа на многие столетия. Речь идет о возникновении, наряду со светским княжеским правом, права христианского, которое выполняло функции идеологического базиса нового государства, государства уже не языческого, а христианского. Традиция эта была заложена первым русским митрополитом Иларионом, возведенным в этот сан отцом «Русской правды» Ярославом Мудрым в 1051 г. Таким обра-

зом, общий источник двух ветвей русского правосознания – культуральной и юридической – один, это мифосознание молодого русского этноса.

Один из самых блестящих аналитиков «конституционного восьмилетия», В.А. Маклаков писал: «В отношении русского народа к исторической власти долго существовали две крайности: раболепное послушание или тайное сопротивление. Понятие согласия и сотрудничества с властью было обществу незнакомо. История вырабатывала два крайних типа общественных деятелей – «прислужников» и «бунтовщиков». Независимых, самостоятельных, но лояльных по отношению к власти людей жизнь не воспитывала» [9, с. 603].

Становление российской государственности положило основу двойственности представлений о правах личности в последующей русской истории. Патриархальные традиции русской общины предполагали иерархичность в получении и реализации прав и свобод личности, которая выражалась в сохранении патерналистской трактовки прав человека. К необходимости этого приводили и бесконечные войны, тяжесть двойного подчинения в эпоху татаро-монгольского ига. Говоря современным языком, в период становления русской государственности, человек стремился получить право жить в государстве.

Но та же двойная зависимость формировала и настроения вольности (не свободы еще, а именно воли, как отмечалось выше). Кроме того, опыт избрания или приглашения князей, практика советов князя с дружиной, корпоративность исключительно в военной сфере (объединяться вынуждал внешний враг), но прежде всего отсутствие статусных институтов государственной власти – в это заложило фундамент будущего диссидентского понятия о правах человека как права не зависеть от государства.

Таким образом, уникальность русской культуры проявилась в бинарности представлений о правах личности. С одной стороны, формировалась правовая система государства, в которой присутствовали нормы прав и свобод личности, ограниченные в зависимости от степени зрелости государства. С другой стороны, народная культура понимания этих прав, сохраняла антропологизированный образ свободы как воли, создавая сугубо моральное восприятие закона, которое присуще русскому менталитету и в наши дни.

Период окончательного оформления Русского централизованного государства (XV-XVI вв.) развил традиции понимания личных свобод, сформированные на предыдущих исторических этапах и институализировал основные гражданские права и обязанности. Право жить в государстве было реализовано, но баланс между правами личности и правами государства еще не был достигнут. Стохастические процессы в социальной жизни во многом были связаны с тем, что права человека не осознавались как таковые. Нравственная интуиция народа уживалась с его же правовой безгра-

мотностью. Преодоление этой диспропорции было возможно только в условиях сильного государства и стабильной государственной власти. Кроме того, сама эта власть в лице государя должна была первой осознать свои права и обязанности.

Самодержавие еще не есть абсолютизм. Для абсолютной монархии характерно наличие сильного, разветвленного профессионального бюрократического аппарата, сильной постоянной армии, а также ликвидация сословно-представительных органов и учреждений. Все эти признаки были присущи и российскому абсолютизму. Однако у него были свои существенные особенности. Установление абсолютной монархии – это укрепление государства. Юридическое оформление взаимоотношений в государстве было адекватно реально существующим отношениям и потребностям в сильном государстве. Защитить человека может только сильное государство. Следовательно, уровень защиты граждан в условиях абсолютизма объективно повышается. Субъективно права и обязанности воспринимаются в зависимости от уровня жизни в данном государстве и степени правовой и моральной зрелости личности.

Известно, что Петр I в свое время закрепил на века новый тип общества – «государственное общество». Знаменитая «табель о рангах» структурировала это социальное устройство так, как того желала власть. Россия так и не познала свободного гражданского общества, независимого от власти. Ее цивилизация – это государственность. Петр, в отличие от всех прежних царей, называл себя *слугой государства*, величие которого составляло сущность его устремлений и преобразований. Но в условиях самодержавия, когда «государство – это я» (Людовик XIV), быть слугой государства – это быть слугой самому себе. Поэтому только представления монарха о самом государстве и общественном устройстве служили ему путеводителем в его реформаторских усилиях. Народ здесь безмолствовал, а о его личных и гражданских правах вообще не было и речи.

Более того, впервые о неотчуждаемых человеческих правах – о свободе, о равенстве перед законом, о верховенстве закона – русские люди слышали также от царской власти, которая стала «просвященной», восприняла некоторые западные либеральные идеи. Речь идет о «Наказе» Екатерины II, составленным ею самой и ее сотрудниками. Он был приурочен к Собору, который должен был собраться для *выработки* (в соответствии с указаниями монарха) новых (юридических) законов в европейском духе.

Рассуждая о правах личности, нельзя не учитывать религиозности русского человека, которая во многом определяла его отношение к таким законам и сам характер правоприменительной практики. Лосский Н.О. отмечает: «У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить

своего рода Царство Божие на земле, но без Бога, на основе научного знания» [8, с. 251]. Такая «живучесть» религиозного чувства характерна для русского человека, она и есть его особенность. «Не только русские писатели, также и иностранцы, внимательно наблюдающие русскую жизнь, в большинстве случаев отмечают выдающуюся особенность русского народа» [8, с. 252]. Подчеркнем, что речь идет не об экзальтации или, наоборот, толерантности религиозного чувства русского человека, а о его «живучести», способности сохраняться и мимикрировать в различных, в том числе и наименее подходящих для него, социальных условиях. Речь идет о том, что такая трансформация религиозности связана с формализацией этого чувства, а, следовательно, с выхолащиванием из него подлинной нравственности.

Общие выводы Н.О. Лосского о характере русского народа следующие: «Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, Царства Божия и смысла жизни... Второе первичное свойство русского народа – могучая сила воли, откуда возникает страстность, максимализм и экстремизм, но иногда и обломовщина, лень, пассивность... В связи с исканием абсолютного добра стоит и свобода духа русских людей, широкая натура... К числу первичных, основных свойств русского народа принадлежит доброта... Однако, измученный злом и нищетой, русский человек может проявить и большую жестокость. В связи с опытом искания абсолютного добра у русского народа развилась высокая и разносторонняя одаренность, теоретический и практический ум... Отрицательные свойства русского народа – экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность практики... Надо, однако, принять во внимание, что отрицательные свойства русского народа представляют собой не первичную природу его» [8, с. 359-360].

Нельзя отрицать вклад российской монархии в становление корпуса прав человека в России. Но формирование установки на реализацию этих прав происходило все же не в политическом, а в культуральном поле национального сознания. И здесь существенная роль принадлежит русским либералам.

Русский либерализм явился наиболее мвоеобразной рефлексией прав личности в монархическую эпоху в России. Основные его этапы:

- а) пробуждение правовой совести русского дворянства, зафиксированное дворянским протолиберализмом последней трети XVIII – начала XIX столетия (Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, А.Н. Радищев; Н.С. Мордвинов, А.П. Куницын, Н.М. Муравьев);
- б) либерально-конституционалистское движение эпохи «великих реформ» (60-70-е годы XIX в.). Его можно подразделить на следующие течения: 1) «кадетер-либерализм» К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и других представителей «русских государственников»; 2) разночинно-интеллигентский публицистический либерализм (В.П. Безобразов,

- А.Д. Градовский, И.И. Иванков, К.К. Арсеньев); 3) критический либерализм А.И. Герцена и ранних народников;
- в) особую веху в развитии отечественного понимания прав человека образуют сочинения В.С. Соловьева – первого в России философа-правозащитника, откликнувшегося в своих сочинениях практически на все ущемления личных свобод, учиняемые правительством и церковью. В «Оправдании добра» (1895) В.С.Соловьев совершает решительный прорыв к нравственному признанию права. Он предпринимает попытку обосновать неотчуждаемые субъективные права. Причем делает это через представление о человеческой личности как «возможности неограниченной действительности» и кантовское понятие «цели самой по себе»;
- г) реформация русско-православного правопонимания. Она была начата В.С. Соловьевым, находит завершение в неолиберализме конца XIX – начала XX столетия (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк и др.) [12, с. 232].

Россия не знала реформации и борьбы за веротерпимость. Первичная для Западной Европы правовая проблема – гарантия независимого суждения, никогда не была здесь народной проблемой (она еще и по сей день зачастую рассматривается как вопрос, интересный лишь для интеллигенции). Отсутствовали в России и многие другие формы низовой гражданской инициативы

Особый интерес для изучения прав личности в России представляют работы Э.Ю. Соловьёва. В своей работе «Предпринимательство и патриотическое сознание» он утверждал, что «... Правовое обеспечение личности, начавшееся в XVIII столетии, имело у нас характер *октроэктивного процесса* (осуществлялось в форме пожалований, даруемых сверху). В 1765-1785 гг. было освобождено дворянство; в конце XVIII – первой трети XIX в., принят ряд государственных актов, очертивших гражданский статус духовенства, купечества и мещанства; к середине XIX-го дело дошло до освобождения крестьян. Это поэтапно-сословное «введение подданных в гражданство» каждый раз было половинчатым, ибо мотивировалось утилитарно-рассудочными соображениями «государственного блага», предотвращения хозяйственной стагнации и слепых народных бунтов, сами участники которых ни на какие права личности не притязали. Гражданские свободы трактовались как средства совершенствования государственного управления и дозировались в соответствии с чисто административными представлениями. Страна, самоидентификация которой издавна покоилась на понятиях «духовности и нравственности», обнаруживала предельный материализм и утилитаризм в ответе на вопрос «зачем нужны права личности?».

Это наложило печать на всю российскую рецепцию прав личности. До 80-х гг. XIX в. ни один из русских мыслителей не пытался взглянуть на них

как на юридическое развертывание христианской этики (соответственно, Реформация, эпоха борьбы за веротерпимость и развитие американского конституционализма оставались за пределами внимания отечественных историков «естественного права»). Французская Декларация прав человека и гражданина и Кодексы Наполеона, наследовавшие ей, прежде всего, в понимании права собственности, долгое время оставались эталонным материалом социальных и юридических толкований. Можно сказать, что образованная Россия черпала свои представления о базисных правах из «французской идеологии». Их вторичная рационализация (в сочинениях последователей Гельвеция, физиократов и руссоистов) принималась за изначальное и единственно правильное выражение «западной правовой идеи».

Эпигонское одушевление позднее просветительским натурализмом представляло концепцию «естественного права» под сокрушительную критику тех, кто видел в ней манифестацию эгоизма и имморализма (славянофилы, революционные народники, Н. Федоров, Л.Т. олстой). Да и сами защитники «правовой идеи» (прежде всего – либеральные западники), примеряя ее к наличным условиям России, чувствовали себя тем неувереннее, чем более утилитарно, прагматично и натуралистически они рассуждали.

Признанию «священного» (то есть безусловного, сверхутилитарного) смысла прав человека препятствовал своего рода *сакральный этатизм*, так или иначе сказавшийся в самых различных направлениях русской общественной мысли.

Эта установка вызрела в народном сознании в XV-XVII вв., в пору формирования русского национального государства. Генетическое противостояние ордынскому игу и опасности агрессии с Запада сообщило всей социальной практике Московской Руси устойчивый и долгосрочный *военно-мобилизационный характер*. Жертвенно-аскетическое отношение народа к государству было закреплено византийско-православной догматической традицией.

Соловьёв Э.Ю. в работе «Правовой нигилизм и гуманистический смысл права», подчеркивает, что в российском обществе существуют четкие идеологические стереотипы: «Царь и царство – от Бога», «правовая идея – от человека». Все правоохранительные институты *«профаничны»* по природе и еще должны найти свое оправдание (доказать свою состоятельность) у государственного интереса. Укрепление и расширение державы – последний (этический) критерий права, сколь бы естественным оно ни представлялось нашему уму.

Эти парадигмы, известные на Западе лишь в качестве крайних выражений абсолютистской идеологии (Боден, Боссюэ, де Местр), в России связаны уже с первичной практикой централизованной монархии. До середины XIX в. эти парадигмы не поддавались никакой рациональной критике. Сакральный этатизм мог быть поколеблен только в процессе его *«оказенива-*

ния», выхолащивания и профанации, учиненном самой монархической властью. Этот процесс начался после победы над Наполеоном. Важнейшими его вехами оказались административно-авторитарное правление Николая I, завершившееся поражением России в Крымской войне, и полицейская государственность, установленная после убийства Александра II и продолжавшаяся до позора русско-японской войны. К 1914 году основные формулы сакрального этатизма («православие, самодержавие и народность», «общинное начало» и др.) утратили не только священное звучание, но и элементарную нравственную убедительность для значительной части российского населения. Неподатливые для критики, они обессилели в результате казенного, утилитарно-политического износа...» [13, с. 160, 162].

Насколько трудным, неуверенным и вместе с тем неотвратимым был процесс признания прав личности в России, обнаруживает *история отечественного либерализма*.

В течение долгого времени изучение истории подвергалось тщательному идеологическому воздействию. Сегодня здесь наблюдается настоящий писательский бум. На наш взгляд, наиболее точным является систематизация исторических фактов данная Э.Ю. Соловьёвым в выше упомянутой работе «Правовой нигилизм и гуманистический смысл права».

Фактор, на который, прежде всего, хотелось бы обратить внимание, – это *поразительное многообразие* русских либеральных течений при отсутствии среди них какого-либо одного, которое можно было бы признать *эталонным и классическим*. Некоторые исследователи (например, В.Ф. Пустарнаков) находят здесь примету робости, бесхребетности, социально-классовой неприкаянности и – будем договаривать до конца – врожденной ущербности русского либерализма. Соловьёв Э.Ю. видит в нем «выражение «ренессансного плюрализма» русской либеральной мысли, ее социокультурной юности, ее способности усомниться в достоинствах *программно-политической однозначности* (категорически обязательной для социально-зрелых стяжателей власти)» [13].

Так же нельзя не согласиться с Э.Ю. Соловьёвым в том, что «программно-политическая неоднозначность русского либерализма не мешает ему шаг за шагом приближаться ко все большей определенности правопонимания».

В пору почти безраздельного господства юридического позитивизма в странах Западной Европы, русские либералы вступают на путь «возрождения и обновления концепции естественного права»; они предлагают решительные версии этического обоснования субъективных прав-свобод и перестают относиться к эпитету «священные» как к риторико-метафорическому выражению.

В свою очередь, С. Булгаков отмечал: «Русский неолиберализм трактует права человека как необходимое выражение христианской этической культуры». Он настаивает на том, что освоение подлинного смысла этих

прав, возможно, только для «обновленного, неподражательного западничества», которое видит историческую миссию России в воспроизведении исходного духовно-нравственного усилия новоевропейской цивилизации, то и дело забываемого и даже отвергаемого самим Западом [4].

Интересно, что Э.Ю. Соловьёв утверждает, что в русском неолиберализме достаточно ясно осознается смысловое единство и смысловая упорядоченность прав личности: неустраняемая первичность гражданских прав и необходимость их восполнения «социальными правами. Было бы преувеличением утверждать, будто российская традиция отлучения права от нравственности и российский сакральный этатизм были теоретически преодолены в неолиберализме (большинство его представителей до конца дней поклонялось двум святыням: «праву» и «державе», пытаясь обе их уместить на одном алтаре). И все-таки, идея примата прав личности по отношению к государственному, а затем и народному суверенитету уже проложила себе дорогу (по крайней мере, при продумывании модели *конституционной демократии*).

Начало двадцатого столетия – время формирования новой политической культуры, к постулатам которой принадлежат гарантии личной неприкосновенности; обеспечение свободы вероисповедания, слова и печати; расширение полномочий местного самоуправления; граждански-политическое равенство сословий. После мучительных полувекowych споров нация сходится на покаянном осуждении крепостничества (вместе с сопутствовавшим ему правительственным, помещичьим и общинным патернализмом). Крепостное состояние отвергается как хотя и давняя (неоспоримо отечественная), но греховная и позорная традиция, не заслуживающая ностальгии. Широкое признание получает идеал независимого производителя (прежде всего – крестьянина, свободно распоряжающегося собственной землей), а также – идеал добровольной трудовой кооперации. За десятилетие с небольшим осуществляется более глубокая и массовая либерализация «низового» сознания, чем на протяжении всего XIX века.

В осмыслении проблемы прав личности и попытках законоотворчества в этой области отечественная элита всегда была ориентирована на западные образцы, но, поскольку их нельзя было реализовать без учета национальной специфики, усилия в этой области часто носили декларативный характер.

В России, как правило, на официальном уровне отсутствовало понимание необходимости философско-культурологического осмысления системы прав личности, в то время как интеллектуальная элита склонялась именно к такой трактовке.

Во время распада монархии, которая уже не могла оставаться абсолютной, но так и не смогла преобразоваться в конституционную, формулируется квинтэссенция правовой идеологии русского либерализма. Она актуализируется в программах растущих, как грибы после дождя, политических партий. Причем удивляет совершенное соответствие «отсталой» России

«передовой» Европе в том, что касается осмысления прав человека. Замечательным документом такого рода был манифест «Политика либеральной партии» принадлежавший перу П.Б. Струве, где он писал: «В свободе личности мы признаем альфу и омегу нашего политического символа веры». Отталкиваясь от этой идеи его часто записывают в либералы. Однако вот что тот же П.Б.Струве утверждает в своих «Отрывках о государстве»: «В основе науки всегда лежит культурная общность в прошлом, в настоящем и будущем, культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния» [15, с. 67].

Эта мысль впоследствии превратилась в общее кредо столь не похожих друг на друга практических политиков, как П.Б. Струве и П.Н. Милюков, С.А. Муромцев и В.Д. Набоков, А.А. Мануйлов и Ф.Ф. Кокошкин. Именуя себя конституционными демократами, они безоговорочно сходятся в следующих утверждениях, которые Э. Соловьев называет «правовой этикой русского Серебряного века»:

- а) неотчуждаемые права-свободы должны быть признаны раз и навсегда, в значении главного принципа императива;
- б) они должны стать нормативным базисом, над которым надстраиваются любые материально-настоятельные законодательные формулы (протекционистские или фритредерские, аграрные, фабричные, социально-благотворительные и т.д.);
- в) конституционно-правовая дисциплина государства более важна, существенна, «первична», нежели господствующая форма правления [14, с. 36].

Россия не знала реформации и борьбы за веротерпимость. Первичная для Западной Европы правовая проблема – гарантия независимого суждения – никогда не была здесь народной проблемой (она и сейчас рассматривается как вопрос, интересный лишь для интеллигенции). Отсутствовали в России и многие другие формы низовой гражданской инициативы.

Страна, самоидентификация которой издавна покоилась на понятиях «духовности и нравственности», обнаруживала предельный материализм и утилитаризм в ответе на вопрос «зачем нужны права личности?».

Это наложило печать на всю российскую рефлексию прав человека. До 80-х гг. XIX в. ни один из русских мыслителей не пытался взглянуть на них как на юридическое развертывание христианской этики (соответственно, Реформация, эпоха борьбы за веротерпимость и развитие американского конституционализма оставались за пределами внимания отечественных историков «естественного права»). Может быть, потому, что этика православная не отождествлялась с западным христианством. Но, может быть, по причинам, указанным славянофилами.

Ситуация с правами личности в монархической России всегда имела некую духовную подоплеку. Они рассматривались не в чистом виде, как в

Европе, а в контексте долга, обязанностей человека. Но и государство рассматривалось не в чистом виде, а как некое духовное, даже мистическое образование. Во всяком случае, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве и Л.А. Тихомиров употребляют термин «*мистическое государство*». Даже профессиональные теоретики права вынуждены были прибегать к культурологическим аргументам, когда речь заходила о правах личности. Это подтверждается в работе Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность», где классик отечественной юриспруденции прямо пишет: «Государство, для руководства своих органов, может стараться дать юридическую формулировку правам человека, признаваемым в данное время, но эта формулировка по необходимости явится весьма изменчивой. В общей же философской формуле «сверхгосударственным» правом человека можно определить его право на самостоятельное бытие, как существа нравственно-разумного, чувствующего, обладающего способностью осуществлять стремления своего нравственного разумного бытия» [16].

Вместе с тем, в контексте духовной социализации государство трактуется как «союз», причем «союз целого народа» [17, с. 29]. И далее еще более конкретно: «Мы можем определить государство как союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью» [17, с. 31].

Очевидно, что исходными побуждениями в оценке состояния прав личности являются не правовые, а этические установки. Это касается как апологетов государственности, так и ее противников. По сути дела, оценка уровня осмысления прав личности имеет ту же природу, что и само осмысление. И это следует признать действительно российской особенностью.

В настоящее время российское общество переживает перестройку общественной жизни, осмысление её социокультурных предпосылок и последствий составляет одну из основ перехода к новому состоянию жизнедеятельности. Это объясняется рядом известных фактов. Россия провозглашена правовым государством, в рамках осуществляемой правовой реформы. Россия представляет собой уникальный исторический пример неаддитивности прав личности форме государственного устройства. Именно поэтому становление этих прав в русской истории демонстрирует перспективность их культурологического описания и объяснения.

В социальной философии проблема прав личности практически не разработана. Однако имеется ряд исследований, которые так или иначе с ней связаны. Противоречивость оценок культурологического осмысления истории Отечества в работах русских философов и историков, имеющие несомненное культурологическое содержание очевидна. Необходимо выделить в отдельную группу труды И.А. Ильина, К.Д. Кавелина, В.К. Кантора, П. Краснова, В.В. Леонтовича, В.А. Маклакова, П.И. Новгородцева, И.М. Степанова, С.М. Степняка-Кравчинского, Л.А. Тихомирова, Г.П. Федотова, Б.Н. Чичерина, Н.Я. Эйдельмана и др.

Все работы этих авторов представляют собой глубокие, серьезные исследования, разноплановость которых позволяет составить достаточно полную картину реальной ситуации с решением проблемы прав человека в истории России. Труды чисто культурологической направленности, посвященные проблеме прав человека, практически, отсутствуют.

В последнее время с позиций культурологического осмысления проблемы выступает православная философия. Но и она не избежала крайностей политизации проблемы. Так, в 2005 г. авторский коллектив Центра динамического консерватизма и Фонда «Русский предприниматель» представил на суд общественности так называемую «Русскую Доктрину» – идеологический документ с претензией на экономическую и социально-политическую программу развития российского общества. Документ вызвал неоднозначную реакцию в нашем обществе. Но и наше современное общество далеко не едино. Часть VI Доктрины называется «Пути преобразований». В первой же главе идет речь о преобразовании правовой системы, которая, на первый взгляд, вроде бы даже противоречит в настоящее время русской культуре, русской истории и русской духовности [6].

Но, если вдуматься глубже, речь не идет о восстановлении теократической власти или тем более о передаче государственной власти церкви. Речь идет о необходимости духовно-нравственного изменения самой государственной власти, ее представителей. «Править должны лучшие». А вот тут-то и скрыт корень вопроса: не хотят многие наши чиновники вести себя морально, не желают принять церковные наставления. Но как же тогда говорить об обществе, если «рыба гниет с головы»? И как можно не соглашаться со следующими словами: «Нельзя менять человека без его на то свободного согласия» [2, с. 2-3].

Очевидно, избежать крайностей в изучении проблемы прав личности можно, выйдя за границы политико-правового дискурса и обратившись к более общим категориям – культурологическим категориям социальной философии. Такую попытку сделала в 2008 г. РПЦ, приняв на Архиерейском Соборе документ под названием «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Пятая глава этого документа – «Принципы и направления правозащитной деятельности Русской Православной Церкви» – посвящена практической деятельности в области прав человека. Важно, что именно ценности культуры – нравственность, духовность, свобода, достоинство, добро и справедливость – фигурируют в обсуждаемом документе в качестве базовых для понимания ситуации с правами человека. Реализация прав человека, по мнению РПЦ, может проявляться в самых разных формах, например, в свидетельстве перед лицом власти, в интеллектуальных разработках, в проведении кампаний в защиту тех или иных категорий людей и их прав, главное, чтобы это было *нравственно ориентированное* социальное действие.

Социальные, культурные и политико-правовые условия являются необходимыми для становления эффективной системы прав человека и как социального института, и как аксиологической рефлексии положения человека в мире. Данный феномен необходимо рассматривать с позиций диалектики внутреннего и внешнего, формы и содержания, сущности и явления. И в этом смысле универсальность культурологической сущности прав личности предстает в виде изменчивости культуры прав человека. Другими словами, необходимо различать права личности как часть культуры и культуру этих прав. Первое характеризует внутреннюю, содержательную сторону прав человека, а второе – внешнюю форму реализации этих прав, особенности их осмысления в конкретно-историческом процессе.

В своей работе «Золотой век» русской культуры» А.В.Петров утверждает, что русская культура – явление уникальное. Это высказывание подтверждает ряд факторов. Географически наше Отечество на протяжении всего своего существования находилось на перекрестке Западной и Восточной цивилизаций. Наша культура сложилась позже большинства азиатских и европейских цивилизаций и находилась с ними в постоянном контакте, но никогда не опускалась до «голового» их копирования, а с XIX в. она начала оказывать серьезное влияние на культуру других народов; формирование нашей культуры происходило не только в благоприятных условиях, но и в условиях насильственного насаждения чуждых образцов и идеалов, путем приказов и запретов, разрушения и наказания. Однако, русская культура сумела создать свой особый тип мышления и самочувствия, которые нельзя однозначно отнести ни к восточному, ни к западному вариантам. Русь (а затем Россия) всегда была многонациональным и поликультурным социальным организмом, который способствовал образованию особой единой культурной основы своей общей Родины. Находясь на протяжении значительного периода своей истории в положении отставшей и догоняющей, Россия приобрела редкую способность не просто быстро усваивать передовые идеи, но и перерабатывать их, приспособлять к своей культурной среде. Но следует иметь в виду и архаичную, крайне прочную и неповоротливую государственную машину. Поэтому, единственной сферой для развития свободы была духовная сфера, где находили свое воплощение различные теории и идеи [11, с. 73]. Как когда-то точно выразился Н.А. Бердяев, единственно свободная сфера для человека – это сфера его духа.

С религиозностью народа связана и его удивительная способность к духовному сердечному *созерцанию*. В работах у И.А. Ильина и С.Л. Франка речь идет именно о *сердечном созерцании*. От духовности, духовной цельности и зрелости самого народа зависит существование искусства и культуры, а также степень их высоты. Ильин И.А. считал, что человек не может творить культуру, не чувствуя себя *предстоящим* тому, что он осуществляет

в своем творчестве. Основания русской культуры органичны. Ее ценности – любовь, доброта, совесть, справедливость, милосердие. Это культура *цельности* и *соборности*: цельное знание, неотделенность чувства и разума, истины и справедливости, личных интересов от общественных, коллективное, соборное и согласное духовное социальное бытие. Это культура *главенства духовного над материальным*, содержательного над формальным, нравственного над правовым. Это культура сочувствия, соучастия и сопричастности ближнему, а естественная ее основа политики и экономики – *солидаристская* парадигма. Славянскую культуру определяют как культуру «иоанновскую» (по имени автора Апокалипсиса), ибо она ориентирована на Царствие Божие, на эру Добра и Милосердия [3].

В своей монографии «Права человека в русской культурной традиции» А.В. Петров утверждает, что для русской философии характерна иррациональность, особенно в метафизической проблематике [11, с. 82]. В ней нераздельны разум и чувства, главными являются темы любви, правды, духовного подвига. В начале XX века философская мысль, основываясь на культурной традиции, выработала триаду «духовность, богочеловечество, соборность», которая противопоставлялась сущностным определениям европейской культуры – материализму, человекобожеству (или даже зверочеловечеству), индивидуализму и функционально-механическому принципу социального объединения. Русское самосознание в философии XIX в. отвергает рационально-механистическое мировоззрение Запада, а вместе с ним и узко-позитивистское отношение к правам человека. Это проявляется в конфликте *кардиогагнозиса* П.Д. Юркевича [18] и вульгарного материализма Н.Г. Чернышевского. Характерно, в этой связи, что В.С. Соловьев пишет диссертацию на тему «Кризис западной философии. Против позитивистов», а И.А. Ильин утверждает, что культура как внутреннее и органическое явление, захватывает самую глубину человеческой души. Новгородцев П., Трубецкой Е. и другие русские исследователи важнейшей культурной доминантой признают религиозную веру, а Н. Лосский считает таковой стремление к абсолюту, поиск «абсолютных оснований добра», а С. Франк – степень погруженности в «непостижимое» и «накопление в себе сил добра».

Но хотелось бы подчеркнуть, что русская духовная культура не отвергает рационализм вообще. Как точно подметил С.З. Гончаров, «получается, что нравственные отношения (не путать с моралью) – не отражение экономических отношений, но *первичные, субъектообразующие* не только в антропогенезе, но и во все времена человеческой истории. Нравственность сохраняет весть о подлинно человеческих отношениях... В отличие от права нравственность есть *неинституциональная императивная* регуляция поведения...» [5, с. 132-133]. Иначе говоря, русская духовная культура даже в сфере правового регулирования исходила не из *ratio* – польза, а из *spiritus* – дух. И это была объективно правильная для нашего народа иерархия ценно-

стных оснований. Никакое *racio* не спасло бы наш народ и не дало бы ему выжить и подняться во весь рост в тяжелейших природно-климатических и геополитических условиях. Да и европейские народы со своим *racio* очень быстро бы «загнулись» в условиях долгих и холодных зим, чудовищных перепадов температур, колоссальных необжитых территорий и под постоянным давлением внешних врагов.

Принципиальным для русской философии является осознание смысла жизни как *самотождественности* с другим. В этом тезиса нашла свое наиболее яркое отражение идея именно духовной социализации, а точнее – духовного единства, солидарности русских людей. Достоевский Ф.М. констатировал: «Важно не то, чтобы жить, а то, для чего жить». Петров А.В. в монографии «Права человека в русской культурной традиции» утверждает, что в этом смысле интересна концепция В.В. Медушевского, который показывает, как распадается *плиромность* (полнота) духа в западной культуре. Происходит «*разъятие*» истины, разделение истины, силы, любви, сущего. С таким выводом можно согласиться, если вспомнить саму методологию философии Запада: дизъюнктивизм, релятивизм, индивидуализм и т.д.

По теории И. Киреевского, западный человек стал понимать разумное, полезное, прекрасное, возвышенное и моральное не просто разными частями своей души, а как то выборочно, схоластически. Человек, человечество и его культура «психологического иллюзионизма», по выражению П.А. Флоренского, стали *полями* внутри, утратив непостижимые богатства «умного чувства» (Диадок Фотийский, Григорий Палама), «Божьего чувства» (Ориген).

По мнению А.В. Петрова, в западной цивилизации происходит распад *органичного* и *умного видения* на *представление* и *понятие* [11]. Представление и понятие, отщепившись от *умного видения Истины*, стали *фантазийными*. Несοизмеримость и несогласованность такого фантазийного представления и органичного видения мироздания обусловлены противоречиями индивидуального и коллективного, а это в свою очередь связано с разрушением *соборности*. Соборное начало в фантазийном представлении трактуется как некий атавизм, как проявление механического коллективизма, тогда как его подлинно объединяющее духовное начало элиминируется. В органичном видении соборность наоборот воспринимается как синтез объединяющего всех русских людей духовного начала (всеединство) и социального коллективизма, органично из этого начала вырастающего и развивающегося. Духовное единство идет от «соединения» людей любовью и красотой. При утрате любви и ощущения красоты культура как бы выпадает из мира онтологии и аксиоматики в мир психический и мир вещный. Она утрачивает символическую организацию, связывающую ее духовностью, и становится знаковой, указывающей на материальный и психический миры. Выбор между добром и злом основывается на *актах совести* как органе различения добра и зла. Но совесть связана со свободой

(свобода совести), а свобода эта «лежит» исключительно в сфере нравственного выбора (кантовский императив), а не в пошлом материальном детерминизме. Духовная свобода – способность добровольно определять себя к путям совершенствования в нравственном смысле. Свобода личности растет по мере ее духовного очищения. Мы не являемся абсолютно свободными в смысле индетерминизма, как если бы наше волеизъявление было ничем не стеснено, такую мысль можно найти у Н.А. Бердяева. Ему возражает И.А. Ильин. По его мнению, при такой свободе воли человек не мог бы меняться в сторону духовного возрастания, не мог бы испытывать благие влияния. Этой свободы ни у кого нет, да и никогда не было. Это была бы жизнь непредвидимого беззакония, духовного бессилия и бездны зла. Свобода дана человеку как «все возрастающая независимость от зла и пошлости». Но в контексте правосознания И.А. Ильин употребляет другой термин – «свободная лояльность». Он констатирует, что «расцвету формальной юриспруденции соответствовало пренебреженное и разлагающееся правосознание» [7, с. 262]. Рассуждая о свободной лояльности и творческом правосознании, русский философ разъясняет свою точку зрения на соотношение свободы и закона: «Человек призван не к *внешнему самоосвобождению от закона* (таков путь революции, анархии, деспотизма); но к *внутреннему самоосвобождению в пределах закона* (таков путь лояльности, правопорядка и здравого смысла). Внутреннее освобождение совершается в духе и выражается в добровольном самообязывании...» [7, с. 268].

При всей своей глубине, А.И. Ильин, однако, не дает ответа на вопрос о том, как должен поступать человек в случае, если формальный закон оказывается античеловеческим, принимается узким кругом лиц и навязывается всему обществу. Для него закон все равно что «священная корова»; внутри закона личность вроде бы и свободна, но за его пределами – никак нет. Тогда, при такой лояльности к действующему законодательству, вообще не понятными становятся источник и сам механизм законотворчества. Ведь ясно же, что таковым источником может быть только критическое отношение к закону, а не лояльность к нему. Лояльность есть послушание, исполнение требований закона, который вдруг оказывается антигуманным, античеловеческим, антисоциальным. Нам представляется, что глубже понять рассуждения И.А. Ильина можно только в контексте его *религиозных* исканий и представлений о законе Божьем, а также о самой государственной власти как власти данной от Бога. Ильин И.А. не республиканец и не демократ, не либерал и не анархист. Поэтому ему чужды сомнения, свойственные последним в природе самой государственной власти. Как глубоко верующий человек И.А. Ильин рисует образ, по сути, весьма напоминающий теократию. Но для атеистического общества эти идеи представляются явно неадаптированными. Другое дело, что и к чему нужно адаптировать: развращенное цивилизацией современное «открытое общество» к закону

(заповедям) Божьему, или религиозно-правовые интенции И.А. Ильина к современной и весьма печальной социальной реальности.

В целом можно сказать, что русская философия права – это живой и динамичный процесс поиска эффективных социальных технологий духовной социализации. Она в полной мере отразила искания русских людей в области справедливости, религиозности, организации собственного труда, служении обществу, правдоискательстве. Он несла и несет на себе отпечаток социально-философского характера, отпечаток национального характера, национального психологического склада, особого типа мышления и мировоззрения, т.е. она является одним из ресурсов ретроспективного портрета народа. Именно в русской философии права заложен культурологический смысл прав личности, в соответствии с которым главной основой их укрепления и развития является духовное возрастание человека и его духовная социализация. Таким образом, нужно признать, что проблема прав личности в России не может быть адекватно рассмотрена и решена вне духовной культуры, вне духовной традиции, исключительно в «профессиональном» политико-правовом поле. Более того, ограничение ее рассмотрения этим «профессиональным» полем приводит к искажению смысла свободы личности. Возникает теоретическая конфронтация между исследователями, различные ее толкования, что, собственно, и происходит как в нашей стране, так и в современном мире в целом. А это как раз и означает, что проблема прав личности имеет более широкий и глубокий смысл и должна быть соотнесена с абсолютными, высшими и поэтому общечеловеческими ценностями, занимающими в аксиологической иерархии более высокое место, чем ценности права и политики.

* * *

1. Социальное творчество проявляется наиболее ярко и очевидно в сфере правового регулирования жизни людей. Право как формальный институт может быть юридическим. Но существует и иное право: право первого, право сильного, право умного... Такая модальность права не имеет формального статуса и их соотношение с формальным правом определяется духовной и социальной компетентностью личности.

2. Никакие формальные правила и законы не будут соблюдаться, а будут лишь нарушаться, если они не соответствуют высшим смыслам человеческого бытия, абсолютным ценностям и идеалам. Известно, что современные законы «как дышло – куда повернешь, туда и вышло». Упадок правовой культуры и несовершенство современных законов – не просто оплошность или вина конкретных субъектов социального творчества, а скорее отражение дефицита духовности, недооценка духовной культуры и ее роли в жизни людей.

3. Никакие либеральные идеалы свободы, равенства и братства не будут в состоянии служить основой современного права, если они будут абсолютными

зироваться и подменять высшие и безусловные ценности Любви, Добра, Веры, Красоты, Надежды. Пора признать, что либеральные ценности современной демократии имеют ограниченное значение. Иначе говоря, это значение исключительно рабочее, сугубо функциональное, строго подчиненное. Только под влиянием *высших* ценностей человеческого бытия эти либеральные ценности могут конструктивно функционировать. В российском обществе давно уже возник колоссальный духовно-нравственный вакуум. Он возник в силу разрушения сначала православных, затем советских ценностей. Последние тридцать лет их пытались заменить либеральными идеалами рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. Но правовое государство выродилось в коррумпированный класс бюрократов. Рыночная экономика превратилась в насос, работающий в основном на экспорт. Наконец, гражданское общество оказалось столь маргинализированным и пауперизированным, что постепенно превратилось в общество всеобщего потребления со всеми вытекающими отсюда последствиями.

4. Возрождение правовой культуры как части духовной культуры невозможно вне духовной социализации всего нашего общества. Необходимо отказаться от двухфазовой модели социального партнерства, когда на первом его этапе какие-то доморощенные «эксперты», «специалисты» и «посвященные» разрабатывают нормы и принципы взаимоотношений между людьми, а на втором его этапе миллионам наших сограждан предлагают слепо соблюдать эти правила и принципы, поскольку *«duralex – sedlex»* – закон суров, но это закон. Вот только кому он нужен. Сами же блюстители порядка нарушают его на каждом шагу.

5. Необходима не очередная модель «представительной демократии» «свободной демократии», «народной монархии» или «правового государства». Необходимо духовное возрождение нации, которое может и должно начаться с семьи и со школы. Именно поэтому приоритетами духовной социализации должны стать укрепление семьи и сохранение школы. Такое укрепление возможно только на почве духовной любви, любви каждого из нас к близким, и, прежде всего, к своим детям – будущему поколению, которому предстоит хранить и обустроить Россию.

Список литературы:

1. Адюшкин В.Н. Социальная философия Н. Бердяева в свете перестройки // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 1991. – № 3.
2. Алексей II, Патриарх Москвы и Всея Руси. Православие и духовное возрождение России. – М.: ИД «Пироговъ», 2003.
3. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. – М. 1989.
4. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука. 1990.
5. Гончаров С.З. Философия совершенства Ивана Ильина. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ин-та бизнеса. 2007. – 552 с.

6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения: пер. с франц. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
7. Ильин И. Путь к очевидности. – М.: Эксмо-Пресс, 1998.
8. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991.
9. Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. – СПб., 1991.
10. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995.
11. Петров А.В. Права человека в России как предмет научных дискуссий в культурологии / А.В.Петров // Гуманитарное образование и медицина. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2007.
12. Петровский В.А. Личность в психологии. – Ростов-н/Д, 1996.
13. Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Филос. Альманах. – М., 1990.
14. Соловьев Э.Ю. Права человека в политическом опыте России (вклад и уроки XX столетия) // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М., 1998.
15. Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997.
16. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.netda.ru/belka/texty/tihomir_mono.
17. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб., 1992.
18. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слову Божьего // Юркевич П.Д. Философские произведения. – М., 1990.

A decorative border resembling a scroll, with a horizontal bar at the top and vertical lines on the sides. The top-left and bottom-left corners feature scroll-like curls.

Раздел восьмой

***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ***

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

© Бирюков В.В.*

Карагандинский государственный индустриальный университет,
Республика Казахстан, г. Караганда

В статье дается теоретическое обоснование необходимости изучения вопросов более полного, комплексного подхода к человеку с позиций человеческого капитала, дается обоснование что для формирования научно обоснованного подхода к определению роли человека в производстве необходим глубокий теоретический анализ концепции «человеческий капитал», процессов его формирования и развития.

Сегодня никакая экономическая теория не может быть завершенной без анализа и учета модели человека в экономике. Действенным инструментом являются рабочие модели человека, которые определяют допущения относительно детерминант и способов его экономического поведения.

Модель человека является важнейшей методологической основой современной экономической науки. Человек выступает в качестве объекта изучения в роли работника, потребителя и предпринимателя. С другой стороны, можно говорить и о модели человека – научной абстракции, являющейся частью метода экономической теории, необходимым инструментом исследования. Однако мы будем иметь в виду именно поведенческие модели, построенные на анализе и тенденциях.

В широком смысле слова все содержание экономической науки сводится к описанию человеческого поведения, включая индивидуальное поведение и поведение групп людей вплоть до общественных институтов. В теории это выражается в выработке определенной поведенческой гипотезы, предполагающей упрощенное представление о природе человека. Такая гипотеза затем служит составным элементом метода соответствующей теории. Каждая из наук представляет человека таким, какой он необходим для данной отрасли знаний. Именно содержание этой рабочей модели человека, выбор составляющих ее признаков и определяет специфику общественных наук, разделение труда между ними, очерчивает предмет их изучения.

В экономической науке модель человека претерпела большие изменения вместе с развитием самой науки. Некоторые элементы подвергались уточнению, от других отказывались сами ученые. Поэтому на сегодняшний день нет определенной, общепринятой модели человека. В самом общем виде эта модель должна представлять собой три группы факторов,

* Доцент кафедры «Экономика и финансы», кандидат экономических наук.

представляющих цели человека, средства их достижения и знание о процессах, благодаря которым средства ведут к достижению целей. Наиболее важными, на наш взгляд, из этих процессов представляются производство и потребление [1].

Общая схема модели экономического человека, сложившаяся в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки и принятая большинством современных исследователей, заключается в следующем.

Человек в системе экономических отношений или «экономический человек», по принятой терминологии, находится в ситуации ограниченности доступных ему ресурсов. Поскольку невозможно одновременно удовлетворить все неограниченные потребности, приходится делать выбор.

Факторы, обуславливающие этот выбор, делятся на две строго различающиеся группы: предпочтения и ограничения.

Первые характеризуют субъективные потребности и желания индивида, вторые – его объективные возможности.

Предпочтения экономического человека являются всеохватывающими и непротиворечивыми. Главными ограничениями выступают величина дохода и стоимости, отдельных благ. В ситуации несовершенной конкуренции ограничениями являются также действия других участников рынка. Предпочтения экономического человека более устойчивы, чем ограничения. Поэтому в экономической теории они считаются постоянными, абстрагируясь от процесса формирования.

Экономический человек способен оценивать возможные варианты выбора с точки зрения того, насколько их результаты соответствуют его предпочтениям.

В процессе выбора экономический человек руководствуется личными интересами, которые могут включать и благосостояние других людей (например, членов семьи). Важно то, что действия индивида определяются его собственными предпочтениями, а не предпочтениями его контрагентов по сделке и не принятыми в обществе традициями, нормами. Это позволяет человеку давать оценку своим будущим поступкам исключительно по их последствиям, а не по исходному замыслу. В этом смысле экономический человек и по сей день остается утилитаристом.

Благодаря предпосылке собственного интереса всякое взаимодействие между экономическими субъектами принимает форму обмена.

Информация, имеющаяся в распоряжении экономического человека, является ограниченной – ему известны далеко не все доступные варианты действий, а также результаты известных вариантов – и не изменяется сама по себе. Приобретение дополнительной информации требует дополнительных издержек. Поэтому один из доступных вариантов выбора состоит в том, чтобы отложить решение «на потом» и заняться поиском новой информации. Время, в течение которого необходимо принять решение, явля-

ется наряду с доходом одним из ресурсных ограничений, а издержки поиска – одним из ценовых ограничений.

Выбор экономического человека является рациональным в том смысле, что из известных вариантов выбирается тот, который в наибольшей степени будет соответствовать его предпочтениям, или, что означает то же самое, максимизировать его целевую функцию. Эта предпосылка устанавливает связь между упорядоченными предпочтениями и ограничениями через акт выбора или действия. Мнения и ожидания могут быть ошибочными и субъективно рациональный выбор, с которым имеет дело экономическая теория, может казаться иррациональным более информированному наблюдателю. Ошибки экономического человека в сфере потребления не могут быть систематическими, они могут быть только случайными.

Главное свойство современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции в области экономической рациональности.

Понятие рационального выбора и рационального поведения играют исключительно важную роль в методологии современной экономической теории, причем понятие рациональности в ней употребляется в ином смысле, чем в других общественных науках, где рациональное поведение трактуется как разумное, адекватное ситуации действие. Критерий рациональности является здесь интуитивным и относится не только к средствам, но и к целям поведения, т.е. является содержательным. Рациональное в таком значении – синоним функционального: так можно назвать поведение индивида или группы, если оно объективно способствует сохранению и выживанию, даже если такая цель сознательно не ставится. Рациональное поведение объективно способствует равновесию системы, которое вовсе не обязательно является ее оптимальным состоянием.

Рациональность означает максимизацию целевой функции при существующих ограничениях, т.е. выбор оптимальных средств без каких-либо требований к структурному содержанию самой цели, в частности рациональное поведение предполагает комфортное физическое и душевное состояние индивида, полное удовлетворение его потребностей.

В зависимости от наличия или отсутствия разнотипной информации понятие экономической рациональности раздваивается. При существовании полной информации рациональным является выбор варианта с максимальной ожидаемой полезностью. Если транзитивность предпочтений может быть сочтена признаком рационального выбора, то их всеохватность, а также непрерывность и взаимозаменяемость являются специфическими признаками экономической рациональности. Иррациональным в данном случае будет поведение, не соответствующее интересам индивида, причем это ему должно быть известно. Это означает, что такое поведение нарушает транзитивность предпочтений или противоречит постулатам теории ожидаемой полезности, а непосредственной причиной экономически иррацио-

нального поведения должна быть несостоятельность субъекта в преодолении отдельных ограничений.

Экономическая рациональность не затрагивает целей человека и его представлений об окружающем мире, на основе которых выбираются средства для достижения поставленных целей. Процесс формирования и изменения, целей не входит в область изучаемых экономической наукой явлений. Изменения целей, вытекающие из изменения предпочтений, являются для экономистов внешним фактором (экзогенным). Эта готовность исходит из предпочтений любого содержания как данности, которая позволяет применять экономический анализ к любому человеческому поведению и дает экономической теории основания претендовать на титул универсальной науки.

Рациональность экономического человека связана с принципом методологического индивидуализма в экономической теории, согласно которому все анализируемые явления объясняются как результат целенаправленной деятельности индивидов.

Была разработана и модель «социологического человека» – «социологизированного, детерминированного обществом, играющего роль, наказуемого человека». Она исходит из того, что все общественные явления должны объясняться на уровне общественных институтов, норм поведения [2].

Хочется отметить, что эта модель человека не находит особого заметного применения в настоящее время, возможно, по причине излишней идеализированности человека.

Современная наука решает многие теоретические проблемы с помощью сложившейся модели рационального максимизирующего поведения, изменяя условия оптимизационной задачи. Такой подход лежит в основе неоклассических теорий поиска, концепции человеческого капитала.

Модель человека в современной экономической теории по В. Автономову напоминает матрицу, строки которой образуют различные методологические подходы, а столбцы – различные экономические проблемы. Многие элементы этой матрицы будут нулями, поскольку практически не существует методологических подходов, позволяющих удовлетворительно объяснить все проблемы (за исключением, может быть, неоклассического подхода, но зачастую за счет утраты содержательности выводов). Не погружаясь в рассмотрение отдельных элементов такой матрицы, что достаточно глубоко проделано В. Автономовым [2], воспользуемся его основными выводами.

Большинство альтернативных подходов имеет общие черты, во многом связанные с неприятием отдельных компонентов неоклассической модели человека.

Во-первых, они (за исключением, пожалуй, не австрийского) на порядок менее общи и абстрактны, чем неоклассический. Эта большая реалистичность (и поверхностность) достигается за счет отказа от неоклассиче-

ского «обволакивания» аномалий и является причиной их меньшей универсальности.

Во-вторых, в них акцентируется не на логический выбор, который субъект совершает из имеющихся вариантов поведения, а на его практическую, познавательную деятельность, в ходе которой человек активно включается в окружающий мир и сталкивается при этом с теми или иными проблемами. Тем самым, вскрывается «черный ящик», которым со времени основания экономической науки являлся процесс принятия решений. Выбор изучается не с точки зрения самого процесса выбора. Соответственно, предметом анализа являются не равновесные состояния, а экономический процесс.

В-третьих, им в меньшей степени присущ ситуационный детерминизм, объяснение действий человека ищется не в изменении внешних условий его деятельности, а в первую очередь во внутреннем мире самого человека.

В-четвертых, большее значение придается неопределенности и неполноте информации.

В-пятых, более высокая степень реалистичности альтернативных подходов проявляется в ограниченности не только имеющейся у человека информации, но и в его способности к обработке этой информации и принятию продуманных, взвешенных решений, что делает невозможной оптимизационную процедуру.

В-шестых, в трактовке мотивационного компонента модели человека к традиционным целям – благосостоянию, удовлетворению потребностей – добавляются специфические цели творческой, познающей и действующей личности: самореализация, стремление к совершенству, радость творчества, обеспечение душевного комфорта, избегание когнитивных диссонансов, чрезмерного напряжения и т.п.

В-седьмых, для всех альтернативных подходов характерен большой удельный вес методологических исследований и, в частности, критики методологии основного чтения. Поэтому основные черты экономического человека обычно выражены в них, намного рельефнее, чем в неоклассическом направлении.

Тем не менее, несмотря на значительную область пересечения различных альтернативных подходов, их теоретический синтез практически неосуществим. Их менее абстрактный и более поверхностный, описательный характер делает невозможным построение цельной и единообразной теоретической системы, сравнимой по простоте и универсальности с неоклассической. Между близостью к жизни и теоретической стройностью всякий раз приходится делать выбор, связанный со значительными альтернативными издержками. Еще более проблематична конвергенция между сторонниками неоклассического подхода и их оппонентами – этому препятствует как несовпадение задач исследования, так и соответственно выбранный уровень абстракции.

Таким образом, магистральным путем в развитии современной экономической мысли остается развитие традиционной для неоклассики модели человека – рационального максимизатора экономической выгоды с оптимизирующим поведением – за счет разного рода детализаций и усовершенствований.

В рамках этого подхода выделяются два основных направления, по которым модифицируется основная модель экономического человека. Первый заключается в усилении рациональности, переходе от оптимизации к «супероптимизации», когда подключаются такие факторы, как поиск информации, ожидания субъектов, реакция на поведение контрагента и др. В рамках данного направления вполне закономерно появляются идеи, согласно которым «на смену рациональному человеку индустриального общества приходит гиперрациональный человек постиндустриальной информационной эпохи», для которого характерно сугубо утилитаристское восприятие жизненных, духовных, и нравственных ценностей, замешанное на технократическом образе мышления.

Приверженцы техноцентризма настойчиво доказывают мысль о быстрой технологизации общественной и экономической жизни и о внедрении, или адсорбции, интеллектуальных артефактов в структуру

В эпоху глобальной конкуренции, технологических инноваций, нестабильности внешней среды изменения характера производительных сил определяется инновационностью воспроизводственного процесса, инициированного в любой (естественно-технической, экономической, социальной, культурной деятельности) области и обеспечивающего не только удовлетворение сложившейся в данный момент структуры потребностей, но и перспективных запросов экономики. Поэтому на острие разработки модели экономического человека находится теория человеческого капитала.

Завершение эпохи индустриального общества, достижение уровня развития общества массового потребления (в совокупности с соответствующими экологическими проблемами) привели к удовлетворению базовых материальных потребностей во многих странах мира, но одновременно изменили акценты воспроизводственного процесса, передвинув их в инновационную и социальную сферу жизнедеятельности человеческого общества.

Милль Дж. Стюарт высказывал в своих трудах: «Самого человека ... я не рассматриваю как богатство, но его приобретенные способности, которые существуют лишь как средство и порождены трудом, с полным основанием, я считаю, попадают в эту категорию. Мастерство, энергия и настойчивость рабочих страны в такой же мере считаются её богатством, как и их инструменты и машины» [1].

В процессе становления современного общества огромную роль играет человек, являющийся основополагающим фактором развития производительных сил и экономического роста. Данное обстоятельство усиливается в

связи с вступлением мировой общественности в эпоху глобализации и новых технологий. И только страны, сумевшие использовать эффективно человеческий капитал, смогут быстрыми темпами развиваться и опережать другие страны по темпам экономического роста.

Несмотря на явную противоречивость понимания структуры человеческого капитала, все исследователи единодушны в признании доминирующего значения на современном этапе развития производительных сил знаний, навыков, умений и возможностей к их периодическому возобновлению. Основой конкурентоспособности современной социально-экономической модели является высокий уровень человеческого капитала, который определяет темпы научно-технического прогресса. Можно сказать, что результатом развития производительных сил общества является структурная перестройка мировой и национальных экономических систем, которую можно охарактеризовать следующим образом:

1. Усиление глобализации мировой экономики и одновременно формирование региональных центров конкурентоспособности в национальных экономиках (кластеров).

2. Стремительный прогресс информационных технологий и технологий связи, что позволяет говорить о смене парадигмы экономического развития и становлении новой, информационной экономики [4].

3. Высокая скорость изменений технологических процессов во всех отраслях промышленности и сфере услуг.

4. Переход к энерго- и ресурсосберегающим технологиям (нанотехнологии, альтернативные источники энергии и т.п.).

5. Повышение требований к образовательному уровню и квалификации рабочей силы, которые становятся решающей предпосылкой для использования преимуществ инновационного развития.

Все эти изменения в характере мирового экономического процесса обусловили изменения в характере главной движущей силы воспроизводственного процесса в рыночной экономике – человеческого капитала общества.

Поскольку стремительный уровень развития техники и технологии, быстрое удешевление и доступность многих технологий для использования в производственном процессе в настоящее время уже не является невоспроизводимым конкурентным преимуществом, то внимание ученых и менеджеров всего мира обратилось к одному из самых уникальных ресурсов производственного процесса – человеческому фактору, который при правильном управлении им способен стать важнейшим активом современной экономики.

6. В последнее время некоторые исследователи заявляют о подрыве самих основ существования «экономического человека». Связывают это, с формированием социума, стоящего на пороге «постэкономической трансформации», в процессе которой исчезает какая-либо объективная основа

стоимости («деструкция стоимости»), следовательно, и стоимостных отношений. Современный социум характеризуется, прежде всего, экспансией субъективных мотивов и целей, социальных и психологических основ человеческой деятельности, без учета которых считается невозможным адекватное понимание социальных процессов. Индивиды, ориентированные на стремление к самореализации, на развитие своих способностей и собственной личности, могут считать полезными для себя действия, не преследующие материальной выгоды, и поэтому не согласующиеся с принципами поведения «экономического человека». *«Сегодня Казахстану требуется «взрыв» инновационной деятельности. В обществе должен доминировать инновационный, креативный тип поведения»* [3].

Такое изменение качества в оценке полезностей тех или иных благ подготовлено, в первую очередь, технологическим прогрессом второй половины XX в., обеспечившим в развитых странах людям, способным к творческой деятельности, настолько высокий уровень жизни, что нематериальные мотивы стали доминировать над материальными. Современное производство вывело на первый план факторы, хотя известные и ранее, но обретающие в новых условиях совершенно иное качество и формы проявления. Главным из них стало распространение и использование знаний и информации в качестве непосредственного производственного ресурса. Опыт жизни последнего десятилетия изменил людей, в настоящее время, среднестатистический соотечественник, это индивид, способный осмысливать огромный поток информации, использовать ее для продуцирования нового знания. Ему характерна модель творческого, активного человека, обладающего креативной способностью к выбору.

Наше исследование опирается на экономический подход в качестве обобщающей поведенческой парадигмы. Мы, вслед за Г. Беккером, исходим из того, что все человеческое поведение в целом подчинено одним и тем же фундаментальным принципам: максимизации целевой функции рыночного равновесия и устойчивости предпочтений. Подобный подход, во-первых, подразумевает, что люди ведут себя рационально, т.е. стремятся к достижению наилучших из всевозможных результатов.

Во-вторых, он связан с тем, что деятельность людей во всех случаях координируется рынками – явными или неявными – (хотя и с разной степенью эффективности).

В-третьих, он предполагает, что, если поведение людей изменилось, то причины этого следует искать не в сдвигах в их внутренней системе ценностей, а в их реакции на изменившиеся внешние условия, ограничивающие поле выбора. Такой подход обеспечивает, на наш взгляд, всеобъемлющую рамку для объяснения всего человеческого поведения, он «уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения».

Отсюда следует, что мы разделяем идеи «экономического империализма», которые вполне естественно вытекают из представления о человеческом поведении, которые позволяют в методологическом «всеоружии» приступить к анализу социальных проблем вообще, и категории человеческого капитала – в частности.

Список литературы:

1. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова. Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука, 2008.
2. Ильинский И.В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве. – СПб.: Изд. СПбУЭФ, 2007.
3. Лысков А.Ф. Человеческий капитал: понятие и взаимосвязь с другими категориями // Менеджмент в России и за рубежом. – 2008. – № 6.
4. Маренков Н.Л., Алимарина Е.А. Управление трудовыми ресурсами. Серия «Высшее образование». – М.: Московский экономический институт. Ростов-н/Д: Издательство Феникс, 2004.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

© Завьялов Д.В.*

ООО «ИНТЕР ТОРГ», г. Москва

В статье рассматриваются особенности российского предпринимательства в период реформирования экономики, дается характеристика процессов развития предпринимательства в странах с переходной экономикой.

Значительный потенциал, заложенный в предпринимательстве, позволяет рассматривать его как фактор развития экономики, призванный сыграть существенную роль в экономических преобразованиях. При этом в России возможности предпринимательства как базы развития деловой активности населения, увеличения числа собственников и формирования цивилизованного среднего класса не задействованы. Это обстоятельство требует исследований всех аспектов российского предпринимательства с использованием исторического и системного подхода к исследованию с целью формирования его эффективной модели.

Понятие «предпринимательство» (англ. entrepreneurship) впервые ввел в употребление английский банкир и экономист Р. Кантильон (1680-1734) в XVIII в. Он определил его как посредническую деятельность, в процессе которой приводятся в соответствие товарное предложение и спрос [1]. Глубокий анализ предпринимательству дал французский экономист Ж.-Б. Сей (1767-1882), усматривающий в нем соединение и координацию двух факторов – труда и капитала. Американский экономист И. Шумпетер (1883-1950), утверждал, что предпринимательство – это, в первую очередь, новаторская деятельность, в результате которой создаются товары.

В современной научной литературе под предпринимательством понимают форму осуществления экономической активности, возникающую в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, нацеленной, как правило, на получение прибыли (дохода) [2].

Существенные изменения, произошедшие в развитии стран с переходной экономикой, значительно повлияли на развитие предпринимательства, его роль и значимость в социально-экономических процессах.

Конец 80-х, начало 90-х годов прошлого века были ознаменованы развалом Советского Союза, который привел к не менее драматическому коллапсу системы плановой экономики, господствующей в странах социали-

* Генеральный директор, кандидат экономических наук.

стического блока. Это послужило началом процессу социальной, экономической и политической трансформации в России и других бывших социалистических стран.

«Трансформация», «изменчивость», «развитие» – вот термины наиболее применимые к странам, которые переживают период экономических реформ, период смены экономического курса. Именно в атмосфере постоянно меняющихся экономических условий, как в теплице, пускает корни и начинает развиваться одна из важнейших составляющих экономической системы – предпринимательство. Трансформация и экономические изменения открывают новые возможности для людей, готовых такими возможностями воспользоваться. Именно изменения – жизненные, экономические, политические, социальные или какие-то другие, лежат в основе предпринимательства.

Процессы трансформации в окружающем мире толкают людей к тому, чтобы измениться самим и изменить часть своей жизни. Кто-то считает, что может дать рынку продукт или услуги, которые будут востребованы. Для кого-то предпринимательство – это возможность реализации собственного внутреннего потенциала. Есть и те, кто открывает собственный бизнес просто потому, что не видит на существующем рынке труда достойного применения своему потенциалу. По существующей статистике, двое из пяти предпринимателей стали ими не столько по желанию, сколько по необходимости, то есть не все из тех, кто становился на путь предпринимательства, являлись таковыми по сути.

Предпринимательство предполагает, что человек желает не только получить краткосрочную прибыль, но и накопить капитал, достаточный для будущего развития бизнеса. Предприниматель готов на этом пути временно поступиться своим желанием личного обогащения. В России, зачастую, предпринимательство принимает вид банального собственничества, когда показателями успеха в бизнесе являются не рыночная стоимость компании или темпы ее роста, а наличие у владельца атрибутов достатка и благополучия.

В самом начале экономических реформ в России их основу составляли такие понятия как либерализации, приватизация, минимизации роли государства в экономике. Резкий рост потребительского спроса на продукты и услуги, недоступные во времена плановой экономики, снятие государством ограничений на предпринимательскую деятельность, приватизация предприятий сферы услуг и торговли привели к созданию огромного количества мелких частных предприятий, которые и легли в основу только зарождавшегося в России частного бизнес-сектора. Индивидуальные частные предприятия регистрировались сотнями и тысячами и, хотя лишь немногие из них пережили двадцать лет экономических реформ, на протяжении всего этого времени они являлись важными деталями социально-экономических процессов.

Такое развитие не было явлением уникальным. Экономики большинства бывших социалистических стран развивались по похожему сценарию

[4, с. 5]. Все они встали на путь экономических реформ, поэтому постоянное изменение экономической среды стало одним из характерных черт любой экономики переходного периода. Люди, в течение десятилетий жившие в рамках плановой экономики, столкнулись с постоянной меняющимися социальными, политическими, экономическими факторами. Именно в этот момент многие осознали невозможность работы в тех рамках, которые существовали ранее и решили попробовать свои силы в области частного предпринимательства.

Общей чертой предпринимателей начала экономических реформ являлось желание перемен в жизни, стране, экономике, карьере. При практически полном отсутствии традиций предпринимательства или предпринимательского опыта, они, тем не менее, выбирали для себя частное предпринимательство. Этот выбор и был для них символом перемен, вступления на новый жизненный путь. Для предпринимателей первой волны характерно также фактическое отсутствие знаний в области экономики, законодательства, налогообложения которые компенсировались личными связями и умением быстро реагировать на изменения в экономической ситуации. При этом, видя пассивность и неповоротливость государства в области поддержки предпринимательства, усовершенствования законодательства, создания и развития экономических институтов, российский предприниматель стал скептиком. Именно поэтому инициативы государства в области экономической политики среднестатистический российский бизнесмен склонен рассматривать не как помощь в развитии бизнес среды, а как усложнение собственной жизни.

Несмотря на схожие черты в экономическом развитии пост-социалистических стран, одни из них начали быстро догонять в своем экономическом развитии капиталистических соседей, а другие наоборот развивались и развиваются слишком медленно.

Реформирование экономики – сложный и длительный процесс. Развита рыночная экономика – это не только либеральное законодательство и благополучный частный сектор, но так же развитые экономические институты и адекватное вмешательство государства в экономические процессы.

Где находилась та поворотная точка, которая позволила одним странам получить толчок к быстрому экономическому развитию, а других отбросила назад? Ответ на этот вопрос заключается в понимании сложного процесса экономической трансформации. Развитие предпринимательства, частный сектор и свободный рынок – это только первые шаги на этом пути. Вместе с ними должно происходить развитие финансовых институтов, изменение и совершенствование законодательства, изменение психологии и бизнес-поведения экономических агентов. Все это невозможно без влияния и участия государства. Правила экономической игры – вот один из основных ключей к успеху проведения экономических реформ. Сейчас уже можно утверждать,

что полная либерализация экономических процессов и так называемая «шоковая терапия» не могут сделать экономику страны по-настоящему рыночной, приводя в некоторых случаях к усугублению существующих проблем. Именно поэтому наиболее успешными на пути построения развитой экономики становятся те страны, руководство которых вовремя осознает направляющую роль государства в этом процессе.

Именно середина 90-х годов стала той поворотной точкой, где создаваемые правила экономической игры, обусловили развитие экономики на последующие годы. К середине 90-х годов экономическая ситуация в России, как и во многих других бывших соцстранах, стала меняться. Потребительский спрос, стремительно растущий с конца 80-х годов, стал снижаться, выросла конкуренция между национальными компаниями, на рынок вошли иностранные игроки со своими финансовыми и человеческими ресурсами. Отсутствие адекватных источников финансирования не позволяло достаточно быстро развиваться молодому российскому частному сектору. Однако в этот период государство стало уделять больше внимания развитию предпринимательства.

Предпринимательство можно считать зеркалом той экономической ситуации, которая существует в стране и той экономической политики, которую проводит государство. Ведь предприниматель – это продукт экономической среды, в которой он вырос и в которой существует его бизнес. Именно отношение государства к частному бизнесу способно сделать из предпринимателя честного налогоплательщика или подпольного дельца. Влияние государства на предпринимательство нельзя недооценивать. В начале процесса экономических реформ государство зачастую уклонялось от активного участия в жизни бизнес сообщества. Это происходило не только по причине веры в саморегулируемость рыночной экономики, но и было отчасти результатом давления международных организаций, таких как Всемирный Банк и Международный Валютный фонд. Скорейшая либерализация экономики и невмешательство государства в бизнес, были одними из условий международной финансовой поддержки. Очевидно также, что большинство ошибок со стороны государства было сделано в тех областях, где был накоплен наименьший экономический опыт, в частности организация грамотного налогообложения для бизнеса и создание грамотной, а главное своевременной законодательной базы. И то и другое, с точки зрения предпринимателя, являются основой «правил игры». При этом само руководство страны достаточно неохотное признает негативный эффект собственных ошибок на экономическое сообщество в целом и на предпринимателей в частности.

Другим негативным фактором являются возникающие время от времени попытки государства слишком сильно вмешаться в те или иные сферы деловой активности, либо путем создания бюрократических препятствий бизнесу или чрезмерным законодательным регулированием, которые

выражается завышенными налогами, двусмысленностью и изменчивостью экономического курса. Это, в свою очередь, приводит к потере доверия к государству со стороны бизнеса, усугубляет проблему коррупции и способствует уходу предпринимателей в область теневой экономики.

Успех в проведении экономических реформ зависит не только от умения правительства страны проводить ту или иную политику, принимать и превращать в жизнь законодательные акты, устанавливать те или иные правила экономической игры. Та роль, которую сыграли предприниматели в развитии экономики России 90-х, 2000-х годов говорит о том, насколько важной составляющей экономических процессов они являлись. Предприниматели также были и продолжают являться реформаторами. В одной из своих книг Адам Смит указал, что предприниматель, преследуя свои личные экономические интересы, незаметно для себя, помогает интересам общества в целом более эффективно, нежели если бы он это делал намеренно. Предприниматели в странах с переходной экономикой, в России в частности, прекрасно иллюстрируют эту мысль Адама Смита. Путем создания рабочих мест, насыщения рынка товарами массового спроса, ограничения рыночного влияния государства, предприниматели дают импульс, необходимый любым экономическим реформам и этим приносят реальный, ощутимый рост экономическому благосостоянию страны.

Список литературы:

1. Ruta Aidis. Entrepreneurship and economic transition. – Tinbergen Institute Discussion Paper, 2003.
2. Лапуста М.Г. Предпринимательство / М.Н. Лагуста – М.: Инфра-М, Серия «Высшее образование», 2009.
3. John McMillan and Christopher. Woodruff The Central Role of Entrepreneurs in Transition Economies // Journal of Economic Perspectives. – 2002. – Vol. 16, N 3.
4. Matilda Alexandrova. Entrepreneurship in a Transition Economy: The Impact of Environment on Entrepreneurial Orientation // Problems and Perspectives in Management. – 2004. – № 2.

ФУНКЦИИ ФИРМЫ ПО СПЕЦИФИКАЦИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА МИКРОУРОВНЕ

© Складорова М.Е.*

Международный институт компьютерных технологий, г. Воронеж

В данной статье рассматриваются вопросы спецификации прав на микроуровне, их взаимосвязь с аналогичными процессами на макроуровне. Анализируются процесс спецификации прав собственности и его составляющие: условия, обеспечивающие индивиду исключительное право доступа к ресурсу, особенности объекта права собственности, механизм, обеспечивающий реализацию прав собственника. Показывается влияние на спецификацию прав собственности внешней институциональной среды. Излагаются основные модели возникновения исключительных прав, факторы, влияющие на исключительность. Анализируются составляющие процесса спецификации прав собственности применительно к микросреде организации.

Спецификация прав собственности может проходить как на макроуровне, так и на микроуровне. На макроуровне её осуществляет государство путём закрепления в формальных нормах в законодательстве. В этом случае гарантом, обеспечивающим реализацию прав собственности, является государство. На микроуровне права собственности специфицируются на уровне фирм и организаций. На данном уровне спецификация может носить как формальный характер, закрепляясь в административных документах, в формальных контрактах, – так и неформальный, если строится на основе сложившейся практики взаимоотношений в коллективе. Гарантом прав собственности становится администрация предприятия, а также каждый член трудового коллектива. Вместе с тем процесс спецификации на макро- и микро-уровнях взаимосвязаны между собой, так как представить фирму, действующую в среде институционального вакуума можно только теоретически. Спецификация прав собственности на макроуровне является необходимой предпосылкой к спецификации прав на уровне фирм, организаций. Фирмы при постройке своей внутренней структуры используют набор институциональных альтернатив, закрепленных законодательно. Более того, создание организации возможно только в тех организационно-правовых формах, которые закреплены в гражданско-правовых нормах. Государство не признает и не предоставляет правовую защиту тем организационным формам, которые не соответствуют установленным правилам. Если бы в хозяйственном обороте не применялись выверенные формы организации, то это бы влекло огромные издержки оценки всего комплекса договоров, оформляющих отношенческое взаимодействие при возникновении спорной ситуации.

* Аспирант кафедры Менеджмента и экономической теории.

Однако, данный процесс имеет обратное направление, когда под влиянием фактически сложившихся отношений, меняются законодательные правила, вводятся организационные формы, позволяющие экономить транзакционные издержки для тех или иных видов деятельности.

Под спецификацией прав собственности понимается процесс их установления в правилах взаимодействия, т.е. создания условий, обеспечивающих индивиду исключительное право доступа к ресурсу. Спецификация означает определение субъекта и объекта права, содержание правомочий, принадлежащих субъекту, разработку механизма, обеспечивающего реализацию прав собственника. Спецификация – точное определение содержания передаваемых субъекту прав собственности, закрепление за каждым правомочием отдельного субъекта – частичного собственника, необходимое условие для эффективной работы рынка. Это подталкивает экономических агентов к принятию более эффективных решений, поскольку чем яснее определены и надежней защищены права собственников, тем теснее оказывается связь между предпринимаемыми ими действиями и их благосостоянием [1]. Повышение уровня спецификации прав собственности, переход от режима общего доступа к исключительным правам, изменяет множество альтернатив индивидуального выбора и увеличивает денежные чистые доходы общества по мнению Д. Бромли [2, с. 37]. Для обмена правами собственности необходимо, чтобы эти права были определены (специфицированы), еще и потому, что ни один экономический субъект не может в акте обмена передать больше прав на ресурс, чем он имеет.

Взаимосвязь между распределением правомочий собственности и эффективностью демонстрируется в теореме Коуза, в которой говорится, что аллокационная эффективность не зависит от первоначального распределения прав собственности только тогда, когда транзакционные издержки равны нулю. А так как в реальной экономике транзакционные издержки всегда больше нуля, так как они – результат работы экономической системы, то распределение прав собственности имеет значение. Само выражение «теорема Коуза» и её современная формулировка не принадлежит Коузу. Огромная заслуга последнего состоит не в том, что он дал классическую формулировку теоремы, а в том, что он выдвинул идеи, которые легли в основу современных экономических теорий собственности, транзакционных издержек, экономических институтов.

Впервые предложение, которое в дальнейшем превратилось в теорему Коуза, было высказано в 1959 году, в статье «Федеральная комиссия связи». Оно звучало так: «Разграничение прав является существенной предпосылкой рыночных транзакций ... конечный результат (максимизирующий ценность производства) не зависит от системы правовых норм, если система работает без издержек». Автором выражения «теорема Коуза» является Стиглер. Он сформулировал её следующим образом: «... В условиях совершенной конкуренции частные и социальные издержки будут равны» [3, с. 66].

В формулировке Р.И. Капелюшникова [4] теорема Коуза гласит: «Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменной независимо от изменений в распределение прав собственности, если отвлечься от эффекта дохода».

Таким образом, теорема Коуза формулирует следующее утверждение: при определенных условиях оптимум индивидуальной и социальной полезности не зависит от распределения прав собственности. Этих условия два:

1. полная спецификация прав собственности;
2. нулевые транзакционные издержки.

Выполнение первого условия предполагает:

1. универсальность (всеобъемлемость) прав собственности. Ничейного ресурса не должно быть. Все правомочия должны быть детально и полно определены и известны всем собственникам.
2. исключительность прав. Все прибыли и убытки, связанные с реализацией прав собственности, должны накладываться на собственника или других лиц как результат сделки купли-продажи ресурсов.
3. передаваемость прав. Все имущественные права должны свободно обмениваться.
4. обеспеченность (защищенность) прав. Имущественные права должны быть защищены от неправомерного захвата или вторжения других лиц.

Право собственности полностью специфицировано при условии, что у каждого правомочия имеется свой исключительный собственник [3, с. 67].

Минимизация транзакционных издержек предполагает совершенствование средств их экономии, а такими средствами являются самые разнообразные социально-экономические институты.

Теорема Познера дополняет теорему Коуза, и говорит, что когда транзакционные издержки положительны различные варианты распределения прав собственности оказываются неравноценными. В этом случае институты могут использоваться как средство для снижения транзакционных издержек и обеспечения окончательного распределения ресурсов, соответственно критерию Парето-оптимальности. Например, введение правила ответственности, в соответствии с которым первый субъект должен компенсировать ущерб второму субъекту так, чтобы уровень полезности второго остался неизменным.

В реальной жизни невозможно полно определить права всех субъектов относительно всех объектов. Поэтому спецификация прав собственности продолжается до того предела, когда дополнительные выигрыши от неё перестают покрывать издержки по спецификации.

Соотношение доходов и издержек в конечном плане специфицирует то или иное поведение агента. Так, в системе частной собственности на соб-

ственника падают все положительные и отрицательные результаты осуществляемой им деятельности, поэтому он заинтересован в наиболее полном их учёте при принятии решений. Капелюшников Р. заключает, что это является важнейшим экономическим стимулом для принятия эффективных решений, увеличивающих благосостояние общества. Тем самым собственник, распределяя свои полномочия в отношении определенного ресурса, способствует его наиболее эффективной аллокации.

Как известно, защищенные права собственности расширяют временный период, который учитывается индивидом при принятии решений, стимулируют инвестиции, создают стимулы к трудовым усилиям, способствуют созданию стоимости. Отсутствие таких прав, напротив, повышает риски и препятствует процессам создания богатства, стимулируя непроизводительную, чисто перераспределительную активность экономических агентов. Поэтому формально законодательное введение прав частной собственности, без обеспечения эффективного функционирования государственного механизма их защиты не скажется положительно на стимулах к более рациональному использованию соответствующего ресурса, а повлечёт за собой отвлечение частных ресурсов из сферы производства в сферу их частной защиты. Исследователи считают, что данное обстоятельство – обеспечение защиты прав собственности исключительно частными средствами, – не позволяет реализоваться эффекту от масштаба деятельности [5, 6]. Исследователи обращают внимание, что рост эффективности использования ресурсов после российской приватизации может быть обнаружен преимущественно у крупных фирм, размеры которых и получаемая ими прибыль таковы, что позволяют не только обеспечить собственными силами надежную защиту правомочий собственности, но и интернализировать эффект от масштаба подобной «правозащитной» деятельности. А для мелких и средних предприятий эффект от приватизации нигилируется дополнительными издержками, которые они несут для защиты приобретенных прав частной собственности. Наглядно данный эффект можно проиллюстрировать на примере распределения уставного капитала между учредителями в российской экономике (рис. 1).

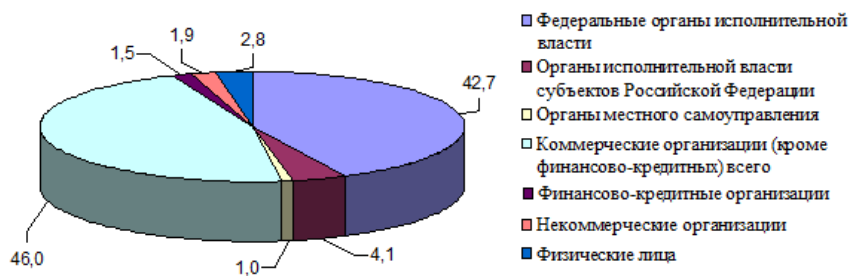

Рис. 1. Распределение уставного капитала между учредителями в российской экономике

Следовательно, процесс спецификации происходит в определенной институциональной среде и претерпевает влияние сложившихся в обществе норм, правил и институтов. Значит, на конечный результат распределения прав собственности влияют сложившиеся в данном обществе институты и правила, которые определяют в какой среде происходит спецификация.

Институты образуют структуру для обмена, которая (наряду с применяемыми технологиями) определяет издержки осуществления трансакций и издержки трансформации [7]. Насколько успешно институты решают задачу координации и производства – зависит от мотивации агентов (их функций полезности), сложности внешнего мира и способности агентов понимать и структурировать внешний мир (оценивать и обеспечивать соблюдение условий трансакций). Организации складываются вследствие существования определенных институциональных рамок. Институциональные рамки оказывают решающее влияние на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются. Но в свою очередь и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок. Организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а потому результативность их деятельности зависит от этой системы. Правила задают рамки для организации совместных работ. Источником правил является общество; далее они спускаются на уровень прав собственности и затем на уровень индивидуальных контрактов. Институциональные ограничения, которые определяют набор возможностей для экономического агента, являются сложным сочетанием формальных и неформальных ограничений. Неформальные ограничения, возникающие в процессе обмена наиболее сложны, потому что должны иметь такие свойства, которые придают процессам обмена жизнеспособность благодаря снижению издержек оценки и обеспечения условий обмена. Если бы не было ограничений, то асимметричность информации и, следовательно, распределения выгоды потребовала бы отвлечения больших дополнительных ресурсов для оценки и даже помешала бы проведению обмена вообще, потому что соблюдение его условий было бы невозможно проконтролировать. Создание формальных юридических систем, призванных решать всё более сложные конфликты и споры, влечёт за собой формальные правила; развитие иерархических взаимоотношений внутри сложных организаций порождает формальные структуры, призванные регулировать отношения «принципал-агент».

Норт Д. указывает, что права собственности будут распространяться на ресурсы и имущество в качестве простого (по принципу «затраты-выигрыш») метода, более предпочтительного по сравнению с другими в неизменных условиях внешней среды. Любые изменения относительных цен или относительной редкости ведут к созданию прав собственности, когда становится выгодным нести издержки спецификации этих прав. Норт настаивает, что нельзя упускать из виду роль сообщества и возникающие в рамках сообщества формы прав собственности, которые требуют определения и обеспече-

ния. В качестве примера исследователь приводит ситуацию закрепления неэффективных прав собственности. Неэффективности существуют вследствие того, что правители стремятся избежать конфликтов с влиятельными избирателями и не вводят в действие эффективных прав собственности, которые противоречат интересам последних. Другая причина – издержки надзора, исчисления и сбора налогов порождают такую ситуацию, при которой менее эффективные права собственности приносят большие налоги. Значимой в данной ситуации является эффективность политического рынка. Если политические транзакционные издержки низки, а политические участники взаимодействия руководствуются точными и долгосрочными моделями, то возникнут эффективные права собственности. Но чаще высокие транзакционные издержки и субъективные предпочтения участников взаимодействия приводят к формированию таких прав собственности, которые не индуцируют экономический рост, а возникшие на их основе организации не имеют стимулов к созданию более продуктивных экономических правил, что ведёт к невозможности создания институтов, обеспечивающих надежные обязательства, которые ведут к заключению более эффективных соглашений.

Один из выводов теоремы Коуза гласит, что «в условиях надлежащим образом определенных прав собственности производство будет эффективным». Однако вопрос состоит как раз в том, как могут устанавливаться «надлежащим образом» эти самые права. Лоскутов В.И. [8, с. 28] считает, что права может устанавливать только фактический собственник, причём не для себя, так как такие права принадлежат ему изначально, по определению, а для других, для тех, кто использует объекты его собственности – для несобственников. На роль такого первоначального собственника, фактического собственника, устанавливающего права «собственности» для частных лиц, претендует государство, представляющее интересы всего общества и на этом основании являющееся законодателем и арбитром во взаимоотношениях между претендентами на обладание коузовским правом «собственности».

Право собственности относится к исключительным правам, т.е. собственник исключает всех третьих лиц из сферы своего хозяйственно господства. Однако, это не означает, что власть собственника в отношении принадлежащей ему вещи безгранична. Собственник может совершать в отношении своего имущества любые действия, но только не противоречащие законам и иным правовым актам. Собственник обязан принимать меры, предотвращающие ущерб здоровью граждан и окружающей среде, который может быть нанесен при осуществлении его прав. Собственник должен воздерживаться от действий, совершаемых исключительно с намерением причинить кому-то вред. Основания приобретения и прекращения права собственности также устанавливает государство, закрепляя их нормативно. Выступление в гражданском обороте организации в качестве собственника имущества и неимущественных прав требует государственной регистрации.

Государство оказывает влияние и на нормативные режимы объектов собственности, устанавливая общий или специальный правовые режимы, вводя специальные правила, которые собственники должны соблюдать при осуществлении своих прав (особые правила их хранения и учёта, запрещения передавать их кому бы то ни было без надлежащего разрешения, в соблюдении особых мер предосторожности при обращении с ними, повышенной меры гражданской ответственности, оборотоспособности и т.д.). Так, государство устанавливает особые правила для приобретения прав на объекты, относящиеся к недвижимости.

В условиях рыночной экономики принципиальные изменения претерпел подход законодателя к определению круга объектов, которые могут находиться в частной собственности. По ранее действующим правилам частная собственность в соответствии с её потребительским назначением распространялась главным образом на предметы потребления с ограничением в их количестве. В частной собственности могли находиться лишь мелкие средства производства, их использование с привлечением наёмного труда не допускалось. В настоящее время в частной собственности может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества. Ограничения могут быть установлены правилами только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. Данные ограничения влияют на набор институциональных альтернатив, доступных экономическим агентам. Отказ в легитимной защите резко повышает трансакционные издержки эксплуатации объекта собственности, в некоторых случаях делая её невозможной. В других случаях на собственника накладываются дополнительные ограничения (например, объекты собственности – источник повышенной опасности), вводя правила ответственности и оптимизируя полезность экономических субъектов.

Правила устанавливают различные режимы и в зависимости от вида объекта прав собственности, его внутренних свойств и качеств. Так, для нематериальных активов существуют возможность «распыленности» прав собственности на объект. Нематериальное право называться автором изобретения может принадлежать одному субъекту, а исключительные материальные права использования другому субъекту (см. табл. 1).

Отражаются в правилах и полномочия собственника в отношении объекта собственности. Формулировка и выделение отдельных правомочий происходит в практике хозяйственной деятельности.

Для эффективного обмена требуется также механизм, обеспечивающий передачу прав собственности с минимальными дополнительными трансакционными издержками, таким институтом является контракт.

Контракт, опосредующий обмен правами собственности – это канал передачи этих прав. Контракт фиксирует, какие права и на каких условиях пе-

редаются от одного экономического субъекта к другому. Снижение трансакционных издержек обмена правами собственности – наиболее существенная характеристика контракта как института. Но сам факт заключения контракта еще не дает экономическому агенту гарантий его исполнения. Необходимо, чтобы контракт был встроен в механизм, обеспечивающий его выполнение. Такой принуждающей силой обладает государство, проявляя её через систему законодательства и систему суда. Однако, очевидно, что закон будет обеспечивать защиту только такого договора, который им признан – контракт настолько защищён, насколько легитимен. Поскольку закон гарантирует надлежащее исполнение условий контракта, он же определяет требования к его заключению. Закон придает контракту форму. Только оформленные в соответствии с законными требованиями контракты могут рассчитывать на защиту со стороны закона.

Таблица 1

**Сравнение прав собственности
на материальные и нематериальные активы**

Материальные активы	Нематериальные активы
Возможность чёткого определения субъекта и объекта права собственности, единство права, даже при частичной передаче правомочий	Возможность «распылённости» прав собственности на объект. Так, нематериальные права авторства могут принадлежать одному субъекту, а исключительные материальные права другому
Существование только после закрепления и удостоверения права государством (обязательная государственная регистрация)	Возможность признания права до закрепления их государством
Относительная легкость в исключении третьих лиц от использования	В некоторых случаях трудно исключить использование третьими лицами без разрешения правообладателя
Объект – вещь материального мира (здание, оборудование, деньги, ценные бумаги и т.д.)	Объект – нематериальный (общественно-полезная деятельность, результат труда, знание, информация, творческое произведение и т.д.)
Относительная легкость оценки объекта прав	Сложность оценки часто неповторимого нематериального актива, отсутствие рыночных аналогов

Прежде всего, закон устанавливает существенные условия договора. Если подобные условия не согласованы, договор не может считаться заключенным и не будет защищен законодательно. Существенным условием является предмет договора, определение которого позволяет сформировать контракт в целом и выделить отдельные виды контрактов. Однако, как обращают внимание исследователи, предмет договора, как правило, есть некоторое экономическое отношение, установленное между экономическими агентами в соответствии с их общей волей.

Связь между эффективностью контракта как института и экономической эффективностью основан на том, что:

1. контракт опосредует обмен правами собственности, и в соответствии с теоремой Коуза, позволяет приблизиться к Парето-эффективной аллокации ресурсов;
2. контракт предоставляет информацию и облегчает проблему неопределенности, снижая трансакционные издержки;
3. контракт мотивирует к исполнению контрактов, выступая механизмом гарантии.

Эффективный контракт – это контракт, удерживающий его участников от оппортунизма, стыкующий интересы и действия сторон, способный предотвратить конфликтную ситуацию, помочь адаптироваться сторонам к изменяющимся условиям, тем самым облегчая обмен правомочиями собственности.

Таким образом, всякий обмен следует понимать не просто как переход блага от одного лица к другому, но и как обмен правами собственности [9] При этом в качестве предмета обмена могут выступать не только права собственности на физические объекты, но и права собственности на нематериальные блага (способность к труду, результаты интеллектуальной деятельности и т.д.) [10, с. 30]. Контракты – средства, через которые права собственности воздействуют на систему стимулов и экономическое поведение агентов, и представляют собой каналы, по которым передаются пучки правомочий [4]. В результате теория прав собственности представляет фирму как коалиционную систему контрактов между её членами – собственниками объединенных ресурсов, характеризующуюся перераспределением прав собственности, закрепившим это объединение.

Выделим факторы и издержки, способствующие выбору экономическими агентами того или иного режима исключительности и влияющие на её спецификацию.

Анализ возникновения исключительных прав содержится в модели Норта-Томаса. Движущей силой изменений в этой модели выступает демографическое давление. В результате этого возникает неолитическая или первая экономическая революция, суть которой заключается в переходе от охоты и собирательства к оседлому земледелию. Пока растения и животные имеются в достаточном числе и сравнительно доступны, издержки установления исключительных прав собственности на эти ресурсы остаются в общей собственности. По мере роста населения возникает конкуренция между его отдельными группами и режим открытого доступа к ресурсам ведет к снижению результатов деятельности. Оседлое земледелие постепенно становится более привлекательным, хотя оно и требует более дорогостоящего установления исключительных прав и защиты от посягательств со стороны посторонних. Первые сообщества оседлых землевладельцев основывались на исключительных правах коммунальной собственности на землю, причём система обычаев и табу ограничивали стимулы к сверхэксплуатации земли

внутри каждого сообщества. «Этот переход обусловил фундаментальное изменение человеческих стимулов. Это изменение стимулов явилось следствием различий в правах собственности, присущих упомянутым двум системам. Когда существуют общие права собственности на ресурсы, нет стимулов к использованию более совершенных технологий и обучению. Напротив, исключительные права собственности, которые вознаграждают их владельцев, обеспечивают прямые стимулы повышать продуктивность и производительность».

Андерсон Т. и Хилл П. в своей модели постарались объяснить нахождение оптимального уровня деятельности по установлению исключительных прав через графическую модель, включающую функции предельных издержек и выгод от инвестирования и защиты прав собственности (рис. 2).

Вертикальная ось на этом рисунке отражает количественные меры такой деятельности по спецификации и защите прав собственности как устройство оград. Снижение цены исключения доступа к ресурсу посторонних вследствие изменений в технологиях исключения, а именно – изобретение колочей проволоки, приведёт к сдвигу вниз функции предельных издержек и при прочих равных условиях, к росту оптимального объёма деятельности по спецификации и защите прав собственности. Кривая предельной выгоды, отражающая производный спрос на такую деятельность, сдвигается вверх, когда возрастает стоимость имущества и, следовательно, когда увеличивается вероятность посягательств на него со стороны посторонних лиц.

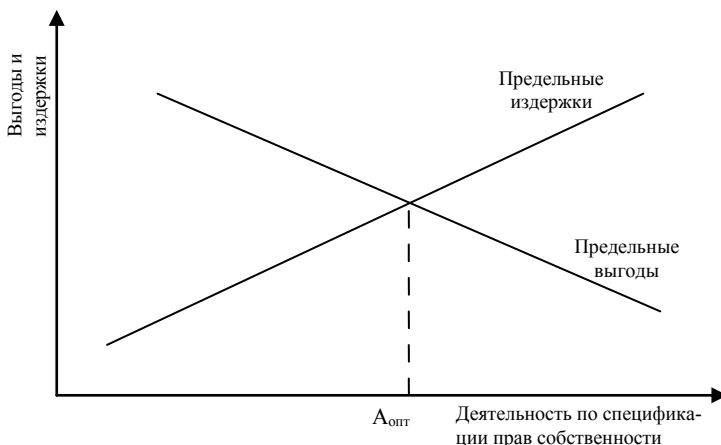

Рис. 2. Равновесный уровень деятельности по формированию исключительных прав собственности [2, с. 48]

Модель, предложенная Б. Филдом в 1986 г., детализирует категорию издержек исключения посредством введения второй переменной – издержек

внутреннего управления, которые возникают, когда исключительные права распределены между индивидами. Филд выделил также степень исключительности, которая может варьировать внутри сообщества от принадлежности ресурсов всему его населению до индивидуальных исключительных прав. Права собственности возникают из попыток сообщества как целого максимизировать его чистую выгоду.

В модели предполагается, что группа из n индивидов владеет R единицами какого-то природного ресурса. Группа стремится максимизировать ренту от R путём соединения его в производственных процессах с другими переменными ресурсами. Проблема заключается в том, что n групп должны установить, как распределить R между ними.

Целью построенной модели явилось выделение и анализ тех сил, которые смещают систему прав собственности к индивидуальной исключительной собственности либо, напротив, к общим правам. Модель включает три типа функций издержек:

1. неоклассическую функцию издержек производства;
2. функцию издержек внутреннего управления ресурсом;
3. функцию издержек исключения.

В рамках модели предполагается, что издержки внутреннего управления порождены исключительно проблемой общедоступных ресурсов, что существуют стимулы к сверхэксплуатации ресурса, которым сообщество владеет несколько групп индивидов. Рассеяние ренты от совместно владеемого ресурса может быть уменьшено посредством коллективного действия, однако последнее дорогостояще и порождает издержки внутреннего управления, которые оказываются оправданными только тогда, когда ограничение сверхэксплуатации увеличивает чистые результаты. Величина издержек управления полагается прямо зависящей от числа семей (групп) в каждой общине и от жесткости ограничений на использование переменных ресурсов.

Издержки исключения возникают тогда, когда права собственности защищаются от посягательств со стороны посторонних. Величина издержек минимальна, когда имеет место совместное владение землей (ресурсом) всем сообществом вместе.

По предложениям модели R будет делиться между одинаковыми группами. Т.е. в ней одновременно должны быть определены три эндогенные переменные: число групп, количество ресурса, передаваемого в исключительное пользование, и значение переменных, отражающих другие ресурсы, применяемые группой.

Силы, которые определяют оптимальное число групп m , действуют через функции: $m = m^*(e)$ и $e = e^*(m)$ и могут изменить соответствующие графики (рис. 3). Функция: $m = m^*(e)$ определяет оптимальное число групп для каждого уровня расходов на исключение – m_{opt} , а функция $e = e^*(m)$ фикс-

сирует оптимальный уровень расходов на исключение для каждого числа общин (групп) – e_{opt} .

Издержки внутреннего управления снижаются, когда население становится более однородным и разделяет общую идеологию. Тот же эффект имеет и совершенствование механизмов принятия групповых решений (например, замена правил консенсуса на правило простого большинства).

В целом, в модели Филда рост стоимости ресурса ускоряет формирование исключительных прав. Возрастание стоимости благ, произведенных с помощью R , обостряет проблему внутреннего управления и подталкивает систему общин к состоянию, характеризующемуся их большим числом и меньшими размерами (так как дешевле издержки управления), при любом уровне затрат на исключение функция $m = m^*(e)$ сдвигается вниз. Далее высокая стоимость R увеличивает отдачу от исключения. Оптимизация означает увеличение затрат на исключение при любых значениях m , результатом чего оказывается сдвиг $m = m^*(e)$ вниз. Оба эти эффекта направляют систему правомочий собственности в сторону индивидуальных исключительных прав.

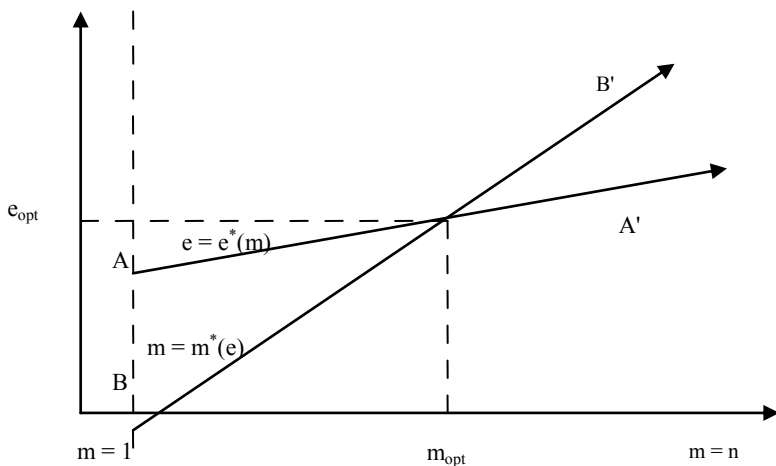

Рис. 3. Формирование оптимальных групп [2, с. 51]

Однако, Т. Эггертссон (1992) отметил третий эффект, который можно проследить в данной модели. «Более высокая стоимость R привлекает большее число нарушителей, которые уменьшают отдачу от ресурсов, направляемых на исключение, и требуют сокращения общей длины границ [на примере R – земля], которые должны охраняться в случае движения к большему числу меньших по численности общин [групп]. При прочих равных, рост числа нарушителей сдвигает $e = e^*(m)$ вниз и смещает систему к состоянию коммунальной собственности. Поскольку относительная сила этих

трёх эффектов не может быть выведена на степень коммунализации роста в конечном спросе, например, вызванного открытием новых рынков».

К тому же, внутреннее управление, так и действия по исключению не-санкционированного доступа предполагают коллективное действие, так что соответствующие издержки не могут считаться независимыми от политических институтов сообщества. «А значит, автономные институциональные изменения могут привести к изменению размера оптимальных общин [групп], однако это не принимается в расчет в модели...» Т. Эггертссон назвал данный подход «наивным», признавая за государством лишь пассивную роль фиксатора возникающих институциональных изменений в системе прав собственности [2, с. 47-54].

Можно видеть, что в теории рассматривались модели спецификации прав собственности только применительно к общим случаям, к случаям изначального установления прав собственности, движения от исключительности в степени «0» до степени «1». Однако, это позволило выявить и охарактеризовать систему издержек-выгод, влияющих на формирование прав собственности.

Рассмотрев, какие факторы влияют на спецификацию прав собственности, зададимся вопросом, а какие последствия могут иметь различные варианты первоначальной спецификации?

При высоких транзакционных издержках законодательство должно избирать и устанавливать наиболее эффективное из всех доступных распределение прав собственности. Это означает, что правами должен быть наделен тот, кто в случае решения вопроса не в его пользу понесёт наибольший ущерб. Существование эффекта дохода создает стимулы для инвестирования в процесс принятия решения по распределению «законных прав», что в условиях положительных транзакционных издержек приводит к снижению ценности производимого продукта, поскольку присвоение выгод одним может сопровождаться возникновением издержек для многих.

Таким образом, с проблемой спецификации прав собственности тесно связана проблема возникновения внешних эффектов. Внешние эффекты проявляются в ситуации, когда один экономический агент оказывал вредное влияние на другого экономического агента, что есть побочный результат его основной (производительной) деятельности. Это так называемый технологический внешний эффект – экстерналия, возникающая на основе существования технологической зависимости выпуска одного экономического агента от объёма производимых товаров или услуг другого экономического агента. В качестве такой взаимосвязи обычно рассматривают пример взаимовлияющей деятельности скотовода и фермера, кондитера и врача.

Полная, предельная спецификация прав собственности, определяющая все результаты хозяйственной деятельности каждого агента, превращает все внешние эффекты (экстерналии) во внутренние, разрешая, тем самым противоречие между частными и общественными издержками, частными и общественными интересами производителя и потребителя [3, с. 67].

Однако, экономические индивиды действуют не в экономическом вакууме, а в социально-экономической среде. Не всегда ценность использования для единичного субъекта означает получение ценного использования для всего общества и общественного производства.

Так, теорема Р. Коуза в одном из своих вариантов звучит так: в конечном счете, неважно, кто изначально будет обладать правом собственности на ресурс, так как в результате правами собственности на ресурс будет обладать тот, кто выше всего его ценит. Однако, если рассмотреть итоги приватизации 90-х гг. в России, наблюдается интересная тенденция. Предприятия, как правило, приватизировали не трудовые коллективы, как предполагалось при раздаче ваучеров населению, а администрация, менеджмент. Но в дальнейшем большая часть предприятий и производственные комплексы не модернизировались, к ним не привлекались инвестиции, а они использовались для дальнейшей перепродажи, в основном составных частей, сдаче арендных площадей и т.д., но не в производственных целях. Т.е. право собственности досталось экономическим субъектам, которые могли извлечь максимальную выгоду от объектов собственности в определенный промежуток времени, тем, кто более всего ценил данный ресурс, но такое его использование снизило общую эффективность общественного производства.

Следовательно, даже если допустить, что трансакционные издержки стремятся к нулю, то существуют социальные нормы, которые могут установить оптимальное распределение прав собственности для единичного экономического субъекта, но неэффективным для всей экономической системы, а значит влечь общественные потери. Так как рациональные максимизаторы не могут в силу ограничений человеческих способностей просчитать потери всей экономической системы, а тем более, что существует возможность переложить бремя потерь и издержек на других, а также с возможностью существования «провалов рынка», то деятельность, приносящая больший положительный эффект в масштабах общества должна иметь приоритет, закрепляющийся в социальных нормах. Например, в известном примере «доктор-кондитер» не просчитываются потери в масштабах общества, если доктор прекратит свою практику – распространение болезней и повышенная смертность.

Следовательно, действительно, неважно кто изначально будет обладать правами собственности на ресурс, важна конфигурация социальных норм и совокупность социальных институтов, которые в конечном итоге позволяют перераспределить права собственности наиболее оптимальным и эффективным способом с точки зрения всей экономической системы. Что и подтверждается выше приведенной теоремой Познера.

Кроме того, то или иное распределение первоначальных прав собственности может влечь то или иное распределение дохода между экономическими субъектами при неизменной равновесной структуре производства. Как правило, дополнительный доход получает первоначальный исключительный собственник ресурса, он его получает за изменение спецификации прав собственности.

Рассмотреть, каким образом изменяется благосостояние каждого из индивидов в результате различных вариантов первоначальной спецификации прав собственности можно на примере возникновения потребительской экстерналии, которая возникает на основе необособляемых друг от друга прямой функциональной зависимости полезности от количества потребляемого блага для одного индивида и обратной (прямой) функциональной зависимости для другого субъекта (рис. 3).

Допустим, X, Y – вещи. Для A X, Y – благо, для B – X – благо, Y – антиблаго. X_1, Y_1 – спецификация прав собственности в пользу A ; X_2, Y_2 – в пользу B . Если права собственности изначально специфицированы в пользу B , то оптимальная структура потребления для каждого из экономических агентов будет в точке K , в которой абсолютные значения предельных норм замещения X на Y в потреблении равны относительной рыночной цене блага или антиблага Y (рис. 4, а).

Если первоначальная спецификация в пользу A , то окончательная структура потребления окажется в точке M (рис. 4, б).

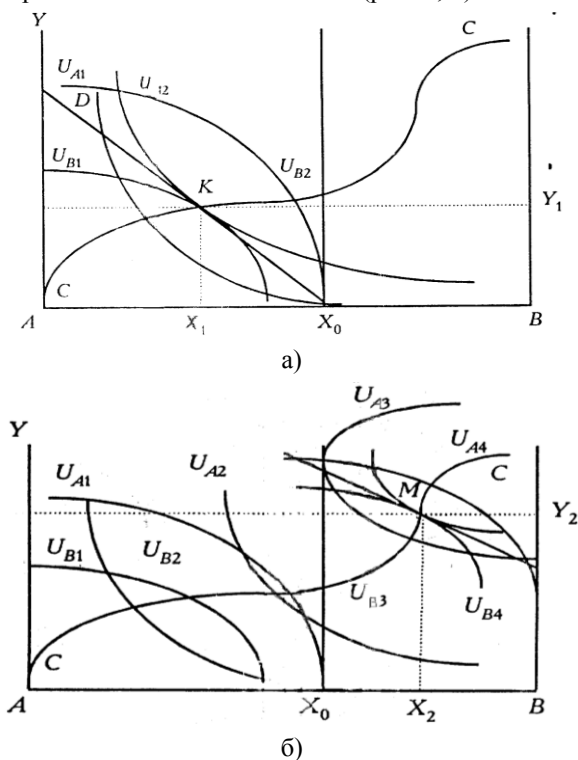

Рис. 4. Возникновение потребительской экстерналии [11, с. 119-120]

Таким образом, при трансакционных издержках равных нулю первоначальное распределение прав собственности будет влиять на уровень благосостояния каждого из экономических агентов. Каждая из точек, соответствующих окончательной структуре потребления, лежит на кривой контрактов СС. Однако, исходя из теоремы Познера, может возникнуть ситуация значительных трансакционных издержек, когда точки, расположенные на кривых безразличия и соответствующие структуре потребления А и В, будут располагаться за пределами кривой контрактов СС.

Аузан А. считает, что при высоких трансакционных издержках законодательство должно избирать и устанавливать наиболее эффективное из всех доступных распределение прав собственности [11].

Государство, через закрепление внутренней структуры фирмы, снижающей трансакционные издержки обмена и уровень неопределенности, может устанавливать правила, снижающие трансакционные издержки закрепления прав собственности. Фирмы выступают как «мини-общества с обширным спектром норм, не ограничивающимися теми из них, которые непосредственно связаны с актом обмена и сопровождающими его процессами» (Макнейл, 1978) [12, с. 132].

Но сама спецификация и осуществление прав собственности как вид деятельности влечёт издержки:

1. по определению субъекта-объекта прав;
2. по защите прав собственности (издержки исключения);
3. внутреннего управления и координации совместных усилий;
4. по осуществлению функции целеполагания.

Размер групп взаимосвязан со стоимостью благ, производимых с помощью ресурса; а также от количества требуемого исходного ресурса, от его характера; от необходимости согласовывать действия определенного числа обладателей этого ресурса для создания требуемого блага. Так как исходные ресурсы характеризуются разными возможностями по спецификации, защите, возникающему уровню издержек в связи с этими действиями (например, сравним земельный участок, завод как производственный комплекс и научную инновационную идею), а создаваемые блага – разным характером и количеством исходных ресурсов, – то мы и наблюдаем разнообразие в организационных формах производства этих благ. Причём для каждой сферы, как правило, выбираются схожие формы организации. Они отличаются и во времени исторически, и от отрасли экономики, на что, конечно, влияют и технологические составляющие, и изменение представлений о лучшей и эффективной организации производственных процессов. Так, для производства техники, в машиностроительной отрасли выбираются организационные формы, позволяющие концентрировать физический капитал и крупные финансовые ресурсы, а для «производства» научных инновационных идей – малые инновационные предприятия, позволяющие концентрировать, преж-

де всего, трудовые усилия. На систему возникающих контрактов будут влиять указанные факторы, изменяющие уровень соответствующих издержек, заставляя экономического агента выбирать определенную организационно-правовую форму, отраженную законодательно, которые могут не всегда эффективно специфицировать возникающие при этом права собственности.

Рис. 5. Процесс спецификации на микроуровне

Функции фирмы по спецификации включают в себя несколько аспектов (рис. 5). Прежде всего, они представляют собой выражение общих правил, принятых в обществе и закрепленных законодательно по организации совместной деятельности. Они представляют собой «жесткое ядро», которое позволяет организовывать совместное производство таким образом, чтобы соблюдались важные с точки зрения общества правила его организации, защищающие права отдельных собственников, не позволяющие проявиться перераспределительной активности, вымогательству, рентоориентированному поведению. Вместе с тем фирма выступает генератором собственных внутренних правил совместной деятельности и распределения выгод от неё. Данные нормы, вырабатываемые соучастниками совместной деятельности, позволяют восполнить пробелы формальных правил и приспособливаться к меняющимся внешним условиям. При этом, немаловажно, чтобы механизм выработки таких правил учитывал возможность влияния на их формирование всех собственников ресурсов, участвующих в производстве.

Юридические лица участвуют в хозяйственном обороте через свои органы. Указанные органы формируют волю юридического лица. Формирование внутренней воли юридического лица выражается в принятии актов, от-

ражающих волю организации. Внутренние акты органов управления хозяйственных товариществ и обществ выступают в качестве нормативных актов, имеющих локальный характер. Это особого рода корпоративные акты есть результат формирования коллективной частной воли [13, с. 288-289]. Но чтобы нормы работали, мало установить их в определенном микрообществе. Государство обеспечивает нормативность принимаемым внутренним локальным акта посредством признания корпоративных актов, принятых в соответствии с нормами более высокого порядка (гражданско-правовыми, принятыми на уровне государства). Защита от их нарушения производится путем обращения в суд.

Более того, некоторые исследователи [10, с. 67] считают фирму генератором и распространителем производственных институтов и соглашений. Деятельность предприятий сама по себе порождает такие необходимые для полноценности институциональной структуры групповые отношения, как «принципал-агент», «работник-предприятие», «поставщик-покупатель» и др., которые распространяются на другие организации как в результате кадровой миграции, так и при обмене информационной деятельностью предприятий.

Собственник передает полномочия по использованию ресурса (объекта собственности) в совместном производстве, взамен приобретая гарантии получения выгод от её использования, оставаясь фактическим собственником. В хозяйственном обороте появляется фиктивный собственник – юридическое лицо, фирма. В локальных нормах-правилах закрепляются субъекты полномочий по распоряжению теми или иными объектами собственности, участвующими в производстве, фиксируется и изначальный собственник ресурса, его комплекс полномочий.

Имущество юридического лица обособляется в хозяйственном обороте, приобретая режим исключительности. Фирма несёт издержки по поддержанию данного режима. Наличие фирмы, организующей совместные усилия, позволяет нести большие издержки по установлению исключительных прав, следовательно, привлекать ресурсы, характеризующиеся большей стоимостью. Механизм фирмы защищает и от экспроприации ресурсов или выгод от её использования и со стороны одного из сособственников, участвующих в совместной деятельности.

Механизм фирмы способствует и снижению транзакционных издержек внутреннего управления и координации усилий, содержит возможности для сближения интересов участвующих в совместном производстве экономических агентов, и общей функции целеполагания, помогает выстроить систему принципал-агент, снимая конфликт интересов. Механизм принятия групповых решений соответствует правилу простого большинства. Фирма имеет возможности для формирования общей платформы ценностей, установок благодаря наличию корпоративной культуры, тем самым снижает транзакционные издержки внутреннего управления.

Закрепление в механизме фирмы первоначального собственника на выгоды от совместного использования ресурса позволяет перераспределять доход, приносимый такой деятельностью.

Таким образом, закрепление объекта собственности за тем или иным хозяйствующим субъектом зависит от его возможности нести издержки по спецификации прав собственности, в частности издержки исключения и внутреннего управления. Общие правила спецификации отражаются на уровне законодательных норм-правил, а частные правила, обеспечивающие адаптацию к изменяющимся условиям производства, генерируются на уровне фирм. Размер фирмы и её структура – объединенной группы участников производства – зависит от характера привлекаемых ресурсов. Механизм фирмы способствует снижению издержек исключения и внутреннего управления, позволяя организовывать в совместном производстве более дорогостоящие ресурсы.

Следовательно, исходя из вышеизложенного можно сказать, что спецификация прав собственности на ресурсы производства является необходимой предпосылкой эффективного функционирования экономики. Процесс спецификации имеет сложную структуру и происходит как на макро-, так и на микроуровне. Одним из механизмов, выражающих процесс спецификации на микроуровне является фирма, благодаря своей сущности, нормативному статусу в гражданском обороте и внутренней структуре договоров между соучастниками совместной деятельности. Соглашение между участниками совместной деятельности трансформирует их волю в волю одного юридического лица – фирмы, вместо множества таких лиц в хозяйственном обороте участвует одно лицо – организация, которая в обороте выступает и собственником закрепленного за ней имущественного комплекса, а так же доходов, образовавшихся от использования такого имущества. Механизм фирмы оптимизирует издержки по обеспечению режима имущества в хозяйственном обороте, защите его от притязаний третьих лиц, его индивидуализации. Структура внутренних договоров с соучастниками совместной деятельности позволяет перераспределять доходы от использования имущественного комплекса, закрепленного за организацией в виде дивидендов, авторского вознаграждения, заработной платы, выплаты ренты и т.д. Фирма выступает как единое лицо, наделенное правами и обязанностями, во взаимоотношениях как с третьими лицами, государством, так и с соучастниками совместной деятельности. Структура фирмы зависит от преобладающего вида привлекаемых в производство ресурсов, что отражается в системе контрактов, закрепляющих организационно-правовую форму. Данная система контрактов получает государственную защиту путём их признания и закрепления в гражданско-правовых нормах-правилах. Таким образом, государство участвует в спецификации прав собственности на микроуровне, закрепляя нормативную базу для деятельности организации и наделяя её способностью издавать локальные нормативные акты.

Спецификация на микроуровне проходит в определенной институциональной среде. Эту институциональную среду создает структура контрактов, опосредующих связи между соучастниками коллективной производственной деятельности. В результате такого взаимодействия образуется система собственности, которую невозможно отнести ни к частной (индивидуальной), ни к коллективной (общей), так как она совмещает черты как той, так и другой.

Список литературы:

1. Максимов С.Н. Развитие отношений собственности в современной экономике: различия и общие черты классического и институционального подходов [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. – № 3 (15). – Режим доступа: www.m-economy.ru/art.php3?artid=20897.
2. Тамбовцев В.Л. Теории институциональных изменений. – М., 2010.
3. Смирнов И.К., Смирнова О.И. Противоречия собственности: становление, разрешение, развитие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
4. Капелюшников Р. Теория прав собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lib.rin.ru.
5. Радыгин А.Д., Энтов Р.М., Шмелева Н.А. Корпоративное управление и права собственности: актуальные направления реформ [Электронный ресурс]. – М.: Институт экономики переходного периода, 2001. – Режим доступа: www.iet.ru.
6. Радыгин А.Д., Гонтмахер А.Е., Межераупс И.В., Турунцева М.Ю. Экономико-правовые факторы и ограничения в становлении моделей корпоративного управления [Электронный ресурс]. – М.: Институт экономики переходного периода, 2004. – Режим доступа: www.iet.ru.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
8. Лоскутов В.И. Экономические и правовые отношения собственности. – М.: 2002.
9. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
10. Попов Е.В. Эволюция институтов миниэкономики / Е.В. Попов [отв. ред А.Д. Некипелов]; Институт экономики УРО РАН. – М.: Наука, 2007.
11. Институциональная экономика: новая экономическая теория / Под ред. А.А. Аузана. – М.: МГУ, 2006.
12. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. – 1996.
13. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Издательство Юрайт, 2009.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЕВРОПЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

© Строганов И.А.*

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

В статье выполнен сравнительный анализ развития экономических систем Европы на начало XX в. Рассмотрены экономические циклы Европы, кризис финансовых систем Европейских государств, а так же социальные изменения экономик Европы. Значительное внимание уделено вопросам международной торговли, политики и финансам.

Первая Мировая Война оказала сильное негативное влияние на экономику стран Европы. Она ознаменовала собой конец практически непрерывного столетнего экономического роста, завершила длинный период стабильности почти универсальной валюты и запустила болезненный процесс деглобализации, приведя в итоге к почти столетию сильно-политизированных трудовых отношений. Ещё одним итогом войны можно считать начало эпохи, в которой резкие скачки экономической активности и массовая безработица стали деталями повседневной жизни. Началом изменений можно считать Первую Мировую войну, тогда как их эффект на экономику стран Европы продлился гораздо дольше окончания Второй Мировой.

В течение периода между Мировых войн экономики стран Европы показывали очень небольшой рост. Переход от депрессии к стабильному росту можно отметить лишь в «Золотой Век» 1960-х гг., однако не все негативные тренды, возникшие после Первой Мировой были скорректированы, а многие сохранились навсегда.

Итогами Первой Мировой войны стали и фундаментальные изменения валютного рынка. Кризисная гиперинфляция бывшего Союза Центральных Держав и держав «наследниц» в ранние 1920 гг. была наиболее заметным из них, хоть и временным, так же как и волны дефляции, распространявшиеся по Европе как в 1920-е, так и в ранние 1930-е годы. Прерванная на полпути попытка восстановить Золотой Стандарт в 1920-х годах привела к тяжелым последствиям для валютной системы после Второй Мировой войны.

Уменьшился и объем международного движения капитала и международной торговли. Период между двух мировых войн ознаменовался изменениями в макроэкономической политике государств. В отличие от 19 в., вмешательство государства в рыночную и денежную политику, факторы производства, стало повсеместным явлением. Попытки стабилизировать валютный рынок с помощью бумажных денег оказались безуспешными и

* Ассистент кафедры Сравнительной экономики и предпринимательства, кандидат экономических наук.

государства вернулись к золотому стандарту в середине 1920-х. Второй переход к бумажным деньгам в ранние 1930-е был лишь немногим более удачен, на этот раз по причине усиливающегося государственного контроля и квот на импорт, которые во многих странах Европы задушили международную торговлю и движение капитала. В итоге, даже в настоящее время не существует системы, хотя бы близко напоминающей Золотой Стандарт, существовавший до 1914 г.

Планирование экономики появилось как импровизированный ответ на дефицит, возникший во время Первой Мировой войны, но вскоре приобрело системный характер в большинстве европейских стран. Промышленность национализировалась, создавались государственные органы, пытающиеся расширить политический контроль на макро- и микроэкономическом уровнях. Экономическая политика сама по себе была причиной международных конфликтов в период с 1914 по 1945 гг.

Дележ репараций Германии очень серьезно повлиял на денежную политику, торговые отношения и международное движение капитала 1920-х гг. (Temin, 1989). Ещё больше повлияла на экономику Европы агрессивная политика и приготовления Германии к войне в 1930х.

Вместе с появлением активного вмешательства политики в экономику, возникли и попытки объяснить его эффекты с теоретической точки зрения. В течение межвоенного периода была создана теория макроэкономики, как отдельного раздела экономики. Вскоре она расширилась от Кейнзианской теории безработицы до теории экономики публичного сектора, торгового баланса и теории денег. Одновременно прогрессировала теория экономики благосостояния. Сформированная опытом межвоенных лет, экономическая теория этого периода со скепсисом относилась к рыночным силам, пренебрежительно – к силе валютной политики, и очень оптимистично – к возможности государства вмешиваться в экономическую деятельность, посредством налоговой политики и финансовых репрессий. Подобный подход прожил до поздних 1970-х годов.

Экономические циклы Европы

Длительная рецессия была главным историческим трендом межвоенного времени. Падение производительности началось во время Первой Мировой войны и продолжалось до конца Второй Мировой.

Отражая описанную тенденцию, восстановление экономики после падения (описанное в литературе как послевоенный Золотой Век) длилось до 1970-х годов. Общая длительная депрессия Европы состояла из трех краткосрочных периодов рецессии. Первый длился от 1914 до 1921 гг, второй – 1929-1932 гг, третий – 1940-1946 гг.

Общая картина Европы скрывает в себе глобальные региональные различия стран континента. Германия и большинство стран континентальной

Европы были серьезно затронуты рецессией Первой Мировой войны, их производительность упала на 25 % по сравнению с довоенным уровнем. Напротив, Великобритания и Италия в это же время испытывали подъем в экономике. Глобальная международная рецессия 1920/1921 годов довольно заметно (на 20 % и 25 % соответственно) снизила ВВП в этих двух странах, но была почти незаметна в других европейских государствах. В течение следующих лет экономики стран континентальной Европы быстро восстанавливались. Два главных исключения из правила – Германия и Великобритания. По сравнению с 2 % тенденцией исторического роста производительности, обе страны не достигли даже 90 % своего потенциала развития к 1929 г.

Международная рецессия 1929 г. повлияла на всю Европу, хоть и неравномерно. К середине 30-х годов, показатели продуктивности большинства стран Европы не превышали таковые Германии и Великобритании в 20-е. Для большинства этих стран, поздние 30е были временем относительной стагнации экономики, или дальнейшего распада. Эти процессы усилились в Юго-Западной Европе с началом Испанской Гражданской войны (1936-1939), а в остальных странах – с началом Второй Мировой войны.

И для этого правила есть исключения – Германия, Великобритания и Скандинавия. Во всех трех случаях, восстановление исторического тренда продуктивности началось в 1933 г. Лучшее всего процесс шел в Скандинавии, которая почти полностью восстановилась к 1939 г.

Германия очень быстро восстанавливалась до 1939 года, однако процесс остановился во время Второй Мировой войны. Рецессия 1929-1932 гг. затронула Великобританию значительно меньше, соответственно и восстановление её было гораздо менее исторически и экономически заметным (Broadberry, Stephen и Albrecht Ritschl (1995)).

Кризис финансовых систем Европейских государств

Несмотря на денежное «спокойствие», царившее в большинстве стран Европы во время существования классического Золотого Стандарта позднего 19 столетия, из Первой мировой войны Европа вышла со значительными проблемами финансовых систем. Все страны понизили курс конвертации золота в 1914 г. и инфляция военного времени задрала цены минимум на 50 % и выше. После окончания войны экономики новосозданных слабых демократий Центральной Европы продолжали ощущать инфляцию. Дефляция в других странах сочеталась с растущей безработицей и низкой продуктивностью труда, а то и прямой рецессией, как это происходило, например, в Италии и Великобритании. Стабилизация финансовых процессов в Европе заняла почти десятилетие и закончилась практически к началу новой рецессии 1929 г.

Гиперинфляция царил в Германии, Австрии, Венгрии и Польше. Подверженная инфляции экономика военного периода, дефицитная налоговая система, новые таможенные границы и соответствующее уменьшение тор-

говли, политический беспорядок в конце Первой Мировой войны, всё это вело к финансовой нестабильности этих стран. К 1919-1920 гг, цены выросли почти вдесятеро, по сравнению с 1914 г.

Как следствие, сбережения среднего класса обесценились и большая часть военных долгов аннулировалась. Хотя переход к гиперинфляции во всех этих странах произошел только после того, как инфляция совершила свою основную работу – уничтожила военные долги. Политическая и налоговая стабилизация в странах с гиперинфляцией 1920х происходили одновременно, а финансовая стабилизация следовала за восстановлением порядка в государственных финансах (см. Sargent (1982) и Dornbusch (1987)). Стабилизация в Германии произошла в конце 1923 г., после разгрома внутренних революций, достижения соглашения с Францией о репарациях и после введения чрезвычайного законодательства для восстановления порядка в госбюджете. Стабилизация Польши была замедлена войной с Россией, а позже – торговым конфликтом с Германией. Как происходило и в США, дефляция уровня цен военного уровня была заметной, но так и не смогла восстановить довоенный уровень цен. К концу 1920-х гг., потребительские цены в странах Европы были в среднем на 50 % выше, чем они же в 1914 г., что соответствовало процессам, происходящим в то же время в США.

Некоторое число стран пошли за Францией по среднему пути и позволили ценам вырасти в 7-10 раз во время Первой Мировой войны и оставили попытки вернуться к довоенному паритету золота, тем самым избежав поствоенной гиперинфляции. Во время межвоенного периода, уровень цен в этих странах колебался вокруг уровня ранних 1920-х гг. Вследствие чего, военные долги, как и сбережения, созданные в национальной валюте, потеряли значительную долю своей стоимости. Эта группа стран оказалась гораздо более подверженной возвращению военной инфляции во время Второй Мировой войны.

Международная депрессия 1929 г. весьма негативно повлияла на все страны Европы. Вопрос, до какого предела экономический коллапс этого времени обусловлен денежной политикой, до сих пор обсуждается. Ортодоксы винят противоречивую денежную политику США в поздние 1920-е (Фридман, Шварц, 1963). Критики же указывают на то, что Европа, в особенности Германия, сами виноваты в дефляционном давлении (Temin, 1989). Другие ученые считают, что причиной кризиса было сокращение экспорта капитала США в Европу (Kindleberger (1973), Feinstein, Temin и Toniolo (1997)). Очевидно, что фиксированные обменные ставки и в целом высокая подвижность капитала при поддержке восстановленного Золотого Стандарта 1920-х гг., стали основным механизмом распространения кризиса по странам Европы. Центральные Банки государств Европы отреагировали на потери валютных запасов «закручиванием гаек» в денежной политике, в соответствии с правилами игры, принятыми для экономики Золотого Стандарта. Налоговая поли-

тика сыграла свою роль в урезании бюджетов и попытках компенсировать потери в налогах сокращением государственных расходов. В течение двух-трех лет уровень цен во всей Европе вырос на четверть.

Тем не менее, кажущаяся очевидной связь между дефляцией и безработицей почти не заметна в данных статистики того времени. Данные 1920-х и 1930-х гг. позволяют говорить о практически независимо растущих показателях безработицы и инфляции в странах Европы (Clarida, Gertler и Gali (1999)). Дальнейший анализ данных необходим для выявления более серьезных взаимосвязей.

Падающие цены увеличивали давление на банковскую систему, так же как и на валютные запасы центральных банков, что к 1931 г. стало политически невыносимым.

В мае 1931 г. банковский кризис произошел в Австрии и массового изъятия вкладчиками депозитов из банков едва удалось избежать. В июле, после подобных событий, Германия частично ограничила конвертацию валют, тем самым заставив своих зарубежных кредиторов рефинансировать займы. Правительства стран Европы одно за другим отпускали свои валюты в «свободное плавание» или защищали их барьером государственного контроля, часто делая всё это одновременно, тем самым отпуская вожжи конкурентной деноминации. Скандинавские страны привязали свои валюты к курсу фунта стерлингов. Многие страны континентальной Европы последовали примеру Германии и отказались от конвертации валют, тем самым превратив свои национальные валюты в не обеспеченные ничем цифры. Лишь небольшая группа стран (руководимая Францией) держалась за паритет золота, но и этот блок распался в 1936 г.

В настоящий момент общепринята точка зрения, считающая, что слом золотой системы способствовал восстановлению экономики стран Европы, тогда как золотой стандарт успешно «транслировал» рецессию за рубеж (Eichengreen, 1992). Eichengreen и Sachs (1985) и Bernanke и James (1991) спорили о связи между скоростью восстановления экономики после рецессии и отказом от золотой системы. Следуя их точке зрения, те страны, которые продолжали придерживаться системы золотого стандарта, способствовали переоценке возможностей своих валютных систем, были вынуждены держать высокий уровень процентных ставок, заплатив тем самым замедленным восстановлением.

К концу 1930-х гг., почти все страны отказались от золотого стандарта. Основной характеристикой новых валютных систем того времени было преобладание двусторонних соглашений об обмене, которые обычно предполагали длинный список товаров по квотам и свободную систему валютных курсов. Германия стала основным государством, использующим такую систему после 1933 г. и пыталась использовать её слабые места для своей подготовки к войне. В общем и целом, те страны, что порвали с системой золо-

того стандарта в 1930-е гг. справлялись с проблемами гораздо лучше, чем те, что сохранили приверженность ему. Однако механизмы, стоящие за этим не столь очевидны, как кажется на первый взгляд.

Социальные изменения в Европейской экономике

До 1914 г. большинство экономик Европы следовали модели рыночной экономики 19 века, с почти отсутствующей социальной политикой и без оглядки на роль профсоюзов. Рабочая сила этих государств была сосредоточена в основном в сельском хозяйстве, так что заботы о старшем поколении или о заболевших в основном лежали на семьях. После Первой Мировой войны, социальные институты и рынки труда большинства стран Европы быстро и кардинально изменились с далеко идущими последствиями.

В более развитых странах, восьмичасовой рабочий день стал нормой почти в любом производстве. Право на создание профсоюзов и на забастовки было узаконено или, по крайней мере, стало общепринятой практикой. В то же самое время, начало активной социальной политики и постепенное введение системы пособия по безработице увеличило уровень социальной компенсации за скользящую шкалу заработной платы. Некоторые Европейские страны экспериментировали с повышением минимального оклада, обычно с негативным эффектом для социума. Всё это (усиление роли профсоюза, рост социальной компенсации, введение системы минимальной оплаты труда) привело к увеличению числа безработных и замедлению восстановления экономики стран в ранние 1920-е. Существует мнение, что социальная политика и государственная политика повышения зарплат трудящимся привела к экономическому краху Веймарской республики.

Эти же механизмы приводили и к крупным политическим кризисам повсеместно в Европе. Везде трудовые движения получали политическое влияние и использовали его для защиты прав организованного труда, защиты прав женщин и выступали за всеобщее избирательное право. Вместо того, чтобы попытаться найти компромисс с трудовыми движениями во время Первой Мировой войны, континентальные монархии повсеместно опрокидывались в революционный хаос, за исключением, разве что, Голландии и Скандинавии, которые оставались нейтральными в войну и их переход к демократии произошел мирным путем. В ответ на угрозу со стороны крайних левых, захвативших власть в России, во многих частях Европы сформировались крайне правые движения. Эти партии сохраняли революционный момент левых движений и апеллировали к тем же слоям населения, что и они. Однако они сочетали в своей политике популистские социальные лозунги вместе с агрессивным экономическим национализмом. С течением времени, оба крыла стали сильно давить на слабые демократии континентальной Европы, сформировавшиеся после Первой Мировой. К началу Второй Мировой, большинство этих стран попало под

авторитарное управление правых партий. Эти движения копировали модель итальянского фашизма, но защищали права организованного труда. Профсоюзы были распущены и трудящиеся теперь контролировались государственными структурами. Негативное отношение к женскому труду сочеталось с упором на сельское хозяйство, в ущерб дальнейшей индустриализации. Советская трудовая политика, при всех её различиях с Западноевропейской моделью, так же душила независимые трудовые движения и их политических представителей, контролируя трудящихся государственными учреждениями. Материальное благосостояние трудящихся в подобных системах оставляло желать лучшего.

Парадигма рынка труда хорошо объясняет послевоенные беспорядки и медленное восстановление экономик стран Европы в 1920-е и 1930-е гг., однако она малоприменима для объяснения общей рецессии 1929-1932 гг. Политика высокой оплаты труда, которая могла негативно повлиять на безработицу, была распространена по всей Европе, однако степень рецессии этих стран достаточно сильно различалась. К тому же, самое быстрое восстановление экономики мы видим у Скандинавии с её очень жесткой регуляцией рынка труда в 1930-х гг., и у Германии, с обратной ситуацией.

Международная торговля

В большинстве Европейских государств, период до 1914 г. был временем средних тарифов, регуляция которых осуществлялась скорее в силу налоговых причин, нежели для защиты домашних рынков. Война 1914-1918 гг. уменьшила торговлю до минимального уровня, особенно в силу блокады Союзниками торговых путей и неограниченной подводной войны немецких субмарин.

Как следствие, в Центральной Европе международная торговля к концу войны почти вымерла, тогда как Западная Европа, имевшая доступ к Атлантике, пострадала меньше. Восстановление коммерции после Первой Мировой шло очень медленно, в некоторой степени благодаря конфликту из-за германских репараций и развивающейся гиперинфляции в Центральной Европе. Таможенные конфликты Германии с Польшей и Францией ещё больше отодвигали восстановление торговли этих стран. В странах Восточной и Центральной Европы началась таможенная война между бывшими частями империи Габсбургов. В дополнение к этому, пост-революционный беспорядок в России и установление госмонополии на международную торговлю в ней серьезно повредил торговые отношения Европы с Россией. Вследствие этого, довоенный уровень торговых отношений (см. 1913 г.) не восстановился до 1929 г. Общее уменьшение объемов торговли сопровождалась изменениями в структуре товаров, участвующих в ней. Лишенная многих зарубежных активов, Великобритания в 1920-е пыталась сохранить торговый баланс, но в итоге потеряла рынок экспорта своих классических товаров. Германия

ввозила огромное количество товаров во время гиперинфляции, эта тенденция сохранилась в течение почти всего периода 1920-х гг. без изменений.

Начало международной депрессии моментально сократило и объем торговли. Из-за недостатка зарубежных кредитов, которыми она поддерживала свой торговый дефицит в 1920-х гг., Германия создала режим очень сильной дефляции и превышения экспорта над импортом, что с 1930х годов активно влияло на рецессию в Европе.

В 1931 г. почти повсеместно появилась система двусторонних торговых соглашений, эффективно привязывая торговлю к системе государственного регулирования. Протекционистский Закон США 1930 г., вместе с соглашениями Содружества в 1932 г., эффективно способствовали протекционистским настроениям. Переход Германии к жесткому госрегулированию и квотированию торговли в 1933 г. завершил создание нового торгового режима. Вследствие этого, международная торговля в 1930-х так и не смогла полностью оправиться от рецессии и степень открытости экономик стран Европы понизилась до уровня примерно середины 19 в. (Feldman (1993)). В тоже время, характерный для 1920-х дисбаланс бюджета, практически исчез. Стремление достичь равновесия между платежным балансом и торговым балансом стало повсеместной экономической целью в 30-х гг, и реализовывалось это обычно посредством регулирования, нежели используя рыночные механизмы. Торговая политика 30-х регулировалась не только вопросами финансовой выгоды: политика замещения импорта стремилась поддержать стратегически важные сектора экономики; сельскохозяйственный протекционизм стремился улучшить эффективность отрасли для борьбы с будущими военными блокадами. Вследствие этого, заметные усилия прилагались для развития промышленности в необходимых областях (от стали до текстильной промышленности), тем самым перенаправляя и замещая торговые потоки с целью подготовки к войнам. Это также приводило к глобальному перенаправлению доходов и трудящихся в сельскохозяйственную отрасль и в замещающую импорт промышленность. В этом смысле, Европа в 1930-х вернулась в систему меркантилизма, забывая о доходах с торговли в целях увеличения эффективности государства – политическая цель, несовместимая с рыночными процессами.

Политика и финансы

В период между 1860 и 1914 гг. международная политика практически не имела никакого влияния на экономические процессы в Европе. Экономически развитые страны Европы предпринимали попытки использовать экспорт капитала и прямые инвестиции на периферии континента для получения стратегического преимущества.

Однако основное соперничество Великих Держав происходило в их колониях. В самой Европе государства старались воздерживаться от интервенций на рынках для получения политического преимущества.

В то время превалировало мнение, гласящее, что деньгами и финансовыми рынками должны заниматься специалисты, а не политики. Во времена классического золотого стандарта, внедренного в 1870-х гг., сотрудничество центральных банков продолжалось даже во времена напряженных политических отношений между правительствами их стран, что было особенно заметно во время кризисов 1907 г. и 1911 г.

Ситуация заметно изменилась с началом Первой Мировой войны. С обеих сторон конфликта были придуманы системы карательных репараций. Безжалостная финансовая эксплуатация оккупированной Германией Бельгии должна была послужить моделью для финансовых войн будущего. Обдумывались значительные территориальные изменения, и политические предложения Германских правящих кругов предполагали обширные этнические чистки Восточной Европы. Историки давно спорят о том, что проблема Германских репараций и их двойника – кредиты США Франции и Британии, затмевает вопрос финансовых взаимосвязей в период 1919 г. – 1932 г. Политика временами достаточно серьезно влияла на нормальное функционирование международных финансовых рынков и подрывала внутреннюю стабильность в некоторых странах Европы. Закон о репарациях 1921 г. привел к налоговым бунтам, беспорядкам и переходу к гиперинфляции в Германии (см. Feldman (1993)). Отказ Германии платить репарации по заданным ставкам сыграл свою роль в дестабилизации бюджета Франции в ранних 1920-х. Стимулированный Америкой план стабилизации Германии в рамках плана Доуса 1924 г. запустил движение капитала между Германией и международными рынками. Однако окончательной стабилизации так и не произошло, как не была решена и проблема внутрисоюзных долгов. Отказ Франции оплачивать свой долг США до тех пор, пока он не будет покрыт репарациями Германии привел к кредитному запрету США по отношению к Франции. Это отрезало Францию от рынков США и привело к политике накопления золота, что в свою очередь привело к дестабилизации системы золотого стандарта периода меж двух войн.

Тем не менее, потоки капитала между США и Европой во вторую половину 1920-х гг. были достаточно заметными. Многие из этих кредитных потоков шли в Германию, которая в итоге, во время второй половины 1920-х поглощала весь объем экспорта капитала из США. За пять лет Германия превратилась в крупнейшего мирового импортера капитала, что позволило ей выплатить все репарации в кредит в рамках плана Доуса. Есть мнение, что Германия использовала план Доуса в своих целях для создания сверхзайма на международном рынке. В результате чего, внешний долг Германии был равен примерно 80 % её ВВП в 1929 г.

Проблемы немецкого долга и международный конфликт продолжали отравлять финансовые рынки в середине 1930-х гг. Переговоры о репарациях были отложены до середины 1932 г., провоцируя дальнейшую дефляцию как во Франции, так и в Германии.

После окончания германских репараций (август 1932 г.), Франция и Великобритания объявили о дефолте их внутрисоюзнического военного долга США (декабрь 1932 г.). Германия объявляла дефолт на всё более увеличивающееся число внешних займов и рефинансировала другие. К 1935 г., процент дефолтов её внешних займов достигал 80-90 %. Вследствие чего, всё более жесткие контролируемые меры применялись по отношению к международным финансовым отношениям в Европе. В период до Второй Мировой войны торговля и платежи в большинстве стран Европы стали формой политического и бюрократического контроля, создавая новую, экстремальную версию меркантилизма, который использовал торговлю как оружие в международных конфликтах.

* * *

Таким образом, межвоенный период истории Европы стал временем долговременной экономической рецессии, натуральной Великой Депрессии, продолжавшейся с 1914 г. по 1945 г. В течение этого периода Европа испытала три жестоких рецессии, каждая из них могла бы быть самой тяжелой в истории Европы со времени Промышленной революции, если не рассматривать каждую последующую, ещё сильнее.

Этот нездоровый период Европейской экономики не может быть рассмотрен в отрыве от двух первопричин – конфликтов, раздиравших Европу в то время. Первый конфликт – это две войны Германии с соседними странами. Вторая причина – социальный конфликт, связанный главным образом с увеличивающейся ролью трудовых движений и сопутствующими изменениями в распределении доходов, но также и с введением в общество модели гражданских прав. Оба конфликта заметно повлияли на результаты экономических процессов в Европе в межвоенный период.

Социальный конфликт был той движущей силой, которая сдвинула экономику стран Европы с их прежнего пути медленного роста: появление профсоюзов и социальных объединений, восьмичасовой рабочий день и расширение системы социальных благ, всё это изменило расстановку сил на трудовом рынке, увеличило долю заработной платы в национальном доходе и уменьшило размер прибыли. Социальный конфликт также играл ключевую роль в появлении авторитарных политических режимов по всей континентальной Европе, каковые пытались ускорить промышленный рост за счёт жизненного уровня граждан – обычно приходя к обратному результату.

Основной причиной рецессии 1914-1918 г. и снова в 1940-1945 г. стал международный конфликт. Но он также ответственен за провальные попытки стабилизировать Европейскую экономику во время межвоенных лет. Продолжающиеся споры о Германских репарациях серьезно ослабили международные финансовые рынки в период между войн и не дали возможности центральным банкам сотрудничать в целях предотвращения кризиса Золотого Стандарта в 1931 г. Дефолт Германского долга, начавшийся весной 1931, превратился из серьезной, но потенциально решаемой проблемы Ев-

ропейской валютной системы межвоенного периода, в катастрофу с длительными последствиями. При тех нездоровых политических условиях, царивших в Европе во время между двух мировых войн, сложно представить возможность создания более устойчивой международной финансовой структуры, с заметно лучшими результатами работы.

Список литературы:

1. Bain, G.S. and R. Price (1980), *Profiles of Union Growth: A Comparative Statistical Portrait of Eight Industrial Countries*, Oxford: Blackwell.
2. Beaudry, Paul and Franck Portier (2002), The French Depression in the 1930s, *Review of Economic Dynamics* 5, 73-99.
3. Benjamin, D. and L. Kochin (1979), Searching for an Explanation of Unemployment in Inter-war Britain, *Journal of Political Economy* 87, 441-478.
4. Bernanke, Ben (1995), The Macroeconomics of the Great Depression: A Comparative Approach, *Journal of Money, Credit and Banking* 27, 1-28.
5. Bernanke, Ben (2000), *Essays on the Great Depression*, Princeton: Princeton University Press.
6. Borchardt, Knut (1991 [1982]), *Perspectives on Modern German Economic History and Policy*, Cambridge: Cambridge University Press.
7. Broadberry, Stephen and Albrecht Ritschl (1995), Real Wages, Productivity, and Unemployment in Britain and Germany during the 1920s, *Explorations in Economic History* 32, 327-349.
8. Davis, Lance and Robert Huttenback (1986), *Mammon and the Pursuit of Empire. The Political Economy of British Imperialism, 1860-1912*, Cambridge et.al.: Cambridge University Press.
9. Feldman, Gerald (1993), *The Great Disorder. Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914-1924*, Oxford: Oxford University Press.
10. Ferguson, Niall and Moritz Schularick (2006), The Empire Effect: The Determinants of Country Risk in the Age of Globalization, 1880-1913, *Journal of Economic History* 66 (283-312).
11. Hautcoeur, Pierre-Cyrille and Pierre Sicsic (1999), Threat of a Capital Levy, Expected Devaluation, and Interest Rates in France During the Interwar Period, *European Review of Economic History* 3, 25-56.
12. Holtfrerich, Carl-Ludwig (1986), *The German Inflation*, NY: de Gruyter.
13. James, Harold (1985), *The Reichsbank and Public Finance in Germany, 1924-1933: A Study of the Politics of Economics during the Great Depression*, Frankfurt am Main: Knapp.
14. Lains, Pedro (2003), *Os Progressos do Atraso. Uma Nova História Económica de Portugal, 1842-1992*, Lisbon: Imprensa de Ciências Sociais.
15. Mitchell, Brian (2003), *European Historical Statistics*, New York: Stockton.
16. Ritschl, Albrecht (2002b), International Capital Movements and the Onset of the Great Depression: Some International Evidence, in: Harold James, ed. *The interwar Depression in an International Context*, Munich: Oldenbourg.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЙ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

© Третьякова В.Д.*

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва

В статье рассмотрены вопросы взаимодействия философского и экономического оснований моделей экономического роста, а также проанализированы возможности применения различных моделей роста в современной России.

Двадцатый век – век великих перемен и открытий в науке и технике, век страшных мировых войн и экономических кризисов, век кардинальных изменений на политической карте мира. Кризис, распад и крушение колониальной системы привели к появлению на Земле большого количества новых независимых государств. В то же время данные страны характеризуются низким уровнем развития экономики, многоукладностью социально-экономической системы, подчинённым положением в международном разделении труда. В связи с этим на протяжении всего XX века учёные-экономисты активно разрабатывали модели экономического роста для скорейшего перехода новых государств к более высокой ступени экономического развития.

В настоящее время, после распада СССР и глубоких трансформационных процессов, до сих пор происходящих в российской экономике, на фоне всё большего «отставания» России от передовых стран мира по уровню экономического развития, уровню и качеству жизни населения, научно-техническому прогрессу актуальным становится освоение всего богатства экономической мысли различных школ и направлений.

Одной из важнейших долгосрочных задач целей экономической политики правительства любого государства является стимулирование экономического роста и его поддержание оптимального (равновесного) темпа. Однако для того, чтобы говорить об оптимальных темпах экономического роста, необходимо понимать различия между терминами «рост» и «развитие».

С точки зрения философии развитие является синонимом слова эволюция и понимается как «закономерное изменение материи и сознания, их универсальное свойство; собственно «развёртывание» до тех пор «свёрнутого», выявление, обнаружение вещей, частей, состояний, свойств, отношений, которые имелись и прежде, уже были подготовлены, но не были доступны восприятию, особенно в смысле восхождения от низшего и мало-значашего к высшему и полноценному» [14].

* Аспирант.

Васин С.М. в своей монографии «Трансформация социально-экономической системы региона» указывает на то, что в научной литературе развитие часто понимается как постепенный переход от менее к более организованному, развитому, от худшего к лучшему (Г. Мюрдаль, Я. Тинберген и др.). Так, Тинберген отмечал, что одна из наиболее важных черт развития есть повышение благосостояния всех групп населения, что является синонимом возросшей материальной обеспеченности. Иногда рост и развитие отождествляются (Б. Габович). Однако с лексической точки зрения развитие может идти в двух направлениях: регресс и прогресс, где первому соответствует переход к менее организованным формам развития, возврат к изжившим себя формам, а второму – совершенствование, улучшение, рост [2].

Так, Й. Шумпетер с экономической точки зрения показал, что если рост – это обычное увеличение реального ВВП, населения и т.д., то развитие представляется качественными имманентными изменениями хозяйственного кругооборота. По его мнению, развитие представляется изменениями, которые могут носить как положительный, так и отрицательный характер. К тому же выводу приходят С. Энке, Г. Арндт, характеризующие развитие как многоуровневый, разносторонний процесс изменений в различных сферах общественной жизни.

Задачей современного общества является разработка таких мероприятий, которые направили бы дальнейшее развитие по более организованному и эффективному пути – пути прогрессивного развития, цель которого – достичь определённых, качественно более высоких результатов по сравнению с результатами предыдущей системы [6].

Экономический рост является динамическим совокупным показателем и характеризует состояние экономики страны в целом во временном аспекте. Под темпами прироста ВВП понимается отношение разницы между реальным ВВП в рассматриваемом и в предыдущих периодах к реальному ВВП в предыдущем периоде.

На практике используют многообразные и более сложные методы вычисления экономического роста. Например, Всемирным банком применяется метод наименьших квадратов и метод экспоненциального сглаживания.

Также, для более точного определения состояния экономики, особенно для межстрановых сопоставлений, рассчитывается динамика реального ВВП на душу населения.

Выделяют различные типы экономического роста: экстенсивный и интенсивный, разница между которыми показана в табл. 1.

Экономисты, стремясь более точно установить воздействие факторов производства на динамику национального продукта, по-разному дезагрегируют категории труд, капитал, земля. От того, как дезагрегирован фактор производства, зависит удельный вес его составляющих в воздействии на экономический рост. Исследования подтверждают, что наибольший вклад в

экономический рост вносит технический прогресс, включая связанные с ним прогресс производственных и организационно-управленческих знаний.

Таблица 1

Сравнительная характеристика основных типов экономического роста

	Экстенсивный	Интенсивный
Характер изменений, происходящих в процессе роста	Количественные изменения	Качественные изменения
Основные факторы роста экономики	В процессе экстенсивного роста увеличивается использование основных факторов производства: – капитала; – труда; – природных ресурсов.	В процессе интенсивного роста увеличивается: – производительность труда, – производительность капитала, – производительность природных ресурсов.
Отношение увеличения производства к величине затраченных факторов	Экстенсивное увеличение производства прямо пропорционально величине затраченных производственных факторов.	Если величина затрат производственных факторов не меняется, а их совокупная производительность увеличивается на 1 %, то объем производства возрастает также на 1 %.
Отношение к научно-техническому прогрессу	Развитие традиционных технологий и производственных ресурсов	Применение прогрессивных технологий и производственных ресурсов

Источник: составлено автором.

Подтверждением тому служат исследования, представленные в трудах американского учёного Эдварда Ф. Денисона. Среди них можно выделить работу «Исследование различий в темпах экономического роста» (1967 г.), в которой фактор технического прогресса дезагрегирован на 14 составляющих, а также работу «Тенденции экономического роста в США» (1985 г.). Денисон установил, что наилучшим стимулом интенсивного экономического роста является увеличение производительности факторов в результате технического прогресса, прежде всего труда. При этом повышение уровня образования сотрудников Э. Денисон относит к факторам технического прогресса, сделавшим наиболее весомый вклад в процесс экономического роста [6].

Ещё одна группа факторов, лежащих в основе экономического роста, – это макроэкономические показатели, входящие в состав совокупного спроса, а также неценовые факторы.

В современной мировой экономике идут процессы усиления дифференциации и разрыва между отдельными странами и регионами мира, а также нивелировки и выравнивания этих уровней для наиболее развитых стран, с ориентацией на страны с высоким, а не низким уровнем экономического развития.

Одним из важнейших экономических методов является моделирование. *Моделирование* – это метод познания, состоящий в создании и исследовании

моделей. Моделирование базируется на умозаключении по аналогии. Модель и оригинал не тождественны, а только сходны. Но аналогия полезна уже тем, что наводит на догадки. А в этом и цель моделирования [7].

Каждый объект имеет определённый набор различных свойств. В процессе построения модели выделяются главные, наиболее существенные, свойства. Так, модель самолета должна иметь геометрическое подобие оригиналу, модель атома – правильно отражать физические взаимодействия, архитектурный макет города – ландшафт и т.д.

Задачи моделирования:

1. понять сущность изучаемого объекта;
2. научиться управлять объектом и определять наилучшие способы управления;
3. прогнозировать прямые или косвенные последствия;
4. решать прикладные задачи.

Существуют различные модели, их можно классифицировать по определённым признакам. Основные признаки классификации моделей:

1. область использования;
2. учет в модели временного фактора (динамики);
3. отрасль знаний;
4. способ представления моделей.

Для изучения уровня, особенностей, темпов развития страны используют социально-экономические модели страны.

Социально-экономическая модель страны (модель экономического роста) – это модель, отражающая специфику экономических и социальных отношений в стране, отличающая ее от других стран схожего уровня развития. Главными причинами этой специфики являются особенности исторического развития страны, ее расположения и наделённости экономическими ресурсами.

Разделение стран мира на группы и подгруппы помогает выявить, отличия одних стран от других на основе уровня их экономического и социального развития. Однако и между странами с одинаковым уровнем развития есть многочисленные различия, прежде всего в механизмах хозяйственной и социальной жизни. Например, США и Япония демонстрируют, насколько могут быть различны подходы государства, предпринимателей и населения к хозяйственной жизни и социальной сфере даже в наиболее развитых странах мира.

В различных группах и подгруппах стран существуют типичные для них социально-экономические модели, как, например, вышеупомянутые американская и японская, к которым тяготеют близкие модели, как, например, канадская и южнокорейская.

Экономическая модель – это формализованное описание экономического процесса или явления, структура которого определяется как его объективными свойствами, так и субъективным целевым характером исследо-

вания. Таким образом, структура модели зависит от того, каковы особенности объекта изучения и цели субъекта исследования.

В данной статье более подробно рассмотрены модели социально-экономического развития для развивающихся стран.

В современном мире насчитывается около 230 стран, т.е. государственно оформленных независимых или самоуправляющихся объединений людей, занимающих определённую территорию и признанных де-юре или де-факто субъектами международного права [13]. Из них 192 страны – члены Организации Объединённых Наций [15]. Экономическое развитие в разных странах идёт разными темпами, в различных условиях, что является причиной формирования различных типов стран по уровню экономического развития.

Тип страны – это объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий её роль и место в мировом сообществе на данном этапе всемирной истории.

Ещё в дореволюционной России В.И. Ленин обосновал типологию стран мира. Он исходил из того, что каждой исторической эпохе соответствуют присущие ей типы стран, определяемые действием законов соответствующие социально-экономической формации. Исходя из реалий современного ему капитализма, он выделил две группы стран в мире: угнетающие и угнетённые (угнетаемые). Также он различал немногочисленные «промежуточные» страны. Такие страны Ленин называл «кандидатами» в ту или иную группу стран. К ним, в частности, он относил Португалию и Испанию. Выход из числа угнетаемых стран хотя бы в «кандидаты» он считал невероятно трудным процессом. Ленин называет Ирландию в качестве примера страны, которая добилась независимости в период кульминации империй [13].

В течение XX века облик планеты кардинально изменился: потерпела крах колониальная система, сформировалась и распалась мировая социалистическая система, неравномерность общественного развития обусловила немало сдвигов в обеих частях мировой системы – в развитых и развивающихся странах: кризис и деградация одних стран, опережающее развитие других. Наибольшие изменения произошли с развивающимися странами.

Развивающиеся страны составляют большинство в мире. Большая их часть расположена в Азии, Африке, Латинской Америке и Океании. В них проживает около $\frac{3}{4}$ населения, однако на их долю приходится около 17 % продукции обрабатывающей промышленности [13].

Страны данной группы обладают некоторыми общими существенными признаками:

1. некомпенсированный вывоз из них существенной части совокупного общественного продукта – в виде прибылей, процентов, через трансфертные цены внутрифирменной торговли ТНК;
2. многоукладность, приспособление капитализма к существованию с докапиталистическими укладами;

3. относительная слабость местного капитала, ограниченность его возможностей на местном и мировом рынке;
4. относительно высокая роль государственного сектора экономики;
5. научно-техническая зависимость от высоко развитых стран, вынужденное использование на производстве (в т.ч. на филиалах ТНК) устаревших технологий;
6. резкие социальные контрасты – начиная с различий в производительности труда между отраслями внутреннего рынка и заканчивая распределением национального дохода и правами человека.

К развивающимся странам относятся: ключевые страны, страны относительно зрелого капитализма, молодые формирующиеся нации [13].

К *ключевым странам* относятся Бразилия, Мексика, Китай, Индия. Общим для этих стран является их ключевое регионообразующее значение, по объёму ВВП они входят в первые полтора десятка стран зарубежного мира, они производят столько промышленной продукции, сколько все остальные развивающиеся страны вместе взятые. Эти страны обладают высоким научно-техническим потенциалом. Здесь сложился и всё более активно заявляет о себе крупный капитал, как государственный, так и частный. Однако ключевые страны можно разделить на два подтипа, исходя из характерных черт, присущих каждому подтипу. Они отражены в табл. 2.

Таблица 2

Характерные черты двух подтипов ключевых стран

Ключевые страны Латинской Америки	Ключевые страны Востока
Бразилия, Мексика	Индия, Китай
– Здесь сосредоточены самые крупные среди развивающихся стран суммы прямых иностранных инвестиций; – ТНК контролируют здесь все ключевые отрасли хозяйства; – эти страны имеют самые крупные внешние долги среди развивающихся стран.	– Огромная численность населения в каждой из стран (совокупное население составляет около 2,3 млрд. человек); – Находятся на этапе развёртывания индустриализации; – Низкий уровень урбанизации; – Низкая доля иностранного капитала; – Высокая доля государственного сектора.

Источник: составлено автором по [13].

Подгруппа *стран относительно зрелого капитализма* охватывает большой диапазон стран: от стран Латинской Америки до арабских стран и пост-социалистических стран Европы.

Молодые формирующиеся нации возникли во второй половине XX века из бывших колоний. Обладают низким душевым доходом, низкой долей обрабатывающей промышленности в ВВП и высокой долей неграмотного населения.

Наиболее актуальными задачами для большинства развивающихся стран сегодня являются борьба с бедностью и развитие промышленности.

В течение XX учёными-экономистами разработаны модели экономического роста развивающихся стран, которые будут рассмотрены далее.

Для исследования условий достижения оптимального (равновесного) темпа экономического роста для каждой страны и для выработки наиболее эффективной экономической долгосрочной политики разрабатываются динамические модели экономического роста. Они не являются всеобъемлющими и универсальными, поскольку каждая из них имеет определённые абстракции или допущения, однако позволяют выделить и изучить наиболее существенные факторы экономического роста.

Одним из первых экономистов, чья теория хозяйственного развития считалась классической вплоть до конца XIX века, был Антонио Серра, написавший свой труд в 1613 году, находясь в неаполитанской тюрьме, и надеясь, тем самым, обеспечить себе освобождение.

Он одним из первых взятся рационально объяснить рост благосостояния на севере Италии и обеднение юга Апеннинского полуострова. На севере развивалась мануфактурная промышленность и высоко прибыльная торговля таких городов, как Венеция, Флоренция и Сиена. На юге же, в Калабрии и Сицилии, с древности служивших житницей всей Италии, продолжали заниматься сельским хозяйством, не вкладывая в новые отрасли и новые технологии. Проект Серры не вызвал одобрения у правителя Неаполя, а талантливый экономист так и не был освобождён. Однако Антонио Серра обрёл последователей за пределами своей родины и в последующие столетия (А. Гамильтон, С. Ю. Витте, Й. Шумпетер, К. Акамацу и др.) [12].

В кейнсианских моделях экономический рост исследуется с помощью инструментов и методов анализа кейнсианской школы, применённых к динамическим процессам. Под динамическим равновесием понимается равенство темпов прироста совокупного спроса и совокупного предложения.

Теория «порочного круга нищеты». Данная теория возникла в связи с применением теории экономического равновесия для анализа слаборазвитых стран. Термин «порочный круг нищеты» впервые был предложен в 1949-1950 гг. Г. Зингером и Р. Пребишем. Учёные объясняли слаборазвитость набором взаимосвязанных экономических и демографических факторов.

В послевоенные годы появились разнообразные модели «порочных кругов нищеты», в основе которых – соотношение между ростом населения и изменением экономических условий. Разработкой данной теории занимались такие учёные, как Х. Лейбенштайн, Р. Нурксе, Б.Кналл.

Согласно кейнсианской традиции, «порочный круг нищеты» связан с низким уровнем дохода, который объясняется низким уровнем потребления и невысоким уровнем сбережений.

Данные модели были созданы в середине XX века, однако остаются актуальными как зарубежных развивающихся государств, так и для современной России.

Так, в 90-е гг. XX века в России сложилась ситуация, аналогичная «порочному кругу нищеты» по Х. Лейбенштайну, но не в результате положительного естественного прироста населения, а в результате отрицательных темпов роста ВВП. Данные модели, прежде всего, описывают, раскрывают причины проблем, характерных для развивающихся стран, не делая акцент на выходе и сложившейся ситуации.

Концепция перехода к самоподдерживающемуся росту стала логическим продолжением теории «порочных кругов нищеты». Концепцию выдвинул американский учёный Уолт Уитмен Ростоу в 1956 г. Основная идея заключалась в обосновании перехода от традиционного общества к современному обществу западного типа. Развивая концепцию перехода к самоподдерживающемуся росту, У. Ростоу сформулировал теорию стадий экономического роста. Критериями выделения стадий служили преимущественно технико-экономические характеристики: уровень развития техники, отраслевая структура хозяйства, доля производственного накопления в национальном доходе, структура потребления и др. Ростоу У. выделил следующие стадии экономического роста: 1) традиционное общество; 2) период создания предпосылок для взлёта; 3) взлёт; 4) движение к зрелости; 5) эпоха высокого массового потребления.

При таком подходе *развитие понимается, прежде всего, как синоним высоких темпов индустриализации*. Такая модель развития обозначалась термином «модернизация».

В 1960-е гг. Ш. Эйзенштадт дал следующее определение модернизации: «*Модернизация* – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII в. по XIX в. и затем распространились на другие европейские страны...» [4].

У данной концепции есть ряд недостатков:

1. она недооценивает социально-правовые аспекты жизни общества;
2. абсолютизируется важность периода модернизации, подготовки и развёртывания промышленной революции, игнорируются такие качественные этапы в жизни общества, как неолитическая и научно-техническая революции и др. [11].

Поэтому в своей более поздней работе «Политика и стадии роста» (1971 г.) У. Ростоу добавляет шестую стадию развития и, тем самым, намечает путь развития для современных обществ Запада. Это стадия «поиска качества жизни», когда на первый план выдвигается духовное развитие человека. Теоретики модернизации признавали, что в разных странах требуются различные способы и приёмы модернизации, что не могут одинаковыми их темпы.

Теория «большого толчка» стала синтезом двух предыдущих теоретических концепций: «порочного круга нищеты» и «самоподдерживающегося роста».

Розенштейн-Родан П. сформулировал данную теорию в 1943 г. Для слабо-развитых стран европейской периферии. Позже концепция была использована западными учёными (Р. Нурксе, Х. Леёбенштайном, А. Хиршманом, Г. Зингером и др.) для обоснования условий модернизации освободившихся стран.

В центре их исследований были проблемы первичной индустриализации, которые интерпретировались в духе неокейнсианства. Однако модель Кейнса рассматривала лишь депрессивную экономику в краткосрочном периоде. Необходимо было дополнить её и распространить на долгосрочный период. Необходимость создания модели долгосрочного развития породила принципиальное изменение понимания цели экономического роста. Эта задача решалась в неоклассических моделях роста экономики.

Сторонники *неоклассического направления* предприняли попытку создать свою концепцию модернизации в противовес неокейнсианским системам экономического роста.

Они видели в кейнсианских моделях большой недостаток: учёт лишь изменения технико-экономических параметров, не затрагивая весь комплекс социально-экономических предпосылок. Экономический рост, по мнению неоклассиков рассматривался как количественное изменение показателей, а не качественное. Также, они придерживались точки зрения, что главным условием экономического развития должна быть опора на внутренние ресурсы, а не иностранную помощь. Неоклассические модели анализировали равновесие между накоплением капитала и ростом населения, что стало особенно актуальным для развивающихся стран, так как именно в них в XX веке резко возросли темпы прироста населения. То есть неклассические модели учитывают реальный дуализм слаборазвитой экономики, двух её компонентов: традиционного сельскохозяйственного и современного промышленного. Суть этой концепции сводится к следующим двум основным положениям:

1. Развитие на основе усвоения ценностей индустриального общества, базирующегося на частной инициативе и принципах рыночной экономики.
2. Акцентирование внимания на государственном вмешательстве в экономику, развитие традиционных отраслей, опора на собственные силы и на установление элементов планового хозяйства [10].

В табл. 3 дана краткая сравнительная характеристика двух компонентов слаборазвитой экономики: традиционного сельскохозяйственного и современного промышленного.

Однако и эти сектора экономики не являются однородными: и в том, и в другом сосуществуют капиталистические и некапиталистические формы производства. Эта концепция также не учитывает обширную и быстрорастущую в развивающихся странах сферу услуг.

Одной из наиболее известных дуалистических теорий является концепция Уильяма Артура Льюиса. Льюис считал, что его теория применима к

странам с высокой плотностью населения, дефицитным капиталом и ограниченными естественными ресурсами (например, Индия, Бангладеш, Пакистан, Египет). В центре данной концепции не государство, а предприниматель, действующий в специфической обстановке и стремящийся к максимизации прибыли.

Таблица 3

**Сравнительная характеристика традиционного
сельскохозяйственного и современного промышленного секторов
экономики в развивающихся странах**

Традиционный сельскохозяйственный	Современный промышленный
Является основой экономики развивающегося государства	Своеобразная «надстройка», модернизированный анклав внутри традиционного, отсталого хозяйства
Примитивные технологии	Высокие темпы научно-технического прогресса
Местные опыт	Тесная взаимосвязь с мировым рынком
Отождествляется с докапиталистическими формами производства	Отождествляется с капиталистическими формами производства

Источник: составлено автором по данным [11].

При таком подходе развитие понимается, прежде всего, как преодоление дуализма между традиционной экономикой и современной, между доиндустриальной и индустриальной, между натуральной (бартерной) и рыночной.

Несмотря на актуальность преодоления такого дуализма, данная концепция имеет ряд недостатков. Концепция не учитывает, что:

- у реального предпринимателя в развивающихся странах не развиты предпринимательские качества,
- для жителей развивающихся стран характерны ограниченные потребности;
- предпочтение ими стабильного заработка вместо высокого дохода, связанного с риском, и др. [11].

Позднее создавались и более усложнённые модели модернизации, однако и они обладали рядом недостатков, и были мало приспособлены для решения практических задач.

Все рассмотренные выше модели можно отнести к так называемым моделям «догоняющего» развития. Доктрина «догоняющего» развития господствовала в умах социологов и политиков на протяжении большей части XX века. Однако, «догоняющее» развитие приносило успех только при соблюдении двух условий:

1. «догоняющая» страна могла добиться существенных результатов лишь тогда, когда «догоняемая» находилась на более высоких ступенях того же технологического уклада, что и она сама;
2. практика «догоняния» способна быть эффективной только в том случае, если её адекватным инструментом служат мобилизацион-

ные методы, включающие прямое принуждение, если человек расматривается, по сути, лишь как орудие производства.

Следовательно, существуют пределы догоняющего развития. Когда задачей страны является достижение тех же объемов производства, что и догоняемая, то она может быть решена путём мобилизации производственных сил, когда же необходимо создать новый информационный продукт, то лишь полученное на протяжении десятилетий образование и ускоренное в работе стремление к творчеству могут стать инструментами её достижения. В первом случае оказывается, что аграрное общество при гигантском напряжении сил и явных технологических заимствованиях может догнать индустриальное: во втором – индустриальное уже не может догнать постиндустриальное, так как методы мобилизации, на которых основано любое «догоняющее» развитие, не применимо к творчеству свободной личности, являющемуся основой прогресса постиндустриального социума. Таким образом, успехи «догоняющего» развития ограничены рамками индустриального производственного уклада [4].

Обобщение основных положений теорий модернизации и догоняющего развития позволяют сделать следующие выводы [4, 11]:

1. в условиях индустриальной фазы развития общества хозяйственная система была самовоспроизводящейся, легко копируемой и управляемой. При наличии ресурсов мобилизационный тип развития достигал своих целей;
2. абсолютизация количественных экономических показателей, которые доминировали в условиях индустриальной фазы развития и были залогом успешной модернизации;
3. индустриальная эпоха опиралась на широкий временной горизонт. В начале XX в. было понятно, какие сектора развивать в ближайшие 30-40 лет. Если в течение этого периода удавалось решать задачу производства (по абсолютному и среднечеловеческому показателям), например, стали, цемента, угля, тракторов и т.д., то можно было стать развитой индустриальной державой мира. Фундаментальная проблема современности, с которой сталкивается сегодня Россия и другие страны (в том числе и развитые), – возрастание фактора неопределенности;
4. модель догоняющего развития была ориентирована на использование единственного конкурентоспособного ресурса – дешевой рабочей силы. В условиях перехода к постиндустриальному обществу данный ресурс не может быть задействован. Постиндустриальное общество основывается на использовании качественно иного ресурса – творческого потенциала личности.

И неокейнсианские, и неоклассические концепции, несмотря на существенные различия, имеют сходную методологическую базу. В отличие от

них институционализм покоится на качественно ином теоретическом основании. Он сформировался на американской почве, вобрал в себя многие идеи немецкой «исторической школы», английских фабианцев, французской социологической традиции, марксизма.

Наибольшее воздействие на теории развития стран «третьего мира» оказали идеи Макса Вебера и его труды «Протестантская этика и дух капитализма» и «Три чистых типа легитимного правления». Первая работа напрямую связывает генезис рыночного хозяйства со спецификой европейской цивилизации, с уникальностью протестантской ментальности, остро ставит вопрос о традиционализме жизни на Востоке и невозможности в связи с этим быстрой капиталистической модернизации.

Вебер М. обосновал необходимость более адекватного цивилизационного подхода к афро-азиатскому миру, чем это было в дуалистических моделях, упрощённо противопоставляющих традиционное современному. Анализ цивилизаций Востока занял важное место в «Исследовании истории» Джозефа Тойнби. В центре его внимания – влияние религиозных факторов на социально-экономическое и политическое развитие народов. По А. Тойнби движущая сила развития – творческое меньшинство, способное увлечь общество в новом направлении. Упадок цивилизации связан с недостатком созидательной силы у творческого меньшинства.

Внимание к цивилизации как к сложной социальной системе сыграло методологическую роль в послевоенных институциональных концепциях. Это нашло отражение в следующих трудах:

- «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» Карла Августа Виттфогеля;
- «Экономика как институционализированный процесс» Карла Поланьи;
- «Экономика и общество. Исследование интеграции и социальной теории» Толкотта Парсонса и Нейла Джозефа Селсера.

Одной из самых значимых институциональных теорий является концепция «азиатской драмы» Карла Гуннара Мюрдаля. Мюрдаль причислял себя к сторонникам институциональной теории, критиковал чрезмерное увлечение эконометрикой и пренебрежение моральными основами экономики. В 1968 г. В Нью-Йорке вышла его трёхтомная монография «Азиатская драма. Исследования бедности народов». Объектом исследования в данной работе выступают страны Южной и Юго-Восточной Азии.

Исследование начинается с резкой критики западного подхода к анализу «третьего мира». Его методологическая несостоятельность заключается в том, что он пытается перенести реалии развитого общества на слабо развитое. На практике это выливается в создание анклавной экономики – узкого сектора европеизированной промышленности, больше связанной с внешним, чем с внутренним рынком.

Также Мюрдаль справедливо обращает внимание на значение азиатских ценностей в рационализации производственных процессов, которые не за-

мечали большинство западных исследователей. Например, индуистский запрет на убой коров не позволяет ни использовать их, ни освободиться как от ненужного балласта. Также сложности возникают связи с большими языковыми и классовыми (кастовыми) различиями в обществе большинства стран Юго-Восточной Азии. Мюрдаль называет и такие особенности жителей стран Востока: они более религиозны, неагрессивны, высоко ставят моральную ценность личности. На деле это означает возведение нужды в добродетель, что противоречит идеалам модернизации. Поэтому критика традиционного общества вступает здесь в противоречие с религией (которая здесь может быть приравнена к силе социальной инерции).

Мюрдаль подробно останавливается на распространении идеологии планирования. Государство выступает как решающий фактор общественной эволюции. *Развитие, с точки зрения Мюрдаля, понимается как повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества* [11].

В конце XX века особенное развитие получила теория человеческого капитала. Родоначальником новых моделей роста стал Роберт Мертон Солоу, который сформулировал свою концепцию в 50-60-е гг.

Модель Солоу определяет устойчивое равновесие в долгосрочном периоде, объясняя его техническим прогрессом как единственной основой устойчивого роста благосостояния. В то время как для экономической политики важен, прежде всего, краткосрочный аспект.

В 80-90-е гг. появились многочисленные попытки уточнить, дополнить и расширить модель Солоу. Такую попытку предприняли Д. Ромер и Д. Уэйл, Уильям Петти, Гэри Беккер, Р. Лукас, и другие учёные-экономисты. Важнейшим аспектом их деятельности была оценка вклада человеческого капитала в экономическое развитие (в том числе в рост ВВП) и формирование концепции человеческого капитала как составного элемента мировой цивилизации.

Также в 1970-х гг. стала разрабатываться концепция устойчивого развития. В ней поднимается вопрос об исчерпаемости природных ресурсов и, следовательно, о пределах роста экономики. То есть о пределах роста, основой которого является неограниченное потребление ресурсов без качественных изменений в экономике, управлении и производстве.

Концепция говорит о необходимости гармоничного развития общества и экономики при минимальном ущербе окружающей среде.

Благодаря развитию этой концепции в экономике все больше учитывается природный фактор. Одной из главных особенностей этой концепции является забота о качестве жизни не только ныне живущих людей, но и будущих поколений.

На каждом историческом этапе развития России стоит говорить о применении различных моделей экономического роста, исходя из наиболее актуальных задач.

По мнению Георгия Дерлугьяна Россия минимум трижды выходила на мировой уровень: при Иване Грозном, Петре I и Сталине. Однако все эти прорывы со временем заходили в тупик, в основном, из-за успехов, создававших барьеры к выходу на следующий этап [3]. Во всех трёх случаях экономический подъём осуществлялся за счёт ликвидации разрыва между Россией и другими, более передовыми государствами: Турцией в XVI веке, и западными странами в последующие столетия. Так, по мнению Георгия Дерлугьяна в советское время большевиками была создана диктатура догоняющего развития, которая за одно поколение колоссальным рывком преодолела разрыв в научно-индустриальном потенциале между СССР и Западом. Венчающие этот рывок победы над Германией и Японией, ядерный геополитический пат в холодной войне с США сделали его великой мировой державой. СССР, преодолев отсталость, победив фашизм, готов был быть локомотивом мирового прогресса.

Тогда же в нашей стране возникает большое количество собственных теорий «развитого социализма» и «соцориентации» для стран «третьего мира». В XX веке в СССР был сделан упор на модернизацию экономики и догоняющее развитие.

В странах Запада после 1970-х гг. началась постепенная деиндустриализация. Вынос производства в страны с предсказуемо дешёвой рабочей силой автоматически вызвал индустриализацию стран Восточной Азии, которую и описывали модели догоняющего развития середины XX века.

Судьба СССР иллюстрирует возможности и пределы догоняющего развития, всегда проходящему по мобилизационному типу и основанного на большой степени командного планирования, при котором основной двигатель модернизации – крестьяне. Образованные специалисты же имеют гораздо больше потребностей и ожиданий, в том числе им нужна самореализация в культуре, политике [3]. Это одна из причин, по которой модели догоняющего развития в неизменном виде для России мало актуальны.

На сегодняшний день у нашей страны есть две вероятные исторические перспективы. Первая – это продолжающийся упадок на основе «распродажи фамильных ценностей», регресс. Вторая – это новая модернизация, которая (в отличие от предыдущих экономических модернизаций в России) едва ли может быть основана на диктатуре, учитывая высокий уровень образования и современную демографическую ситуацию в России [3].

Авторы книги «Модернизация российской экономики: структурный потенциал» указывают на то, что Россия приступила к реализации крупномасштабного проекта модернизации. Общий вектор развития определён как переход от экспортно-сырьевой составляющей экономического роста к инновационно-ориентированной фазе развития. То есть, по их мнению, Россия пошла по второму пути развития. Он связан с активным и бесперебойным внедрением новых эффективных технологий в производство [8].

В то же время, В.М. Полтерович считает, что «сегодня Россия – это развивающаяся страна, хотя и не самая бедная... Сейчас наша основная задача – выйти на европейский уровень. Если мы её не решим, то не решим и все остальные задачи, будь то построение демократии или уничтожение коррупции». Однако в данном случае речь не идёт о применении давно известных моделей догоняющего развития, популярных в середине XX века. Полтерович подчёркивает, что России необходимы новые технологии, которые станут основой модернизации экономики. При этом заимствовать надо «не самое новое, а то, что нужно». Осваивать даже известную и не самую передовую технологию – это долгий, мучительный, а главное, творческий процесс; чтобы заимствовать новые технологии, нужны специальные нетривиальные институты [9]. При таком подходе актуальность приобретают модели развития, разработанные в конце XX века, учитывающие огромную важность человеческого капитала.

Сегодня Россия находится на сложном историческом этапе. Государственная задача состоит в выборе модели развития, исходя из того, что наша страна обладает чертами как развивающегося государства, так и развитого.

Так, для России характерен огромный разрыв в уровне доходов между различными слоями населения, одновременно существуют крайне отсталые формы промышленного и сельскохозяйственного производства и развиваются новейшие отрасли промышленности. В то же время в России высок уровень образования, велик научный потенциал. То есть, с одной стороны, модернизация, восстановление промышленности (уже на основе оптимальных для России технологий, собственных и зарубежных) вновь стала актуальной задачей. Напротив, процесс деиндустриализации, характерный для стран постиндустриального развития, в России пока не подготовлен: нет достаточного числа крупных производителей, способных создавать ВВП на территории других государств, не насыщена российская экономика высококачественными промышленными товарами отечественного производства. Вместе с этим, в России сегодня недооценён огромный человеческий капитал, полноценное использование которого способно вывести страну на действительно инновационный путь развития. При этом, по словам Д.А. Медведева: «Забота о будущих поколениях – это самые надёжные, умные и благородные инвестиции» [1].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что для России модели догоняющего развития актуальны только с точки зрения выявления конкретных проблем в российской экономике. Наиболее актуальны же новые институциональные модели развития, с пониманием развития как качественного изменения в лучшую сторону, как «повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества». Также актуальной является концепция устойчивого развития, особенно, учитывая, что сегодня российская экономика основана, прежде всего, на активном потреблении природных ресурсов, зачастую, без заботы об их восстановлении.

В заключение необходимо сказать, что не все виды роста ведут к развитию и к благосостоянию. Развитие в различные эпохи и на различных этапах связано с различными отраслями и типами деятельности. Именно поэтому капитализму требуются стратегическая координация и управление. Это могут быть инвестиционные банки, как считал Шумпетер, или централизованный план, как считал Сталин и многие успешные правители XX века. Либо это может быть их сочетание [12].

Есть примеры и догоняющего развития, которые на сегодняшний день кажутся успешными. Это страны Восточной Азии: Южная Корея, Тайвань, а теперь и КНР успешно преодолевали или преодолевают отсталость. Основная причина этого успеха в том, что они не направляли основные силы на копирование чужих институтов и подходов, а стремились концентрировать усилия на органичном встраивании своего хозяйства в актуальные глобальные тренды. То есть, применяя те или иные модели роста или развития, необходим учёт специфики России, её истории, населения и регионов.

Основываясь на Послании Федеральному Собранию Д.А. Медведева от 30 ноября 2010 года, можно сказать, что эти цели носят, прежде всего, гуманистический, социальный характер. По словам Президента, «модернизация – это ... не самоцель. Это лишь инструмент, с помощью которого мы сможем решить давно назревшие проблемы в экономике и в социальной сфере, поддержать тех, кто в этом более всего нуждается, и создать условия для раскрытия способностей тех, на кого мы очень надеемся, то есть наших детей, нашей молодёжи» [1].

Таким образом, выбирая путь развития, Россия должна последовательно выявлять проблемные участки в своей экономике, в общественном устройстве и вести политику, с одной стороны, соответствующую целям развития страны, а с другой, учитывающую богатый и разнообразный мировой опыт.

Список литературы:

1. Послание Президента Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru/transcripts/9637.
2. Васин С.М. Трансформация социально-экономической системы региона: монография. – Пенза: ПГПУ, 2005.
3. Дерлугьян Г. Модерн и модернизация // Эксперт. Лучшие материалы. – 2010. – № 8. – С. 14-20.
4. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: «Экономика», 2000.
5. Кудров В.М. Мировая экономика: социально-экономические модели развития: учеб. пособие / В.М. Кудров. – М.: Магистр, 2009.
6. Курс экономической теории / Под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселёвой. – изд. 5-е, доп. и перераб. – Киров: «АСА», 2003.
7. Логический словарь-справочник / Под ред. Д.П. Горского. – М.: Наука, 1975.

8. Модернизация российской экономики: структурный потенциал / Отв. ред. Н.И. Иванова, науч. рук. Ю.В. Куренков. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.
9. Модернизация – это творческий процесс // Эксперт. Лучшие материалы. – 2010. – № 8. – С. 104-110.
10. Нехода Е.В. Теории модернизации и догоняющего развития: возможности для России – М.: «Экономика», 2007. – С. 167-169.
11. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник / Р.М. Нуреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2010.
12. Райнерт Э. Забытые уроки прошлых успехов // Эксперт. Лучшие материалы. – 2010. – № 8. – С. 6-11.
13. Социально-экономическая география зарубежного мира / Под ред. В.В. Вольского. – М.: Дрофа, 2001.
14. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2009.
15. Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru.

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

© Третьякова В.Д.*

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва

В данной статье рассмотрены вопросы реализации программно-целевого подхода региональной в России на современном этапе развития и возможности применения советского опыта и опыта зарубежных стран в реализации современных программ развития регионов России.

В развитии мировой экономики прослеживается тенденция усиления взаимодействия механизмов государственного планирования и рыночного саморегулирования.

Особенности России (масштабность, региональное многообразие, состояние переходной экономики и др.) требуют более активной по сравнению с типичной мировой практикой деятельности государства по устранению диспропорций в национальном экономическом пространстве, решению сложных региональных проблем, созданию условий для устойчивого развития всех регионов и страны в целом. Переход России к новой политической и экономической системе потребовал глубокого реформирования государственного регулирования регионального развития. Главные направления реформирования определяются такими переходными процессами, как замена административно-командного управления рыночными механизмами, радикальное изменение структуры собственности и, соответственно, распределение доходов, трансформация унитарного государства в федеративное и расширение экономических прав регионов [6].

То есть для России крайне актуальными остаются вопросы региональной политики, методов и подходов её осуществления, возможностей применения зарубежного опыта в этой сфере.

Проблемам государственного регулирования территориального (или регионального) развития, региональной экономической политике в российских научных исследованиях уделяется в последние годы немало внимания, однако общепринятых определений многих *терминов* до сих пор не существует.

В литературе термин «*регион*» употребляют в разных значениях:

- как синоним термина «район» в системе экономического (экономико-географического) районирования (например, Дальневосточный регион);

* Аспирант.

- в качестве синонима субъекта РФ (например, Московский регион, Липецкий регион);
- для обозначения более или менее крупных территорий, включающих несколько однотипных таксонов районирования (например, Арктический регион, Восточно-Сибирский регион) и другие.

В современных теориях регион исследуется как многофункциональная и многоаспектная система. Наибольшее распространение получили четыре парадигмы региона, описанные А.Г. Гранбергом:

1. Регион как относительно обособленная подсистема государства и национальной экономики. Во многих странах регионы аккумулируют все больше функций и финансовых ресурсов, ранее принадлежавших «центру» (процессы децентрализации и федерализации). Одна из главных функций региональной власти – регулирование экономики региона.
2. Регион как крупный субъект собственности (региональной и муниципальной) и экономической деятельности. Регионы становятся участниками конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг, капитала (например, защита «торговой марки» местных продуктов, соревнования за более высокий региональный инвестиционный рейтинг и т.п.). Регион как экономический субъект взаимодействует с национальными и транснациональными корпорациями.
3. Подход к региону как рынку, имеющему определенные границы (ареал), акцентирует внимание на общих условиях экономической деятельности (предпринимательский климат) и особенностях региональных рынков различных товаров и услуг, труда, кредитно-финансовых ресурсов, ценных бумаг, информации, знаний и т.д.
4. Поход к региону как к социуму (общности людей, живущих на определенной территории) выдвигает на первый план воспроизводство социальной жизни (населения, трудовых ресурсов, образования, здравоохранения, культуры, окружающей среды и т.д.) и развитие системы расселения [6, 8].

Определение границ регионов Х. Зиберт также считал необходимым предварительным условием для любой теории территориального развития. Он же рассматривал и существующие сложности при решении этой проблемы. В частности, Х. Зиберт говорил о возможности появления явно искусственных границ и о невозможности идеально разбить территорию страны на регионы, т.к. любую местность можно представить как совокупность очень большого их числа. В связи с чем, деление территории на регионы должно производиться в соответствии с решаемыми задачами [8].

Теории регионального роста, развивавшиеся в странах Запада, были тесно связаны с практической деятельностью государства и опирались на имеющиеся статистические данные. Поэтому они рассматривали в качест-

ве регионов – объектов исследования – административно-территориальные единицы разного иерархического уровня или, созданные на их основе, так называемые программные (или плановые) районы. При этом часто пренебрегали тем, что региональные границы пересекают территорию социально-экономических узловых районов, т.е. объективно существующих ареалов с центром (ядром), собирающим или распределяющим ресурсные и прочие потоки.

В России в «Основных положениях региональной политики...» определено значение термина «регион» как «части территории Российской Федерации, обладающей общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий».

Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации, либо объединять территории нескольких субъектов РФ» [1].

В основу программно-целевого подхода как инструмента проведения региональной администрации целенаправленной политики по решению проблем региона должна быть положена система программ, которые реализуются либо государственными органами разного уровня, либо частными компаниями при государственной поддержке.

Целевые программы представляют собой комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение задач в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации. Существуют федеральные, региональные и отраслевые программы. Региональным программам в случае их важности может присваиваться статус федеральных. Федеральные целевые программы являются важнейшим средством реализации структурной политики государства, активного воздействия властных структур на ход экономических процессов для достижения конечных социально-экономических целей. Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ регламентируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 594.

В России и за рубежом осуществлён ряд успешных региональных целевых программ, например, программа «Социально-экономическое развитие Республики Саха (Якутия)» (1995-2005) в России, «Федеральная программа развития района Аппалачских гор» и «Программа долины реки Теннесси» в США, «Совместная задача» в Германии, «Касса Юга» в Италии и другие. Рассмотрим более подробно опыт зарубежных стран в реализации региональной политики, а также возможности его применения в России.

Программно-целевой метод приобрел активных сторонников во многих развитых странах мира. Главным назначением программ регионального развития было и остаётся выравнивание условий развития отдельных регионов и обеспечение достойного уровня жизни их населению.

В зависимости от роли федерального правительства в реализации программы можно выделить две основные категории: управление «мягкого типа» и «жесткого типа». К первой категории относятся, например, программы «федеральной помощи», основное содержание которых состоит в выделении федеральных бюджетных средств на осуществление проектов местных органов власти, учебных заведений, частного сектора и т.д. (обычно с целью развития сети автодорог, создания новых рабочих мест в депрессивных районах). Реализация программ этой категории контролируется федеральным правительством лишь в самой общей форме. Программы «жесткого типа» обычно фактически управляются государственными ведомствами, несмотря даже на то, что в их реализации зачастую принимают участие частные фирмы (программы строительства наиболее важных объектов, по разработке систем вооружения и т.п.) [12].

В Великобритании целевыми региональными программами охвачено 40 % территории, в Норвегии – 90 %. Важно отметить, что практически во всех европейских странах были созданы специальные ведомства или административные органы, ведающие вопросами регионального развития, а также специальные бюджетные фонды для поддержки развития регионов.

Применение целевых программ представляется особенно необходимым в периоды экономического спада. Это хорошо видно на примере Японии, где они используются как средство стимулирования новых, наукоемких отраслей, таких как электроника, робототехника, информационные системы. Экономические программы в Японии имеют индикативный характер, в связи с чем частным предпринимателям не определяются конкретные показатели производства того или иного товара, что невозможно в условиях постоянно меняющейся конъюнктуры, а государственные органы, осуществляющие управление программой, занимаются только общей координацией, не вмешиваясь в конкретные производственные процессы. Анализ показывает, что экономическое программирование оказывает позитивное влияние на хозяйственную жизнь страны.

В странах Западной Европы целевые программы применяются главным образом для развития производств с большим сроком окупаемости, не представляющих интереса для частного капитала.

В современной Германии наиболее острой проблемой регионального развития является отставание восточных территорий, включая Берлин. Основным же элементом системы региональной политики стала «Совместная задача совершенствования региональной хозяйственной структуры», сочетающая усилия федерации и земель по регулированию территориального развития Германии. «Совместная задача» реализуется с 1969 г. Особое внимание уделяется стимулированию экономического роста за счёт структурной трансформации, которая признаётся более эффективным инструментом государственной политики, чем субсидирование депрессивных отраслей и

другие формы протекционизма. При этом региональная политика поддерживает проекты, направленные на создание новых рабочих мест, оказывающие наименьшее давление на окружающую среду, сочетается с политикой поддержки малого и среднего бизнеса, инновационной политикой и другими направлениями социально-экономической политики ФРГ. Средства между западными и восточными землями распределяются как 1 к 6 [15].

Целью государственной региональной политики Великобритании является создание замены старым отраслям, на которых базировалась вся экономика депрессивных районов. Одним из способов достижения этой цели стала разработки государственной программы, направленной на поощрение миграции населения из густонаселённых районов в депрессивные. При этом поощрялся перевод компаний из Западного Мидленда и Юго-Востока (наиболее развитые) в районы развития. Одновременно ограничивалось новое строительство на Юго-Востоке. Программа разрабатывалась центральным правительством, осуществлялась непосредственно при участии властей графств. Подобные поощрения районов и предприятий осуществлялись избирательно путём предоставления, в первую очередь, субсидий на инвестиции в промышленность.

Основная региональная проблема *Италии* – отсталость Юга в экономическом развитии и уровне жизни, протекающая на фоне прогрессивного развития северных провинций [5]. Началом более или менее широкой и последовательной государственной политики в отношении южных территорий можно считать формирование «Плана Ванони» и создание «Кассы Юга», в которую отчислялись средства предприятий Севера (государственного фонда финансирования развития) в 1950 г., целью которого было включение Юга в общую экономическую систему Италии. План предусматривал создание дополнительных промышленных мощностей, обеспечение развития отраслей с преобладанием государственных предприятий и привлечение в них частного капитала. Данная мера отличалась от всех предшествующих тем, что носила долговременный, специальный и чрезвычайный характер. Исходя из рассмотренного зарубежного опыта региональной политики, можно сделать вывод об актуальности применения некоторых инструментов в России, в том числе при осуществлении региональных государственных программ.

Исходя из Постановления Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. N 594, *федеральная программа* – «это увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации» [3].

Россия имеет богатый опыт применения программно-целевого подхода при развитии территорий, основная часть которого была накоплена в период 1976-1989 гг. Тогда же были реализованы такие крупные программы, как «БАМ», «Сибирь» и другие. При этом предметом регионального программного планирования считалась территориальная проблема, а основной задачей – взаимная увязка интересов развития экономики страны, отраслей и отдельной региональной социально-экономической системы.

Сегодня в России наблюдается возобновление применения программно-целевого подхода в развитии территорий. Программы развития современной России основаны на методических рекомендациях, утверждённых постановлением «Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ». Постановление определяет, что отбор проблем для программной разработки и реализации на федеральном уровне должен исходить:

- из их особой значимости для осуществления крупных структурных изменений и повышения эффективности развития конкретных отраслей и регионов;
- из сжатости сроков решения проблем и необходимости концентрации ресурсов;
- из взаимосвязанности соответствующих мероприятий, обеспечивающих целевое управление межотраслевыми связями технологически сопряжённых отраслей и производств.

Главным отличием современных региональных программ является акцент на механизмах их разработки и реализации. Эти механизмы плотно вписаны в структуру новых отношений государственных органов и хозяйствующих субъектов, а также в реальную структуру отношений между самими государственными органами: Минэкономики РФ, Минфин РФ, Государственной Думой и др.

Ранее были реализованы и другие целевые региональные программы.

Большинство из них разработано в соответствии с Типовым макетом, соответствие которому обязательно для утверждения программы и который был утверждён 17 июня 2002 года Приказом Министерства экономического развития и торговли РФ 170 «О совершенствовании разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации». Нетиповых программ совсем немного и они разработаны на региональном, а не на федеральном уровне [2].

Однако не существует единой методики оценки социально-экономического положения субъекта, критериев выбора наиболее острых проблем (поскольку программно-целевой метод предназначен не для решения текущих задач).

Анализ имеющихся программ подтверждает то, что задачи в региональных стратегиях зачастую взяты из стандартного набора, не претерпевающая никаких изменений [10].

Анализ влияния на экономическое развитие региона наличия (отсутствия) стратегий или программ из развития, а также уровня проработанности этих документов, не позволяет сделать вывод о том, что такая взаимосвязь существует.

Объяснение этого вывода состоит в следующем. Технология подготовки программ, ключевым элементом которой является соответствие Типовому макету, предопределяет появление достаточно формальных документов. Таких программ в настоящее время большинство. Но даже если удаётся подготовить качественно более хорошую программу, по всем правилам и неформально, это также не гарантирует её востребованность и, соответственно, положительное влияние на динамику экономического развития. Текущие проблемы заставляют уходить от средне- и долгосрочных приоритетов. Мероприятия, намеченные в программах, всё больше расходятся с текущими планами, преимущества стратегического развития нивелируются [9].

Несмотря на наличие законодательной базы и опыта, механизм разработки и реализации программ далёк от совершенства. Среди его основных недостатков:

- несовершенства Типового макета (указанные выше);
- формальное наличие программы развития;
- отсутствие регламентации долгосрочных целевых программ, требования к которым закреплены Бюджетным Кодексом России;
- отсутствие регламентации участия субъектов РФ в процессе разработки концепций и проектов федеральных целевых программ;
- невозможность контроля над действительно целевым и результативным исполнением (прежде всего, за счёт отсутствия количественно выраженных параметров главной цели);
- неспособность сформировать пакет программ, адекватный реальной структуре наиболее острых региональных проблем и соответствующий реальным финансовым возможностям государства [9].

Можно сделать вывод о том, что программно-целевой метод как увязанное по ресурсам, исполнителями сроком осуществление комплекса разнообразных мероприятий, нацеленное на решение особо острых проблем, требующих неординарных подходов и чрезвычайной концентрации средств, в современной России не применяется.

Региональные власти рассматривают институт соответствующих программ лишь как способ получения дополнительного финансирования текущих работ, на которые не хватает средств собственного регионального бюджета.

Для решения проблем в сфере подготовки, реализации и контроля исполнения федеральных целевых программ регионального развития необходима деятельность по многим направлениям [7]:

- обоснование редакции и вторичное обсуждение проекта Федерального закона «О целевых программах развития отдельных территорий России»;
- регламентации порядка разработки федеральных программ развития регионов, реализуемыми в соответствии с положениями федеральных программ отраслевого и проблемного характера, осуществляемых на той же территории;
- повышение уровня научной проработки программ развития;
- стандартизация и упрощение отчетности по реализации федеральных целевых программ и другие.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что при высокой степени актуальности применения программно-целевого подхода в России, наличии положительного зарубежного и советского опыта существует большое количество проблем в сфере его реальной, эффективной реализации на практике.

Однако, несмотря на недостатки, программно-целевой подход при реализации региональной политики России по-прежнему остаётся одним из наиболее востребованных. Это объясняется наличием значительных диспропорции в уровне экономического развития регионов, непривлекательностью большинства депрессивных районов для инвесторов, целенаправленностью и концентрацией ресурсов при осуществлении целевых программ.

Необходима не просто помощь депрессивным районам, а именно стимулирование развития, чтобы не возникала тенденция, суть которой заключается в том, что «бедным быть выгодно».

Этого возможно достичь путём пересмотра роли государства в регулировании пространственного развития: переход от прямого административного воздействия к методам нормативно-правового регулирования, определяющим правила поведения в хозяйственной деятельности, как это происходит в Германии и Великобритании. Следовательно, необходимо изменение критериев отбора субсидируемых предприятий или регионов (на основе собственных планов развития), ужесточение мониторинга и контроля за использованием средств. Положительным для России опытом можно считать применение инструментов по привлечению инвестиций и трудовых ресурсов в депрессивный регион, в том числе благодаря предоставлению льготного налогового режима компаниям, размещающим предприятия в таких районах.

В условиях недостаточного выделения бюджетных средств необходима разработка более детального механизма финансирования с учётом альтернативных вариантов расходования финансовых средств в зависимости от их фактического объёма. Одно из важнейших значений при этом приобретает избирательность и концентрация сил и средств на приоритетных направлениях. Германский опыт, заключающийся в разработке программ региональными властями и утверждения их на федеральном уровне, раскрывает возможности решения *наиболее насущных региональных проблем с учётом возможностей федерального бюджета.*

В связи с этим в дальнейшем необходимо совершенствовать методику разработки, реализации и контроля за выполнением федеральных целевых программ, в том числе и на основе разумного применения зарубежного опыта. Это послужит мощным фактором сбалансированного социально-экономического развития России.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ 03.06.1996 № 803: Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации».
2. Указ Президента от 17 июля 2002 года № 170 «О совершенствовании разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. N 594.
4. Введение в экономическую географию и региональную экономику России: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учёт, анализ и аудит», «Мировая экономика», «Налоги и налогообложение» / [А.А. Винокуров и др.]; под ред Е.Л. Плисецкого. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008.
5. Гоффе Н.В. Италия: проблема Юга и региональная политика. – М.: Наука, 1983.
6. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для студентов вузов / Тасис, Госуниверситет, Высшая школа экономики. – М., 2000.
7. Доктрина регионального развития Российской Федерации: макет-проект: монография / [С.С. Сулакшин и др.]; под общ. ред. А.С. Малчинова; Центр проблемного ан. и гос.-упр. Проект. – М.: Научный эксперт, 2009.
8. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: Теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009. – 304 с.
9. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
10. Николаев И.А., Точилкина О.С. Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ). – М.: ФБК, Департамент стратегического анализа, 2006
11. Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН; Отв. редактор А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
12. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2006.
13. Хасбулатов О.Р. Региональная экономическая политика: зарубежные страны. – М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2009.
14. www.fcp.vpk.ru.

ТИПЫ УКРАИНСКИХ КОМПАНИЙ, КОТОРЫЕ ОСУЩЕСТВЛЯЮТ IPO НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОНДОВЫХ РЫНКАХ

© Фищук И.Н.*

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко,
Украина, г. Киев

Первичное публичное размещение акций (Initial Public Offering – IPO) компании является одним из наиболее важных механизмов на рынках капитала. Это одновременно и канал для получения молодыми компаниями нового капитала, а также способ для первоначальных инвесторов выйти из участия в капитале и реализовать прибыли на свои инвестиции. В статье раскрываются характеристики типов украинских компаний, которые осуществляют первичное размещение акций на международных фондовых рынках.

Постановка проблемы. Первичные размещения акций способствуют вхождения компаний в интернациональное пространство через взаимодействие с международными фондовыми рынками, получение доступа к новой информации и получения возможности максимально расширить круг инвесторов. Первичное публичное размещение акций на международных фондовых рынках вошло в украинскую практику совсем недавно. В 2005 году украинскими компаниями были осуществлены первые размещения акций на альтернативной площадке Лондонской фондовой биржи компаниями «Ukrproduct Group» (11,3 млн. дол.), «Cardinal Resources» (20 млн. долл.) и «XXI Century Investments» (138,70 млн. долл.) [1].

Проблеме первичного публичного размещения акций посвящено значительное количество научных трудов в мировой экономической литературе. Это теоретические подходы к анализу этого явления разработаны в работах Дж. Риттера, Ч. Хсуана, Дж. Аркебауера, Д. Червитца, Ш. Корвина, П. Шульца, Ф. Корнелли, П. Спиндта, М. Бреннана, Дж. Франкса, Ц. Казерера, Д. Ширека, С. Перистини, А. Лукашова, А. Могина, С. Гвардина и других ученых-экономистов.

Целью работы является характеристика типов украинских компаний, которые размещают акции на международных фондовых рынках.

Основное содержание исследования. Рост компании в условиях конкуренции невозможен без совершенствования технологии, улучшения параметров продукции, повышения эффективности управления. IPO является одним из новейших инструментов привлечения ресурсов для компаний. Первичное публичное размещение акций (IPO) – это проведен впервые

* Аспирант.

процесс отчуждения акций открытого акционерного общества на основании сообщения о продаже ценных бумаг, обращенного к предварительно не определенному кругу лиц, который обычно проводится путем торгов на фондовой бирже.

Средний срок между принятием решения о возможном первичном размещении и началом биржевых торгов для украинских компаний составляет около двух лет, а при выходе на ведущие международные площадки – до четырех. Это время необходимо для того, чтобы сделать прозрачной юридическую структуру компании, заработать репутацию благонадежного заемщика (провести программы вексельных и облигационных ссуд), повысить популярность бренда компании – другими словами, стать узнаваемыми на рынке, где будет проводиться размещение.

Несколько лет назад IPO были прерогативой развитых экономик США, стран Западной Европы и Азии, однако сегодня происходит смещение акцентов в сторону рынков, которые развиваются. Для многих крупных инвесторов капиталовложения в Индию и Китай является неотъемлемой частью глобальной стратегии их развития. Повышается интерес и до рынков, которые развиваются, в частности к предприятиям в России, Украине, Польше, Казахстане, Бразилии, Израиле, Малайзии, Южной Корее и тому подобное.

В течение 2005-2011 гг. 19 украинских предприятий осуществили IPO на международных фондовых рынках на 2 млрд. долл. США [2]. Это такие компании как Ukrproduct Group (11,3 млн. долл.), Cardinal Resources (20 млн. долл.), XXI Century (138,7 млн. долл.), Astarta Holding (31,5 млн. долл.), TMM Holding (105), Ferrexpo (218,72 млн. долл.), Dragon-Ukrainian P&D (208 млн. долл.), Aisi Realty Public (33,1 млн. долл.), Kernel Holding (218 млн. долл. и 84 млн. долл. с SPO – second public offering), Landkom International (110,5 млн. долл.), KDD Group (130 млн. долл.), MHP SA (322 млн. долл.), Cadogan Petroleum (298 млн. долл.), Avangard Co (187,5 млн. долл.), Agroton (54,3 млн. долл.), Milkiland N. V. (80 млн. дол.), Sadovaya Group (30,4 млн. долл.), Coal Energy S. A. (80 млн. долл.). О своих намерениях осуществить IPO в 2012-2013 гг. заявили еще 80 украинских компаний [3].

Компании, которые предлагают свои акции представляют разные инвестиционные возможности и соответственно привлекают разные типы инвесторов. И хотя нельзя предварительно достоверно спрогнозировать интерес к акциям компании-эмитента, но определить, к которому типу относится компания, и сопоставить это с активностью той или другой категории инвесторов в данный момент – задание полностью осуществимое [4]. В зависимости от зрелости, прибыльности, перспектив развития и важности для успешного развития тех или других факторов компании-эмитенты, можно разделить на следующие группы:

1. Крупные компании, которые имеют благоприятную кредитную историю, хорошие продажи и уровень прибыльности.

Они предлагают выгодную инвестиционную возможность с приемлемым для большинства инвесторов соотношением P / E (price / earning). Решение стать публичной компанией их владельцы принимают или потому, что им нужны средства для расширения (поглощений), или потому, что считают компанию такой, которая прошла пик развития и решают зафиксировать прибыль. В Украине в эту группу входят в основном компании аграрного сектора, строительного сектора и угольные компании. Акции большинства из них уже торгуются на местном фондовом рынке и могут пройти IPO лишь на внешних рынках в форме АДР. Однако благоприятная конъюнктура на аграрном и строительном рынке предоставляет возможность дешевых заимствований на рынке еврокредитов (обусловленная высокими кредитными рейтингами) снижает заинтересованность у основных владельцев этих компаний в проведении IPO на западных рынках, во всяком случае в ближайшем будущем.

2. Компании, которые быстро растут и демонстрируют хорошие показатели прибыльности.

Характерные черты таких компаний:

- ежегодный оборот 30-100 млн. долл.;
- чистая прибыль как минимум 1 млн. долл. за последний отчетный год;
- ежегодный рост на 30-50 % и возможность хранить высокие темпы роста на протяжении нескольких лет;
- сплоченная команда менеджеров с распределенными сферами ответственности.

Именно такие компании более успешно оцениваются инвесторами. Среди украинских эмитентов это средние компании из агро сектора, которые динамически развиваются, нуждаются в крупных инвестициях. Выход на рынок еврооблигаций для них дорог, а внутренний рынок корпоративных облигаций не может полностью удовлетворить их потребность в длинных деньгах. Представители этой группы компаний являются наиболее достоверными кандидатами для проведения IPO на европейских региональных площадках.

3. Небольшие инновационные компании, которые с самого начала ориентированы на IPO.

Они вызывают значительный интерес инвесторов, несмотря на отсутствие поражающих финансовых результатов. Некоторые из них относятся к новым многообещающим отраслям; другие демонстрировали хорошие результаты в прошлом, и инвесторы надеются на возобновление их роста. Однако следует отметить, что к моменту выхода на биржу большинство рисков уже нивелировали, а слабые компании отсеялись на этапе венчурного финансирования.

При принятии решения об инвестировании в эти компании инвесторы обращают внимание на следующие факторы:

- наличие в отрасли, в котором работает компания, значительных перспектив роста;

- способность компании стать одним из лидеров в своей области;
- способность менеджмента компании обеспечить заявленный рост.

Среди украинских эмитентов таких компаний пока очень немного, и реально говорить об их выходе на биржу можно будет только после того, как публичными станут компании второго и третьего эшелонов. Но в будущем они могут стать основными участниками публичных размещений.

Принимая решение о публичном предложении акций, владельцы и руководство компании принимают на себя следующие обязательства:

- раскрытие информации, которая означает некоторую потерю конфиденциальности;
- готовность до того, что котировки акций компании будут склонны к общим колебаниям фондового рынка;
- необходимость отвечать ожиданиям рынка, акционеров и институтов финансовой инфраструктуры [5].

Важно отметить, что чем прозрачнее структура компании, ее финансовая отчетность и другие важны для принятия инвестиционного решения аспекты, тем легче инвестор сможет просчитать свои риски и тем меньший дисконт заложит в итоговую оценку компании. Поэтому задание компании – максимально упростить для инвестора процесс принятия решения о вложение средств в акции компании.

Таким образом, основные факторы, которые влияют на успеваемость проведения IPO:

- наличие у компании-эмитента стойких темпов роста;
- общие высокие темпы роста отрасли, в которой работает компания;
- наличие у компании-эмитента уверенной позиции на рынке;
- наличие стойких темпов роста рентабельности;
- наличие четкой стратегии;
- общая динамика цен акций компаний, которые недавно провели свои IPO;
- наличие у компании-эмитента понятной и эффективной системы менеджмента и корпоративного управления.

Выводы. В условиях глобализации фондового рынка публичное размещение акций играет важную роль, которая дает компании больший доступ к дополнительному капиталу, увеличению потенциальных инвесторов, компания становится более ликвидной. Использование таких современных финансовых инструментов как IPO будут содействовать не только развитию отдельных предприятий, но и общему улучшению макроэкономического положения, развития и интернационализации украинского бизнеса.

Список литературы:

1. Кукса В. Это сладкое слово IPO. Украинские предприятия открывают для себя прогрессивный способ интеграции в мировую экономику // Зеркало недели. – 2007. – № 35 (664).

2. Финансовые новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.IPO-financial.com.
3. Национальный комитет IPO Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ipo.expert.ua>.
4. Забарный К.А. Перспективи українських IPO // Економічний простір. – 2008. – № 13. – С. 12-17.
5. Никонова И.А. Ценные бумаги для бизнеса: Как повысить стоимость компании с помощью IPO, облигационных займов и инвестиционных операций. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 350 с.
6. Гулькин П. Практическое пособие по первоначальному публичному предложению акций (IPO). – СПб.: Аналитический центр «Альпари СПб», 2002. – 238 с.
7. Гвардин С В. IPO: стратегия, перспективы и опыт российских компаний. – М.: Вершина, 2007. – 264 с.
8. Геддес Р. IPO и последующие размещения акций: пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2007. – 352 с.

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular element at the top left and bottom left.

Раздел девятый

***АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ***

ДОБРОВОЛЬНАЯ СЕРТИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ¹

© Пирогова Е.С.[✱], Жукова Ю.Д.[✧]

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Статья посвящена проблемам, возникающим в процессе добровольного подтверждения соответствия. Авторы рассматривают вопросы, касающиеся применения норм о добровольной сертификации, определения круга лиц, в пользу которых происходит ограничение имущественного интереса хозяйствующих субъектов, соотношения государственных интересов с интересами частных лиц, функционирования института добровольной сертификации в договорных отношениях. При подготовке статьи использованы материалы судебной практики за период с 2008 по 2011 годы.

Стандартизация является одним из важнейших способов правового воздействия на предпринимательскую деятельность наряду с техническим регулированием, и вследствие этого – существенным ограничителем экономических интересов хозяйствующих субъектов.

В период развития законодательства о техническом регулировании такие понятия как «стандартизация», «сертификация», «подтверждение соответствия» претерпели существенные изменения в содержательном плане. (Само понятие «техническое регулирование» появилось только с принятием Федерального закона N 184-ФЗ 27.12.2002г. «О техническом регулировании» [1, ст. 2]) (далее – Закон о техническом регулировании).

В соответствии с прежним законодательством [2, 3], стандартизация, а также сертификация в части подтверждения соответствия стандартам, относились к публично-правовой сфере со всеми вытекающими последствиями в виде государственного контроля за соответствием продукции обязательным требованиям и юридической ответственности за их несоблюдение. Параллельно существовала система подтверждения соответствия на началах добровольного применения, где в качестве регулятора выступали условия, устанавливаемые частными субъектами.

С принятием Закона о техническом регулировании стандартизация полностью перешла в сферу добровольного подтверждения соответствия. В соответствии с понятийным аппаратом данного Закона, стандартизация – это

¹ Материал подготовлен с использованием СПС «Консультант Плюс».

[✱] Доцент кафедры Предпринимательского права, кандидат юридических наук.

[✧] Аспирант кафедры Предпринимательского права.

«деятельность по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования, направленная на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение конкурентоспособности продукции, работ или услуг»; в то время как стандарт является документом, «в котором в целях добровольного многократного использования устанавливаются характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг».

К документам в области стандартизации, используемым на территории Российской Федерации, относятся:

- национальные стандарты;
- правила стандартизации, нормы и рекомендации в области стандартизации;
- применяемые в установленном порядке классификации, общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации;
- стандарты организаций;
- своды правил;
- международные стандарты, региональные стандарты, региональные своды правил, стандарты иностранных государств и своды правил иностранных государств, зарегистрированные в Федеральном информационном фонде технических регламентов и стандартов;
- надлежащим образом заверенные переводы на русский язык международных стандартов, региональных стандартов, региональных сводов правил, стандартов иностранных государств и сводов правил иностранных государств, принятые на учет национальным органом Российской Федерации по стандартизации.

В свою очередь, институт сертификации сохранил двойственную природу в зависимости от сферы применения: Закон различает обязательную и добровольную сертификацию. В соответствии со ст. 20, 23 Закона, обязательное подтверждение соответствия проводится только в случаях, установленных соответствующим техническим регламентом, и исключительно на соответствие требованиям технического регламента. Добровольная же сертификация может проводиться для установления соответствия национальным стандартам, стандартам организаций, сводам правил, системам добровольной сертификации, условиям договоров (п. 1 ст. 21 Закона о техническом регулировании). Добровольное подтверждение соответствия осуществляется в форме добровольной сертификации по инициативе заявителя на условиях договора между заявителем и органом по сертификации.

Арбитражная практика по вопросам добровольного подтверждения соответствия на сегодняшний день весьма немногочисленна, однако в ходе ее изучения выявлен ряд проблемных ситуаций, требующих анализа.

Сфера применения института добровольной сертификации

Следует обратить внимание на тот факт, что в соответствии с Законом о техническом регулировании, круг объектов добровольного подтверждения соответствия является более широким по сравнению с обязательным подтверждением соответствия: так, помимо продукции и связанных с ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, к этим объектам могут быть отнесены работы и услуги. Под продукцией в данном Законе понимается результат деятельности, представленный в материально-вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях. Закон, таким образом, избегает понятия «товар», используемого в действующих законах (таких, как Закон «О защите конкуренции» [4, ст. 4], Закон «О рекламе» [5, ст. 3], Налоговый кодекс РФ [6, ст. 38], Таможенный кодекс Таможенного союза [7, ст. 4]) под различными определениями, однако понятие продукции по Закону о техническом регулировании близко по своему содержанию к понятию товара, содержащегося в статье 455 Гражданского кодекса РФ [8, ст. 455] по критерию вещественной формы.

Важно отметить, что как показывает практика применения Закона о техническом регулировании, далеко не все осуществляющие предпринимательскую деятельность субъекты имеют представление о том, что в соответствии с переходными положениями Закона о техническом регулировании стандарты, подлежащие обязательному, а не добровольному применению, в настоящее до сих пор существуют. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 46 Закона, «со дня вступления в силу настоящего Федерального закона впредь до вступления в силу соответствующих технических регламентов требования к продукции или к связанным с ними процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными документами федеральных органов исполнительной власти, подлежат обязательному исполнению только в части, соответствующей целям: защиты жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества; охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений; предупреждения действий, вводящих в заблуждение приобретателей; обеспечения энергетической эффективности».

Таким образом, несмотря на то, что законодательством установлены принципиально новые порядки подтверждения соответствия, в рамках которых принципиально изменилось значение понятия «стандартизация», прежние стандарты, тем не менее, «доживают свой век», действуя в определенных целях в ожидании замены техническими регламентами. Однако многие хо-

зайствующие субъекты, либо не будучи сами знакомыми с содержанием переходных положений, либо в надежде на неосведомленность государственных органов, в ряде случаев на полном серьезе ссылаются на рекомендательный характер действующих в отношении их продукции стандартов в связи с отсутствием технического регламента.

Следует заметить, что подобные дела в существующей на сегодняшний момент судебной практике отнюдь не являются редкостью. Примеры можно встретить, в частности, в практике по оспариванию разрешений государственных органов об установлении рекламных конструкций / предписаний госорганов об их демонтаже. В ответ на утверждения о несоответствии рекламной конструкции ГОСТу по безопасности дорожного движения предприниматели заявляют, что в отсутствие технического регламента стандарты являются рекомендательными и подлежат применению на добровольной основе (см., например, Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13 июля 2010 г. по делу N А82-18005/2009-18, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 мая 2010 г. по делу N А32-11596/2009-35/239, Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 15 июня 2009 г. по делу N А23-3181/08А-3-217 и др.).

Такая же картина наблюдается и в отношениях по привлечению хозяйствующих субъектов к административной ответственности за несоответствие продукции требованиям установленных стандартов, или за непредоставление сертификатов соответствия на продукцию. В Постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 марта 2010 г. по делу N А19-13679/09 изложена следующая ситуация. Общество привлечено Роспотребнадзором к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 14.4 КоАП РФ [9, ст. 1], за нарушение обязательных технических требований к рыбной продукции.

Суды всех инстанций пришли к выводу о виновности Общества во вменяемом ему нарушении. Как отмечает суд, факт реализации обществом рыбной продукции, не соответствующей требованиям государственных стандартов подтверждается материалами дела и не оспаривается обществом. Общество дважды оспаривало решение суда, ссылаясь на то, что требования ГОСТа 3948 «Филе рыбное мороженое. Технические условия» являются добровольными, а не обязательными, в связи с чем в действиях общества отсутствует состав вменяемого ему административного правонарушения. Разъяснения судов первой и апелляционной инстанции о продолжающемся действии данного стандарта в определенных целях (предотвращение введения потребителей в заблуждение) не убеждают его, и он приходит в кассационную инстанцию с тем же самым вопросом.

Таким образом, предприниматели затрачивают дополнительные ресурсы, оспаривая судебные решения с очевидным ответом на кажущиеся им

спорными вопросы, что, естественно, представляется следствием недостаточно эффективного правового регулирования в области подтверждения соответствия. Значительному количеству хозяйствующих субъектов с момента принятия Закона о техническом регулировании свойственны иллюзии относительно беспредельного расширения сферы добровольной сертификации, чего в действительности не происходило.

Круг заинтересованных субъектов

Добровольная сертификация, несмотря на столь привлекательное наименование, тем не менее, является одним из многочисленных ограничителей свободы предпринимательской деятельности. Несмотря на то, что добровольная сертификация периодически невольно противопоставляется обязательной сертификации по мотивам более жесткого порядка осуществления последней [11, с. 81], следует отметить, что суть добровольной сертификации как раз и заключается в установлении к продукции повышенных, еще более жестких требований, чем это необходимо по правилам обязательной сертификации. Гибкость и свобода выбора, на которую делается акцент при характеристике добровольной сертификации, проявляется в отсутствии санкций со стороны государства в случае несоблюдения требований стандартов, или, если смотреть еще шире, в отсутствии права государственных органов проверять продукцию и иные объекты на соответствие этим стандартам.

Все, что находится за пределами требований технических регламентов (или документов, их временно заменяющих в определенных целях), обеспечивающих минимально необходимое соответствие требованиям безопасности, имеет правовое значение только в отношениях между частными лицами. Однако что касается самого существа требований, устанавливаемых системами добровольной сертификации, то в рамках данного вида подтверждения соответствия ключевым моментом является именно их ужесточение в целях, обозначенных в статье 18 Закона о техническом регулировании.

Принципиально важным представляется определить круг лиц, в интересах которых устанавливаются вышеупомянутые ограничения для хозяйствующих субъектов. Экономический интерес любого предпринимателя (коммерческой организации или индивидуального предпринимателя) заключается прежде всего в получении максимальной прибыли (основная цель осуществления предпринимательской деятельности). Вторичными, производными от этого ключевого интереса можно назвать, например, интерес в минимизации издержек для своего бизнеса, интерес в непривлечении к ответственности, интерес в стабильности финансового положения, в занятии выгодной позиции на рынке, в безупречной деловой репутации и полезных общественных связях и т.п. Все эти интересы объединяет их имущественная основа.

Не всякий, однако, имущественный интерес сам по себе является законным. Законный интерес является самостоятельным объектом правовой охра-

ны, наряду с субъективным правом («права и законные интересы»), хотя в действующем законодательстве данное понятие не раскрыто. В научной литературе законный интерес определяется, в частности, как:

- «отраженная в объективном праве либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в необходимых случаях обращаться за защитой к компетентным государственным органам или общественным организациям – в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным» [12, с. 375];
- «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла» [13, с. 42];
- «признанная за субъектом нормами позитивного права необходимость пользования определенным социальным благом, выражающуюся в юридически закрепленной дозволенности субъекта совершать действия, направленные на пользование указанным благом [14, с. 22]»;
- «возможность личности по пользованию социальными благами, которая выражается в правомочиях носителя законного интереса действовать определенным образом, требовать определенного поведения от обязанных лиц, органов и учреждений, обращаться за защитой к компетентным государственным и общественным организациям [15, с. 111]» и т.д.

Представляется очевидным, что интерес в избежании ответственности за уже совершенное правонарушение, в уклонении от уплаты налогов, в искусственном экономическом подавлении конкурентов на рынке, в банкротстве конкурента, всегда является противозаконным, и его реализация потенциально влечет для предпринимателя негативные последствия, как имущественного, так и неимущественного характера.

Юридически значимый интерес – это интерес, подлежащий учету и охране со стороны государства. Нарушение такого интереса является самостоятельным основанием для возникновения определенных правовых последствий для нарушителя. Хозяйствующий субъект (также, как и любой иной субъект), чей интерес нарушен чужими неправомерными действиями, вправе использовать любые незапрещенные законом способы для его защиты, включая судебную защиту.

Итак, в чем же интересе предпринимателям приходится идти на ограничение собственного экономического интереса, путем принятия на себя

обязательства по соблюдению требований стандартов и иных повышенных требований (например, условия договоров) к своей деятельности?

Анализ текста Закона о техническом регулировании позволяет прийти к выводу, что, в конечном счете, стандарты устанавливаются в первую очередь в интересах потребителей – тех лиц, которые непосредственно приобретают и используют продукцию, или в отношении которых производятся работы или оказываются услуги. Между тем, определенным интересом обладает и сам предприниматель, реализующий продукцию, выполняющий работы или оказывающий услуги потребителям: он заинтересован в повышении собственной конкурентоспособности на рынке, где он осуществляет деятельность, в привлечении внимания потребителей к продуктам своей деятельности, в достойной деловой репутации, позволяющий расширять связи в коммерческих целях, в возможности участвовать в тендерах, в конечном счете – в извлечении максимальной прибыли. Таким образом, добровольная сертификация выступает для него в первую очередь инструментом самоограничения, окупаемого в идеале в дальнейшем при достижении желаемых результатов.

Статья 19 Закона о техническом регулировании, посвященная принципам подтверждения соответствия, устанавливает принцип защиты имущественных интересов заявителя при осуществлении подтверждения соответствия. Таким образом, выступает в качестве юридически значимого также и частный интерес лица, продукция которого проходит процедуру подтверждения соответствия (т.е. собственно предпринимателя), причем речь идет именно об экономическом интересе.

Статья 12 Закона о техническом регулировании, устанавливающая принципы стандартизации, говорит о принципе максимального учета при разработке стандартов законных интересов «заинтересованных лиц». Таким образом при формулировании требований стандартов законодатель призывает ориентироваться на множественность заинтересованных лиц, однако, интерес данных лиц подлежит именно учету, не выдвигается требование безусловного соответствия стандартам их интересам. Здесь учет интересов выступает как некая общая цель, к которой необходимо максимально приблизиться при конструировании стандартов, однако стандарт не может быть отменен по причине несоответствия интересу отдельного субъекта.

В целом, заинтересованным косвенно, а иногда и напрямую, субъектом в установлении и соблюдении стандартов является также и государство. Элемент публичного интереса при регулировании общественных отношений в том или ином объеме присутствует всегда. Публичные интересы, а именно «интересы Российской Федерации» как таковые упоминаются применительно к стандартизации в статье 14 Закона о техническом регулировании, в соответствии с которой национальный орган Российской Федерации по стандартизации «участвует в соответствии с уставами меж-

дународных организаций в разработке международных стандартов и обеспечивает учет интересов Российской Федерации при их принятии».

Соотношение двух разных видов заинтересованности государства в добровольной сертификации можно наиболее отчетливо проследить на примере судебных дел, связанных с оспариванием условий конкурсной документации при проведении конкурса на право заключения государственного или муниципального контракта.

В практике арбитражных судов периодически возникают споры относительно того, имеет ли государственный заказчик в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 21.07.2005 N 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [10, ст. 22] (далее – Закон о размещении заказов) право включать в конкурсную документацию повышенные требования к товару (работам, услугам). В качестве иллюстрации можно привести Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2008 г. N КА-А40/10952-08 по делу № А40-10358/08-147-130. Министерство обороны РФ обратилось в арбитражный суд с заявлением к Федеральной службе по оборонному заказу, в котором просило признать незаконным решение данного органа: данным решением была удовлетворена жалоба ЗАО «Интерсеть», которая с точки зрения Рособоронзаказа без достаточных оснований не была допущена к участию в конкурсе. Министерство объявило открытый конкурс на право заключения государственного контракта для федеральных государственных нужд. В результате проведения отбора участников конкурсная комиссия признала Конкурс несостоявшимся, и определила, что государственный контракт подлежит заключению с единственным участником размещения заказа, который был признан участником конкурса.

ЗАО «Интерсеть» подало жалобу в Рособоронзаказ в связи с тем, что конкурсная комиссия не допустило данную организацию к участию в Конкурсе по мотиву несоответствия предоставленных ЗАО «Интерсеть» документов требованиям, установленным конкурсной документацией и ст. 12 Закона о размещении заказов. Рособоронзаказ признал жалобу ЗАО «Интерсеть» обоснованной в части установления государственным заказчиком дополнительных требований, не предусмотренных законодательством, и указал на необходимость выдачи государственному заказчику предписания об аннулировании торгов.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что государственным заказчиком были установлены дополнительные требования к участнику размещения заказа, в том числе по ГОСТу, который не имеет отношения к оборудованию, по которому проводился конкурс. Суды апелляционной и кассационной инстанции не согласились с указанными выводами. Как указал Федеральный арбитражный суд Московского округа, «требование о соответствии товара определен-

ному стандарту не может рассматриваться как дополнительное требование к участникам размещения заказов, а является требованием, предъявляемым в рамках ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 21.07.2005 г. N 94-ФЗ к техническим характеристикам, функциональным характеристикам (потребительским свойствам) товара, и иным показателям, связанным с определением соответствия поставляемого товара, потребностям заказчика. Суд считает, что возможность применения ГОСТ РВ 15.301 – 2003 для целей конкурса обусловлена тем, что конкурс проводился для целей государственного оборонного заказа, в рамках которого осуществляются поставки вооружений, военной техники, комплектующих изделий и материалов, а указанный ГОСТ регулирует правоотношения в сфере постановки на производство военной техники и комплектующих изделий межотраслевого применения».

Таким образом, в описанной ситуации налицо ограничение интереса предпринимателя (в возможности участвовать в конкурсе) в пользу интересов государственного заказчика: суд исходит из специфики оборонного заказа и акцентирует на особые потребности заказчика в конкретном товаре. Несмотря на то, что конкурс признан несостоявшимся и контракт заключен с единственным участником, суд посчитал, что интересы заказчика являются приоритетными.

В данной ситуации невольно всплывает вопрос о свободе выбора предпринимателя при добровольном подтверждении соответствия стандарта. Выполнение требований добровольной сертификации направлено на удовлетворение, в первую очередь, интересов заказчика, однако и сам предприниматель заинтересован в участии в конкурсе, и, разумеется, в конечном счете, в победе, соответственно, если им и производится самоограничение, то делается это не только в интересе заказчика, но и в собственном интересе. Очевиден и тот факт, что потребности заказчика, в свою очередь, обусловлены потребностями конечных пользователей заказываемой продукции, даже если в тексте решений эти пользователи остаются «за кадром».

Между тем, важно обратить внимание на то, что формально обеими сторонами конфликта в данном деле являются государственные органы, причем это органы, отраслевая компетенция которых совпадает: Министерство обороны и Федеральная служба по оборонному заказу. Казалось бы, их интерес должен быть общим, однако Служба встает на защиту интересов частного лица – предпринимателя, и заявляет о том, что повышенные требования со стороны Министерства обороны значительно сузили круг потенциальных участников конкурса (что в итоге привело к тому, что конкурс не состоялся).

Возникает вопрос: в чем должен заключаться публичный интерес, в эффективном функционировании института проведения конкурса на размещение заказа для государственных нужд, или в максимальном удовлетворении интереса конкретного государственного заказчика в получении

определенного товара независимо от того, состоится ли конкурс? Большинство судебных решений показывает, что приоритет оказывается на стороне именно государственного заказчика.

Между тем, в арбитражной практике встречаются любопытные ситуации, когда суд высказывается за неправомерность ограничения интересов потенциальных участников конкурса в виде установления требований по добровольной сертификации, причем решение выносится, по сути, в публичном интересе в широком смысле, отличным от вышеописанного интереса заказчика. Так, можно привести в пример Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 мая 2008 г. N 09АП-4991/2008-АК по делу N А40-64565/07-12-378 (и следующее за ним Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2008 г. N КА-А40/7549-08), в которых можно наблюдать попытку участника конкурса оспорить решение о его аннулировании на основании незаконности его условий.

Заказчик был проведен открытый конкурс по выбору исполнителя работ по аттестации рабочих мест работников. После процедуры вскрытия конвертов протоколом заседания комиссии решено признать нецелесообразным рассмотрение заявок на участие в конкурсе и не проводить процедуру рассмотрения заявок и рекомендовать государственному заказчику аннулировать конкурс, в том числе все проведенные процедуры по данному конкурсу. В результате конкурс был аннулирован заказчиком.

Основанием для его аннулирования явилось несоответствие конкурсных условий законодательству о размещении заказа – незаконное установление дополнительных требований к участникам конкурса. Конкурсная комиссия, а вслед за ней и суды сочли, что при объявлении конкурса было предъявлено требование о наличии у участников размещения заказа аттестатов аккредитации органа по сертификации и сертификата соответствия производства работ требованиям системы добровольной сертификации, что свидетельствует о несоблюдении требований, предъявляемых частью 2.1 статьи 22 Закона о размещении заказов, частью 3 статьи 17 Закона о защите конкуренции.

Участник конкурса ООО «Экожилстрой» обратился в суд, настаивая на правомерности проведения конкурса, однако суды сочли, что в результате принятия оспариваемого решения его права и законные интересы не нарушены. Однако, будь конкурс проведен, были бы нарушены интересы всех участников путем установления противоречащих закону условий, включающих требование добровольной сертификации. «Судебная коллегия соглашается с выводом суда первой инстанции об отсутствии нарушения прав и законных интересов заявителя, поскольку результаты открытого конкурса в случае его проведения и выявления победителя, были бы осуществлены с нарушением действующего законодательства и его результаты

подлежали аннулированию либо могли быть признаны недействительными по решению суда».

Соответственно, в данной ситуации мы видим, что интерес заявителя ограничивается на основании недопустимости нарушения интересов всех участников конкурса в случае его проведения (включая и самого заявителя!). В рассматриваемом случае заказчик не занимает активную позицию и не защищает свой интерес (с учетом, что им самим же конкурс и был аннулирован, т.е. нарушение признано), однако по сути, тем не менее, очевидно, что здесь как интерес заказчика, так и интерес отдельного участника выступают второстепенными ввиду необходимости обеспечить удовлетворение публичного интереса – в том, чтобы конкурсы на выполнение работ для государственных нужд проводились с соблюдением закона, не нарушая прав и интересов всех потенциальных участников.

Еще один вывод, который мы можем сделать по итогам анализа приведенной ситуации: установление приоритета интересов имеет принципиальное значение, поскольку от него зависит правомерность установления требования о соответствии стандартам. В данном конкретном деле правомерность установления требования добровольного подтверждения соответствия ставится под сомнение и не является очевидной. Если в предыдущих примерах суды делали акцент на специфические потребности заказчика (обусловленные запросами конечных потребителей) и на этих потребностях основывали право заказчика на установление каких угодно повышенных требований, выходящих за пределы обязательного подтверждения соответствия, то в данном случае первичными заявляются интересы участников, и на основании возможности ограничения их интересов требования добровольной сертификации выступают незаконными.

Таким образом, мы имели возможность ознакомиться с двумя противоположными позициями относительно того, чьи интересы приоритетны при размещении заказов для государственных нужд, и зафиксировали тот факт, что в соответствии доминирующей позицией, учету подлежат в первую очередь интересы заказчика.

Описанные ситуации также являются, как представляется, наглядным примером условности для предпринимателя факта добровольности подтверждения соответствия: сертификация является добровольной до тех пор, пока хозяйствующий субъект не принял решения о вступлении в определенные правоотношения (по участию в конкурсе, по договору с контрагентом). С этого момента требования добровольной сертификации в рамках конкретного правоотношения становятся для него обязательными, только санкцией за их нарушение будет не ответственность перед государством, а неполучение желаемого результата для себя, либо же гражданско-правовая ответственность перед контрагентом.

*Недопустимость принуждения к осуществлению
добровольной сертификации*

Среди основных принципов подтверждения соответствия, закрепленных в статье 19 Закона о техническом регулировании, представляют значительный интерес принцип недопустимости принуждения к осуществлению добровольного подтверждения соответствия. Названный принцип, как правило, идет во взаимосвязи с принципом недопустимости применения обязательного подтверждения соответствия к объектам, в отношении которых не установлены требования технических регламентов, и его реализация нашла относительно широкое отражение в судебной практике, причем попытки такой реализации обнаруживаются применительно как к публично-правовым, так и к частноправовым отношениям. В первом случае речь идет об оспаривании хозяйствующим субъектом предписаний государственного органа, ошибочно сделавшего вывод о наличии у предпринимателя обязанности осуществлять сертификацию товара.

Так, например, из Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 4 февраля 2009 г. N КА-А40/13284-08 по делу N А40-33202/08-92-310 видно, что суды пришли к выводу о несоответствии закону оспариваемого предписания налогового органа: «действующим законодательством о техническом регулировании такие документы как сертификаты, подтверждающие результаты экспертизы игровых программ с целью установления в них недеklarированных возможностей» не предусмотрены. Игровые программы (в составе игровых автоматов с денежным выигрышем) не являются объектом обязательной сертификации в силу действующего законодательства Российской Федерации о техническом регулировании. Технический регламент на игровые автоматы с денежным выигрышем отсутствует».

В результате суд констатирует, что «налоговый орган, являющийся федеральным органом исполнительной власти, нарушил принцип недопустимости принуждения к осуществлению добровольного подтверждения соответствия, в том числе в определенной системе добровольной сертификации, установленный статьей 19 Закона о техническом регулировании, вышел за рамки предоставленных ему законом полномочий и возложенных на него правоприменительных функций, понуждая хозяйствующий субъект выполнить требования, не предусмотренные законодательством».

Аналогичный вывод о нарушении налоговой инспекцией принципа недопустимости принуждения к осуществлению добровольного подтверждения соответствия наблюдаем в Постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 сентября 2009 г. N КА-А40/8541-09 по делу N А40-95476/08-152-668: суд указал, что игровые программы не являются объектом обязательной сертификации в силу действующего законодательства о техническом регулировании.

Приведенные судебные решения, а также ряд аналогичных решений по подобным спорам, свидетельствуют о защите интересов предпринимателей в условиях отсутствия специальных нормативных указаний об обязанности сертифицировать продукцию (игровые автоматы). Между тем, случается, что принцип недопустимости понуждения к осуществлению добровольной сертификации получает интересную и, строго говоря, сомнительную трактовку при разрешении частноправовых споров, когда те же игровые автоматы являются объектом купли-продажи. При анализе нижеописанной ситуации возникает вопрос о допустимой сфере применения данного принципа.

В Постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 1 ноября 2008 г. N КГ-А40/9261-08 по делу N А40-17112/08-85-68 описана следующая ситуация. Между двумя хозяйствующими субъектами был заключен договор купли-продажи игровых автоматов. Спор возник в связи с тем, что продавец, по мнению покупателя, нарушил предусмотренную договором обязанность передать документацию на товар, в частности, сертификат об отсутствии недекларированных возможностей в игровой программе.

Суды первой и апелляционной инстанции согласились с тем, что указанная обязанность была нарушена и удовлетворили требование покупателя о взыскании убытков и процентов за пользование чужими денежными средствами. При этом судом первой инстанции сделан вывод о том, что непредставление документов относящихся к товару, привело к тому, что истец лишен возможности использовать поставленный ответчиком товар для предпринимательской деятельности.

Суд кассационной инстанции, в противовес, утверждает, что «нормы вышеуказанных правовых актов не связывают предоставление и поддержание лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр для организаторов азартных игр с наличием сертификатов соответствия игровых автоматов сертификата соответствия игровых автоматов утвержденному типу и сертификата соответствия в игровых автоматах игровых программ, содержащих недекларированные возможности. Кроме того, в соответствии со статьей 19 Федерального закона от 27.12.2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании» принуждение организаторов азартных игр к осуществлению добровольного подтверждения соответствия, в том числе в определенной системе добровольной сертификации, является недопустимым».

Также, по утверждению суда, суды предыдущих инстанций не проверили наличие у истца возможности использовать игровые автоматы за пределами Российской Федерации, передачи автоматов третьим лицам. Суммируя эти аргументы, суд приходит к выводу, что право истца на взыскание имущественных санкций не доказано, и направляет дело на новое рассмотрение.

По сути, ключевым вопросом, на который предлагалось дать ответ суду, стал вопрос о том, является ли непередача сертификатов соответствия

на товар существенным нарушением, дающим право расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков и процентов? Истец ссылается на невозможность использования товара для предпринимательской деятельности как на критерий существенности, однако суд кассационной инстанции, основываясь на вышеприведенных аргументах, отвергает этот довод. Однако в результате выходит, что несмотря на то, что предоставление сертификатов являлось договорным условием суд, тем не менее, отрицает необходимость их предоставления и защищает интересы продавца. Суд опирается на фактическую возможность для продавца осуществлять предпринимательскую деятельность с использованием автоматов и без сертификатов, однако представляется, что такая позиция предполагает вторичность наличия обязательства по передаче сертификатов, а вместе с этим, стандартов, установленных самими сторонами.

Между тем, описанная ситуация представляется принципиально иной по сравнению с теми случаями, когда наличие сертификатов соответствия требует публичный орган, в то время, как их обязательность не предусмотрена законом. Здесь стороны сами установили повышенные требования к товару, реализовали свое право на формирование договорных условий о соответствии стандарту, таким образом, с момента заключения договора стандарт должен являться для продавца обязательным. Обратное свидетельствовало бы о бесполезности института добровольного подтверждения соответствия. Возможность для истца использовать автоматы за пределами Российской Федерации не должна иметь правового значения в данном споре. Принцип недопустимости принуждения к осуществлению добровольного подтверждения соответствия не имеет отношения к договорным отношениям сторон, основанным на автономии воли, и применен в данном случае судом неправильно. Как было указано выше, добровольность исчерпывается в момент волеизъявления сторон при заключении договора, далее для обеих сторон она трансформируется в обязательность. Ввиду этого, позиция суда представляется крайне неоднозначной, нарушающей юридически значимый интерес покупателя в получении товара высокого качества, обозначенного в договоре, и его право на компенсацию при нарушении договорных условий.

Вместе с тем, в ситуации, когда в договоре сторон отсутствует условие о необходимости соответствия объекта договора определенным стандартам, принцип недопустимости принуждения к осуществлению добровольного подтверждения соответствия, как представляется, также применяться не может. Специфика частноправовых отношений как раз и заключается в том, что решения принимаются хозяйствующими субъектами на основе принципа автономии воли, и любое ограничение устанавливается не в одностороннем порядке, соответственно, принципу недопустимости принуждения попросту не остается места. Если сторонами не оговаривались специальные условия о соответствии товара каким-либо стандартам, суд не применяет

принцип недопустимости принуждения к добровольному подтверждению соответствия, а просто устанавливает отсутствие обязанности у конкретной стороны сертифицировать товар, а следовательно, отсутствие нарушения.

Таким образом:

1. принцип недопустимости принуждения к добровольному подтверждению соответствия имеет ограниченную сферу применения и может действовать исключительно в публично-правовых отношениях, которые строятся на принудительных началах, в то время как в гражданско-правовых отношениях, основанных на принципе автономии воли, стороны могут «связать» себя требованиями любых стандартов и требовать их принудительного соблюдения в случае нарушения другой стороной данного условия;
2. судебной защите при отсутствии в договоре условия о добровольной сертификации подлежат в первую очередь интересы стороны, предоставившей исполнение, ограничивающееся соблюдением требований технических регламентов / обязательных стандартов, независимо от собственного интереса в товаре наилучшего качества и интересов потребителей, приобретатель товара не вправе требовать большего;
3. при наличии в договоре условия о предоставлении товара определенного качества, со ссылкой на стандарт, ориентированный на добровольное применение, суды не вправе оценивать качество предоставленного товара по своему усмотрению и возможности продавца по его использованию, поскольку подобное делало бы декларативными нормы о добровольной сертификации.

Список источников:

1. Федеральный закон от 27.12.2002 N 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СЗ РФ. – 30.12.2002. – N 52 (ч. 1). – Ст. 5140.
2. Закон РФ от 10.06.1993 N 5154-1 «О стандартизации» (утратил силу) // Российская газета. – 25.06.1993. – N 120.
2. Закон РФ от 10.06.1993 N 5154-1 «О стандартизации» (утратил силу) // Российская газета. – 25.06.1993. – N 120.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 31.07.2006. – N 31 (1 ч.). – Ст. 3434.
5. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. – 20.03.2006. – N 12. – Ст. 1232.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // СЗ РФ. – 03.08.1998. – N 31. – Ст. 3824.
7. «Таможенный кодекс Таможенного союза» (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17) // СЗ РФ. – 13.12.2010. – N 50. – Ст. 6615.

8. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ // СЗ РФ. – 29.01.1996. – N 5. – Ст. 410.

9. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ // СЗ РФ. – 07.01.2002. – N 1 (ч. 1). – Ст. 1.

10. Федеральный закон от 21.07.2005 N 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. – 25.07.2005. – N 30 (ч. 1). – Ст. 3105.

11. Агешкина Н.А. Комментарий к Федеральному закону от 27.12.2002 N 184-ФЗ «О техническом регулировании» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. – 2008. – С. 81.

12. Малько А.В. Проблемы законных интересов // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2002. – С. 375.

13. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. – СПб., 2004. – С. 42.

14. Сенников И.Е. Законный интерес как форма выражения правовых возможностей (дозволений) и объект судебно-правовой защиты // Право: Теория и практика. – 2000. – N 14.

15. Витрук Н.В. Система прав личности // Права личности в социальном обществе. – М., 1981. – С. 111.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО РЕШЕНИЙ В ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

© Ругина О.А.*

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ в области уголовного права. В результате краткого обзора решений Суда, посвященных толкованию норм как Общей, так и Особенной частей УК РФ, автор приходит к выводу, что хотя Конституционный Суд РФ нечасто обращается к вопросам уголовного права, но его решения занимают особое место в механизме уголовно-правового регулирования, поскольку в них сформулированы положения, непосредственно определяющие содержание норм уголовного закона и порядок их применения с учетом Конституции РФ.

Правильная реализация уголовно-правовых норм предполагает обязательность установления подлинного смысла содержащихся в них положений. Это предопределяет особую роль судебного толкования уголовного закона в процессе формирования стабильной и единообразной практики его понимания и применения в деятельности судов и других правоохранительных органов. Особая роль в интерпретации уголовно-правовых норм принадлежит высшим судебным инстанциям, в частности, Конституционному Суду Российской Федерации.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ нечасто обращается к вопросам уголовного права, в его решениях содержатся важные правовые позиции, анализ которых позволяет судить о степени совершенства российского уголовного законодательства, а также определить круг вопросов, вызывающих трудности в практике его применения.

Ряд решений Конституционного Суда специально посвящены толкованию норм Общей части уголовного закона. Так, Судом была высказана крайне важная позиция о том, что установление уголовной ответственности допустимо лишь в случае, когда применение норм иных отраслей права является недостаточным либо несоразмерным содеянному. В частности, в определении от 10 июля 2003 года № 270-О [1] было указано, что уголовный закон, выступая в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение, распространяет свое действие лишь на те общественные отношения, регулирование которых с помощью норм иной отраслевой принадлежности оказывается недостаточным. В этом же определении Суд затронул вопрос о дейст-

* Аспирант кафедры Уголовного права и криминологии.

вии во времени бланкетных уголовно-правовых норм, разъяснив, что статья 10 УК РФ «не исключает возможность придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования». В развитие этой мысли Конституционный Суд отметил, что «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона, либо ограничения объема уголовно-правового регулирования в результате законодательного признания какого-либо деяния не представляющим общественной опасности, свойственной именно преступлениям, и влекущим на данном основании административную или иную более мягкую ответственность».

Принципиально новая позиция, касающаяся действия норм об обратной силе уголовного закона, была выработана Конституционным Судом в постановлении от 20 апреля 2006 года № 4-П [2]. Этим постановлением была устранена противоречивая практика применения ч. 2 ст. 10 УК РФ, когда одни суды принимали решения о сокращении наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, а другие – в соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [3] ограничивались сокращением наказания лишь до верхнего предела санкции нового уголовного закона. Выявив конституционно-правовой смысл ст. 10 УК РФ, Суд указал, что предписание ч. 2 этой статьи означает, что в связи с изданием нового уголовного закона, смягчающего ответственность, назначенное осужденному наказание подлежит сокращению в пределах, определяемых всей совокупностью норм УК РФ – и Особенной, и Общей частей в редакции нового закона. Ограничительное истолкование ч. 2 ст. 10 УК РФ как допускающей возможность снижения назначенного осужденному наказания только до верхнего предела санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ не соответствует буквальному смыслу данной нормы и не вытекает из положений ч. 2 ст. 54 Конституции РФ.

В определениях от 21 октября 2008 года № 489-О-О [4], от 20 ноября 2008 года № 779-О-О [5] и от 19 февраля 2009 года № 90-О-О [6] Конституционный Суд выразил позицию, согласно которой при определении категории преступления (ст. 15 УК РФ) следует исходить не из срока назначенного приговором суда наказания, а из максимального предела санкции конкретной статьи Особенной части УК РФ.

Актуальна позиция Конституционного Суда РФ по вопросу о возможности сохранения смертной казни в России. Ранее Суд своим постановлением № 3-П от 2 февраля 1999 года [7] рекомендовал судам общей юрисдикции временно не применять смертную казнь до образования во всех рес-

гонах страны судов с участием присяжных заседателей. С 1 января 2010 года такие суды были созданы во всех субъектах РФ, включая Чеченскую Республику. Поскольку законодателем смертная казнь не была исключена из уголовного закона, у судей появилась формальная возможность назначать данный вид наказания. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ обратился в высший орган конституционного контроля с просьбой дать разъяснение по существу ранее принятого им постановления. Конституционный Суд в своем определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р [8] пришел к выводу о том, что повсеместное введение суда с участием присяжных не влечет автоматического применения смертной казни, поскольку сохраняются другие условия для ее неприменения, к числу которых относятся сформировавшиеся в ходе длительного моратория на применение смертной казни устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым этому виду наказания, а также следование международно-правовым тенденциям и соблюдение обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, которые сделали необратимым процесс отмены смертной казни.

В целом не отрицая значимости высказанной в данном определении позиции как в правовом, так и в политическом плане, хотелось бы отметить то обстоятельство, что при толковании фактически произошла подмена одного основания в виде временного неприменения смертной казни другим основанием — ее полной отменой. В связи с этим, на наш взгляд, следует согласиться с особым мнением судьи Конституционного Суда Ю.Д. Рудкина, который считает, что правовая позиция, выраженная в постановлении № 3, не может быть истолкована иначе, как допустимость назначения наказания в виде смертной казни с момента образования судов присяжных заседателей на всей территории РФ. Иное толкование расходится со смыслом и содержанием постановления № 3, не соответствует заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязи между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод.

Вопросам дифференциации уголовной ответственности и назначения наказания посвящено определение Конституционного Суда от 19 февраля 2003 года № 72-О [9], в котором Суд указал, что поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, сконструирован как формально-материальный, то установление в санкции этой статьи наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни за покушение на убийство перечисленных в ней лиц не вступает в противоречие с нормой ч. 4 ст. 66 УК РФ, исключающей назначение этих наказаний лишь за приготовление к преступлению или покушение на него, но не за оконченный состав.

В своих определениях от 16 февраля 2006 года № 62-О [10] и от 24 июня 2008 года № 376-О-О [11] Конституционный Суд пришел к выводу о том, что при уклонении лица от исполнения наказания его замена на более стро-

гий вид, в том числе и не предусмотренный санкцией соответствующей статьи УК РФ, способствует обеспечению неотвратимости ответственности и, соответственно, ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ не нарушают конституционные права.

В отдельных решениях Конституционного Суда урегулированы вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания, вызывавшие трудности в судебной практике. В частности, проблеме условно-досрочного освобождения лиц, которым смертная казнь в порядке помилования была заменена на лишение свободы, посвящено определение от 11 июля 2006 года № 406-О [12], в котором Суд признал, что ст. 79 УК РФ с учетом её конституционно-правового смысла позволяет применять условно-досрочное освобождение от наказания к этой категории осужденных.

Ряд решений Конституционного Суда содержат правовые позиции, касающиеся вопросов амнистии, помилования и судимости. Например, в постановлении от 19 марта 2003 года № 3-П [13] Суд разъяснил, что положение ч. 2 ст. 86 УК РФ не распространяется в обязательном порядке на случаи освобождения от наказания в связи с актом амнистии. Определением от 8 июля 2004 года № 256-О [14] констатируется, что положение ст. 76 УК РФ, в соответствии с которым лицо, имеющее судимость, не подлежит освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, не выходит за рамки уголовно-правовых средств, которые законодатель вправе использовать в целях защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. В определении от 4 декабря 2007 года № 957-О-О [15] отмечается, что ч. 2 ст. 85 УК РФ не запрещено осуществлять помилование осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, поскольку освобождение от дальнейшего отбывания наказания предполагает освобождение не только от продолжения отбывания наказания, но и от отбывания наказания в будущем.

Значимыми для правоприменительной практики являются решения Конституционного Суда РФ, касающиеся правильности применения отдельных норм Особенной части УК РФ. Так, дефектность в формулировании законодателем диспозиции ч. 1 ст. 188 УК РФ (во взаимосвязи с примечанием к ст. 169 УК РФ) порождала ее неоднозначное истолкование правоприменителем. Исходя как из буквального смысла этой нормы, так и из смысла, придаваемого ей правоприменительной практикой, размер перемещаемой через таможенную границу РФ валюты признавался крупным исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в РФ без письменного декларирования. В результате, даже незначительное превышение суммы, разрешенной для ввоза в РФ без декларирования таможенному органу, могло повлечь уголовную ответственность. Конституционный Суд в своем постановлении № 8-П от 27 мая 2008 года «По делу о проверке конституционности положения час-

ти первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» [16] признал не соответствующей Конституции РФ норму ч. 1 ст. 188 УК РФ в той мере, в какой она позволяет при привлечении к уголовной ответственности за контрабанду, совершаемую путем перемещения недеklarированной или недостоверно декларированной иностранной валюты и (или) валюты РФ в крупном размере, признавать его таковым исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в РФ без письменного декларирования. Тем самым Судом была исключена возможность произвольного применения указанной нормы. Аналогичным образом был решен вопрос в постановлении Конституционного Суда РФ № 15-П от 13 июля 2010 года «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» [17] относительно ввозимых товаров, что позволяет при определении крупного размера исключать из всей их стоимости ту часть, которая в денежном выражении разрешена законом к ввозу без декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов. В этом же постановлении было указано, что при определении стоимости товара должна использоваться его таможенная стоимость, а не рыночная стоимость на территории РФ.

Определенные вопросы возникали при применении ст. 199 УК РФ. В связи с этим в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 года № 9-П [18] было разъяснено, что ст. 199 УК РФ может считаться конституционной лишь постольку, поскольку ею предусматривается ответственность только за умышленное деяние, совершенное с целью избежать уплаты налога в нарушение установленных налоговым законодательством правил и не связанное с использованием не противоречащих закону механизмов уменьшения налоговых платежей. Следует отметить, что ни одна из приведенных характеристик состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, в указанной статье прямо не предусмотрена и может быть выявлена только путем толкования, осуществленного в данном случае Конституционным Судом РФ.

В качестве ещё одного примера можно привести определение от 23 июня 2009 года № 896-О-О [19], в котором Конституционный Суд указал на допустимость квалификации по совокупности деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 208 и ч. 3 ст. 222 УК РФ, ссылаясь на то, что соответствующие деяния образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по тем или иным признакам, и могут совершаться вне связи друг с другом. При этом Суд уточнил, что указанные статьи не соотносятся между собой ни как часть и целое, ни как общая и специальная нормы.

В результате краткого анализа решений Конституционного Суда РФ можно заключить, что они занимают особое место в механизме уголовно-правового регулирования, поскольку содержат положения, непосредственно определяющие содержание норм уголовного закона с учетом Конституции РФ.

Список литературы:

1. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 № 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 5.

2. По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 18. – Ст. 2058.

3. О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 08.12.2003) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2955; Российская газета. – 30 дек. 2003.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крупецкого Сергея Львовича на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 489-О-О // СПС «Консультант Плюс».

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 № 779-О-О // СПС «Консультант Плюс».

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кривичкова Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 № 90-О-О // СПС «Консультант Плюс».

7. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в

действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 867.

8. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5867.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимирбулатова Салаудина Хасмагомádовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 57 и статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2003 № 72-О // СПС «Консультант Плюс».

10. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 62-О // СПС «Консультант Плюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ячменевой Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 49 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2008 № 376-О-О // СПС «Консультант Плюс».

12. По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 79 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 N 406-О // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 2. – Ст. 403.

13. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципаль-

ного (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 14. – Ст. 1302.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Каневского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 № 256-О // СПС «Консультант Плюс».

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Степиной Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 82 и 85 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 176 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 957-О-О // СПС «Консультант Плюс».

16. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

17. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 29. – Ст. 3983.

18. О проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова: Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П от 27 мая 2003 г. // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 24. – Ст. 2431.

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тазуркаева Ахмеда Сайдуловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 208 и частью третьей статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 896-О-О // СПС «Консультант Плюс».

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

© Цвилий-Букланова А.А.*

Омская академия МВД России, г. Омск

Статья посвящена принципам отечественного налогового контроля. Автор рассматривает две группы принципов: общие и специальные. Особое внимание уделяется анализу отдельных норм отечественного законодательства и материалам судебной практики, содержащим положения об отдельных признаках налогового контроля.

В современных условиях налоговый контроль занимает ведущее место в механизме налогового администрирования, налоговой системе и системе обеспечения налоговой безопасности, способствуя рациональному и действенному управлению налоговой системой, созданию условий ее благоприятного развития.

Налоговый контроль не только проверяет соблюдение исполнения налоговой обязанности, но и позволяет:

- приблизить уровень налоговых поступлений в бюджет к планируемому или потенциально возможному;
- сократить количество нарушений налогового законодательства;
- выявить резервы увеличения поступления налогов;
- повысить уровень налоговой дисциплины налогоплательщиков.

Результативность налогового контроля напрямую зависит от организационных аспектов деятельности, в частности, содержания контрольных мероприятий, элементов контроля и основополагающих принципов. Соблюдение принципов организации и функционирования налогового контроля – залог успешного решения поставленных задач.

В юридической литературе разные авторы рассматривают по несколько групп принципов. Например, Г.Г. Нестеров, Н.А. Попонина, А.В. Терзиди предлагают рассматривать две группы принципов: общие принципы (безвозмездность (бесплатность) осуществления; правомочность; профессионализм; определенность предмета контроля; координация и взаимодействие органов контроля; полнота; превентивность) и специфические принципы (соблюдение процессуальной формы; презумпция невиновности налогоплательщика; презумпция правоты налогоплательщика; соблюдение налоговой тайны; обеспечение оптимального сочетания фискальной и регулирующей направленности налогового контроля) [19, с. 32-33].

Иванова Е.В. к основополагающим началам налогового контроля относит принципы всеобщности; единства; территориальности; независимости; нейтральности и непрерывности налогового контроля [17, с. 32].

* Преподаватель кафедры Экономической теории и финансового права.

Яцков А.Ф. обобщает принципы налогового контроля в такие группы как общие (универсальные) принципы и принципы, носящие прикладной характер. К первой группе автор относит принцип независимости органов, осуществляющих налоговый контроль; объективности; гласности и компетентности налоговых органов; законности действий налоговых органов; разграничения функций проверяющих и самих органов, осуществляющих налоговый контроль. Ко второй группе автор причисляет следующие принципы: результативность контроля; четкость и логичность предъявляемых контролерами требований; неподкупность субъектов контроля; обоснованность и доказательность информации, приведенной в актах проверок и ревизий; превентивность (предупреждение вероятных финансовых нарушений); презумпция невиновности подозреваемых в финансовых преступлениях лиц; согласованность действий различных контролирурующих органов [21, с. 48-49].

Выделяя из общего числа принципов налогового контроля наиболее значимые, на наш взгляд, стоит учитывать «руководящие принципы», изложенные в Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой еще в 1977 г. на IX Конгрессе Международной организации высших контрольных органов [18].

На наш взгляд, объединение принципов в две группы весьма логично, если учесть, что в первую группу будут входить общие (общеправовые) принципы (характерные для налогового контроля как института налогового права), вторую группу будут составлять специальные принципы (свойственные налоговому контролю как части налогового администрирования).

Общие принципы налогового контроля

1. Законность. Принцип законности означает точное и неукоснительное соблюдение норм закона, руководство при принятии решений исключительно положениями действующего закона.

Как справедливо отмечает Д.Н. Бахрах, «понимание принципа законности единственно как строгое соблюдение предписаний законодательных актов и основанных на них предписаний иных правовых актов является односторонним. Закон, юридическая норма должна соответствовать уровню экономики, организационной зрелости, культуры, морально-этическим нормам. Законность – это, прежде всего, наличие достаточного количества юридических норм высокого качества, а затем их строгое соблюдение всеми субъектами права» [15, с. 601].

В действующем Налоговом кодексе РФ этот принцип находит подтверждение в ряде норм, например, пп. 10 п. 1 ст. 21 НК РФ, согласно которому налогоплательщик имеет право требовать от должностных лиц налоговых органов и иных уполномоченных органов соблюдения законодательства о налогах и сборах при совершении ими действий в отношении налогоплательщиков; пп. 11 п. 1 этой же статьи дает право налогоплательщику не вы-

полнять неправомерные акты и требования налоговых органов, иных уполномоченных органов и их должностных лиц, не соответствующие НК РФ или иным федеральным законам; п. 3 ст. 30, в соответствии с которым налоговые органы действуют в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством РФ; п. 1 ст. 32 НК РФ к числу обязанностей налоговых органов причисляет соблюдать законодательство о налогах и сборах и осуществлять контроль за соблюдением налогового законодательства, а также за соблюдением принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов.

О необходимости соблюдения налоговыми органами данного принципа свидетельствует судебная практика [1, 2, 6]. Как указал Конституционный Суд РФ, необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов в налоговой сфере как сфере властной деятельности государства предполагает возможность проверки законности соответствующих решений, принимаемых в ходе налогового контроля [3]. Другое положение – «Законность решения налогового органа должна оцениваться судом исходя из тех обязательных для представления в силу закона документов, которые на момент вынесения инспекцией решения были представлены налогоплательщиком для подтверждения обоснованности заявленных в декларации сумм налога» [5].

2. *Гласность.* Принцип гласности является общеправовым принципом деятельности государственных органов. Этот принцип означает открытость, публичность действий.

В законе (НК РФ) нет конкретной формулировки рассматриваемого нами принципа, однако содержатся нормы, в которых отражено его содержание. Так, например, п. 1 ст. 5 НК РФ содержит положения, согласно которым акты законодательства о налогах и сборах подлежат официальному опубликованию; в соответствии с пп. 8 п. 1 ст. 21 НК РФ налогоплательщик имеет право присутствовать при проведении выездной налоговой проверки; пп. 9 п. 1 ст. 21 НК РФ дает право получать копии акта налоговой проверки и решений налоговых органов, а также налоговые уведомления и требования об уплате налогов; в соответствии с пп. 15 п. 1 этой же нормы налогоплательщик имеет право на участие при рассмотрении материалов налоговой проверки или иных актов налоговых органов. В соответствии с п. 3 ст. 88 НК РФ, если камеральной налоговой проверкой выявлены ошибки в налоговой декларации (расчете) и (или) противоречия между сведениями, содержащимися в представленных документах, об этом сообщается налогоплательщику с требованием представить в течение пяти дней необходимые пояснения или внести соответствующие исправления в установленный срок.

Наконец, согласно п. 5 ст. 100 НК РФ акт налоговой проверки должен быть вручен лицу, в отношении которого проводилась проверка, или его представителю под расписку или передан иным способом, свидетельствующим о дате его получения указанным лицом.

Таким образом, принцип гласности налогового контроля предполагает консультирование, информирование и осведомленность налогоплательщика о проведении в отношении него тех или иных мероприятий налогового контроля и о полученных результатах. На особую значимость этого принципа в деятельности налоговых органов указывает положение ст. 101 НК РФ, согласно которому нарушение обеспечения возможности лица, в отношении которого проводилась налоговая проверка, участвовать в процессе рассмотрения материалов лично или через представителя является основанием для отмены решения налогового органа вышестоящим налоговым органом или признания судом такого решения недействительным.

В числе общеправовых принципов гласность связана с таким институтом налогового законодательства, как налоговая тайна (ст. 102 НК РФ), и, соответственно, с принципом соблюдения налоговой тайны.

3. Принцип соблюдения налоговой тайны. Основным назначением института налоговой тайны в налоговом праве является защита прав и интересов налогоплательщиков, которые согласно действующему законодательству предоставляют информацию о себе для обеспечения возможности налоговым органам осуществлять действенный контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Руководствуясь ст. 58 Конституции РФ, каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Соответственно, установленная в ст. 23 НК РФ обязанность налогоплательщиков предоставлять налоговым органам декларации, книги учета доходов и расходов, бухгалтерскую отчетность и другие документы выступает условием реализации конституционного принципа всеобщности налогообложения. С другой стороны, в ходе проведения мероприятий налогового контроля уполномоченным на то органам становятся известны факты, относимые к коммерческой, банковской, семейной, религиозной и другим видам тайн, правовая защита которых гарантируется нормами Конституции РФ.

Таким образом, можем констатировать, что в качестве сведений, относимых к налоговой тайне, признаются любые полученные налоговым органом сведения о налогоплательщике, за исключением тех данных, приведенных в пунктах 1-5 ч. 1 ст. 102 НК РФ. К налоговой тайне не относятся сведения, разглашенные налогоплательщиком самостоятельно или с его согласия; об идентификационном номере налогоплательщика; о нарушениях налогового законодательства и мерах ответственности за нарушения; сведения, предоставляемые правоохранительным органам других государств в соответствии с международными договорами (соглашениями).

Институт налоговой тайны, на наш взгляд, межотраслевой, потому что включает не только нормы налогового права, но непосредственно затрагивает и нормы других отраслей права, например, информационного права, уголовного права. Так ст. 183 Уголовного кодекса РФ предусматривает от-

ветственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

Не обходят вниманием данный принцип и суды. Например, Конституционный Суд в своем Определении указал, что специальный правовой статус сведений, составляющих налоговую тайну, закреплён исходя из интересов налогоплательщиков и с учетом соблюдения принципа баланса публичных и частных интересов в указанной сфере, поскольку в процессе осуществления налоговыми органами РФ своих функций, установленных Налоговым кодексом РФ и иными федеральными законами, в их распоряжении оказывается значительный объем информации об имущественном состоянии каждого налогоплательщика, распространение которой может причинить ущерб как интересам отдельных граждан, частная жизнь которых является неприкосновенной и охраняется законом, так и юридических лиц, чьи коммерческие и иные интересы могут быть нарушены в случае произвольного распространения в конкурентной или криминальной среде значимой для бизнеса конфиденциальной информации [4].

Сведения, подпадающие под категорию налоговой тайны, имеют специальный режим доступа и хранения. В налоговых органах существует система информационной безопасности, определяющая порядок доступа и порядок обращения с такими сведениями. На этапе отправления правосудия используется возможность суда рассматривать налоговые споры на закрытых заседаниях.

4. Объективность и достоверность налогового контроля. Принцип объективности предполагает, что выводы по результатам проверочных мероприятий должны соответствовать действительно установленным фактам, содержать всесторонний анализ, быть обоснованными и подтвержденными соответствующими материалами с точной и качественной информацией. В случае необходимости следует истребовать нужные документы, провести проверки, экспертизы и принять другие меры для объективного разрешения дела. Все действия должностных лиц налогового органа при осуществлении мероприятий налогового контроля должны быть оформлены документально и основываться исключительно на нормах закона. Так, в частности, в пп. 12 п. 3 ст. 100 НК РФ акцентируется внимание на необходимости отражения в акте налоговой проверки документально подтвержденных фактов нарушений законодательства о налогах и сборах, выявленные в ходе проверки. В соответствии с п. 8 ст. 101 НК РФ решение, вынесенное по результатам рассмотрения материалов проверки, должно соответствовать фактически существующим обстоятельствам, выявленным в ходе проведения мероприятий налогового контроля, и содержать вывод о соответствии или несоответствии налоговому законодательству действий налогоплательщика.

Кроме того, принцип объективности и достоверности не допускает вынесение решений по налоговым проверкам на основании противоречивых

фактов, каких-либо подозрений и предположений. С учетом этого принципа налогоплательщики вправе требовать непредвзятого отношения от проверяющих при осуществлении налоговыми органами контрольных мероприятий. В подтверждение этого п. 3 ст. 33 НК РФ в числе обязанностей должностных лиц налоговых органов выделяет обязанность корректно и внимательно относиться к налогоплательщикам. П. 7 ст. 3 НК РФ устанавливает презумпцию толкования в пользу налогоплательщика всех неустранимых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах и сборах, тем самым, защищая его от ведомственного произвола. Кроме того, в п. 6 ст. 108 НК РФ закреплено, что все неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к налоговой ответственности, толкуются в пользу этого лица.

По мнению Т.А. Бетиной, «принцип объективности обеспечивает обоснованность и достоверность аналитических оценок для целенаправленного контроля, а также снижает степень субъективизма при принятии решений налоговым инспектором» [16]. Автор под объективностью и достоверностью налогового контроля понимает следующие составляющие:

- полноту сведений налогоплательщика;
- обоснованность и полноту используемого для анализа объема и состава данных;
- достоверность используемой информации;
- автоматизированный обмен информацией между разными подразделениями налоговых органов, между налоговыми и другими ведомствами;
- наличие единой для налоговых органов методологической, информационно-аналитической и программно-методической базы [16].

К сожалению, помимо норм, отражающих содержание принципа объективности и достоверности налогового контроля, есть факты, противоречащие этому. Например, в НК РФ не содержится четкого перечня должностных лиц, которые могут входить в состав проверяющей группы, назначенной для реализации повторной выездной налоговой проверки. Поэтому налоговые органы на основании постановления вышестоящего налогового органа о проведении повторной выездной налоговой проверки в порядке контроля иногда включали в состав проверяющей группы, помимо сотрудников вышестоящего налогового органа, сотрудников нижестоящего налогового органа из числа должностных лиц налогового органа, проводивших первоначальную выездную налоговую проверку. По нашему мнению, повторное привлечение инспекторов, которые уже проводили выездные проверочные мероприятия у налогоплательщика (организации) не способствует соблюдению принципа объективности налогового контроля.

Специальные принципы налогового контроля

В отличие от общих принципов налогового контроля принципы специальные (принципы практического характера) не получили своего норматив-

ного закрепления за редким исключением. Представляется, что в числе специальных принципов налогового контроля следует выделять:

- принцип экономической целесообразности налогового контроля;
- принцип эффективности;
- принцип презумпции невиновности подозреваемых в нарушениях налогового законодательства;
- превентивности вероятных налоговых правонарушений;
- координации и согласованности действий налоговых органов и иных органов, наделенных полномочиями по осуществлению налогового контроля.

1. Принцип экономической целесообразности налогового контроля.

Налоговое законодательство не использует понятие экономической целесообразности налогового контроля. Однако на практике такая формулировка встречается нередко.

Соблюдение критерия экономической целесообразности означает соответствие целей контроля и затраченных средств. Объясним представленную позицию. Ежегодно содержание налоговых органов неуклонно растет, соответственно, показатели эффективности налогового ведомства тоже должны расти. Для минимизации издержек в ходе проведения контрольных мероприятий ФНС России предпринимает различные меры: нормотворческие, организационные.

Невозможно проверить одновременно всех налогоплательщиков, поэтому необходим специальный отбор. В подтверждение рассматриваемого нами принципа с 2007 года существует Концепция системы планирования выездных налоговых проверок [8], которая содержит информацию о планах по выездным налоговым проверкам. На сегодняшний день это открытый процесс, построенный на отборе налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок по критериям риска совершения налогового правонарушения, в том числе общедоступным критериям риска. Из положений Концепции для добросовестных налогоплательщиков предусмотрены отсрочки в проведении выездной налоговой проверки. Недобросовестные налогоплательщики, в отношении которых у налогового органа имеются сведения об уклонениях от налогообложения, всевозможных схемах ухода от налогов, попадают в первоочередной список проверяемых.

В настоящее время проблема соблюдения критерия экономической целесообразности является одной из самых актуальных. Данный принцип очень тесно связан с принципом эффективности (результативности) налогового контроля.

2. Эффективность налогового контроля. Эффективность осуществления налогового контроля во многом определяет уровень налоговой безопасности, пополнение доходов бюджета, в результате наличие достаточных средств дает возможность органам власти и управления осуществлять ме-

роприятия по нейтрализации угроз безопасности. Некоторые авторы под данной особенностью подразумевают отношение результатов налогового контроля к величине затрат [19, с. 27], другие считают, что эффективность зависит от того, насколько структура систем контроля, организация и методы контрольной деятельности соответствуют законам в контрольной сфере [19, с. 27; 17, с. 11]. В рамках нашего исследования оценке эффективности контрольной работы будет уделено особое внимание в отдельном параграфе диссертационного исследования.

3. Презумпция невиновности налогоплательщика.

Презумпция невиновности – относительно новый правовой институт. Еще совсем недавно не было нормативно закрепленных процедур налогового контроля, привлечения лица к ответственности. И на практике действовал скорее принцип «презумпции виновности».

Принцип презумпции невиновности налогоплательщика вытекает из ст. 49 Конституции РФ и п. 6 ст. 108 НК РФ. Он означает следующее:

- каждый налогоплательщик считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке;
- обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы;
- неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Как справедливо отмечает А.В. Брызгалин и ряд других авторов (В.Р. Берник, А.Н. Головкин, Е.В. Прудис, И.В. Мамонова, С.А. Черепанов, М.М. Халитова, Е.С. Юшков, И.В. Махерова, С.В. Ротко, Д.А. Тимошенко.): «Отказ от презумпции невиновности будет означать отказ от принципов правового государства (п. 1 ст. 1 Конституции РФ) и принципов справедливого налогообложения» [20].

4. Принцип превентивности налоговых правонарушений. В деятельности налоговых органов, к сожалению, данному принципу уделяется мало внимания. Согласно толкового словаря «превентивный» означает предупреждающий что-либо, предохранительный. Соответственно, для налогового контроля принцип превентивности означает, что лучше предотвратить возникающие угрозы, чем разрешать и обеспечивать нейтрализацию их негативных последствий.

Регулярное проведение контрольных мероприятий налоговыми органами и наличие возможности налоговых санкций за противоправное поведение фактически вынуждает налогоплательщика соблюдать налоговое законодательство, для добросовестных налогоплательщиков служит профилактикой нарушений налогового законодательства. В принудительном характере погашения задолженностей нетрудно убедиться, достаточно

проанализировать результаты контрольной работы налоговых органов и суммы ежегодно доначисленных налогов по итогам налоговых проверок по отношению к суммам задолженности в бюджет.

Таблица 1

Состояние доходов бюджета РФ за период 2000-2010 гг.

Год	Доходы консолидированного бюджета РФ, млрд. руб.	Налоговые доходы, млрд. руб.	Задолженность по налогам и сборам в бюджетную систему РФ, млрд. руб.	Задолженность в %	Доначисления налоговыми органами РФ сумм налогов по результатам проверок, млрд. руб.
2000	2097,7	1707,6	371,6	21,76	211,1
2001	2683,7	2345,0	461,7	19,69	207,2
2002	3519,2	3136,8	475,0	15,14	170,2
2003	4138,7	3735,2	520,5	13,90	235,2
2004	5429,9	4942,1	522,4	10,57	285,5
2005	8579,6	7331,1	892,0	12,17	377,59
2006	10625,8	8777,8	754,2	8,59	460,48
2007	13368,3	10589,1	757,4	7,15	454,52
2008	16003,4	10032,8	559,1	5,57	467,95
2009	13599,7	6288,3	675,4	10,74	550,02
2010	15555,7	7695,8	703,4	9,14	153,14

Источник: Составлено с использованием материалов: Российский статистический ежегодник / Под ред. В.Л. Соколина. – М., 2008. – С. 637-642; Россия в цифрах. – М., 2008. – С. 365, 367; Россия в цифрах. – М., 2009. – С. 402; Финансы России. – М., 2008. – С. 22-25, 26-27, 38; Кузнецов А.Ю. Развитие налогового контроля в системе налогового администрирования в России: дисс. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2005. – С. 26; Структура задолженности по налоговым платежам и сборам в консолидированный бюджет РФ на 1 января 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin24.htm (дата обращения: 01.03.2011).

К тому же о положительных результатах и законно принятых решениях налоговыми органами свидетельствуют результаты рассмотрения в судебном порядке налоговых споров. Обратимся сначала к периоду 2000-2005 гг. По официальным данным, в это время существенно увеличился процент признания законными и обоснованными решений налоговых органов, в разрезе оспариваемых налогоплательщиками сумм доначисленных налогов, пеней и штрафов [14]. В 2009 году положение дел выглядит следующим образом. За рассматриваемый период в судах I инстанции было рассмотрено 3 842 790 судебных дел с участием налоговых органов. Показатель весьма внушителен, однако в последующем, судом апелляционной инстанции было пересмотрено 0,3 % дел, судом кассационной инстанции – 66,4 % дел после апелляции. Из всего количества рассмотренных дел в суде 3 788 775 дел (98,6 %) рассмотрены в пользу налоговых органов. Из общего числа решений, вынесенных налоговым органом по результатам налогового контроля, равного 3 409 058 – 7 667 решений, т.е.

0,23 % признаны судом недействительными. Цифра, казалось бы, незначительная, однако к ней следует добавить и решения, признанные судом частично действительными: 6 532 (0,19 %).

Итак, с одной стороны, количество выигранных дел налоговыми органами и размер сумм к взысканию свидетельствуют о профессионализме работников налоговых органов и одновременно эффективности их действий; с другой стороны, такое большое количество обращений налогоплательщиков в суд может быть следствием злоупотреблений налоговых органов, недобросовестного исполнения своих обязанностей, стремлением к количественному результату проверок, вследствие этого, как результат – завышения сумм, подлежащих взысканию, необоснованные санкции для налогоплательщиков.

Налоговые органы должны проводить профилактические мероприятия в целях предупреждения возникновения новых правонарушений. К таковым мерам можем отнести работу со средствами массовой информации, позволяющих довести до населения сведения по вопросам налогообложения, данные об уровне задолженности по налогам и сборам в бюджеты соответствующих уровней, информацию об ответственности за совершение налоговых правонарушений и практике привлечения виновных. К превентивным мерам стоит относить издание нормативных актов, действие которых позволит повысить дисциплинированность налогоплательщиков по исполнению своих конституционных обязанностей. Например, «Регламент организации работы с налогоплательщиками, плательщиками сборов, страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и налоговыми агентами» [9]; рассматриваемая выше «Концепция системы планирования выездных налоговых проверок»; «Общедоступные критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемые налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок» [11] и пр.

В целом сама проверочная деятельности носит не только фискальный характер, но и превентивный. Нежелание быть подвергнутыми налоговым проверкам в некоторой степени заставляет налогоплательщиков быть законопослушными.

5. Принцип координации и согласованности действий налоговых органов с другими государственными органами. В целях решения поставленных задач при проведении контрольных мероприятий, а также для реализации итоговых результатов проверок, в частности, при выявлении нарушений действующего законодательства, налоговые органы тесно взаимодействуют с другими государственными министерствами и ведомствами. Например, при выяснении обстоятельств, позволяющих полагать о наличии в действиях проверяемого признаков преступления, налоговые органы обязаны направить материалы в органы внутренних дел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 3 ст. 32 НК РФ). Кроме того,

взаимодействие с МВД России осуществляется в форме планирования и проведения совместных мероприятий по обеспечению соблюдения налогового законодательства; через взаимный информационный обмен; совместные экспертизы и консультации по вопросам разработки нормативной правовой базы и др. [7, 12].

ФНС также тесно сотрудничает с Федеральной таможенной службой, Федеральной службой судебных приставов [13], Федеральной миграционной службой [10]. Основой их взаимодействия является обеспечение контроля за соблюдением налогового законодательства, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующие бюджеты налогов, сборов и иных обязательных платежей. В соответствии с п. 3 ст. 82 НК РФ «налоговые органы, таможенные органы, органы внутренних дел в порядке, определяемом по соглашению между ними, информируют друг друга об имеющихся у них материалах о нарушениях законодательства о налогах и сборах и налоговых преступлениях, о принятых мерах по их пресечению, о проводимых ими налоговых проверках, а также осуществляют обмен другой необходимой информацией в целях исполнения возложенных на них задач».

Многоаспектность и разнообразие форм налогового контроля требует отражения в законе принципов его осуществления, независимо от субъектного состава. Действующее законодательство о налогах и сборах, к сожалению, не содержит нормативно закрепленных принципов налогового контроля. Поэтому считаем целесообразным внести дополнения в ст. 82 НК РФ и закрепить следующие основополагающие принципы налогового контроля: 1) законность; 2) гласность; 3) принцип соблюдения налоговой тайны; 4) объективность и достоверность налогового контроля. А также принципы практического характера: 1) принцип экономической целесообразности налогового контроля; 2) принцип эффективности; 3) презумпции невиновности налогоплательщиков; 4) превентивности вероятных налоговых правонарушений; 5) принцип координации и согласованности действий налоговых органов с другими государственными органами.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2009 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Варм» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение КС РФ от 18 января 2005 г. № 130-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение КС РФ от 16 марта 2006 г. № 70-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение КС РФ от 30 сентября 2004 г. № 317-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ламбина А.И. на нарушение

его конституционных прав статьей 102 Налогового кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение ВАС РФ от 5 августа 2008 г. № 9756/08 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление ФАС МО от 16 марта 2005 г. № КА-А41/1740-05 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Приказ МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» // Российская газета. – 16 сентября 2009. – № 173.

8. Приказ ФНС РФ от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (в ред. Приказа ФНС России от 14 ноября 2008 г. № ММ-3-2/467@) // Документы и комментарии. – 13 июня 2007.

9. Приказ ФНС РФ от 09 сентября 2005 г. № САЭ-3-01/444@ «Об утверждении Регламента организации работы с налогоплательщиками, плательщиками сборов, страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и налоговыми агентами» (в ред. Приказа ФНС РФ от 26 декабря 2008 г. № ММ-3-4/687@) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Приказ ФМС РФ от 27 сентября 2010 г. № 290 «Об утверждении Порядка взаимодействия ФМС России и ФНС России при предоставлении налоговыми органами информации по запросам ФМС России» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 01.11.2010 N 18867) // Российская газета. – 12 ноября 2010. – № 256.

11. Приложение №2 к Приказу ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (в ред. Приказа ФНС России от 22 сентября 2010 г. № ММВ-7-2/461@) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Соглашение о взаимодействии между Министерством внутренних дел РФ и Федеральной налоговой службой от 13 октября 2010 г. утв. МВД РФ № 1/8656, ФНС РФ № ММВ-27-4/11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Соглашение ФНС РФ № ММ-25-1/9, ФССП РФ № 12/01-7 от 9 октября 2008 г. «О порядке взаимодействия Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов при исполнении постановлений налоговых органов и иных исполнительных документов» (ред. от 29 апреля 2010 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Анализ рассмотрения налоговых споров в судебном порядке за 2000-2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nalog.ru-document.php?id=22664&topic=nal_statistik (дата обращения: 27.11.2008).

15. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. – М., 2001. – С. 601.

16. Бетина Т.А. Причины несовершенства налогового контроля в российской практике. Концепция предпроверочного контроля на основе зарубежного опыта и специфических особенностей экономики Российской Федерации // Налоговый вестник. – 2002. – № 11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Иванова Е.В. Совершенствование методики оценки эффективности налогового контроля: дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2008. – С. 32.

18. Лимская декларация руководящих принципов контроля, 1977 г.: Принята IX Конгрессом Международной организации высших контрольных органов (ИНТОСАИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1269694> (дата обращения: 03.08.2008).

19. Налоговый контроль: учеб. пособие / Г.Г. Нестеров, Н.А. Попонова, А.В. Терзиди. – М., 2009. – С. 32-33.

20. Тематический выпуск: Налоговая ответственность: общие условия. Учет торговых операций // Налоги и финансовое право. – 2008. – № 10.

21. Яцков А.Ф. Налоговая система и налоговый контроль на субфедеральном уровне: дисс. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2004. – С. 48-49.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
Выпуск 19
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Подписано в печать 07.10.2011. Формат 84×60X1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. ?? Печ. л. ??? Заказ ???

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
(г. Новосибирск)

С целью оказания помощи в опубликовании результатов научно-исследовательских работ профессорско-преподавательского состава, молодых ученых, аспирантов и магистрантов проводит *конференции*, готовит к выходу *сборники научных трудов* «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ», а также осуществляет подготовку и публикацию коллективных научных *монографий* по различным областям знаний.

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить на сайте <http://www.ZRNS.ru>, по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: monography@ngs.ru
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!